МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

1462

ВОПРОСЫ ПРАВА

Журналъ Научной Юриспруденціи

1911 г. Книга V (1).

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

ИЗДАВАЕМЫЙ при ближайшемъ участіи:

А. С. Алексѣева, А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, Б. А. Кистяковскаго, И. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна, А. Л. Форштетера и В. М. Хвостова.

МОСКВА.
1911.

ИЗДАНІЯ,

поступившія въ редакцію журнала „Вопросы Права“ для отзыва.

Магазинеръ, Я. М. Чрезвычайно-указное право въ Россіи (ст. 87 Осн. Зак.). Приложенія: I. Практика чрезвычайно-указнаго права въ Россіи. II. Нормы иностраннаго права, аналогичныя ст. 87-й. С.-Петербургъ. 1911 г. Ц. 1 руб. Стр. 172.

Червонецкій, Д. А. прив.-доц. Мошенничество по Уголовному Уложенію. Юрьевъ. 1906 г. Безъ цѣны. Стр. 25.

— Предметъ и задачи науки уголовно-судебнаго права. Вступительная лекція, прочитанная въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 15-го сентября 1909 года. Юрьевъ. 1910 года. Безъ цѣны. Стр. 18.

Дроздовъ, В. П. Крестьянскіе законы. Выпускъ I. Права крестьянъ на землю. Выпускъ II. Личныя, семейныя и наслѣдственныя права крестьянъ. Москва. 1910 г. Цѣна каждаго выпуска 10 коп. Съ пересылкой 12 коп. Стр. 39 и 44.

Астровъ, П. И. Право на трудъ и права на здоровье. Изъ журнала „Вѣстникъ права и нотаріата“. Москва. 1910 года. Безъ цѣны Стр. 88.

Энгель Генрихъ. Очерки теоріи общества и права. С.-Петербургъ. 1910 г. Цѣна 50 коп. Стр. 80.

Числовъ, П. И. прив.-доц. Московск. Импер. Университета, преподаватель Алексѣевскаго Военнаго Училища. Современное право войны (пособіе къ лекціямъ въ военныхъ училищахъ). Москва. 1910 г. Цѣна 75 коп. Стр. 100+IV.

Филипповъ, А. Н., проф., Депутаты Екатерининской Комиссіи и Правительствующій Сенатъ. (Изъ „Журн. Министерства Юстиціи“—сентябрь и октябрь 1910 г.). С.-Петербургъ. 1910 г. Цѣна 50 к. Стр. 54.

Матеріалы по вопросу о введеніи суда съ присяжными засѣдателями въ Терской области и объ учрежденіи Окружнаго Суда въ городѣ Пятигорскѣ. Изданіе Пятигорской Юридической Консультаціи подъ редакціей Комитета Консультаціи. Пятигорскъ. 1911 г. Цѣна 50 коп. Стр. 50. Съ приложеніемъ карты проектируемаго Пятигорскаго Окружнаго Суда.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГА

НОВАЯ КНИГА

Проф. Г. С. Фельдштейнъ.

Главныя теченія въ исторіи науки уголовнаго права въ Россіи.

Яросл. 1909. Стр. XIII+668+X.

Цѣна 3 р. 50 коп.

Книга „Вопросовъ Права“,

имѣющая выйдти въ октябрѣ 1911-го года, будетъ посвящена памяти Сергѣя Андреевича Муромцева.

ВОПРОСЫ ПРАВА

Журналъ Научной Юриспруденціи

1911 г. Книга V (1).

ИЗДАВАЕМЫЙ

при ближайшемъ участіи:

А. С. Алексѣева, А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, Б. А. Кистяковскаго, И. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна, А. Л. Форштетера и В. М. Хвостова.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

МОСКВА.
1911.

Типо-лит. Т-ва **Владиміръ Чичеринъ** въ Москвѣ, Марьинскій уч., соб. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Н. Н. Алексѣевъ. Естественное право и историзмъ 1

Бар. С. А. Корфъ. Государственное устройство Канады:

I. Исторія канадской конституціи 5

II. Актъ 1867 года. Организація властей 19

III. Государственность Канады 57

IV. Заключеніе 98

П. И. Люблинскій. Полицейскіе суды въ Англіи (по поводу реформы мѣстнаго суда) 104

С. В. Познышевъ. Новая тюрьма въ Брюсселѣ 174

Н. Н. Розинъ. Къ вопросу о значеніи свидѣтельскихъ показаній. (Опытъ) 181

Г. Я. Закъ. Къ вопросу о наказуемости шантажа по русскому праву 188

Протоколъ общаго собранія Московскаго Юридическаго Общества 1-го ноября 1910 года 197

Протоколъ общаго собранія Московскаго Юридическаго Общества 15-го ноября 1910 года 212

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ:

Бар. С. А. Корфъ. Административная юстиція въ Россіи, т. I и II. Спб. 1910 г. Л. А. Шалландъ 219

Я. М. Магазинеръ. Чрезвычайно-указное право въ Россіи (ст. 87 Осн. зак.). С.-Петербургъ. 1911. А. С. Тагеръ. 231

Бар. А. Л. Фрейтагъ-Лоринговенъ. Отвѣтъ Т. М. Яблочкову... 235

Естественное право и историзмъ [1]).

Въ исторіи политическихъ ученій твердо установилось и не менѣе твердо держится одно мнѣніе, которое, по причинѣ его общепризнанности, я рѣшился бы даже назвать научной догмой. Это мнѣніе, если характеризовать его наиболѣе существенныя черты, можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: всѣ философско-правовыя ученія, обыкновенно именуемыя теоріями естественнаго права въ широкомъ смыслѣ этого слова, были сплошь абстрактны по своимъ взглядамъ, абсолютны по своимъ сужденіямъ и, главное, *совершенно анти-историчны по своему духу;* только въ XVIII в., благодаря общему перелому міровоззрѣнія, возникли историческія теоріи, принципы которыхъ, будучи внесены въ юридическую и политическую доктрину, привили здѣсь постепенно духъ практическаго реализма и историческаго пониманія и, наконецъ, только исторической школѣ юристовъ удалось болѣе или менѣе освободить юриспруденцію отъ отвлеченнаго духа естественно-правовыхъ спекуляцій, удалось свести ее съ уровня безплодныхъ умозрѣній на конкретную почву исторической дѣйствительности.

Эта догма объ анти-историческомъ характерѣ естественнаго права, будучи, какъ я уже сказалъ, общепризнанной, принимаетъ у различныхъ ученыхъ различную формулировку, но чаще всего можно услышать мнѣніе, что естественно-правовыя ученія противоположны историческому духу, такъ какъ они строятся по формулѣ: *„право для всѣхъ временъ и народовъ“*. И притомъ, ставя вопросъ такимъ образомъ, хотятъ прежде всего подчер-

---

[1]) Основаніемъ этой статьи послужила лекція, прочитанная мною въ Московскомъ университетѣ для полученія званія приватъ-доцента. Я измѣнилъ здѣсь нѣсколько ея текстъ и снабдилъ его необходимыми примѣчаніями.

кнуть, что естественно-правовымъ ученіямъ совершенно чужда была идея исторической измѣнчивости. Естественно-правовая доктрина, согласно этому взгляду, стремилась построить систему идеальныхъ нормъ, не только обладающихъ абсолютной, независящей отъ условій мѣста и времени цѣнностью, но и абсолютно-пригодныхъ во всѣ времена и при всѣхъ условіяхъ. Подобная система нормъ призвана была замѣнить собой измѣнчивое и случайное положительное право. Въ этихъ идеяхъ справедливо усматриваютъ непримиримое противорѣчіе съ основными принципами современнаго историческаго міросозерцанія и отсюда совершенно послѣдовательно дѣлаютъ выводъ, что основанія этого послѣдняго зародились, такъ сказать, *по ту сторону естественно-правовой доктрины*, за ея предѣлами, въ сферахъ, совершенно ей враждебныхъ [1]). Слѣдуетъ упомянуть, что этотъ общепризнан-

---

[1]) Вся современная литература по естественному праву насквозь пропитана подобными воззрѣніями, въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто не хочетъ закрывать глаза передъ фактами. И интереснѣе всего то, что подобныхъ взглядовъ придерживаются не только нынѣ многочисленные противники естественнаго права. И новѣйшіе сторонники послѣдняго для которыхъ естественно-правовая доктрина не есть явленіе, лежащее цѣликомъ въ прошломъ, но и символъ возрожденія современной юриспруденціи, цѣликомъ принимаютъ упрекъ въ анти-историчности естественно-правовыхъ ученій. „Одно общее мнѣніе"—говоритъ Штаммлеръ—„лежало въ основѣ всѣхъ этихъ попытокъ: предполагалось, что, въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ о такихъ правовыхъ положеніяхъ, которыя должны обладать *неизмѣннымъ содержаніемъ*, и послѣднее должно быть безусловно пригоднымъ *для всѣхъ странъ и временъ*". „*Хозяйство и право*", пер. І. Давыдова, т. І., стр. 179.—По мнѣнію одного новѣйшаго философа, котораго никакъ нельзя заподозрить въ сочуствіи къ идеямъ историзма и натурализма, *Э. Ласка* „естественное право есть раціональная метафизика *и анти-историзмъ*." Ср. „Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts" Festschrift für K. Fischer, Философія права, по словамъ автора новѣйшей монографіи по естественному праву, Salvadori, „in ihren Untersuchungen der letzten Gründe des Rechts—diese in der Menschlichen Natur, hypothetich und abstrakt betrachtet, zu finden verlangte, und geglaubt hatte, in dieser Weise Rechtsprinzipien festsetzen zu können, *die für jede Zeit und jeden Ort gelten und dieselbe Allgemeinheit und Unveränderlichkeit* haben sollten, wie die Gesetze der menschlichen Vernunft, von welcher sie dieselben ableiten zu können glaubte". Ср. *Das Naturrecht und der Eintwicklungsgedanke*" s. 8—9; также s. 10.—Интересную, въ этомъ отношеніи, формулировку естественно правовой теоріи находимъ мы въ „*Лекціяхъ по энциклопедіи права*" кн. *Е. Н. Трубецкого*. По его мнѣнію, доктрина естественнаго права въ лицѣ ея родоначальника Гуго Гроція, стремилась построить цѣлый кодексъ абстрактныхъ и апріорныхъ правилъ, которыя „должны *замѣнить совершенно право положительное и которыя*, благодаря своему соотвѣтствію съ разумомъ, *преподаны для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ при всѣхъ историческихъ условіяхъ*". Въ извѣстной книгѣ проф. *П. И. Новгородцева, Историческая школа юристовъ*, Москва, 1896, еще проводится подобное воззрѣніе на естественное право; однако я вполнѣ обязанъ П. И. Новгородцеву въ постановкѣ настоящей темы, такъ же какъ и въ выполненіи нѣкоторыхъ ея деталей. Упреки въ анти-историчности естественно-правовыхъ ученій, исходящіе отъ принципіальныхъ противниковъ естественнаго права,

ный въ наукѣ взглядъ, сколько мы знаемъ, никогда не былъ предметомъ особаго изслѣдованія. Естественно-правовыя теоріи за рѣдкими исключеніями принадлежатъ къ числу, если можно такъ выразиться, сданныхъ въ архивъ и отчасти уже позабытыхъ ученій, и мнѣніе объ ихъ анти-историчности высказывается, обыкновенно, какъ научная традиція, завѣщанная той критикой, которую столь сокрушительно выполнила нѣкогда историческая школа юристовъ. Вотъ это-то обстоятельство и служитъ лучшимъ оправданіемъ задачи, которую мы здѣсь поставили. Именно, несмотря на общепризнанность этого мнѣнія, несмотря на научный авторитетъ его сторонниковъ, мы все же рѣшились подвергнуть его сомнѣнію. Дѣйствительно ли естественно-правовыя ученія строились по формулѣ: „право для всѣхъ временъ и народовъ?". Дѣйствительно ли въ нихъ совершенно отсутствовала идея исторической измѣнчивости? Не можетъ ли внимательное изученіе естественно-правовыхъ теорій открыть въ нихъ элементы, находящіеся въ прямомъ согласіи съ требованіями историческаго духа? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ возможно только путемъ фактическаго изученія естественно-правовыхъ теорій. Останавливаясь на важнѣйшихъ изъ нихъ, мы попытаемся вскрыть нѣкоторыя ихъ стороны, затемненныя до сихъ поръ крѣпкимъ предразсудкомъ объ анти-историческомъ характерѣ естественнаго права.

Догма объ анти-историческомъ характерѣ естественно-правовыхъ теорій создалась главнымъ образомъ какъ реакція противъ естественно-правовой доктрины новаго времени. Поэтому намъ придется подробнѣе остановиться на этой послѣдней и только въ болѣе общихъ чертахъ коснуться политическихъ теорій древности; а ихъ нельзя пройти молчаніемъ, такъ какъ ученіе объ естественной справедливости, естественномъ законѣ и естественномъ

всѣмъ извѣстны и не нуждаются въ подробныхъ указаніяхъ. Приведу въ качествѣ примѣра мнѣніе *Коркунова*, который называетъ естест.-правов. школу *„отвлеченнымъ направленіемъ, чуждымъ исторической почвы, чуждымъ живому пониманію дѣйствительности"*. *„Исторія фил. пр."* изд. 4-е. Въ заключеніе не могу не упомянуть мнѣнія одного новѣйшаго автора, которому удалась до извѣстной степени классическая формулировка разбираемаго нами взгляда: „Diese Unveränderlichkeit ist eine Bedingung des Naturrechts sine qua non... *Das Naturrecht mit wechselendem Inhalt... ist ganz einfach eine contradictio in adjecto*". *Makarewiz*, „Moderne Aufgabe der Rechtsphilosophie". „Zeitschrf. f. pr. u. offent R." Bd. 33, 1906, s. 242 Nt.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КАФЕДРА В. Ж. К.

правѣ столь же старо, какъ и сама политическая философія. Интересно отмѣтить, что первый изъ людей, который, по свидѣтельству Аристотеля, не занимаясь государственными дѣлами, рѣшился сказать свое слово о лучшемъ государственномъ устройствѣ [1]),—Гипподамъ Милетскій,—разсуждалъ уже о томъ, что̀ такое совершенство, вытекающее изъ *природы*, и совершенъ ли *по природѣ* своей человѣкъ? [2]). И не менѣе интересно отмѣтить еще и то, что, сколь ни отрывочны свѣдѣнія о политической философіи Гипподама, все же мы можемъ сказать, что его идеальныя формулы не были лишены нѣкоторыхъ элементовъ, способныхъ къ исторической индивидуализаціи. Наилучшей формой государственнаго устройства Гипподамъ считалъ монархію, но ошибочно думать, что для него монархія есть форма правленія, годная для всѣхъ временъ, для всѣхъ народовъ и при всѣхъ историческихъ условіяхъ. Монархія, какъ думаетъ Гипподамъ, наиболѣе приближается къ божественнымъ установленіямъ и ее съ трудомъ могутъ охранять люди. „Поэтому не слѣдуетъ ею *пользоваться при всѣхъ условіяхъ*, но по мѣрѣ возможности и въ случаяхъ полезныхъ для государства“ [3]). Такъ конкретныя условія ограничиваютъ у Гипподама абсолютныя притязанія идеальной формулы. Но мы можемъ сказать болѣе: по мнѣнію Гипподама, фактическій порядокъ вещей бываетъ таковъ, что къ нему вообще не приложимы идеальныя положенія человѣческаго разума. „Все смертное“—говоритъ Гипподамъ—„въ силу естественной необходимости подчинено измѣненіямъ и переходитъ или отъ худшаго состоянія къ лучшему или отъ лучшаго къ худшему. Рождаясь, вещи начинаютъ расти и, выросши, вступаютъ въ періодъ возмужалости; возмужавъ же, старѣютъ и, наконецъ, гибнутъ“ [4]). — Когда людскія установленія проходятъ конечныя стадіи этого процесса, могутъ ли исправить ихъ идеальныя концепціи и планы политическихъ преобразованій?

Обычно Платона считаютъ родоначальникомъ край-

---

[1]) Ср. *Aristoteles*, Politik von F. Jusemihl, II, 5: „πρῶτος τῶν μὴ πολιτευομένων ἐνεγείρησέ περὶ πολιτείας εἰπεεῖν τῆς ἀρίστης“.
[2]) Ср. *Mullachius*, Fragmenta philosophorum graecorum. v. II, p. 9.
[3]) Ibid. p. 14.
[4]) Ibid. p. 14.

няго идеализма, совершенно отрѣшеннаго отъ всякой связи съ конкретной исторической дѣйствительностью [1]). Однако, насколько вообще Платонъ опередилъ своихъ современниковъ, настолько и историческіе элементы въ значительно развитомъ видѣ заключаются въ его политической теоріи. И прежде всего идеальныя формулы Платона не стремятся упразднить всѣ индивидуально-историческіе элементы человѣческихъ правоотношеній. Платонъ указываетъ цѣлый рядъ фактовъ, которые не могутъ быть заранѣе предусмотрѣны закономъ, не могутъ подпасть подъ власть идеальныхъ формулъ [2]). Онъ смѣется надъ законодателями, стремящимися закономъ предусмотрѣть все, и называетъ ихъ предпріятіе забавой [3]). Ограничивая такимъ образомъ извнѣ область господства своихъ идеальныхъ положеній, Платонъ въ то же время и въ предѣлахъ этихъ послѣднихъ признаетъ нѣкоторые элементы, способные къ исторической индивидуализаціи. Правительство мудрыхъ—вотъ форма правленія, которую Платонъ считаетъ наилучшей. Однако, по его мнѣнію, власть одинаково можетъ быть передана одному мудрому или нѣсколькимъ [4]). Царство или аристократія?—Рѣшеніе такой дилеммы уже зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. И далѣе, рисуя идеальный политическій строй, Платонъ опредѣленнѣйшимъ образомъ высказывается, что его формулы имѣютъ значеніе только нѣкотораго „образца“ (*παραδείγμα*), по которому мы можемъ судить о степени нашего совершенства или несовершенства [5]). На вопросы же Адиманта, какъ возможенъ нарисованный политическій идеалъ, Платоновъ Сократъ отвѣчаетъ, что въ задачу „Государства“ и не входило разсуждать о его возможности и исполнимости. Былъ бы хорошій живописецъ, спрашиваетъ Сократъ, менѣе хорошъ отъ того, что нарисованный имъ образецъ прекраснаго человѣка невозможенъ въ дѣйствительности. Подобно этому, потеряетъ ли въ своихъ каче-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи нужно считать характернымъ мнѣніе Б. Н. Чичерина: „Идеализмъ является здѣсь (въ „Государствѣ“) во всей своей исключительности, *отрицая самостоятельность всѣхъ другихъ жизненныхъ элементовъ*“. Ист. полит. уч., т. I, стр. 43.

[2]) Ср. Respublica, 425, b, d; 423, d.

[3]) Ibid. 426, a; 427, a.

[4]) Ibid. 445, d.

[5]) Ibid. 472, c.

ствахъ идеальный образецъ государства, если нельзя доказать, что онъ когда-либо осуществимъ? [1]). Отдѣляя такимъ образомъ порядокъ построенія идеала отъ порядка его осуществленія, Платонъ не могъ не видѣть фактической силы реальныхъ условій, съ которыми приходится считаться политику при осуществленіи его идеальныхъ формулъ. Если фактически осуществится идеальный строй „Государства",—существованіе его не будетъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ; какъ все подвержено разрушенію, такъ и въ идеальное государство проникнутъ элементы разложенія, ведущіе его къ гибели [2]). Платонъ описываетъ намъ послѣдовательную смѣну государственныхъ формъ отъ лучшихъ къ худшимъ, констатируетъ своеобразный законъ регресса, которому необходимо подчиняется и идеалъ, коль скоро онъ сталъ частью реальнаго порядка дѣйствительности [3]).

Съ точки зрѣнія изслѣдуемаго нами вопроса всего менѣе сомнѣній можетъ возбуждать Аристотель. Историческіе элементы въ политической философіи великаго стагирита настолько ясно выражены, что никогда не оспаривались представителями историческаго взгляда на право [4]). Равнымъ образомъ догма объ анти-историческомъ характерѣ естественнаго права менѣе всего относится къ jus naturale римскихъ юристовъ. Мы проходимъ поэтому молчаніемъ эти теоріи, значеніе которыхъ для развитія доктрины естественнаго права въ другихъ отношеніяхъ не можетъ быть оспариваемо. Что же касается до средневѣковой политической идеологіи, то, хотя представители современнаго историзма и не подчеркиваютъ ея анти-историческій характеръ, однако не лишне сдѣлать нѣсколько указаній, убѣждающихъ насъ въ непричастно-

---

[1]) Ibid. 472, d, e.
[2]) Ibid. 546, a.
[3]) Ibid., lib.
[4]) „Политику" Аристотеля не только не приходится защищать отъ упрековъ, исходящихъ со стороны сторонниковъ новѣйшаго историческаго міросозерцанія,—наоборотъ, слѣдуетъ подчеркивать въ ней нѣчто противоположное: Аристотель, какъ говоритъ Чичеринъ, „не эмпирикъ, онъ остается идеалистомъ... онъ ищетъ идеи, присущей самимъ вещамъ, составляющей внутреннюю цѣль, которая даетъ направленіе ихъ жизни и движенію"... Ист. пол. уч., т. I.—Попытку сблизить „Политику" съ идеями современнаго натурализма и историзма представляетъ монографія *Oncken*'а и Die Staatslehre des Aristoteles, Bd. I, II, Lp. 2, 1870—75—Насколько „идеализмъ" Аристотеля совмѣщался съ историческимъ взглядомъ на вещи, можетъ показать. напр., начало 6-ой кн. „Политики". Ср. Politik von Susemihl Buch. VI, 10 ff.

сти средневѣковой мысли къ пресловутой формулѣ „право для всѣхъ временъ и народовъ". „Не зналъ я также и того"—говоритъ, перечисляя свои прегрѣшенія, Августинъ — „въ чемъ состоитъ истинная внутренняя праведность, опредѣляемая не обычаемъ, но правосуднѣйшимъ закономъ всемогущаго Бога, *измѣняющая внѣшнюю форму свою въ различныхъ странахъ и въ разныя времена, сообразно съ мѣстными и временными условіями, но остающаяся всегда и вездѣ неизмѣнною*" [1]). „Если народъ"— говорится въ другомъ сочиненіи великаго отца церкви— „достаточно благоразуменъ и твердъ, если онъ тщательно стоитъ на стражѣ общихъ интересовъ, то, по справедливости, издается законъ, позволяющій такому народу выбирать себѣ должностныхъ лицъ, управляющихъ государствомъ. Но, если мало-по-малу тотъ же народъ развращается..., справедливо отнимаютъ у него власть назначать почетныя должности, и правительство переходитъ къ немногимъ лучшимъ" [2]).—„Законъ"—говоритъ другой представитель средневѣкового міросозерцанія, Ѳома Аквинатъ,—„полагается какъ нѣкоторое правило или мѣрило человѣческихъ поступковъ. Но мѣрило должно быть сообразно съ измѣряемымъ... И различное измѣряется различнымъ образомъ. Отсюда и законы слѣдуетъ издавать сообразно состоянію людей: *ибо, какъ говоритъ Исидоръ, законъ долженъ соотвѣтствовать и природѣ отечества и его обычаямъ*" [3]). *Человѣческій законъ стремится воспитать людей къ добродѣтели не сразу, а постепенно*"... „Если новое вино, т.-е. предписанія совершенной жизни, влить въ старые мѣха, т.-е. въ несовершенныхъ людей, то мѣха разорвутся и вино разольется, т.-е. предписанія будутъ презрѣны и люди вслѣдствіе этого повергнутся въ худшее зло" [4]).

Переходимъ теперь къ родоначальнику естественнаго права новаго времени, къ Гуго Гроцію. Явленіе права, по взглядамъ Гроція, гораздо шире, чѣмъ естественное право. Кромѣ естественнаго права существуетъ еще jus voluntarium constitutum, право, произвольно-установлен-

---

1) „Исповѣдь" русск. пер., стр. 56.
2) De lib. Arb. I.
3) Summa theol. Secunda sectio, Quaest. XCVI, art. II.
4) Ibid. Quaest. XCVI. Art. II.

ное [1]). Основнымъ признакомъ этого послѣдняго нужно считать его измѣнчивый характеръ. „То право“ — говоритъ Гроцій — „которое произошло изъ установленія, будучи измѣнчивымъ во *времени и различнымъ по мѣсту*, лежитъ внѣ области научнаго знанія, подобно представленіямъ о другихъ единичныхъ вещахъ“ [2]). Однако Гроцію извѣстно мнѣніе, отожествляющее всю совокупность явленій права съ измѣнчивой его частью. Даже болѣе, Гроцій разсматриваетъ это мнѣніе, какъ нѣкоторую уже установившуюся въ наукѣ теорію, съ которой нужно рѣшительно бороться. Полезно, говоритъ онъ въ началѣ своего сочиненія „О правѣ войны и мира“, разсмотрѣть аргументы противниковъ неизмѣннаго естественнаго права,—и чтобы не имѣть дѣла съ вульгарными представителями этихъ взглядовъ, мы возьмемъ солиднаго защитника, академика Корнеада, „который достигъ того, что было высшей цѣлью его школы, такъ что могъ употреблять силы своего краснорѣчія въ защиту ложнаго не менѣе, чѣмъ истиннаго“ [3]). Вотъ аргументы этого философа: „по соображеніямъ пользы люди создали себѣ законы, различные вслѣдствіе различія въ нравахъ и, судя по времени, часто мѣняющіеся у одного и того же народа; естественнаго же права никакого нѣтъ: ибо и люди и другія живыя существа, руководимыя природой. стремятся къ своей собственной выгодѣ: поэтому-то или вовсе нѣтъ справедливости, а если и есть какая, то она— величайшая глупость, такъ какъ, заботясь о чужихъ удобствахъ, вредитъ себѣ“ [4]). Сущность возраженій Гроція противъ этой теоріи можно свести къ слѣдующему: какъ невѣрно мнѣніе Корнеада, что человѣкъ стремится только къ собственной пользѣ (человѣкъ вѣдь есть существо общежительное, стремящееся къ общенію съ себѣ подобными и къ ихъ благу), такъ ошибоченъ и взглядъ, отрицающій внѣвременный и абсолютный моментъ въ явленіяхъ права. Общежительная природа человѣка, связанная съ его разумностью, есть источникъ неизмѣннаго естественнаго права, которое не можетъ измѣнить даже

---

[1]) *Hugonis Grotii*, De jure belli et pacis Amste lacdami, 1680 Lib. I, Cap. IX, 2.

[2]) Ibid., Prolegomena, § 30.

[3]) Ibid., § 5.

[4]) Ibid., § 5.

Богъ. Однако этотъ абсолютный моментъ правовыхъ явленій вовсе не отрицаетъ другого, случайнаго и измѣнчиваго. Напротивъ, Гроцій совершенно опредѣленно высказывается, что утилитарныя соображенія, на которыя ссылается Корнеадъ въ доказательство измѣнчивости права, должны присоединяться къ нормамъ права естественнаго, чтобы образовалось право положительное, jus civile [1]). Поэтому-то послѣднее какъ бы состоитъ изъ двухъ частей — постоянной и измѣнчивой. Мы не упускаемъ изъ вида, что отношеніе абсолютнаго момента къ измѣнчивому не отличается у Гроція большой ясностью. Но ясно одно: они не враждуютъ другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ Гроцій старается ихъ примирить. Повиноваться законамъ, такъ же какъ повиноваться той волѣ, которая въ законахъ проявляется — это есть предписаніе естественнаго права [2]). Однако государственная воля можетъ быть организована различнымъ образомъ. Мы подходимъ здѣсь къ вопросу, завѣщанному еще древностью, къ вопросу о формахъ правленія. „Подобно тому, какъ существуетъ множество жизненныхъ укладовъ“,—говоритъ Гроцій,—„изъ которыхъ одинъ болѣе предпочтителенъ однимъ, другой—другимъ, и каждый свободный можетъ выбирать изъ нихъ тотъ, который ему по вкусу; подобно этому, и народъ можетъ выбирать ту форму правленія, какую онъ желаетъ: *и правомѣрность той или другой формы не есть вопросъ нравственнаго превосходства,*—здѣсь мнѣнія могутъ расходиться,—но вопросъ свободнаго выбора (voluntas)“ [3]). Гроцій подчеркиваетъ также, что въ этомъ выборѣ формы правленія не малую роль играетъ и власть обстоятельствъ. Народъ находится на краю гибели, и нѣтъ другого способа спастить, какъ отдаться въ рабство,—что́ долженъ онъ дѣлать въ этомъ случаѣ? „Прибавьте сюда“,—говоритъ Гроцій,—„что есть люди—прирожденные рабы; есть также народы, по природѣ своей болѣе способные къ повиновенію, чѣмъ къ власти“. Бываютъ примѣры и тому, что народы особенно счастливо живутъ подъ властью деспота,—кто заставитъ ихъ отказаться отъ этой формы правленія? [4])

---

[1]) Ibid., Prol., § 16.
[2]) Ibid., Cap. II, § 5.
[3]) Ibid., Lib. I, Cap. III, 8.
[4]) Ibid.

Нужно еще прибавить, что исторически-измѣнчивый элементъ въ явленіяхъ права подчеркивается Гроціемъ не только въ вопросѣ о формахъ правленія. Онъ имѣетъ мѣсто и въ другихъ областяхъ права. Такъ, по мнѣнію Гроція, отношеніе родителей къ дѣтямъ покоится въ общемъ на естественномъ законѣ, опредѣляющемъ *общіе принципы* юридическаго положенія дѣтей. Но то, что выходитъ изъ области этихъ общихъ принциповъ, уже относится къ измѣнчивому jus voluntarium[1]). Напримѣръ, особенности отцовской власти у евреевъ не тѣ, что у римлянъ [2]).

Заканчивая обзоръ естественно-правовой теоріи Гуго Гроція, мы не можемъ не отмѣтить, что принципы ея не вполнѣ согласуются съ тѣми воззрѣніями, которыя высказываются въ общепринятой теоріи касательно отношенія историческаго взгляда на право къ естественно - правовой доктринѣ. Дѣйствительно, Гроцій признаетъ, что его естественное право „adeo immutabile, ut ne a Deo quidem mutari queat“ [3]) и что оно поэтому „вѣчно“ [4]); однако, предписанія естественнаго права не только не стремятся „замѣнить“ право положительное, но и содержатъ элементы, способные къ исторической индивидуализаціи. Такимъ образомъ, абсолютный взглядъ на право не исключаетъ другого, относительнаго и историческаго воззрѣнія, слѣдуя которому Гроцій принужденъ считаться съ условіями мѣста, съ требованіями времени и съ закономъ исторической измѣнчивости. Послѣдующее изложеніе покажетъ намъ, что *въ общемъ* естественно-правовая доктрина по мѣрѣ своего развитія всё болѣе и болѣе воспринимала въ себя подобный историческій взглядъ на право.

Очень благопріятна для нашихъ цѣлей естественно-правовая доктрина современника Гроція, англійскаго философа Гоббса. Раціональные элементы этой теоріи подчеркнуты сближеніемъ съ математикой. Гоббсъ хочетъ конструировать политическую философію такъ, какъ Эвклидъ конструировалъ свою геометрію [5]). Казалось бы,

---

[1]) Ibid., Lib. II, Cap. V, § 7.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., Cap. I, § 10.
[4]) Ibid., Proleg., § 31.
[5]) *Th. Hobbes*, Opera etc. studio et labore G. Molesworth. Vol. II., p. 137: „Cognita enim, *pari certitudine, ratione actionum humunarum, qua cogniscitur ratio magnitudinum in figuras*, ambitio et avaritia... inermes essent“...

что ученіе о государствѣ и правѣ, построенное more physico et geometrico, болѣе всего должно притязать на значеніе „для всѣхъ временъ, для всѣхъ народовъ и при всѣхъ историческихъ условіяхъ“. Однако, доктрина Гоббса свидѣтельствуетъ, что въ нѣкоторыхъ своихъ пунктахъ она сознательно отказывается отъ подобныхъ притязаній. Историческія государства имѣли и имѣютъ безконечное разнообразіе положительно-правовыхъ установленій. Естественное право *не уничтожаетъ* это разнообразіе, но оно входитъ въ него, какъ необходимый ингредіентъ. „Leges naturales constituta civitate, legum civilium fiunt pars“ [1]). Какъ бы ни были разнообразны положительные законы, всегда будетъ считаться гражданской добродѣтелью—соблюдать ихъ, и порокомъ—идти противъ нихъ. И если въ одномъ государствѣ считается справедливымъ то, что въ другомъ несправедливымъ, вездѣ имѣетъ значеніе максима постулирующая ненарушимость данныхъ, установленныхъ законовъ [2]). „Нарушать договоръ“—говоритъ Гоббсъ—„и, слѣдовательно, преступить положительный законъ, это значитъ преступить законъ естественный“ [3]). „Кража, убійство, прелюбодѣяніе и всѣ преступленія удерживаются естественными законами. Но что́ въ государствѣ называется кражей, что́ убійствомъ, что́ прелюбодѣяніемъ, что́, наконецъ, преступленіемъ,—*все это должно опредѣляться не естественнымъ, но положительнымъ закономъ*. Не всякое похищеніе вещи, которою владѣетъ другой, но похищеніе чужой вещи называется кражей. *Но что́ принадлежитъ мнѣ и что́ есть чужое—это вопросъ положительнаго права*... Конкубинатъ въ одномъ государствѣ есть законный бракъ, въ другомъ—считается прелюбодѣяніемъ“ [4]). „Естественные законы и законы положительные“—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Гоббсъ—„совмѣстно существуютъ въ одномъ и томъ же государствѣ“... „Естественный законъ и законъ положительный не суть различные роды законовъ, но различныя части ихъ; одна изъ нихъ писана и назы-

---

1) Ibid. 116—117.
2) Ibid.
3) Ibid., Vol. III, p. 198.
4) Ibid, Vol. II, p. 229.

вается закономъ положительнымъ, другая не писана и называютъ ее закономъ естественнымъ [1]).

Мы стоимъ здѣсь опять передъ тѣмъ же явленіемъ: естественно-правовая теорія Гоббса раціональна по своимъ тенденціямъ, но *въ своихъ послѣдствіяхъ* раціонализмъ ея не стоитъ въ столь враждебномъ отношеніи къ историческому принципу, какъ это хочетъ выразить формула: „право для всѣхъ временъ и народовъ"! Гоббсъ мирится съ разнообразіемъ положительнаго права, отправляется отъ него, какъ отъ факта, не стараясь его ни отрицать, ни осуждать. Скажутъ, что это есть отступленіе отъ математическаго принципа. Пусть такъ, но таковое отступленіе въ сторону признанія правъ историзма *характерно для всѣхъ естественно-правовыхъ ученій.* И общепринятый взглядъ на естественно-правовую доктрину упускаетъ изъ вида, что она необходимо *принимаетъ* это отступленіе, быть-можетъ, и не сознавая — всѣхъ его послѣдствій.

Извѣстны упрёки, которые раздаются по поводу политической теоріи другого англійскаго философа, Локка: говорятъ, что начала ея умозрительны и игнорируютъ всѣ жизненныя условія человѣческаго общества [2]). Между тѣмъ, менѣе всего можно сказать, что политическая философія Локка была построена по формулѣ: „право для всѣхъ временъ и народовъ". Правда, главная задача Локка заключается въ томъ, чтобы опредѣлить основныя начала, на которыхъ можетъ быть построена всякая возможная форма правильнаго политическаго устройства; однако Локкъ, осуществляя такую задачу, всегда имѣлъ въ виду, что на фонѣ этихъ общихъ началъ возможенъ цѣлый рядъ индивидуальныхъ варіацій. Всякая государственная власть, по мнѣнію Локка, должна править по законамъ и для блага подданныхъ [3]). Но такой общій принципъ не препятствуетъ возможности организовать государственную власть различнымъ образомъ. Полная демократія, олигархія, монархія наслѣдственная, монархія избирательная, наконецъ, смѣшанныя формы правленія, образованныя такъ, какъ это считаетъ удобнымъ

---

[1]) Ibid., Vol. III, p. 198.
[2]) Ср. *Чичеринъ.* Исторія политическихъ ученій, кн. II.
[3]) The Works of *J. Locke*, London, 1801 vol V, pp. 424, 457.

народъ [1])—всё это возможныя и правильныя формы правленія. Локкъ различаетъ далѣе законодательную власть отъ исполнительной и федеративной и устанавливаетъ общіе принципы отношенія и организаціи этихъ властей. Но тутъ же онъ заявляетъ, что въ его задачу не входитъ говорить объ организаціи низшихъ органовъ государственной власти. „*Они столь многочисленны и разнообразны соотвѣтственно различію нравовъ и конституцій отдѣльныхъ государствъ*“,—говоритъ Локкъ,—„что невозможно сдѣлать ихъ предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія [2]). И вообще Локкъ считаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы, какъ онъ говоритъ, „законодатель былъ въ состояніи предвидѣть будущее и закономъ предусмотрѣть всё, что можетъ быть полезнымъ для общества“ [3]). „*Невозможно предугадать и закономъ предусмотрѣть всѣ случайности и всѣ потребности, съ которыми можетъ столкнуться народъ;* невозможно создать такіе законы, которые не причинили бы зла, если бы примѣнялись съ непреклонной строгостью *при всѣхъ случаяхъ и по отношенію ко всѣмъ лицамъ*, входящимъ въ кругъ ихъ дѣйствія [4]). Полагаемъ, что подобныхъ заявленій совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, насколько далекъ былъ Локкъ отъ намѣренія создать неизмѣнный и универсальный кодексъ правовыхъ нормъ, пригодныхъ во всѣ времена, для всѣхъ народовъ и при всѣхъ условіяхъ.

Я коснусь еще *въ нѣсколькихъ* словахъ доктрины нѣмецкаго юриста Пуфендорфа. Во время господства исторической школы его теорія нерѣдко подвергалась насмѣшкамъ. „Онъ читалъ еще по Пуфендорфу“!—такъ говорили историки про философовъ, желая выразить тѣмъ степень ихъ отсталости отъ новѣйшихъ вѣяній въ юриспруденціи. Однако теорія Пуфендорфа представляетъ глубокій интересъ для философа права. Мы встрѣчаемся здѣсь едва ли не съ первой попыткой противопоставить наукамъ о природѣ другую, не менѣе значительную область человѣческихъ знаній,—науки моральныя,—и дать философское обоснованіе этимъ послѣднимъ, И тѣмъ самымъ Пуфендорфъ являетъ намъ примѣръ философски

---

1) Ibid., p. 415.
2) Ibid., p. 428—429.
3) Ibid., p. 434.
4) Ibid., p. 435.

углубленной и обоснованной естественно-правовой теоріи. По его мнѣнію, на ряду съ предметами природы или физическими сущностями существуетъ область предметовъ нравственныхъ, *сущностей моральныхъ*. Пуфендорфъ опредѣляетъ моральныя сущности какъ такого рода модусы, которые приданы разумными существами физическимъ вещамъ или физическимъ движеніямъ преимущественно для управленія свободой произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій и для ея обузданія, а также и для установленія нѣкотораго порядка и обихода человѣческой жизни [1]). Хотя, какъ говоритъ Пуфендорфъ, entia moralia суть только модусы, однако ихъ можно разсматривать, какъ-будто бы они были субстанціями—и именно по аналогіи съ физическими вещами. Подобно тому, какъ матеріальныя субстанціи *протяженны*, находятся *въ пространствѣ* и текутъ *во времени*,—моральныя сущности пребываютъ въ нѣкоторомъ *состояніи* (status). Пресловутое „естественное состояніе"—status naturalis—и есть то состояніе „моральныхъ сущностей", которыя мы мыслимъ по аналогіи съ *пространственнымъ* воспріятіемъ физическихъ вещей. Мы спрашиваемъ, *гдѣ* находятся физическія вещи—направо, налѣво, на плоскости, на окружности и т. д.; подобно этому, мы спрашиваемъ, *гдѣ* находятся моральныя сущности, и отвѣчаемъ: въ состояніи природы, in statu naturali, или, въ противоположность ему, въ *искусственномъ состояніи*, in statu adventicio. Первое вытекаетъ изъ самой сущности моральныхъ вещей, второе происходитъ изъ человѣческихъ дѣйствій. Естественное состояніе есть, другими словами, то состояніе, въ которомъ находится человѣкъ съ самаго своего рожденія, независимо отъ его собственной воли [1]). Можно представить человѣка въ такомъ состояніи, если отвлечься отъ всѣхъ установленій, которыя являются дѣломъ его рукъ. Въ каждомъ состояніи люди, по мнѣнію Пуфендорфа, связаны между собою особыми правами и особыми обязанностями [2]). И подобно тому, какъ status adventicius не упраздняетъ status naturalis, подобно этому и права естественнаго состоянія не уничтожаютъ тѣхъ правъ, ко-

---

[1]) *S. Pufendorfi*, De jure naturae et gentium, Francofurti ad Moenium, 1686, Lib. I, Cap. I, § 3.
[1]) Ibid., Lib. I, C. I, § 7.
[2]) Ibid., § 8.

торыя происходятъ изъ человѣческихъ установленій. *Напротивъ того, послѣднія служатъ дополненіемъ первыхъ* [1]). Ибо естественное состояніе не есть состояніе высшаго совершенства, но, скорѣе, только благодаря человѣческимъ установленіямъ мы пришли къ сколько-нибудь правильному общественному порядку. [2]). Однако установленное человѣческой волей, измѣнчивое и основывающееся на принципѣ пользы положительное право [3]) предполагаетъ существованіе неизмѣнныхъ нормъ естественнаго права [4]). Мы видимъ, что у Пуфендорфа, какъ и у Гроція, взаимно сочетаются абсолютный и относительный моментъ въ явленіяхъ права и что, вопреки общепризнаному взгляду, абсолютныя формулы естественнаго права уживаются вмѣстѣ съ измѣнчивыми нормами права положительнаго. Въ силу этого естественно-правовая теорія Пуфендорфа содержитъ въ себѣ не мало элементовъ, способныхъ къ исторической индивидуализаціи. Укажемъ въ качествѣ примѣра на старый вопросъ о формахъ правленія. Пуфендорфъ признаетъ три правильныя формы государственнаго устройства—монархію, аристократію и демократію. Что же касается вопроса, какая изъ этихъ формъ предпочтительнѣе другихъ, то Пуфендорфъ отказывается дать на подобный вопросъ безусловный отвѣтъ. Ни одна форма правленія, говоритъ онъ, не можетъ быть организована такъ, чтобы въ нее непроникали нѣкоторыя неудобства. Стоящіе во главѣ государства суть люди, и можно сказать: „vitia erunt donec homines.“ Однако если нельзя уже достигнуть *полнѣйшаго* государственнаго совершенства, то можно, по крайней мѣрѣ, разсуждать, какая государственная форма содержитъ въ себѣ minimum зла. Въ этомъ смыслѣ большинство указываетъ на монархію. По мнѣнію Пуфендорфа, въ основаніи подобнаго взгляда лежитъ ложная предпосылка, что факты на которыхъ онъ основывается, съ необходимостью повторяются всегда и вездѣ. Между тѣмъ нѣтъ основаній подражать всюду тому, что имѣло мѣсто въ томъ или иномъ единичномъ случаѣ. Поэтому для хорошаго гражданина лучше всего слѣдуетъ помнить

---

1) Ibid., Lib., II., Cap. III, § 9.
2) Ibid., Lib., II, Cap. II, § 1.
3) Ibid , Lib.. II, Cap. III, §. 9.
4) Ibid., § 11.

слова Марцелла Эпрія: „Se memenisse temporum, quibus natus sit, quam civitatis formam patres avique instituerint: ulteriora mirari praesentia sequi etc“ [1]). Всѣ эти идеи убѣждаютъ насъ, насколько далекъ былъ Пуфендорфъ отъ того безпочвеннаго идеализма, который не хочетъ считаться ни съ требованіями мѣста и времени, ни съ властью условій и обстоятельствъ.

Въ естественно правовой теоріи Пуфендорфа есть одна любопытная черта, которая здѣсь въ особенности должна быть отмѣчена. Подобно другимъ представителямъ естественно-правовой доктрины, Пуфендорфа привлекаетъ въ явленіяхъ права главнымъ образомъ то, что существуетъ неизмѣнно и вѣчно. Однако нельзя не подмѣтить у него нѣкотораго специфическаго научнаго интереса къ изученію „индивидуальныхъ вещей“. Именно, Пуфендорфъ утверждаетъ, что нѣкоторыя нормы естественнаго права могутъ быть опознаны при наличности права произвольно установленнаго. „Есть много,“— говоритъ онъ—„нормъ естественнаго права, которыя непонятны и даже не имѣютъ мѣста, если не предполагается существованія установленнаго порядка собственности и даже государственной власти“ [2]) Такимъ образомъ, случайный и измѣнчивый элементъ правовыхъ явленій становится какъ бы ratio cognoscendi естественнаго права. Чтобы познать послѣднее, нужно познакомиться съ первымъ. Отсюда—одинъ шагъ до признанія того, что изученіе „индивидуальныхъ вещей,“ конкретныхъ историческихъ образованій, есть проблема, имѣющая особый научный интересъ и особую познавательную цѣнность,—взглядъ, принятіе котораго нельзя не считать рѣшительнымъ поворотомъ въ сторону историческаго міросозерцанія. Что такой поворотъ былъ совершенъ не путемъ разрыва съ естественно-правовой доктриной, но путемъ медленной и постепенной ея эволюціи,—въ этомъ мы убѣдимся, если бросимъ общій взглядъ на прародителей современнаго историческаго міросозерцанія, Вико и Монтескье. Такъ намъ откроется естественная близость доктринъ, объявляемыхъ съ нѣкоторыхъ поръ враждебными. И дѣйствительно, кто хотѣлъ бы убѣдиться,

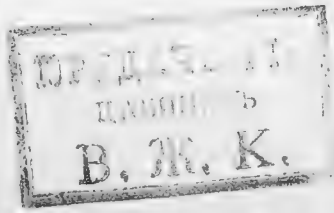
---

[1]) Lib. VIII. C. V, § 22.,
[2]) Ibid., Lib. I, Cap. III, § 24.

что основные принципы историческаго взгляда на право были, такъ сказать, выкованы въ лабораторіи естественно-правовой мысли, тому прежде всего нужно указать на философски-правовое сочиненіе Вико „De Universi juris principio et fine uno“. Названіе его уже наводитъ на мысль, что мы стоимъ предъ продуктомъ естественно-правовой спекуляціи. Содержаніе только подтверждаетъ это предположеніе. Для Вико естественное право есть вѣчная истина, исходящая отъ Бога и въ этихъ своихъ качествахъ не подлежащая закону временной измѣнчивости [1]). Нужно ли отсюда сдѣлать выводъ, что Вико былъ сторонникомъ формулы „право для всѣхъ временъ и народовъ“? Вполнѣ справедливо не дѣлаютъ такого заключенія, считая Вико родоначальникомъ историзма. Вико, — подобно, впрочемъ, другимъ представителямъ естественно-правовой теоріи,—рядомъ съ вѣчнымъ естественнымъ правомъ признавалъ право исторически-измѣнчивое. Оригинальность же неаполитанскаго философа заключается въ томъ, что онъ пошелъ нѣсколько дальше въ развитіи тѣхъ началъ, которыя были заложены его предшественниками. Признавая индивидуальную сторону правовыхъ явленій, Гроцій, какъ мы уже видѣли, ставилъ ее внѣ научнаго изслѣдованія; Пуфендорфъ констатировалъ необходимую связь ея съ естественнымъ правомъ и тѣмъ самымъ указалъ на особый познавательный интересъ въ изученіи индивидуальныхъ явленій. Вико пошелъ еще далѣе: онъ реализировалъ этотъ интересъ, сдѣлалъ попытку создать особую область научнаго изслѣдованія, которая бы его удовлетворяла. Такимъ образомъ рядомъ съ наукой естественнаго права или философіей поставлена была исторія, какъ знаніе вполнѣ самостоятельнаго значенія. „Philosophia“,—говорилъ Вико—necessarias rerum caussas vestigat: historia voluntatis est testis“ [2]). „Новая наука“ Вико и имѣетъ предметомъ своимъ эти дѣла воли человѣческой, этотъ случайный и измѣнчивый элементъ человѣческихъ отношеній. По всѣмъ изложеннымъ обстоятельствамъ историческій взглядъ на право у Вико нужно считать не какимъ-то чудеснымъ новшествомъ, но дальнѣйшимъ развитіемъ пред-

---

[1]) I. B. *Vici*, opera latina, T. II. Mediolani, 1835. § XL VIII.
[2]) Ibid, De opere proloquium, p. 4.



посылки, заложенной въ предшествующихъ системахъ естественнаго права,—той предпосылки, что существуетъ jus voluntarium, какъ вполнѣ самостоятельное явленіе права.

Приблизительно тоже самое нужно сказать и о Монтескье. Его столь извѣстное сочиненіе „О духѣ законовъ“ начинается указаніемъ на неизмѣнное естественное право, управляющее людьми, пока они еще не соединились въ общества.[2]) Но коль скоро этотъ фактъ произошелъ, люди устанавливаютъ законы положительные. Послѣдніе зависятъ отъ многочисленныхъ жизненныхъ условій, въ которыхъ живетъ народъ, и потому они измѣнчивы по своему существу. Задачей Монтескье и является изслѣдовать отношеніе положительныхъ, установленныхъ людьми законовъ къ условіямъ ихъ фактическаго бытія.[3]) Вы видите, что и здѣсь историческій взглядъ на право не произошелъ путемъ отрицанія естественно-правовой доктрины. Просто *наряду* съ проблемой естественнаго права Монтескье выдвигаетъ новый научный вопросъ, изслѣдуетъ факты, которые, хотя и признавались сторонниками естественнаго права, однако, не возбуждали у нихъ особаго познавательнаго интереса. Между доктриной естественнаго права и историческимъ взглядомъ на право нѣтъ той пропасти, которую признаютъ сторонники формулы: „право для всѣхъ временъ и народовъ“.

Въ заключеніе нашего обзора я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на писателѣ, котораго, по справедливости, считаютъ самымъ вліятельнымъ въ политической литературѣ и который, съ единственно ему свойственнымъ талантомъ, развилъ и популяризировалъ основныя начала естественно-правовой доктрины. Я говорю о Ж. Ж. Руссо, политическая теорія котораго представляетъ особый интересъ, такъ какъ въ ней резюмированы результаты многолѣтняго развитія естественно-правовыхъ идей. И отправляясь отъ этой высшей ступени развитія, всего легче увидѣть, сколь мало соотвѣтствуетъ фактамъ пресловутая догма объ анти-историческомъ характерѣ естественно-правовой доктрины.

---

[1]) De l'esprit des lois, T. I, à Londres, 1772, L. I Ch. I.
[2]) Ibid. Liv. I, Ch. III.

Въ политической литературѣ вошло въ обыкновеніе противопоставить идеи Руссо, какъ преимущественно анти-историческія, ученіямъ Вико и Монтескье, заложившимъ прочный фундаментъ современнаго историческаго міросозерцанія. „Историческому направленію"—говоритъ, напримѣръ, въ своихъ лекціяхъ по исторіи философіи права проф. Коркуновъ—„намѣченному трудами Вико и Монтескье *прямую противоположность* представляетъ ученіе Жана Жака Руссо". [1]) Однако анализъ идей Руссо убѣждаетъ насъ въ совершенной произвольности этого мнѣнія. Мы увидимъ, что на высшей стадіи своего развитія естественно-правовая теорія, въ лицѣ Руссо, восприняла всего болѣе элементовъ историзма и что политическая доктрина женевскаго философа всего лучше способна разсѣять рядъ недоразумѣній, связанныхъ съ формулой: „право для всѣхъ временъ и народовъ".

Распространенію и укрѣпленію мнѣнія объ анти-историческомъ характерѣ политической философіи Руссо способствуютъ прежде всего идеи, которыя были высказаны имъ въ его первыхъ посвященныхъ историческимъ проблемахъ сочиненіяхъ — въ „Discours sur les sciences et les arts" и въ „Discours sur l'inegalité". Какъ извѣстно, въ названныхъ сочиненіяхъ Руссо далъ намъ примѣръ единственнаго въ своемъ родѣ отрицанія нравственной цѣнности историческаго процесса. То, что называется культурой — въ основѣ своей покоится на безнравственномъ, историческій процессъ есть постепенная и послѣдовательная почва человѣчества—такъ можно резюмировать сущность его философіи исторіи. Однако, возможно ли на основаніи подобнаго культурно-историческаго пессимизма характеризовать ученіе Руссо, какъ анти-историческое? Полагаемъ, что такое заключеніе было бы неправильнымъ. Именно, отрицая нравственную цѣнность за историческимъ процессомъ, Руссо признавалъ въ то же время *его фактическую силу, его дѣятельную мощь*. Постепенное этическое обезцѣниваніе человѣческой природы совершается, по мнѣнію Руссо, съ нѣкоторой неизбѣжной необходимостью, подобно естественному процессу умиранія и изнашиванія. „Прошу Васъ не позабывать"— писалъ онъ въ одномъ письмѣ—„что, по моему мнѣнію,

---

[1]) *Н. М. Коркуновъ*. Исторія философіи права, изд. 4, стр. 174.

общество въ такомъ же смыслѣ вытекаетъ изъ природы человѣка, въ какомъ дряхлость свойственна человѣку, и что народамъ нужны искусства, законы, правительство для той же цѣли, для которой нужны костыли старцамъ."[1]) Эти идеи въ особенности развиты Руссо въ его „Contrat social",—въ сочиненіи, которое всего чаще и совершенно несправедливо считаютъ чистымъ продуктомъ анти-историческаго типа мышленія.

„Какъ архитекторъ"—говоритъ Руссо,—„прежде чѣмъ построить большое зданіе наблюдаетъ и изслѣдуетъ почву, чтобы узнать, выдержитъ ли она его тяжесть, такъ и мудрый законодатель не начинаетъ съ установленія законовъ, которые были бы хороши сами по себѣ, но испытываетъ сначала, способенъ ли народъ, для котораго онъ эти законы предназначаетъ, вынести ихъ". [2]) „На землѣ блистали тысячи націй, которыя никогда не могли бы вынести хорошихъ законовъ, и даже тѣ, которыя могли бы вынести ихъ, во все время своего существованія имѣли лишь очень мало времени для этого. [3]) Для существованія хорошихъ законовъ необходимы благопріятныя условія, и цѣлый рядъ страницъ „Общественнаго договора" посвященъ уясненію и формулированію ихъ. Въ числѣ этихъ условій Руссо прежде всего называетъ возрастъ народа. „Большая часть народовъ, какъ и людей, покорны только въ юности; старѣясь они становятся неисправимыми". [4]) — Далѣе слѣдуетъ размѣръ государства. Если государство слишкомъ велико, „трудно установить хорошее управленіе". Создается цѣлый рядъ техническихъ затрудненій, связанныхъ съ организаціей слишкомъ большого государства: сложность и обширность администраціи, необходимая медленность въ ея движеніяхъ и функціяхъ, отсутствіе единства въ законодательствѣ, вытекающія отсюда смуты и т. д. [5]) Но государство не должно быть также и очень малымъ, ибо въ этомъ случаѣ оно не можетъ поддержать своего существованія. Третьимъ условіемъ существованія хорошаго

---

[1]) Цитировано по диссертаціи А. С. Алексѣева.
[2]) *J. J. Rousseau*, Du contrat social par Dreyfus-Brisal, Paris, 1896. Livre II, Ch. VIII, p. 77. Р. пер. подъ ред. Жуковскаго, стр. 79.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid. p. 78. Р. п. стр. 79.
[5]) Ср. Liv. II, Ch. IX.

государства является правильное отношеніе между количествомъ населенія и величиной территоріи. Чрезмѣрное изобиліе земли трудно охранять, недостатокъ же ставитъ государство въ зависимость отъ сосѣдей и толкаетъ къ войнамъ. [1]) — Въ согласованности государственныхъ учрежденій съ этими условіями — залогъ для благосостоянія государства. Если они вообще отсутствуютъ — государство не можетъ имѣть хорошихъ законовъ. „Такъ какъ свобода не есть плодъ, произрастающій во всякомъ климатѣ, то и не всѣ народы могутъ ею пользоваться. Чѣмъ больше думаешь надъ этимъ принципомъ, установленнымъ Монтескье, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ его истинности; и чѣмъ болѣе онъ оспариваетъ, тѣмъ болѣе можно найти случаевъ для его подтвержденія путемъ новыхъ доказательствъ". [2]) Развивая эту точку зрѣнія, Руссо послѣдовательно приходитъ къ выводу, *что для каждаго народа „должна быть опредѣлена особенная система учрежденій", что, стало-быть, вопросъ о наилучшемъ государственномъ устройствѣ не можетъ быть разрѣшенъ въ одной общезначимой во всѣ времена и для всѣхъ народовъ формулѣ.* „Во всѣ времена много спорили" — говоритъ онъ — „относительно лучшей формы правительства, не принимая во вниманіе того, что каждая изъ этихъ формъ есть лучшая въ однихъ случаяхъ и худшая въ другихъ". [3]) „Отсюда вытекаетъ, что нѣтъ единаго абсолютнаго правительственнаго устройства, но что можетъ быть столько же различныхъ по своей природѣ правительствъ, сколько можетъ быть различныхъ по своей величинѣ государствъ". [4]) „Различныя правительства могутъ быть пригодны не только для различныхъ народовъ, но и для одного и того же народа въ различныя времена". [5]) Не свидѣтельствуютъ ли эти цитаты, что естественно-правовая доктрина на высшей стадіи своего развитія наиболѣе восприняла въ себя элементы историческаго взгляда на право?

Резюмируемъ теперь выводы, которые можно сдѣлать въ результатѣ нашего обзора естественно-правовыхъ

---

[1]) Ibid., Ch. X.
[2]) Ibid. Liv. III, Ch. VIII, p. 145; р. п. стр. 137.
[3]) Ibid. Ch. III, p. 108; р. п. стр. 116.
[4]) Ibid., Ch. I, p. 98; р. п. стр. 103.
[5]) Ibid. p. 96—97; р. п. стр. 101.

теорій. Было бы неблагодарной и въ общемъ невыполнимой задачей оспаривать наличность абсолютнаго момента во всѣхъ естественно-правовыхъ ученіяхъ. И въ этомъ отношеніи общепринятый нынѣ взглядъ на естественное право обладаетъ долей истины. Раціоналистическій, если такъ можно выразиться, апріорный элементъ настолько неотдѣлимъ отъ естественно-правовыхъ теорій, что безъ наличности его онѣ вообще являлись бы невозможными. Онѣ созданы тѣмъ духомъ, который господствовалъ въ соціальной и политической философіи съ самыхъ ея первыхъ шаговъ и который стремился придать ей видъ раціональной точности и достовѣрности. Въ эпоху увлеченія математическимъ познавательнымъ идеаломъ, математика играла въ этомъ отношеніи роль образца: Гоббсъ стремился построить политическую философію more physico et geometrico, Пуфендорфъ свои моральныя сущности хотѣлъ изучать посредствомъ математическихъ аналогій. Однако мы убѣдились, что какъ только дѣло доходило до практическаго осуществленія этихъ стремленій, въ раціональное зданіе естественнаго права проникали конкретные, историческіе элементы. Допускалась возможность, даже необходимость права положительнаго, исторически-измѣнчиваго. И притомъ сами раціональныя, абсолютныя формулы включали въ себя элементы, способные къ исторической индивидуализаціи, оставляли нѣкоторый просторъ для свободнаго дѣйствія историческихъ силъ. Дѣйствительное, конкретное право должно быть разнообразно въ зависимости отъ условій мѣста и времени—таково послѣднее слово естественно-правовой мудрости. Но вѣдь эти условія—нечто иное, какъ имманентныя силы историческаго процесса. Такимъ образомъ естественно-правовой раціонализмъ необходимо наталкивался на факты, показывающіе, что разумъ человѣческій не только призванъ учить исторію, но онъ долженъ также учиться у нея. Историческій процессъ имѣетъ свой разумъ, свою логику. Мы видѣли, въ какой блестящей формѣ были изложены эти идеи на вершинѣ естественно-правовыхъ спекуляцій Жаномъ Жакомъ Руссо.

Нѣтъ ничего понятнѣе, какъ это несоотвѣтствіе результатовъ, къ которымъ приходятъ естественно-правовыя теоріи, съ ихъ началами и предпосылками. Нужно

сказать, что, въ сущности, иначе и не могло быть. Объектъ естественно-правовыхъ ученій не есть объектъ раціонально-конструируемый, какъ въ математикѣ. То, что Гегель сказалъ однажды про философію, вполнѣ можетъ быть отнесено и къ праву: что, именно, исторія принадлежитъ самому объекту философіи, также какъ она принадлежитъ самому объекту юриспруденціи. Бытіе права есть бытіе по преимуществу историческое. И отмѣченный нами въ этой статьѣ историческій элементъ естественно-правовыхъ теорій есть нечто иное, какъ реакція объекта или изучаемаго, но раціонально-конструктивный методъ, къ этому объекту не примѣнимъ. Полаганіе какого-либо научнаго объекта ко многому обязываетъ. Съ этимъ полаганіемъ данъ цѣлый рядъ предпосылокъ и условій, которыя неминуемо дадутъ себя знать въ результатѣ изслѣдованія. Такъ и случилось съ естественно-правовыми теоріями.

Критикуемый нами общепринятый взглядъ на естественно-правовую доктрину,—взглядъ, утверждающій, что она строилась по формулѣ „право для всѣхъ временъ и народовъ",—покоится на игнорированіи вышеотмѣченной, такъ сказать, обратной стороны этой доктрины. Онъ не принимаетъ во вниманіе, что раціональное зданіе естественнаго права въ основѣ своей базировало на антиципаціи конкретно-историческаго матеріала. Онъ проходитъ молчаніемъ цѣлый рядъ фактовъ, показывающихъ, что историческій взглядъ на право необходимо зарождается въ предѣлахъ самихъ естественно-правовыхъ ученій. Конструктивный раціонализмъ питаетъ въ нѣдрахъ своихъ свою антитезу—историзмъ.

Откуда же взялась догма объ анти-историческомъ характерѣ естественно-правовыхъ ученій въ томъ ея значеніи, въ которомъ она высказывается въ современной литературѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно обратиться ко времени возникновенія исторической школы юристовъ. Я беру столь извѣстную, появившуюся въ 1814 году брошюру Савиньи „*О призваніи нашего времени въ законодательствѣ и юриспруденціи*" и на первыхъ страницахъ ея встрѣчаюсь съ слѣдующими идеями. Съ половины XVIII столѣтія, думаетъ Савиньи, пронесся надъ Европой разрушительный вихрь творчества. „Смыслъ и чувство величія и особенностей другихъ эпохъ, такъ же

какъ и пониманіе естественнаго развитія народовъ и политическихъ учрежденій, стало-быть, все, что дѣлаетъ исторію благодѣтельной и полезной,—все это было утрачено; вмѣсто этого явилась безграничная вѣра въ настоящее, призваніе котораго, какъ полагали, не въ чемъ иномъ, какъ въ осуществленіи абсолютнаго совершенства" [1]). Однимъ изъ проявленій этого революціоннаго порыва и нужно считать широко распространенное въ ту эпоху стремленіе создать такіе кодексы законовъ, которые были бы лишены всякихъ недостатковъ. „И вмѣстѣ съ тѣмъ,"—прибавляетъ Савиньи,—„эти кодексы должны были избѣгать *всякихъ историческихъ особенностей и въ своей чистой отвлеченности имѣть одинаковое значеніе для всѣхъ временъ и народовъ*"—„*für alle Völker und Zeiten gleiche Brauchbarkeit haben*" [2]). Той подпочвой, которая, по мнѣнію Савиньи, выростила эти, идеи „служило часто убѣжденіе, что *есть практическое естественное право или право разума, идеальное законодательство, годное для всѣхъ временъ и при всѣхъ случаяхъ, которое мы должны только открыть, чтобы навсегда усовершенствовать положительное право*" [3]).—Вы видите, что временное повышенное настроеніе эпохи французской революціи Савиньи связываетъ съ основными особенностями естественно-прававой теоріи. Революціонныя стремленія, по большей части чуждыя духу историческаго пониманія явленій, отожествляются съ историческимъ характеромъ естественно-правового мышленія. Такъ родилась, по мнѣнію Савиньи, формула: „право для всѣхъ временъ и народовъ",—дитя естественнаго права, и французской революціи! Въ брошюрѣ Савиньи и была, слѣдовательно, впервые формулирована догма объ антиисторическомъ характерѣ естественнаго права въ томъ ея смыслѣ, ошибочность котораго мы пытались показать всѣмъ предыдущимъ изложеніемъ.

Вопреки этой научной догмѣ мы рѣшаемся выставить другую теорію, согласно которой историческій взглядъ на право нужно считать возникшимъ и *постепенно* развившимся въ средѣ самой естественно-правовой докрины. Мы полагаемъ, что эта теорія болѣе согла-

---

[1]) *Savigny*, Vom Beruf unsrer Zeit etc., Heidelberg. 1814 ss. 4—5.
[2]) Ibid., s. 5.
[3]) Ipid., s. 7.

суется не только съ фактами, но и съ основными принципами современнаго историческаго міросозерцанія. Ибо совершенно не соотвѣтствуетъ духу этого послѣдняго трактовать исторію идей какъ исторію сплошныхъ ошибокъ и промаховъ, и нужно считать простымъ пережиткомъ старыхъ научныхъ взглядовъ, когда въ исторіи естественно-правовыхъ ученій видятъ одно печальное заблужденіе.

Н. Н. Алексѣевъ.

Государственное устройство Канады.

Государственное устройство Канады должно во многихъ отношеніяхъ интересовать русскаго читателя и съ точки зрѣнія политической и съ точки зрѣнія чисто-теоретической, научной. Пренія въ Гос. Думѣ по финляндскому вопросу содержатъ не одно недоразумѣніе въ своихъ ссылкахъ именно на Канаду, исторія которой могла бы быть во многомъ назидательнымъ примѣромъ русскому человѣку. Съ другой же стороны, не менѣе важны теоретическія построенія государственнаго права, основанныя на современномъ государственномъ строѣ Канады; такъ, напр., для господствующей германской теоріи государства Канада представляетъ совершенно непреодолимыя препятствія и неразрѣшимыя противорѣчія. Наконецъ, въ исторіи роста канадской государственности находимъ мы зарожденіе тѣхъ началъ, на которыхъ воздвигается, хотя и медленно, современное зданіе Великой Британской Имперіи.

1.

Исторія канадской конституціи.

Конституція Канады, основанная двумя актами 1841 и 1867 гг., далась народу не безъ малой борьбы. 30-е годы въ особенности ознаменовались цѣлымъ рядомъ конфликтовъ, достигавшихъ иногда такой интенсивности, что какъ въ колоніи, такъ и въ метрополіи, стали угасать надежды на мирный исходъ. Хорошимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи была, конечно, исторія отложенія Соед. Штатовъ Сѣв. Америки, бывшій у всѣхъ еще свѣжимъ въ памяти; въ особенности въ метрополіи,

большинство гражданъ было увѣрено, что Канада послѣдуетъ примѣру Штатовъ [1]).

Почва для борьбы и игры страстей была дѣйствительно плодородна; здѣсь были вопросы религіозные, расовые, политическіе и колоніальные всѣхъ сортовъ и всѣхъ оттѣнковъ. Англичане боялись французовъ, католики ненавидѣли протестантовъ, колоніи не довѣряли метрополіи, граждане были недовольны губернаторами и правительствомъ и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, къ концу 30-хъ годовъ законодательныя палаты Канадскихъ провинцій находились въ открытомъ конфликтѣ съ администраціей, при чемъ особенно сильнымъ недовольство было въ Новой Шотландіи и Новомъ Брунсвикѣ [2]).

При такихъ обстоятельствахъ конфликтъ народа съ властью былъ неизбѣженъ; такъ и случилось. Въ 1837 г. началось возстаніе въ Нижней Канадѣ; именно въ этой провинціи, населенной преимущественно французами, расовая борьба была особенно сильна; къ тому же она поджигалась какъ католической, такъ и революціонной пропагандой. Французы, предводительствуемые радикаломъ Papineau, поставили на своемъ знамени дорогіе ихъ сердцу лозунги великой французской революціи.

Первыя извѣстія о возстаніи вызвали въ метрополіи взрывъ негодованія; общественное мнѣніе Англіи требовало самыхъ суровыхъ мѣръ во избѣжаніе грозившаго отпаденія колоніи; правительственные круги были согласны съ обществомъ въ необходимости суровой репрессіи [3]); палата общинъ огромнымъ большинствомъ отклонила находившійся на ея разсмотрѣніи проектъ реформы администраціи Канады [4]) и взамѣнъ провела билль, санкціонированный затѣмъ королевой, пріостановившій дѣйствіе

---

[1]) Ср. Goldwin Smith, Canada and the Canadian Question, 1891.

[2]) Наилучшую картину того положенія, въ которомъ находились Канадскія провинціи тѣхъ временъ, дастъ намъ знаменитый докладъ генералъ-губернатора лорда Дургама (Lord Durham, Report on the State of Canada, 1839), являющійся рѣдкимъ примѣромъ государственной дальновидности и безпристрастности. Докладъ напечатанъ въ 1902 году Methuen and Co. (Report on British North America).

[3]) Ср. Ewart, The Kingdom of Canada, p. 99 et. seq.; H. E. Egerton, A Short History of British Colonial Policy, London, 1897, books III and IV; Roberts, History of Canada, London 1898.

[4]) 1 and 2 Vict., c. 9; 2 and 3 Vict., c. 53. Ср. Christie, History of Lower Canada, vol. V.

конституціонныхъ гарантій въ Нижней Канадѣ и организовавшій особое временное правительство [1]).

Казалось, что разыграется старая исторія: возстаніе вызоветъ реакцію, а послѣдняя приведетъ къ отпаденію колоніи и присоединенію ея къ сосѣдкамъ штатамъ.

Такой ходъ событій, однако, былъ предотвращенъ мудростью мужей, стоявшихъ у кормила великобританскаго корабля. Правительство послало въ Канаду лорда Дургама для водворенія порядка [2]).

Возстаніе было подавлено вооруженной силой; Дургамъ, однако, весьма скоро убѣдился, что до успокоенія колоніи было весьма далеко; онъ созналъ, что революціонные факторы, питавшіе возстаніе, имѣли глубокіе корни въ соціальномъ строѣ колоніи, что недостаточно было перевѣшать, какъ-то предлагали англійскіе джинго, предводителей [3]); опасность отпаденія колоніи была дѣйствительно налицо [4]), а кромѣ того, она раздѣлялась внутри борющимися не на-жизнь, а на-смерть факторами соціальной розни.

Ознакомившись съ положеніемъ страны, Дургамъ составилъ свой знаменитый докладъ, являющійся однимъ изъ виднѣйшихъ памятниковъ государственной мудрости XIX вѣка [5]). Основаніемъ онъ взялъ британскій идеалъ управленія—конституціонныя гарантіи [6]). Уже одно это

---

[1]) По предложенію Ресселя (Lord John Russell). Ср. Journals of the English House of Commons (92) 305, 1837; также mirror of Parliament, 1828—1841, p. 1243—1244.

[2]) Титулъ Дургама былъ слѣдующій: „High Commissioner for the adjustment of certain important questions depending in the Provinces of Lower and Upper Canada respecting the form and future government of said Provinces“; послѣдующимъ же высшимъ представителямъ метрополіи, въ соединенныхъ провинціяхъ, присвоенъ былъ титулъ генералъ-губернатора британской сѣверной америки (Governor-general of British North America).

[3]) Ср. W. P. Greswell, The Growth and Administration of the British Colonies (1837—1897);—London, 1898,—p. 40 et seq. H. E. Egerton, Canada; in the Historical Geography of the British Colonies, vol. V, Oxford, 1908, p. 145, et. seg. W. P. Greswell, History of the Dominion of Canada, Oxford 1890, ch. XVII, p. et seq.

[4]) Въ Канадѣ открыто говорили объ отдѣленіи отъ метрополіи; ср. H. E. Egerton, Canada, p. 149.

[5]) Ср. A. Zimmermann, Die Kolonialpolitik Grossbritanniens, Bd III, Zweiter Theil (Berlin 1899), S. 172.

[6]) „Я не знаю другого средства возстановленія мира,—писалъ онъ, кромѣ управленія согласно принципамъ, найденнымъ столь дѣйствительными въ Великобританіи“... „Никогда не удавалось ясно доказать, каковы тѣ имперскіе интересы, которые требовали бы полнѣйшаго уничтоженія представительнаго управленія“... „Не требуется вовсе придумывать какой-либо новой теоріи, а просто необходимо послѣдовательно примѣнять принципы британской конституціи“...

обстоятельство можетъ быть поставлено ему въ величайшую заслугу, если вспомнить, что онъ защищалъ эти мысли въ то время, когда метрополія, общественное мнѣніе наравнѣ съ правительствомъ, требовала самыхъ крутыхъ репрессій. Мы уже не говоримъ объ идеалахъ другихъ европейскихъ государствъ того времени. Еще интереснѣе отмѣтить, что другою основною мыслью Дургама была защита прерогативы короны, во всей ея неприкосновенности; „но,—писалъ онъ—корона должна подчиниться необходимымъ послѣдствіямъ существованія представительныхъ учрежденій; если она уже согласилась управлять въ униссонъ съ представительнымъ учрежденіемъ, то должна быть согласна и на управленіе такими средствами, которыя внушали бы довѣріе этому представительному учрежденію“ [1]).

Наконецъ, третьимъ идеаломъ Дургама было единство управленія для всѣхъ дотолѣ разрозненныхъ канадскихъ провинцій. Практически этотъ послѣдній принципъ оказалось наиболѣе труднымъ осуществить; прочное обоснованіе его было возможно только уже послѣ осуществленія двухъ первыхъ началъ; требовалось предварительное обезоруженіе и обезвреженіе тѣхъ центробѣжныхъ факторовъ, расовыхъ, религіозныхъ, національныхъ, которые вызвали возстаніе; а достичь такой результатъ можно было лишь предварительнымъ прочнымъ обоснованіемъ конституціоннаго правительства и гарантій правъ и свободы гражданина.

Преслѣдуя свой идеалъ единства, Дургамъ имѣлъ въ виду преобладаніе англійской расы, удѣляя ей нѣкоторое преимущественное положеніе передъ французами. Но именно здѣсь-то и оказалось скрытымъ сѣмя раздора на будущее [2]); послѣдующія два дѣсятилѣтія раскрыли это слабое мѣсто реформы Дургама, вызвавшее новую борьбу, закончившуюся вторымъ конституціоннымъ актомъ, 1867 года, окончательно обосновавшимъ расовое равенство и тѣмъ создавшимъ твердый фундаментъ свободы для канадскихъ гражданъ.

---

[1]) Стр. 106 доклада.

[2]) Одной изъ причинъ тому было разочарованіе Дургама въ французахъ; онъ нашелъ ихъ страшно консервативными и враждебными всякому прогрессу: особенно усердно агитировала въ этомъ духѣ католическая церковь. Ср. H. E. Egerton, Canada, p. 151. Также Stuart J. Reid, Life and Letters of the first Earl of Durham, 1906; F. Bradshaw, Self-Government in Canada, 1903.

Для осуществленія намѣченныхъ имъ идеаловъ, Дургаму пришлось вернуться въ Англію, чтобы лично защищать принципы своего проекта. Метрополія не желала дѣлать перваго шага и требовала предварительнаго выясненія настроенія самой колоніи. Относительно первыхъ двухъ принциповъ, выставленныхъ Дургамомъ, сомнѣнія, конечно, не было; вопросъ шелъ лишь о возможности единства въ управленіи обѣихъ Канадъ [1]).

Только въ 1840 году внесъ премьеръ Лордъ Рессель (Lord John Russell) свой проектъ „акта объединенія Верхней и Нижней Канадъ и организаціи управленія Канадъ“ на обсужденіе палаты общинъ. Послѣдняя приняла билль безъ возраженій; правительство однако встрѣтило сильную оппозицію въ палатѣ лордовъ; въ концѣ-концовъ билль былъ принятъ и санкціонированъ королевой [2]); вступленіе его въ силу было назначено на февраль 1841 года; 5 февраля законъ былъ торжественно опубликованъ канадскимъ генералъ-губернаторомъ, преемникомъ Дургама [3]); 10-го онъ вступилъ въ силу.

Согласно акту 1841 г. учреждены были въ соединенныхъ провинціяхъ Верхней и Нижней Канадъ двѣ палаты, верхняя или совѣтъ (въ составѣ не менѣе 20 членовъ) и нижняя (въ составѣ 84 членовъ, по 42 отъ каждой провинціи); спикеръ верхней палаты назначался,—нижней же—избирался; пасс. избир. право опредѣлялось имущественнымъ цензомъ (недвиж. имущество стоимостью не менѣе 500 ф. стерл.); офиціальнымъ языкомъ былъ признанъ одинъ англійскій; палата избиралась на 4 года и должна была имѣть одну ежегодную сессію; финансовые билли должны были вноситься лишь съ предварительнаго согласія на нихъ генералъ-губернатора [4]).

„Отнынѣ, писалъ сэръ Эдуардъ Блэкъ [5]), имперскіе интересы въ Канадской правительственной политикѣ будутъ охраняться не какими-либо параграфами губернаторскихъ инструкцій, а взаимнымъ довѣріемъ и заботой о нихъ канадскихъ совѣтниковъ Ея Величества

---

1) Poulett Thomson, Lord Sydenham. Cp. Scrope, Life of Lord Sydenham.
2) 3 and 4 Vict., c. 35. Cp. Christie, V, p. 326 et seq.
3) Подробная исторія Канады этой эпохи изложена у Kingsford, History of Canada, vol. X.
4) Cp. Houston, Constitutional Documents of Canada; 1891.
5) Депеша Блэка статсъ-секретарю; Canadian Sessional Papers, 1887, № 13.

(собственно министровъ), съ обезпеченіемъ коронѣ всѣхъ ея конституціонныхъ правъ и полномочій".

Таковъ былъ первый шагъ, сдѣланный Великобританіей на пути установленія принципа Канадской автономіи. Онъ свидѣтельствуетъ и о дальновидности англійскаго правительства и въ частности его премьера Джона Ресселя; еще въ 1836 году онъ заявлялъ въ палатѣ общинъ, что реформа неумѣстна, такъ какъ означала бы окончательное отпаденіе колоніи; „лучше предоставить ей вовсе отдѣлиться, говорилъ онъ, чѣмъ намъ притворяться, что мы управляемъ колоніей" (рѣчь 16 мая, 1836 г.); докладъ Дургама его убѣдилъ въ противномъ и пять лѣтъ спустя онъ выступилъ однимъ изъ искреннѣйшихъ защитниковъ автономіи колоній вообще и реформы Канады въ частности [1]).

Реформа 1841 г. содержала два основныхъ принципа чрезвычайной важности: 1) ею устанавливался конституціонный принципъ управленія Канады, и 2) учреждалась новая форма управленія, такъ какъ отнынѣ генералъ-губернаторъ управлялъ уже не единолично, а при посредствѣ министерства, носившаго наименованіе совѣта. До 1841 г. губернаторы и генералъ-губернаторы управляли въ Канадѣ почти самодержавно; представительные органы имѣли лишь совѣщательный голосъ, съ которымъ многіе губернаторы едва считались.

Однихъ этихъ двухъ началъ было бы достаточно, чтобы ослабить прежнюю связь колоніи съ метрополіей; актъ 1841 г. не измѣнилъ однако юридическаго положенія Канады; она попрежнему оставалась провинціей хотя и получила большую долю самостоятельности или автономіи. Значеніе акта 1841 г., однако, заключалось въ томъ, какъ то доказала дальнѣйшая исторія Канады, что по самому своему существу онъ оказался лишь первымъ шагомъ. Въ тѣни двухъ названныхъ принциповъ уже виднѣлся зародышъ третьяго, практическое значеніе котораго было куда болѣе чревато слѣдствіями.

---

[1]) Ср. Memoir of the life of the R. H. Charles Lord Sydenham, edited by his brother G. Poulett Scrope; London, 1843. Также W. P. Greswell, The Growth and Administration of the British Colonies, p. 146 et seq.; H. E. Egerton, Canada; in the Historical Geography of the British Colonies, vol. V, p. 163 et seq. The last forty years, Canada since the Union of 1841. J. W. Kaye, The Life and Correspondence of Lord Metcalf. S. B. Leacock Baldwin, Hincks, La Fontaine; Makers of Canada Series, 1907.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

Мы имѣемъ въ виду принципъ парламентаризма; разъ было создано особое Канадское министерство, при посредствѣ котораго генералъ-губернаторъ долженъ былъ впредь управлять колоніей, разъ, съ другой стороны, твердо были обоснованы конституціонныя гарантіи и представительныя учрежденія, въ особенности благодаря престижу англійскаго способа управленія, престижу, который всегда высоко стоялъ въ глазахъ канадцевъ,—принципъ парламентаризма долженъ былъ силою необходимости рано или поздно восторжествовать. Такъ и случилось, несмотря на тѣ препятствія, которыя ему пришлось преодолѣть; не сразу, конечно, было ему обезпечено полное торжество; сначала препоны были весьма серьезныя,—въ частности со стороны нѣкоторыхъ генералъ-губернаторовъ. Да и въ метрополіи вначалѣ вовсе еще не думали о возможности парламентаризма для Канады. Историческія изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ ясно показываютъ, что и передовые дѣятели Англіи тѣхъ временъ не имѣли въ виду этого принципа; такъ письма и депеши Ресселя свидѣтельствуютъ намъ, что, реформируя народное представительство колоніи, онъ все же надѣялся, что совѣтъ генералъ-губернатора (т.-е. министерство) останется и впредь назначаемымъ и постояннымъ учрежденіемъ, составляемымъ чиновниками - администраторами [1]). Только позднѣе, при другихъ статсъ-секретаряхъ колоній, стала мѣняться точка зрѣнія англійскаго министерства; многаго достигли въ этомъ отношеніи Гладстонъ и Грей. Канадійцы, впрочемъ, и не безъ нѣкотораго основанія, утверждаютъ, что самая идея парламентаризма для Канады зародилась и проведена была въ жизнь благодаря стараніямъ колоніальныхъ госуд. дѣятелей, а не министровъ метрополіи; они правы въ томъ смыслѣ, что, не настаивай Канада столь мужественно на своихъ привилегіяхъ, правительство метрополіи можетъ быть не рѣшилось бы на такую коренную реформу. Особенно сильно въ пользу принципа парламентаризма высказывались представители Верхней Канады [2]).

---

[1]) Ср. J. H. Morgan, Second Chambers, статья въ Contemporary Review May 1910, p. 536.

[2]) Подробнѣе см. статью Ликока: Leacock, Responsible Government in the British Colonial System; the American Political Science Review, May (№ 3), 1907. Baltimore.

Съ другой стороны однако слѣдуетъ отмѣтить и противниковъ подобнаго способа управленія; особенно нѣкоторымъ генералъ-губернаторамъ было трудно примѣниться сразу къ новому положенію; автократическіе пріемы единоличнаго управленія, какъ всѣмъ извѣстно, слишкомъ соблазнительны. Англійское правительство, къ тому же, наотрѣзъ отказывалось воплотить такой принципъ въ форму законодательнаго акта, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Великобританской конституціи [1]). Не мудрено поэтому, что нѣкоторые администраторы не желали уступать своей власти; особенно отличался въ этомъ отношеніи лордъ Меткафъ [2]), бывшій генералъ-губернаторомъ съ 1843 по 1845 гг. Конфликты съ общественнымъ мнѣніемъ иногда обострялись до крайности, ставя вновь подъ знакъ вопроса подчиненіе колоніи метрополіи; были моменты въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда казалось, что все достигнутое Дургамомъ и актомъ 1841 г., пойдетъ прахомъ; столкновеніе слѣдовало за столкновеніемъ, подрывая надежды умѣренныхъ какъ въ Англіи, такъ и въ Канадѣ; многіе современники считали повтореніе возстанія Папино вполнѣ возможнымъ и необходимымъ послѣднимъ шагомъ высвобожденія Канады изъ подъ ферулы метрополіи. Правительство Англіи однако сознало опасность, несмотря на противодѣйствіе такихъ людей, какъ Р. Пиль.

---

[1]) Такъ, Рессель въ одной изъ своихъ депешъ писалъ: „невозможно сократить въ форму позитивнаго акта (т.-е. закона) конституціонный принципъ подобнаго рода“: Journals of Assembly, 1841 г., p. 392.

[2]) Ср. Life and correspondance of Charles Lord Metcalf by J. W. Kaye; London. 1858; также Todd, Parliamentary Government in the British Colonies, 2 et., 1894, p. 26 et seq.; Munro, Constitution of Canada, p. 20; H. Jenkyns, British Rule and Jurisdiction beyond the Seas, p. 58. Другими подобными примѣрами могутъ служить Lord Falkland, Sir James Craig, Sir Collin Campbell; ср. Bourinot, Parliamentary Government in Canada, Annual Report of the American Historical Association, 1891, p. 324 et seq. и Prof. Leacock (American Polit. Science Review, May 1907, p. 365 et seq.; послѣдній авторъ посвятилъ свое изслѣдованіе именно вопросу роста и постепеннаго укрѣпленія идеи парламентаризма въ управленіи Канады; онъ доказываетъ, между прочимъ, что притязанія Меткафа находили себѣ поддержку и въ метрополіи, въ частности въ лицѣ лорда Стенлей (Lord Stanley), а отчасти и Роберта Пиля, также не особенно сочувствовавшаго полной автономіи Канады. Станлей, напр., утверждалъ въ парламентѣ, что существуетъ неразрѣшимое противорѣчіе между понятіями: „The British Empire is a State“ и The Colonies govern themselves“ (Speach of Lord Stanley on the Canadian question, London, Times, June 19, 1849). Тори, выступавшіе не разъ по этому вопросу въ ихъ органѣ Quarterly Review (за 1893 г.), писали о докладѣ Дургама „nonsense and childish“ (глупо и дѣтски!) Какъ далека однако современная Англія отъ подобныхъ мыслей!

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТ В. Ж. К.

Процессъ борьбы кончился, когда у власти вновь сталъ лордъ Рессель, имѣвшій теперь въ своемъ кабинетѣ министромъ колоній Грея (Earl Grey). Однимъ изъ первыхъ ихъ актовъ было назначеніе въ Канаду генералъ-губернаторомъ лорда Эльджина, вступившаго въ отправленіе своихъ обязанностей въ январѣ 1847 г. [1]).

Періодъ борьбы 1841—1847 гг. прошелъ не безъ вліянія на обѣ стороны; какъ для метрополіи, такъ и для колоніи ясно опредѣлилась необходимость окончательно отказаться отъ старыхъ пріемовъ управленія и считаться впредь какъ съ канадскими представительными учрежденіями, такъ и съ канадскимъ общественнымъ мнѣніемъ; а удовлетворить эти новыя требованія колоніи могъ только принципъ парламентаризма.

Задача Эльджина такимъ образомъ обрисовалась и опредѣлилась сама собой; заслугой его является то, что онъ понялъ значеніе указанныхъ обстоятельствъ и сразу и откровенно сталъ на новый путь. Благодаря этому за время его генералъ-губернаторства окончательно установился въ Канадѣ третій основной принципъ ея конституціи,—парламентаризмъ.

Но вслѣдствіе этого должна была неизбѣжно еще болѣе ослабнуть государственная связь Канады съ метрополіей.

И въ другихъ отношеніяхъ можемъ мы констатировать незамѣтное ослабѣваніе за 40-е и 50-е годы прежней связи колоніи съ метрополіей.

Особенно важнымъ факторомъ въ этомъ отношеніи явилось постепенное развитіе принципа самоуправленія въ отдѣльныхъ канадскихъ провинціяхъ; чѣмъ дальше шло время, тѣмъ тверже обосновывалось общинное самоуправленіе; росли деревни и поселки, уже не говоря о городахъ, усложнялись потребности земскаго и городского хозяйства, увеличивались культурныя требованія провинціальнаго населенія, а съ ними вмѣстѣ росла вся

---

[1]) Подробнѣе объ администраціи Эльджина см.: T. Walrond, Letters and Journals of James, Eighth Earl of Elgin, London 1872; Earl Grey, The Colonial Policy of Earl Russell's Administration, London, 1854, vol. I. Наиболѣе подробное изложеніе исторіи всего періода 40-хъ годовъ можно найти у Дента: J. C. Dent, The last forty years: Canada since the Union of 1841, Toronto, 1880. Также A. Gerin—Lajoie, Dix ans au Canada, Quebec, 1888; Todd, o. c., p. 79. J. Pope, Life of Sir John Macdonald, 1894. A. Zimmermann, Die Kolonialpolitik Grossbritanniens, Bd. III, Zweiter Theil, S. 180.

совокупность мѣстнаго самоуправленія. Одною изъ величайшихъ заслугъ англо-саксонскаго правосознанія всегда было уваженіе къ институту самоуправленія, другими словами къ принципу самостоятельности общинъ въ удовлетвореніи своихъ мѣстныхъ нуждъ. Такъ было и въ Канадѣ; какъ колоніальная администрація, такъ и правительство метрополіи всегда свято ограждали этотъ принципъ самоуправленія. Съ теченіемъ времени отсюда вытекло важное слѣдствіе, начавшее ясно выступать наружу въ 50-хъ годахъ, а именно—ростъ провинціальной самостоятельности. Каждая изъ отдѣльныхъ провинцій Канады стала опредѣляться какъ Communa communarum; это напоминаетъ намъ въ миніатюрѣ, конечно, тѣ соціальные процессы, которые когда-то переживала сама Англія.

Но при господствѣ подобнаго правового строя, было вполнѣ очевиднымъ, что учрежденія и порядокъ управленія, созданные актомъ 1841 г., уже не могли долѣе удовлетворять нуждамъ Канады. Не могла удовлетворять послѣднюю и существовавшая тогда государственно-правовая связь съ метрополіей.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше пріобрѣтала Канада самостоятельныхъ государственно - правовыхъ функцій. Характернѣе всего то обстоятельство, что процессъ появленія этихъ новыхъ функцій въ канадскомъ государственномъ правѣ развивался именно въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, иногда прямо вопреки идеаламъ такихъ администраторовъ, какъ лордъ Меткафъ. Мы имѣемъ здѣсь блестящій примѣръ силы и жизненности принциповъ конституціонализма.

Такимъ порядкомъ Канада получила право устанавливать свой особый цивильный листъ для короны, метрополія же потеряла право распоряжаться провинціальными финансами [1]); Затѣмъ метрополія уступила Канадѣ администрацію почты [2]) и право распоряженія таможенными тарифами [3]); въ 1846 г. Канада получила право законодательствовать въ вопросахъ обложенія иностранныхъ

---

[1]) 10 and 11 Vict., c. 71 (Imperial Act); 9 Vict., c. 114 (Provincial Act); Consolidated Statutes of Canada, c. 10.

[2]) Can. Stat., 13 and 14 Vict., c. 17, s. 2; Consol. Stat., c. 31, s. 2; Imper. Act, 12 and 13 Vict., c. 66.

[3]) Послѣдній разъ метрополія распорядилась Канадскими там. тарифами въ 1842 г.

товаровъ, въ отмѣну и измѣненіе дѣйствовавшихъ имперскихъ законовъ [1]); въ 1849 г. были отмѣнены метрополіей всѣ существовавшія ограниченія судоходства по рѣкѣ св. Лаврентія [2]). Подобные примѣры можно бы еще увеличить, въ особенности въ области канадскаго адмнистративнаго права, все болѣе переходившаго въ исключительное вѣдѣніе канадскаго министерства.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить развивавшіеся за этотъ періодъ два параллельныхъ процесса; одинъ изъ нихъ можно назвать внѣшнимъ, другой—внутреннимъ; внѣшній процессъ состоялъ въ постепенномъ переходѣ государственно-административныхъ функцій отъ метрополіи къ колоніи; чѣмъ дальше, тѣмъ совершеннѣе становилась полнота административной власти въ Канадѣ; внутренній же процессъ заключался въ консолидаціи самоуправленія и въ постепенномъ ростѣ самостоятельности провинціи; этимъ создавался весьма прочный фундаментъ дальнѣйшему развитію государственной автономіи всего цѣлаго, т.-е. Канады какъ государства [3]).

Одновременно росли и развивались, конечно, и соціальные факторы, напр., національное самосознаніе, крѣпло общественное мнѣніе и правосознаніе и т. д. [4]). Не удивительно, что при такихъ условіяхъ и при мудромъ содѣйствіи лорда Эльджина, принципъ парламентаризма окончательно окрѣпъ и обосновался.

Съ другой стороны однако въ 50-хъ годахъ уже совершенно ясно стало, что учрежденія и порядки установленные реформой 1841 года не могли долѣе удовлетворять насущнымъ потребностямъ Канады.

Центробѣжныя силы стали вновь расти; вновь послышались опасенія отдѣленія колоніи; стали раздаваться голоса за присоединеніе Канады къ Соед. Штатамъ. На первомъ планѣ стоялъ теперь расовый вопросъ; главной ошибкой Дургама была недостаточная оцѣнка французской расы, вслѣдствіе чего онъ создалъ для англичанъ пре-

---

[1]) Imper. Stat., 9 and 10 Vict.., c. 94. Ср. также Todd, Parl. Government in B. Colonies, p. 222 et seq.

[2]) Imper. Act, 12 and 13 Vict., c. 29, s. 5.

[3]) Ср., напр., Bradshaw, Selfgovernment. in Canada, Lond. 1903.

[4]) Не даромъ канадцы (напр., проф. Ликокъ) приписываютъ себѣ немалую долю участія въ созданіи тѣхъ условій, которыя вызвали реформу 1867 г., опредѣлившую государственную автономію Канады.

имущественное положеніе, не считаясь съ нуждами и интересами Квебека; онъ твердо былъ увѣренъ, что въ будущемъ французы ассимилируются окончательно съ англичанами; событія 40-хъ и 50-хъ годовъ доказали однако какъ разъ обратное; не только не появлялось какихъ-либо признаковъ ассимиляціи расъ Квебека, но, наоборотъ, французы, поддерживаемые католическою церковью, упорно обособлялись.

Рядомъ съ этимъ стало чувствоваться и другое обстоятельство; ростъ населенія шелъ незамедлительно во всѣхъ провинціяхъ, но весьма неравномѣрно, благодаря чему нарушалось равновѣсіе, установленное актомъ 1841 г. въ области избирательнаго права; число представителей, посылаемыхъ провинціями въ общій парламентъ, не соотвѣтствовало болѣе численности населенія. Въ 1854 году[1]) была сдѣлана попытка помочь горю предоставленіемъ самому парламенту права измѣнять число представителей отъ обѣихъ провинцій; партійные и расовые споры однако не прекратились; причина борьбы лежала глубже—въ неравноправіи обѣихъ расъ.

Начиная съ 1862 г., положеніе сильно обостряется; кризисъ этотъ очень напоминаетъ событія 30-хъ годовъ, не принимая однако формы открытаго возстанія. Одно министерство смѣняется другимъ съ быстротой молніи, но ни одно изъ нихъ не въ состояніи умиротворить разыгравшіяся страсти. Положеніе генералъ-губернатора при такихъ условіяхъ было чрезвычайно трудное; безъ министерства онъ былъ какъ безъ рукъ.

Наконецъ, въ 1864 г. лидеры обѣихъ борющихся сторонъ сознали, что дальше такъ жить нельзя было; страна страшно страдала, законодательная работа просто была прекращена; постоянная смѣна министерствъ остановила и дѣятельность администраціи.

Въ этотъ моментъ отчаянія и зародилась счастливая мысль выхода изъ тяжелаго положенія принятіемъ федеративнаго начала, какъ единственное средство обезпеченія равноправія двухъ спорящихъ сторонъ[2]). Мини-

---

[1]) 17 and 18 Vict., 118, s. 5. Подробнѣе см. Turcotte, Canada sous l' Union, p. 202 et. s.

[2]) Ср. Confederation Debates, 1866; также J. H. Gray, Confederation of Canada, vol. I; L. P. Turcotte, Canada sous l' Union; H. E. Egerton, Canada o. c., p. 227 et seq.; J. Pope, Confederation Documents, 1895; A. H. F. Lefroy,

стерство, тогда находившееся у власти сразу, сознало значеніе такого предложенія и рѣшило не терять времени въ его осуществленіи; 10 октября 1864 г. была созвана особая конференція представителей *всѣхъ* канадскихъ провинцій; послѣдняя выработала 72 пункта резолюцій. Въ началѣ 1865 г. резолюціи эти уже обсуждались въ парламентѣ соединенныхъ провинцій; послѣ долгихъ преній, наконецъ, былъ составленъ адресъ королевѣ.

Принципы, вызывавшіе теперь споры, были иные, чѣмъ въ 1840 году; основы конституціи были уже прочно установлены; не было вопроса о принципахъ конституціонализма, парламентаризма и гражданской свободы; какъ въ метрополіи, такъ и въ колоніи ихъ считали окончательно утвержденными [1]). Теперь вопросъ шелъ о другомъ; необходимо было регулировать на новыхъ началахъ отношенія Канады къ Великобританіи; къ концу 1867 года, колонія—дочь уже выросла, достигла совершеннолѣтія и требовала себѣ гораздо большей самостоятельности; съ другой стороны, не менѣе важными были два вопроса внутренней, чисто-канадской политики; необходимо было, во-первыхъ, устранить факторы расового раздора, найти такой modus vivendi, при которомъ французы не тянули бы врозь съ англичанами, установить, другими словами, равноправіе обѣихъ національностей; во-вторыхъ, казалось необходимымъ создать такое положеніе, при которомъ и прочія провинціи, теперь уже значительно выросшія и развившіяся, могли бы присоединиться къ общему союзу или федераціи; дальновиднымъ политикамъ такое соединеніе представлялось безусловно выгоднымъ.

Не такъ однако думали въ провинціяхъ, бывшихъ тогда самостоятельными; Новая Шотландія и Новый Брунсвикъ (такъ называемыя Морскія провинціи) далеко не были довольны проектомъ 1865 года; каждая изъ нихъ боялась потерять въ уніи свою самостоятельность; главнымъ препятствіемъ были вопросы финансо-

---

Law of Legislative Power in Canada, 1897; J. R. Cartwright, Cases on the British North America act, 1882—1892; Sir R. Cartwright, Memories of Confederation, 1906.

[1]) Проф. Ликокъ (Responsible Government, Amer. Pol. Science Review, May 1907, p. 357) правильно замѣчаетъ, что „будущая исторія колоній, можетъ-быть, докажетъ, что отвѣтственное (парламентарное) правительство еще не составляетъ послѣдняго слова эволюціи британскихъ колоній“.

вые, какъ самые жизненные. Благодаря этому, переговоры тянулись долго, и временами казалось, что эта послѣдняя цѣль, соединенія всѣхъ канадскихъ провинцій въ одно цѣлое, не будетъ достигнута. Только въ концѣ 1866 года, на второй конференціи, засѣдавшей на этотъ разъ въ Лондонѣ, удалось получить условное согласіе Морскихъ провинцій на общію унію. [1]) Въ февралѣ и мартѣ 1867 г. проектъ федераціи уже обсуждался въ имперскомъ парламентѣ и получилъ, наконецъ, королевскую санкцію 29 марта; вступленіе этого акта въ силу было назначено на 1 іюля 1867 года[2]).

Изъ трехъ цѣлей, имѣвшихся въ виду реформаторами 1866 года, двѣ были блестяще осуществлены; какъ расовый споръ, такъ и отношенія къ метрополіи были удачно улажены; Канадѣ была обезпечена государственная автономія, для метрополіи была устранена (и думается на весьма долгое время, если не навсегда) опасность отпаденія ея взрослой дочери, а обѣимъ расамъ, составляющимъ коренное населеніе Канады, было дано полное равноправіе.

Что же касается третьей цѣли, соединенія всѣхъ канадскихъ провинцій въ одно цѣлое, то она была достигнута не сразу; согласно ст. 146 акта 1867 года, въ одну федерацію были соединены лишь провинціи Онтаріо, Квебекъ (прежнія Верхняя и Нижняя Канады), Новая Шотландія и Новый Брунсвикъ; но та же статья предусматривала возможность присоединенія и другихъ провинцій, по взаимному соглашенію ихъ правительствъ. На основаніи этого, въ 1869 году были присоединены земля Руперта и Сѣверо-Западныя территоріи, въ которыхъ установлено было особое временное управленіе [3]); въ 1870 году изъ Сѣв.-Зап. территоріи была выдѣлена

---

[1]) Морскія провинціи также уже имѣли отвѣтственныя министерства; въ Нов. Шотландіи и Нов. Брунсвикѣ съ 1848 года, а на островѣ пр. Эдуарда— съ 1851 года; также твердо были обоснованы и конституціонныя гарантіи; благодаря этому онѣ пользовались столь же большою самостоятельностью какъ Верхняя и Нижняя Канады и естественно боялись потерять таковую, полагая, что послѣднія двѣ провинціи ихъ просто задавятъ своей величиной. Согласіе Морскихъ провинцій на вступленіе въ унію и было обусловлено требованіемъ сохраненія за ними ихъ прежней самостоятельности и конституціонныхъ гарантій.

[2]) Imper. act, 30 and 31 Vict., c. 3: „an act for the Union of Canada, Nova Scotia and New Brunswick, and the Government thereof and for purposes connected therewith“.

[3]) Canad. Stat. 32 and 33 Vict., c. 3.

и организована новая провинція — Манитоба [1]); 20 іюля 1871 года была принята въ федерацію провинція Британская Колумбія [2]), а въ іюлѣ 1873 года еще одна провинція островъ принца Эдуарда [3]).

Тотъ фактъ, что прочія провинціи присоединились къ федераціи, можетъ только свидѣтельствовать въ ея пользу; провинціи эти убѣдились воочію, насколько подобная унія могла быть полезной и сколь мало она угрожала дорогой имъ автономіи. Такимъ образомъ оказалась достигнутой и третья изъ намѣченныхъ реформаторами цѣлей.

Дальнѣйшая судьба акта 1867 года является нерукотворнымъ памятникомъ дальновидности и государственной мудрости людей, стоявшихъ у кормила Канады въ 60 годахъ. Если первая реформа конца 30 годовъ была дѣломъ рукъ, главнымъ образомъ, правительства метрополіи и обоснованіемъ принциповъ конституціонализма, со всѣми вытекающими изъ нихъ послѣдствіями, парламентаризмомъ въ томъ числѣ, то вторая реформа конца 60 годовъ явилась созданіемъ рукъ самихъ канадцевъ, прекраснымъ фундаментомъ федераціи Канады внутри и прочнымъ единеніемъ съ метрополіей во внѣ.

II.

Актъ 1867 года.

Организація властей.

I. *Парламентъ.* Согласно ст. 17 канадскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: сената и палаты общинъ. Созывъ, отсрочка или перерывъ сессіи и роспускъ происходятъ распоряженіемъ генералъ-губернатора, дѣйствующаго однако не свободно, по своему усмотрѣнію, а лишь съ согласія и по указанію отвѣтственнаго канадскаго министерства [4]).

---

[1]) 33 Vict. c. 3.
[2]) 34 Vict., c. 20.
[3]) 36 Vict., c. 40.
[4]) Объ этомъ полномочіи министерства въ актѣ 1867 г. не говорится; оно установлено обычнымъ правомъ, будучи заимствовано изъ парламентарнаго права метрополіи; вопросъ этотъ былъ поднятъ только разъ и сразу же окончательно рѣшенъ въ указанномъ смыслѣ.

Согласно общему принципу федеративныхъ государствъ, сенатъ представляетъ интересы провинцій какъ отдѣльныхъ единицъ, палата же общинъ—интересы всего населенія какъ одного цѣлаго. Въ настоящее время имѣется 81 сенаторъ, 24 отъ Онтаріо, 24 отъ Квебека, 24 отъ Новой Шотландіи, Новаго Брунсвика и острова пр. Эдуарда, 4 отъ Манитобы, 3 отъ Британской Колумбіи и 2 отъ Сѣв.-Зап. территорій. Всѣ они назначаются правительствомъ; назначаемы могутъ быть только лица, жительствующія въ той провинціи, которую они впредь будутъ представлять, Британскіе подданые, 30 лѣтъ отроду и располагающіе имуществомъ, превышающимъ пассивъ, цѣною въ 4000 долларовъ (для Квебека имущество должно находиться въ самой провинціи Квебека); сенаторы назначаются пожизненно, но лишаются сенаторскаго мѣста, если отсутствуютъ въ продолженіе 2 сессій подрядъ или: при выходѣ изъ подданства, банкротствѣ, совершеніи нѣкоторыхъ преступленій (напр., при измѣнѣ) и, наконецъ, при потерѣ имущ. ценза. Актъ 1867 г. предвидитъ возможность увеличенія числа сенаторовъ, но ставитъ этому крайній предѣлъ; максимумъ установленъ въ 84 члена (стт. 26, 27 и 28). Способъ назначенія сенаторовъ правительствомъ представляетъ собой одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ акта 1867 г., такъ какъ даетъ въ руки правительства весьма опасное оружіе; не даромъ нѣкоторые авторы называютъ это право „patronage, which sometimes cannot be distinguished from bribery“; дѣйствительно, соблазнъ весьма великъ для правительства, могущаго вознаграждать сенаторскимъ кресломъ за оказанныя партійныя услуги; при этомъ представительство провинціи отступаетъ, конечно, на задній планъ, сенатъ же, какъ законодательная палата, теряетъ свой престижъ, становясь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Именно благодаря такому способу его составленія, потерялъ сенатъ свою самостоятельность и значеніе въ области федеральнаго законодательства. Уже давно отмѣченъ этотъ недостатокъ и не разъ предлагались проекты реформы верхней палаты; съ подобными планами выступалъ, напр., самъ премьеръ В. Лоріеръ; но по сей день проекты реформы успѣха не имѣли.

Законодательныя функціи сената почти равны зак.

функціямъ палаты [1]); исключеніемъ являются финансовые билли; сенатъ не можетъ вносить въ нихъ поправокъ, не имѣетъ права иниціативы фин. биллей и не имѣетъ права impeachment (ст. 21—36); какъ въ Англіи, верхняя палата судитъ о разводахъ; это право однако не распространяется на Нов. Шотландію, Нов. Брунсвикъ, островъ пр. Эдуарда и Брит. Колумбію, въ которыхъ разводы подвѣдомственны общимъ судамъ.

Предсѣдатель сената также назначается правительствомъ.

Благодаря описанному способу составленія сената, нижняя палата получаетъ гораздо большее значеніе въ законодательствѣ и политикѣ страны. Первоначально она имѣла 181 члена, въ настоящее же время—214 [2]). Депутаты распредѣлены слѣд. образомъ: за основаніе актъ 1867 г. беретъ численность населенія Квебека, какъ наиболѣе устойчивую, и даетъ этой провинціи 65 членовъ; остальныя провинціи имѣютъ представителей пропорціонально количеству населенія и числу представителей Квебека; при каждой народной переписи происходитъ, такимъ образомъ, перераспредѣленіе депутатскихъ мѣстъ; въ настоящее время Онтаріо имѣетъ 86 депутатовъ, Квебекъ—65, Нов. Шотландія—18, Нов. Брунсвикъ—13, Манитоба—10, Брит. Колумбія—7, островъ пр. Эдуарда—4, Сѣв.-Зап. территоріи—10 и Юконъ—одного.

До 1885 г. существовали двустепенные косвенные выборы; съ 1885 по 1898 гг. избир. право регулировалось однообразно для всѣхъ провинцій, съ 1898 г. провинціи получили право устанавливать свои собственныя избир. нормы [3]); общія для всѣхъ провинцій условія избир. права суть: мужской полъ, мѣстожительство и Британское подданство; въ Квебекѣ и Нов. Шотландіи имѣется еще добавочное условіе: невысокій имущ. цензъ, отъ котораго освобождены учителя, рыбаки и нѣк. др. Островъ пр. Эдуарда имѣетъ особый избир. законъ; собственно только въ этомъ и сказалось значеніе закона 1898 г.

---

[1]) Въ Канадѣ въ отличіе отъ метрополіи верхняя палата имѣетъ бо́льшую возможность тормазить ходъ законодательства и дѣятельность нижней палаты.
[2]) По закону 55 and 56 Vict., c. 2, s. 1, (1891).
[3]) 61 Vict., c. 14.

Предсѣдатель или спикеръ палаты избирается ею.

Срокъ депутатскихъ полномочій установленъ въ пять лѣтъ (ст. 50). Подавляющее число депутатовъ юристы и адвокаты; судьи и чиновники лишены избир. права [1]); благодаря послѣднему правилу, какъ въ Англіи, депутаты могутъ отказываться отъ своего мандата, пріемомъ какой-либо правительственной должности.

Порядокъ провѣрки выборовъ и ихъ образованіе измѣнялись съ теченіемъ времени; первоначально провѣрку и разсмотрѣніе жалобъ производила сама палата (въ особой комиссіи); но съ 1873 г., согласно закону, проведенному Макдональдомъ, функція эта передана судамъ; нѣкоторые судьи сомнѣвались въ конституціонности этого закона, но тайный совѣтъ метрополіи подтвердилъ его; теперь эта функція отправляется однимъ или двумя судьями высшаго провинціальнаго суда, которые сообщаютъ свои рѣшенія спикеру палаты.

Съ 1872 г. запрещено быть одновременно членомъ провинціальной и федеральной палатъ. Депутаты получаютъ жалованье; первоначально они получали суточныя (6 долларовъ, и всего не болѣе 600), теперь же имъ уплачивается общая сумма въ 1500 долл. за сессію, но съ вычетомъ 8 долл. за каждый день, въ который депутатъ не присутствовалъ на засѣданіи; это весьма строгое и своеобразное средство контроля депутатовъ.

Членъ палаты можетъ быть лишенъ своего мандата за преступленіе, за нарушеніе наказа палаты и за неблаговидные поступки; но въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ быть выслушанъ палатой; въ палатѣ существуетъ особая комиссія для изслѣдованія подобныхъ вопросовъ. Кромѣ того, депутатъ можетъ быть исключенъ временно за нарушеніе порядка [2]).

Актъ 1867 г., равно и наказъ палаты обезпечиваютъ депутатамъ полностью свободу слова, какъ и свободу личную. Въ установленіи наказа и правилъ дѣлопроизводства палата свободна, согласно ст. 120. Относительно же языковъ установлено полное равенство (ст. 123); де-

---

[1]) Граждане могутъ быть лишены избир. права по постановленію суда и а взяточничество; также лишены изб. права лица, имѣющія казенные подряды и поставки.

[2]) Временное исключеніе называется suspension, а окончательное — expulsion.

путаты могутъ пользоваться любымъ изъ нихъ и зачастую рѣчь произносится на англійскомъ, а отвѣты на нее— на французскомъ и vice versa [1]).

Quorum для сената установленъ въ 15 членовъ, для палаты—20 чл.

Сношенія съ исполнительной властью происходятъ либо черезъ министерство, либо посредствомъ посланій генералъ-губернатора (примѣромъ послужило законодательство Соед. Штатовъ); при открытіи сессіи читается, какъ въ Англіи, тронная рѣчь, являющаяся программой правительства; сношенія между двумя палатами могутъ быть только письменныя; обычаемъ послѣднихъ лѣтъ однако введены согласительныя комиссіи.

Комиссіи бываютъ постоянныя [2]), временныя и спеціальныя [3]).

Какъ и въ Англіи, законодательство различаетъ общіе и частные билли (public and private bills); первые принадлежатъ правительству или самой палатѣ, вторые вносятся частными лицами и защищаются ими передъ комиссіей (поэтому частные билли всегда вносятся въ формѣ петиціи).

Палаты имѣютъ свои должностыя лица; въ сенатѣ клеркъ (clerk), настоятель (chaplain), serjeant-at-arms и usher of the black rod назначаются генералъ-губернаторомъ по представленію совѣта министровъ; въ палатѣ клеркъ (clerk) и приставъ (serjeant-at-arms) назначаются такимъ же порядкомъ генералъ-губернаторомъ, остальные же (секретари, дѣлопроизводители и т. п.) назначаются спикеромъ [4]).

При роспускѣ палаты примѣняется въ полной мѣрѣ принципъ дисконтинуитета какъ къ публичнымъ, такъ и къ частнымъ биллямъ, въ какой бы они стадіи производства не находились; всѣ комиссіи при этомъ также прекращаютъ свое существованіе.

Основнымъ принципомъ, на коемъ построена дѣя-

---

[1]) Эти нормы дѣйствуютъ и въ отношеніи сената.

[2]) Таковыми являются: избир. права, по отмѣнѣ законовъ, жел.-дорожная, частныхъ биллей, наказа, печати, финансовъ, банковъ и промышленности, земледѣлія и колонизаціи (всего 9).

[3]) Таковыми называются Committee of supplies, Committee of Wayas nd Means и Committee of the Whole.

[4]) Ср. J. G. Bourinot, Parliamentary Procedure and Practice in the Dominion of Canada, Toronto, 3 ed., 1903, p. 202 et seq.

тельность канадскаго парламента, является обычаемъ установленное признаніе значенія прецедентовъ англійскаго парламента, какъ дополнительныхъ къ канадскому законодательству нормъ; другими словами, когда встрѣчается вопросъ, не предусмотрѣнный ни канадскимъ законодательствомъ, ни канадскимъ обычнымъ правомъ,— должно принять для его разрѣшенія тотъ способъ, который для сего установленъ въ Великобританіи.

Здѣсь вообще слѣдуетъ замѣтить, что великобританскіе парламентарные порядки пользуются въ Канадѣ большимъ почетомъ и престижемъ и оказали благодаря этому огромнѣйшее вліяніе на развитіе канадскихъ парламентарныхъ порядковъ. Канада весьма старательно слѣдуетъ въ данной области примѣру метрополіи.

Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что власть канадскаго парламента должно разсматривать какъ делегацію власти парламента имперскою; совершенно наоборотъ; оба парламента вполнѣ независимы другъ отъ друга въ сферѣ своихъ компетенцій; власть канадскаго парламента никоимъ образомъ не можетъ разсматриваться въ современномъ правѣ какъ производная [1]); у него самостоятельная власть, проистекающая непосредственно изъ конституціи и представляющая собой законодательную волю народа Канады; при всемъ вліяніи, которое оказала рецепція парламентарнаго права метрополіи, сила послѣдняго обусловлена свободной волей канадскихъ законодателей [2]).

II. *Король.* Англійскій король есть номинальный глава канадской исполнительной власти; подобное его положеніе является традиціоннымъ для XIX столѣтія; оно обще всѣмъ конституціоннымъ монархіямъ; въ Канадѣ однако положеніе осложняется ея отношеніями къ метрополіи. Личность короля представляется въ Канадѣ генералъ-губернаторомъ, въ той узкой сферѣ дѣятельности, которая удѣлена конституціонному монарху; ко-

---

[1]) Это положеніе о самостоятельности, а непроизводности власти канад. парламента обосновано не только дѣйствующимъ законодательствомъ и духомъ конституціи 1867 года, но и судебной практикой; см. суд. рѣшенія Regina vs. Burah, 3 app. Cas, 889; Hodge vs. the Queen, 9 app. Cas., 117. Суды высказались по этому поводу весьма недвусмысленно.

[2]) Подробнѣе о положеніи канад. парламента см. Bourinot, o. c.; J. Doutre Constitution of Canada, Montreal 1880; S. J. Watson, the Powers of Canadian Parliaments, Toronto 1880; Todd, Parl. Government in the British Colonies.

роль въ Канадѣ дѣйствуетъ не самъ, а черезъ посредство генералъ-губернатора, заступающаго его мѣсто; такимъ образомъ всѣ государственныя функціи, которыя обычно восходятъ въ конституціонныхъ монархіяхъ отъ правительства, министерства или другихъ органовъ государства къ монарху, въ Канадѣ идутъ черезъ одну лишнюю ступень, генералъ-губернатора; при самостоятельности послѣдняго, функціи короля лишь номинальны.

Англійская литература пыталась въ этой области провести различіе между понятіями короны и короля, подразумѣвая подъ первымъ „короля въ парламентѣ"; съ одной стороны, генералъ-губернаторъ осуществляетъ функціи короля, напр., право помилованія, присужденія наградъ, дарованіе титуловъ, орденовъ и т. д., съ другой же, онъ представляетъ корону въ Канадѣ, располагая правомъ санкціи законовъ, созыва и роспуска парламента и т. д., защищая, другими словами, интересы имперіи и метрополіи. Врядъ ли однако можно въ наше время стоять на этой точкѣ зрѣнія, такъ какъ не существуетъ никакихъ признаковъ разграниченія; англійскій король не можетъ дѣйствовать безъ своихъ министровъ, а послѣдніе не въ состояніи отдѣлаться отъ контроля зоркаго ока парламента; съ точки зрѣнія государственнаго права король всегда представляется такимъ комплексомъ.

Осуществляя нѣкоторыя свои полномочія, канадскій генералъ-губернаторъ дѣйствуетъ *именемъ* короля; вообще надо замѣтить, что *имя* короля играетъ извѣстную роль въ Канадѣ, хотя явленіе это и представляетъ собой историческій пережитокъ и простую формальность, не имѣющую болѣе юридическаго содержанія. Такъ, именемъ короля санкціонируются законы, созывается, пророгируется и роспускается парламентъ, осуществляется право помилованія, дарованіе наградъ, титуловъ и т. д., его именемъ чеканится канадская монета (долларъ) и печатаются почтовыя марки, оно стоитъ на государственныхъ печатяхъ, федеральной и провинціальныхъ и т. д. Такимъ образомъ „имя" короля формально, безъ матеріальнаго содержанія и по сей день играетъ извѣстную роль; въ наше время однако это одна юридическая форма.

Итакъ, представителемъ короля или, вѣрнѣе, даже короны является генералъ-губернаторъ. Въ послѣднемъ

отношеніи особое значеніе пріобрѣтаетъ актъ назначенія этого представителя Великобританской короны. Въ этой области выступаетъ еще одинъ органъ; мы имѣемъ въ виду:

III. *Статсъ-секретаря колоній* имперскаго кабинета министровъ. Какъ представитель короны генералъ-губернаторъ является имперскимъ должностнымъ лицомъ и какъ таковое іерархически непосредственно подчиненъ статсъ-секретарю колоній; послѣдній вѣдаетъ ближайшимъ образомъ назначеніе колоніальныхъ генералъ-губернаторовъ, дѣйствуя, конечно, съ согласія премьера. И въ данномъ случаѣ король назначаетъ своего представителя въ Канаду съ „совѣта" кабинета. Какъ прямой іерархическій начальникъ канадскаго генералъ-губернатора, статсъ-секретарь колоній несетъ отвѣтственность передъ имперскимъ парламентомъ и королемъ за дѣйствія его въ качествѣ представителя короны, когда онъ выступаетъ, слѣдовательно, защитникомъ имперскихъ интересовъ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда Вестминстерскому парламенту приходится имѣть дѣло съ канадскими вопросами, со стороны правительства выступаетъ тотъ же статсъ-секретарь. Наконецъ, онъ же является тѣмъ имперскимъ органомъ, чрезъ руки котораго проходятъ всѣ взаимныя сношенія Канады съ метрополіей, вся переписка, сообщенія, сношенія и т. д.; генералъ-губернаторъ обязанъ освѣдомлять статсъ-секретаря не только объ обще-имперскихъ интересахъ, но и о требованіяхъ канадскаго общественнаго мнѣнія, политикѣ канадскаго министерства, судьбѣ требованій или пожеланій имперскихъ властей и т. д., и т. д.; съ своей стороны, статсъ-секретарь также обязанъ держать генералъ губернатора au courant того, что дѣлается въ метрополіи.

Такимъ образомъ, какъ видимъ, организована связь колоніи съ метрополіей. Положеніе генералъ-губернатора въ Канадѣ, въ качествѣ имперскаго должностного лица и представителя короля, опредѣляется особыми инструкціями, которыя устанавливаютъ директивы, даваемыя ему правительствомъ метрополіи; инструкціи могутъ быть общими, или спеціальными для какого-либо отдѣльнаго случая; составленіе инструкцій является также функціей статсъ-секретаря, который отвѣтственъ за согласованіе дѣйствій генералъ-губернатора съ общей политикой им-

перскаго правительства [1]). Генералъ-губернаторъ доноситъ ему, какъ непосредственному своему начальнику, о выполненіи инструкцій отчетами, меморіями, рапортами.

Въ прежнее время положеніе статсъ-секретаря было очень трудное; инструкціи генералъ-губернаторамъ были обширны и подробны, функціи ихъ разнообразны и сложны, а стало-быть многообразна и отвѣтственность статсъ-секретаря передъ имперскимъ парламентомъ; послѣдній же часто вмѣшивался въ дѣла, которыя Канада желала вершить самостоятельно; статсъ-секретари должны были постоянно лавировать между Сциллой и Харибдой и отвѣчать за дѣйствія генералъ-губернаторовъ, вынужденныя у нихъ мѣстными обстоятельствами. Теперь положеніе значительно упростилось и не вызываетъ никакихъ трудностей; произошло же это въ тотъ моментъ, когда генералъ-губернаторъ пересталъ единолично управлять Канадой при установленіи принципа парламентаризма; функціи статсъ-секретаря колоній по отношенію Канады имѣютъ теперь лишь второстепенное значеніе, нося скорѣе чисто-политическій характеръ, такъ какъ правительственныя дѣйствія генералъ-губернатора опредѣляются не столько инструкціями, сколько политикой канадскаго министерства.

IV. *Генералъ-губернаторъ.* Какъ видно уже изъ предыдущаго, положеніе генералъ-губернатора двойственно: съ одной стороны, онъ имперское должностное лицо, представитель монарха, съ другой же, глава канадской администраціи. Въ первомъ отношеніи мы будемъ имѣть дѣло съ понятіемъ *должности*, во второмъ же — *съ функціями* генералъ-губернатора. Начнемъ съ первой.

Генералъ-губернаторъ назначается королемъ патентнымъ письмомъ съ приложеніемъ большой госуд. печати, по представленію имперскаго кабинета министровъ (letters patent). Власть его опредѣляется особымъ актомъ, комиссіей и инструкціей (commission and instructions). Этимъ генералъ-губернаторъ или колоніальный губернаторъ отличается, согласно Великобританской судебной практикѣ, отъ вице-короля или намѣстника; послѣдній полностью и eo ipso заступаетъ личность короля и потому не нуждается въ опредѣленіи предѣловъ своей власти какими-

---

[1]) Ср. Todd, o. c., p. 124 et seq.

нибудь инструкціями, тогда какъ генералъ-губернаторъ или губернаторъ имѣютъ лишь ту власть, которая имъ вручена актомъ назначенія, комиссіей и инструкціей [1]); въ настоящее время это различіе между намѣстникомъ и генералъ-губернаторами самоуправляющихся колоній (Канады и Австраліи) стушевалось, не имѣя какого-либо практическаго значенія въ виду сокращенія власти генералъ-губернаторовъ; благодаря этому въ современныхъ инструкціяхъ, какъ увидимъ ниже, правительство довольствуется лишь весьма общимъ опредѣленіемъ правъ и обязанностей представителей короны [2]).

Генералъ-губернаторъ можетъ быть смѣщенъ королемъ въ любой моментъ, хотя обычно за послѣднее полустолѣтіе онъ состоитъ въ этой должности шесть лѣтъ [3]).

При вступленіи въ должность онъ принимаетъ двѣ присяги: подданства и должности передъ судьей высшаго суда, прочитывающаго при этомъ текстъ акта назначенія, комиссіи и инструкціи [4]). За срокъ своей службы ген.-губернаторъ не можетъ ни подъ какимъ предлогомъ выѣзжать за предѣлы Канады безъ особаго на то разрѣшенія короля, получаемаго посредствомъ доклада статсъ-секретаря колоніи; какъ и въ другихъ, случаяхъ всякое сообщеніе королю и отъ короля идетъ черезъ статсъ-секретаря.

Значеніе и содержаніе трехъ документовъ, упомянутыхъ выше, весьма различны; проще всѣхъ „комиссія“ — которая только удостовѣряетъ, что такое-то лицо назначено на такую-то должность; она такимъ образомъ является доказательствомъ для даннаго лица его должностныхъ правъ. Въ патентѣ обыкновенно, но не всегда упоминаются главнѣйшія полномочія генералъ-губернатора, въ инструкціи же полномочія перечислены подробнѣе; ни

---

[1]) Ср. A. B. Keith, Responsible Government in the Dominions, London 1909, p. 28.

[2]) Ср. Todd, Parl. Government in B. Col., 2 ed., p. 35 et seq. и приводимые примѣры суд. практики; также J. Bourinot, Federal Government in Canada, p. 36 in the Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science, 7 series, 1889.

[3]) Принципъ срочности службы генералъ-губернаторовъ оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что благодаря ему не теряется связь представителя короля съ метрополіей, чѣмъ лучше защищаются интересы послѣдней; съ этимъ нельзя не согласиться; такъ Dufferin былъ генералъ-губернаторомъ съ 1872 по 1878 г., а Marquis of Lorne—съ 1878 по 1883 г.; въ настоящее время истекъ шестилѣтній срокъ службы графа Грея, замѣненнаго герцогомъ Коннаутскимъ.

[4]) Ср. Canad. Sessional Papers, 1870 г., № 14.

Юридическая библіотека И. Ф. К.

тотъ, ни другая не исчерпываютъ всѣхъ полномочій ген.-губернатора. Такъ, въ патентѣ Дюфферина (Earl of Dufferin), 1872 г., были перечислены слѣд. права: 1) право употребленія большой госуд. печати Канады; 2) право назначенія судей и другихъ должностныхъ лицъ, включая министровъ; 3) право увольненія ихъ согласно требованіямъ закона; 4) право созыва, пророгаціи и роспуска парламента; 5) право назначенія себѣ однаго или нѣсколькихъ помощниковъ и 6) право на послушаніе и помощь со стороны всѣхъ должн. лицъ въ Канадѣ. Въ инструкціи же, во-первыхъ, подтверждались всѣ права, данныя патентомъ, во 2-хъ, имѣлся приказъ ген.-губернатору принятія присяги, въ 3-хъ, упоминалось право принимать присягу отъ прочихъ должн. лицъ, въ 4-хъ, право давать инструкціи тайному совѣту, въ 5-хъ, право санкціи законовъ (veto въ томъ числѣ), въ 6-хъ, право помилованія и сложенія штрафовъ, но лишь съ согласія министровъ и безъ нарушенія интересовъ имперіи, въ 7-хъ, запретъ изгонять гражданъ изъ предѣловъ Канады и, въ 8-хъ, запретъ выѣзда безъ отпуска [1].

Въ настоящее время дѣло значительно упрощено. Патентъ можетъ быть разсматриваемъ какъ юридическій актъ уполномоченія ген.-губернатора быть представителемъ короля и короны; инструкція же общимъ образомъ опредѣляетъ его права и обязанности. Какъ вѣрно выразился Блэкъ (Blake), имперскіе интересы въ наши дни охраняются не положеніями и пунктами инструкцій, а взаимнымъ пониманіемъ и добровольнымъ опредѣленіемъ таковыхъ.

Инструкціи могутъ быть общія, даваемыя при назначеніи, или спеціальныя для какого-либо отдѣльнаго случая.

Въ прежнее время, особенно въ началѣ 40-хъ годовъ правительству часто приходилось читать нотаціи генер.-губернаторамъ, разъяснять, указывать, направлять и т. д. и т. д. [2]. Особенное значеніе инструкціи имѣли въ вопросѣ парламентаризма; законъ молчалъ о послѣднемъ; правительство и не желало устанавливать такой принципъ закономъ; благодаря этому, центръ тяжести лежалъ на поведеніи генералъ-губернаторовъ и ихъ политическомъ

---

[1]) Ср. Jenkyns, British Rule and Jurisdiction beyond the Seas, p. 213—219.
[2]) Todd, o. c., p. 28.

тактѣ; правительство же метрополіи воздѣйствовало на нихъ посредствомъ инструкцій; интереснѣе всего отмѣтить, что достигалось это коротенькой, съ виду незначительный фразой, что, молъ, ген.-губернаторъ при назначеніи своихъ совѣтниковъ (т.-е. министровъ) имѣетъ руководствоваться положеніемъ партій въ законодательномъ органѣ.

Въ 1875 г. метрополія запросила ген.-губернатора о желательныхъ измѣненіяхъ въ инструкціяхъ. Дюфферинъ прислалъ въ отвѣтъ проектъ, написанный министромъ юстиціи (Blake), въ основу котораго были положены принципы акта 1867 г.; его главною мыслею было утвержденіе, что ген.-губернаторъ впредь могъ дѣйствовать и управлять лишь черезъ своихъ министровъ, за тѣми малыми исключеніями, когда онъ выступалъ непосредственно защитникомъ или представителемъ интересовъ метрополіи [1]).

Въ 1876 г. Блэкъ былъ вызванъ въ Лондонъ; статсъ-секретарь колоніи (Lord Carnarvon) сказалъ ему, что принимаетъ полностью эту его идею и не только для Канады, но и для другихъ колоній, пользующихся самоуправленіемъ! На этомъ основаніи были выработаны новые проекты комиссіи и инструкціи, препровожденные вновь на обсужденіе канадскихъ министровъ. Спорнымъ пунктомъ теперь оказалось право помилованія; статсъ-секретарь настаивалъ на сохраненіи за ген.-губернаторомъ свободнаго осуществленія этого права въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣшаны были имперскіе интересы; канадцы же желали, чтобы во всѣхъ случаяхъ ген.-губернаторъ могъ осуществлять это право лишь съ согласія своихъ министровъ.

Въ 1877 г. правительство метрополіи уступило и въ этомъ. Первый разъ новыя инструкціи были примѣнены на практикѣ при назначеніи въ 1878 г. на постъ канадскаго генер.-губернатора маркиза Лорна (Marquis of Lorne).

Разница между старыми и новыми инструкціями, слѣдовательно, заключалась, во-первыхъ, въ новомъ порядкѣ осуществленія права помилованія, которыми ген.-губернаторъ впредь могъ пользоваться лишь „конститу-

---

[1]) См. Blake's report. Canad. Sess. Papers, 1877, № 13.

ціонно", съ согласія министровъ Канады, во-вторыхъ же, теперь оказались выпущенными пункты, касавшіеся тайнаго совѣта или министерства (парламентарный способъ управленія считался окончательно и твердо установленнымъ); выпущенными были также постановленія, перечислявшія: 1, билли, которые обязательно утверждались въ метрополіи (общаго подобнаго правила больше не существовало такимъ образомъ; veto могло примѣняться лишь исключеніями) и 2, нѣкоторыя дѣла, переданныя теперь вѣдѣнію провинціальныхъ органовъ. Постановленіе касательно таможенныхъ тарифовъ были выпущены изъ инструкцій уже ранѣе, почти сразу послѣ изданія акта 1867 г. [1]). Благодаря всѣмъ этимъ сокращеніямъ, инструкціи стали очень коротенькимъ и лишь формальнымъ документомъ, играющимъ въ наши дни весьма малую практическую роль.

На должность генералъ-губернатора распространяются, кромѣ того, двѣ общія нормы великобританскаго публичнаго права; какъ и всѣмъ прочимъ должностнымъ лицамъ имперіи, имъ безусловно запрещено принимать отъ колоній какіе-либо подарки или подношенія [2]); министры однако могутъ рекомендовать генералъ-губернатору разрѣшить подарокъ провинціальному вице-губернатору. Съ другой стороны, генералъ-губернаторъ обязанъ сообщать своимъ министрамъ всѣ депеши и корреспонденцію метрополіи, за исключеніемъ секретныхъ, адресованныхъ ему лично писемъ; правило это само собой понятно какъ единственное средство держать министерство au courant политики метрополіи.

Кромѣ этихъ двухъ нормъ, на генералъ-губернаторовъ распространяются еще и нѣкоторые другіе имперскіе законы; въ этомъ отношеніи слѣдуетъ имѣть въ виду, что вѣдь генералъ-губернаторъ имперское должностное лицо; вслѣдствіе этого онъ находится подъ дѣйствіемъ такъ наз. „Regulations for His Majesty's Colonial Service [3]), насколько таковыя не противорѣчатъ канадскому праву; ст. I этихъ правилъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ положеніе правительства Канады: 1) „Въ

---

[1]) Todd, o. c. p., 187.

[2]) Это общепринятое правило существуетъ со времени знаменитаго дѣла одного изъ австралійскихъ губернаторовъ Дарлинга (Darling Case).

[3]) См. изданіе іюля 1908 г.

колоніяхъ, имѣющихъ отвѣтственное правительство, корона имѣетъ лишь право veto въ законодательствѣ, статсъ-секретарь колоній не имѣетъ никакого контроля надъ должностными лицами, за исключеніемъ губернатора (генералъ-губернатора). Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся внутренняго управленія подобной колоніи, губернаторъ дѣйствуетъ съ согласія министровъ, отвѣтственныхъ передъ законодательнымъ собраніемъ" [1]); статья же 22 дополняетъ это послѣднее правило указаніемъ, „что вполнѣ понятно, что совѣтники, потерявшіе довѣріе мѣстнаго законодательнаго собранія, подаютъ въ отставку" [2]), наконецъ, стт. 40—47, касающіяся „дисциплины" или служебнаго положенія губернатора, содержатъ цѣлый рядъ запрещеній, какъ-то: участія въ торговлѣ колоніи, въ ея промышленныхъ, капиталистическихъ или земледѣльческихъ предпріятіяхъ, въ подрядахъ и поставкахъ казнѣ, выѣзда изъ предѣловъ колоніи безъ отпуска, содержанія частной агентуры (private agency), участія въ редакціяхъ газетъ или журналовъ, сотрудничества (даже анонимнаго) въ таковыхъ или сообщенія интервью, принятія подарковъ и т. д.

Должностныя лица колоніи теперь назначаются министрами, хотя номинально это совершается и сейчасъ „именемъ" генералъ-губернатора (civil servants appointment).

Наконецъ, что касается отвѣтственности, то политически генералъ-губернаторъ не отвѣтственъ въ колоніи; политически онъ отвѣтственъ лишь предъ метрополіей; предъ послѣдней онъ отвѣтственъ и какъ имперское должностное лицо (здѣсь выступаетъ моментъ его подчиненія статсъ--секретарю колоній). Зато уголовно и граждански генералъ-губернаторъ отвѣтственъ предъ канадскими судами, какъ и всякій другой гражданинъ.

Таковъ обликъ этой должности. Перейдемъ теперь къ ея функціямъ.

---

[1]) Ст. I. 1) „Colonies possessing responsible government, in which the Crown has only reserved the power of disallowing legislation the Secretary of State for the Colonies has no control over any public officer except the Governor. In all matters affecting the internal affairs of such a colony the Governor acts on the advice of Ministers who are responsitble to the Legislature".

[2]) Ст. 22. Губернаторъ назначаетъ и смѣщаетъ членовъ тайнаго совѣта, но „it being understood, that the Councillors who have lost the confidence of the local legislature will tender their resignation".

Во-первыхъ, по отношенію къ канадскому парламенту, ген.-губернаторъ выступаетъ въ роли конституціоннаго монарха, съ согласія своихъ министровъ (съ ихъ скрѣпою) созываетъ, пророгируетъ и роспускаетъ [1]) палаты, принимаетъ отъ членовъ присягу и назначаетъ сенаторовъ и предсѣдателя (спикера) сената.

Во-вторыхъ, по отношенію къ закону, онъ имѣетъ право санкціи и veto; съ одной стороны, онъ санкціонируетъ именемъ короля всѣ законы, съ другой же, въ извѣстныхъ случаяхъ онъ имѣетъ право veto, которое здѣсь принимаетъ форму „резерваціи для санкціи метрополіи"; это тѣ законы, которые затрогиваютъ обще-имперскіе интересы; если таковые интересы затронуты по мнѣнію генералъ-губернатора, онъ не санкціонируетъ законопроекта, а передаетъ его санкціи короны; на практикѣ обыкновенно метрополія дѣлаетъ ему намекъ, что такой-то законъ или часть закона касаются обще-имперскихъ интересовъ [2]). Въ настоящее время подобное право veto или передачи закона на санкцію короны можетъ происходить лишь въ двухъ строго ограниченныхъ случаяхъ: когда Канада не соблюдетъ конституціонныя формы изданія законовъ (напр., когда имѣется противорѣчіе съ конституціей 1867 г. [3]) или когда налицо имѣются имперскіе интересы (стт. 55—57 акта 1867 г. [4]) Въ случаѣ такой резерваціи метрополія имѣетъ въ теченіе двухъ лѣтъ право протеста; при неосуществленіи тако-

---

[1]) Конституціонная обязанность полученія генералъ-губернаторомъ согласія министровъ на роспускъ парламента представляется спорною; вице-губернаторы въ провинціяхъ свободны отъ такой обязанности; генералъ-губернаторъ однако считается ею связаннымъ, хотя легко себѣ представить случай, когда было бы желательно роспустить парламентъ противъ желанія министерства, когда, напр., министерство опирается на большинство въ палатѣ, не соотвѣтствующее болѣе положенію партій въ странѣ; такіе случаи встрѣчались въ канадской парламентарной жизни; нѣкоторые писатели вслѣдствіе этого считаютъ, что тогда какъ король не можетъ отказать въ требованіи премьера роспуска парламента, генералъ-губернаторъ можетъ. (H. Speyer, la Constitution juridique de l'Empire col. Britannique p. 72). Также L. Lowell; см. ниже примѣчаніе на стр.

[2]) Такъ было, напр., въ 1889 г. съ законопроектомъ объ охранѣ авторскаго права; ср. Jenkyns o. c., p. 117.

[3]) Въ настоящее время этотъ принципъ потерялъ свое практическое значеніе, такъ какъ соблюденіе конституціонныхъ формъ и требованій изданія законовъ могутъ провѣряться верховнымъ судомъ.

[4]) Bourinot толкуетъ послѣднее положеніе слѣдующимъ образомъ: когда имѣется въ законопроектѣ противорѣчіе трактатамъ и международнымъ обязательствамъ метрополіи или когда проектъ противорѣчитъ закону метрополіи, касающемуся спеціально Канады; ср. его Manuel of the Constitutional History of Canada, Toronto 1901, p. 156.

вого за истеченіемъ срока, генералъ-губернаторъ однако обязанъ санкціонировать проектъ [1]). Наконецъ, всѣ финансовые билли вносятся обязательно отъ имени генералъ-губернатора; это однако лишь формальность, которою обезпечивается за министерствомъ исключительность иниціативы финансовыхъ законовъ.

Въ-третьихъ, генералъ-губернатору принадлежитъ право назначенія: *а*) себѣ одного или нѣсколькихъ помощниковъ; *б*) членовъ тайнаго совѣта; *в*) министровъ и *г*) судей; номинально его именемъ назначаются и другія должностныя лица. Въ равной мѣрѣ ему принадлежитъ право смѣщенія этихъ же должностныхъ лицъ и судей, но лишь въ соотвѣтствіи съ требованіями закона. Сюда относится также назначеніе „King's Counsels at Courts", т.-е. представителей короны въ судахъ и вице-губернаторовъ (Lieutenant—governors of respective Provinces) и ихъ смѣщеніе. Но само собой понятно, что всѣ перечисленныя назначенія, равно и смѣщенія производятся лишь по представленіямъ министерства [2]).

Въ-четвертыхъ, у генералъ-губернатора имѣется, теперь ограниченное, право помилованія, съ согласія кабинета и именемъ короля; что же касается амнистіи, то, съ согласія министровъ и по предложенію федеральнаго парламента, генералъ-губернаторъ можетъ объявить, что нѣкоторыя преступленія не будутъ преслѣдоваться, что практически сводится къ тому же.

Наконецъ, въ-пятыхъ, генералъ-губернаторъ является главою администраціи Канады.

Генералъ-губернаторъ не является командующимъ войсками въ Канадѣ; командующій генералъ ему непосредственно не подчиненъ.

Прежде существовала теорія о такъ наз. „резервированныхъ правахъ" генералъ-губернатора (reserved powers); подъ этимъ понимались его полномочія, непосредственно не упомянутыя ни въ законѣ, ни въ инструкціяхъ; при современномъ порядкѣ парламентарнаго управленія такое понятіе стало излишнимъ, хотя нѣко-

---

[1]) Примѣры резервацiи: въ 1873 г. проектъ акта присяги, въ 1875 г. проектъ учрежденія верхняго суда, въ 1878 г. проектъ акта о морской торговлѣ и немного позднѣе проектъ закона, ограничивавшаго права японскихъ эмигрантовъ, что противорѣчило великобританскимъ трактатамъ.

[2]) Ср. Munro, o. c., p. 164 et seq.

торые авторы еще толкуютъ его какъ обязанность защиты интересовъ метрополіи; практически этотъ минимумъ сводится къ упомянутому выше праву veto.

Въ общемъ положеніе генералъ-губернатора можетъ быть легко сравниваемо съ положеніемъ конституціоннаго монарха или даже, вѣрнѣе, регента, такъ какъ онъ управляетъ не отъ своего имени; практика канадскаго парламентаризма ихъ одинаково связываетъ въ администраціи [1]), и какъ только генералъ-губернаторъ дѣлалъ даже попытку выйти изъ этихъ рамокъ, такъ сейчасъ же разыгрывался конфликтъ; политическій тактъ генералъ-губернатора, какъ и конституціоннаго монарха, играетъ, такимъ образомъ, огромную роль [2]).

Остается вопросъ о временномъ замѣщеніи должности генералъ-губернатора; въ прежнее время, при временномъ отсутствіи генералъ-губернатора, должность его исправлялась главнымъ или старшимъ судьей (chief justice or senior justice), теперь же обыкновенно назначается одинъ изъ помощниковъ впредь до возвращенія или замѣщенія должности генералъ-губернатора. Главною, если не единственною, функціею помощниковъ генералъ-губернатора является временное или частичное замѣщеніе послѣдняго; генералъ-губернаторъ самъ можетъ имъ поручать вѣдѣніе извѣстнаго дѣла или временное замѣщеніе его должности, напр., въ случаѣ болѣзни, отпуска, путешествія и т. п. Интереснымъ является тотъ фактъ, что для такого замѣщенія не требуется акта статсъ-се-

---

[1]) A. Lawrence Lowell (The Government of England, New-York 1908, vol. II, p. 404) считаетъ напр., что положеніе генералъ-губернатора свободнѣе положенія короля, приводя въ примѣръ случай 1896 г., когда Абердинъ (Lord Aberdeen) отказался назначить нѣсколько сенаторовъ и другихъ должностныхъ лицъ, предложенныхъ консервативнымъ кабинетомъ какъ разъ передъ потерей консерваторами большинства въ палатѣ. Мы думаемъ, наоборотъ, что положеніе генералъ-губернатора болѣе трудное, чѣмъ положеніе конституціоннаго монарха, такъ какъ, кромѣ обычныхъ затрудненій парламентарнаго управленія, имѣется еще и возможность конфликтовъ съ метрополіей и ея парламентомъ; могутъ встрѣчаться случаи, когда генералъ-губернатору пришлось бы считаться не только съ мнѣніемъ большинства своего канадскаго парламента, но и съ большинствомъ парламента метрополіи, съ ея министерствомъ и самимъ королемъ.

[2]) Еще недавно во время бурской войны проявилось это положеніе, когда Минто, тогдашній генералъ-губернаторъ, началъ играть роль британскаго проконсула, вмѣсто того, чтобы держаться въ строгихъ рамкахъ парламентаризма, и сильно этимъ напортилъ имперскому дѣлу, вооруживъ противъ себя большинство населенія Канады; ср. Siegfried, The Race question in Canada, London 1907, p. 267.

кретаря колоній; генералъ-губернаторъ дѣлаетъ это своею властью.

Положеніе современнаго генералъ-губернатора въ Канадѣ въ общемъ очень трудное, еще болѣе трудное, чѣмъ положеніе современнаго конституціоннаго монарха, такъ какъ оно осложняется его представительствомъ интересовъ метрополіи. Въ сущности онъ теперь является главною и почти единственной связью съ имперіей, тѣмъ звеномъ, которое держитъ Канаду въ общей цѣпи Великой Британіи. Генералъ-губернаторъ долженъ быть хорошо знакомъ со всѣми подробностями парламентаризма, во избѣжаніе весьма непріятныхъ ударовъ по собственному его самолюбію, а кромѣ того зорко слѣдить и за тѣмъ, что дѣлается въ прочей имперіи: ужъ не говоря о метрополіи, онъ долженъ имѣть въ виду и общее развитіе имперіи и „имперскихъ чувствъ"; все это требуетъ огромнаго такта и чрезвычайной политической осторожности, а главное — безупречной безпартійности; онъ всегда долженъ стоять внѣ и выше партій какъ канадскихъ, такъ и имперскихъ; только при этомъ условіи можетъ онъ быть на высотѣ своего призванія миротворца спорящихъ политическихъ партій, усмирителя національныхъ, расовыхъ и религіозныхъ страстей и посредника между матерью-метрополіей и дочерью-колоніей.

Нѣкоторое значеніе въ этомъ отношеніи играетъ и соціальное положеніе генералъ-губернатора [1]), которое очень напоминаетъ королевскій дворъ.

V. *Тайный совѣтъ и министерство*. Тайный совѣтъ Канады носитъ названіе „King's Privy Council for Canada"; задачей его является „помогать совѣтами генералъ-губернатору въ управленіи Канадой"; въ послѣднемъ отношеніи на первый планъ выступаетъ одна часть совѣта, а именно—министры или кабинетъ. Члены совѣта назначаются и смѣщаются генералъ-губернаторомъ (ст. 11 акта 1867); министерство составляетъ какъ бы комитетъ тайнаго совѣта, хотя на дѣлѣ оно одно распоряжается управленіемъ Канады. De jure генералъ-губернаторъ свободенъ совѣтоваться съ кѣмъ онъ найдетъ нужнымъ, какъ и конституціонный монархъ, de facto однако онъ совѣтуется лишь съ тайными совѣтниками и только тѣми,

---

[1]) Подробнѣе см. Goldwin Smith, Canada and the Canadian Question, 1881.

которые имѣютъ министерскіе портфели. Различіе канадскаго кабинета отъ кабинета метрополіи заключается въ томъ, что въ Канадѣ не имѣется политическихъ начальниковъ департаментовъ, не засѣдающихъ одновременно въ кабинетѣ [1]); министры, какъ и въ Англіи, должны быть членами одной изъ палатъ, обыкновенно нижней, и принадлежать къ большинству даннаго состава нижней палаты.

Прочіе тайные совѣтники носятъ это званіе лишь какъ почетный титулъ, не принимая непосредственнаго участія въ управленіи.

Въ 1867 г. кабинетъ состоялъ изъ 13 членовъ, при чемъ при составленіи принято было во вниманіе представительство отдѣльныхъ провинцій [2]). Въ 1901 г. прибавленъ еще одинъ министръ безъ портфеля [3]). Составъ отдѣльныхъ министерствъ часто мѣнялся за послѣдніе 20 лѣтъ, при чемъ отдѣльные департаменты переносились изъ одного министерства въ другое; иногда создавались и новые департаменты; подробности составленія кабинета регулируются парламентарными обычаями, при чемъ образцомъ всегда служили порядки составленія англійскаго кабинета [4]).

Генералъ-губернаторъ выбираетъ лишь премьера; на обязанности послѣдняго лежитъ подысканіе остальныхъ членовъ кабинета; премьеръ является также и посредникомъ между генералъ-губернаторомъ и кабинетомъ, хотя это не исключаетъ для генералъ-губернатора возможности совѣтоваться и съ отдѣльными министрами [5]).

---

[1]) Въ 1887 г. изданъ былъ законъ, создававшій нѣчто подобное англійской системѣ, но опытъ оказался неудачнымъ, вслѣдствіе чего законъ этотъ былъ отмѣненъ въ 1897 г. (50 and 51 Vict., c. 11; 60 and 61 Vict., c. 18).

[2]) Онтаріо имѣла 5 министровъ, Квебекъ—4 (въ томъ числѣ одного отъ англійскаго населенія), Новая Шотландія—2 и Новый Брунсвикъ—2.

[3]) При этомъ островъ пр. Эдуарда получилъ одного представителя въ кабинетѣ.

[4]) Правительство составляютъ министерства: юстиціи, милиціи, таможенъ, финансовъ, публичныхъ работъ, внутреннихъ доходовъ, морское и рыболовства, почтъ, земледѣлія, контроля, статсъ-секретари Канады и провинцій и предсѣдатель тайнаго совѣта или премьеръ. Послѣдній зачастую бывалъ министромъ юстиціи; въ такихъ случаяхъ въ кабинетѣ былъ одинъ, а съ 1901 два министра безъ портфеля. Статсъ-секретарь провинцій былъ переименованъ въ 1873 г. въ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1879 г. былъ упраздненъ контролеръ, министерство же публичныхъ работъ было раздѣлено на 2 части, съ выдѣленіемъ новаго министерства желѣзныхъ дорогъ и каналовъ. Особое положеніе занимаетъ Solicitor-General, не имѣющій мѣста въ кабинетѣ; этимъ ему обезпечивается большая свобода дѣйствія и безпартійность (ср. Todd, o c., p. 57. 31 Vict., c 5, 10, 12, 39, 40, 42, 43, 49, 53, 57.

[5]) Такъ, особенно выдающуюся роль игралъ министръ юстиціи Блэкъ (см. выше).

Намъ не приходится останавливаться на подробностяхъ канадской парламентарной системы; она тождественна системѣ англійской. Отвѣтственность министровъ свидѣтельствуется ихъ скрѣпой подписи генералъ-губернатора. Парламентъ контролируетъ ихъ, какъ и въ Англіи, запросами, вопросами, назначеніемъ королевскихъ комиссій (Royal commissions) для изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ и т. п. De facto инициатива законодательства находится почти исключительно въ рукахъ министерства, верховное же управленіе осуществляется такъ-называемыми „orders in council", которые обязательно публикуются въ официальной газетѣ „Canada Gazette". Важнымъ различіемъ порядка составленія кабинета является отсутствіе требованія новыхъ выборовъ для члена парламента, назначеннаго министромъ; при отставкѣ министры сохраняютъ титулъ тайныхъ совѣтниковъ и должны исправлять свою должность впредь до назначенія новыхъ министровъ. При перемѣнѣ генералъ-губернатора не требуется новаго назначенія министерства, какъ при смерти короля; обыкновенно публикуется особая прокламація; при перемѣнѣ портфеля также не требуется новыхъ выборовъ; подобныя перемѣны портфелей весьма часты въ Канадѣ.

Такимъ образомъ отличія отъ системы метрополіи принципіально малозначительны и введены были въ упрощеніе составленія кабинета, съ упраздненіемъ тѣхъ старыхъ обычаевъ, которые въ Канадѣ не имѣли исторической почвы (какъ, напр., требованіе новыхъ выборовъ для лицъ, назначенныхъ министрами).

Первоначально генералъ-губернаторъ предсѣдательствовалъ въ кабинетѣ; въ настоящее же время онъ является на засѣданія только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ и не для присутствованія при обсужденіи какихъ-либо вопросовъ, а лишь для санкціи принятыхъ кабинетомъ рѣшеній; этимъ кабинетъ огражденъ въ своей самостоятельности отъ давленія со стороны генералъ-губернатора.

Конфликты министерства съ генералъ-губернаторомъ разрѣшаются отставкой министерства и назначеніемъ новаго кабинета; но если конфликтъ приметъ настолько острый характеръ, что составленіе новаго кабинета окажется невозможнымъ, то слѣдующимъ шагомъ является

либо уступка генералъ-губернатора, либо его собственная отставка; въ этомъ отношеніи положеніе генералъ-губернатора выгоднѣе положенія монарха, парламентарные же конфликты не столь опасны; этимъ создается лишній выходъ для главы администраціи.

Подобный конфликтъ можетъ возникнуть лишь на почвѣ обще-имперскихъ интересовъ, такъ какъ невозможно себѣ представить, чтобы генералъ-губернаторъ вызвалъ бы его въ области вопросовъ внутренняго управленія Канады.

Метрополія можетъ либо поддержать генералъ-губернатора, создавая этимъ конфликтъ метрополіи съ колоніей, либо отказать въ поддержкѣ, что равносильно отставкѣ генералъ-губернатора, если онъ самъ не согласенъ на уступку; въ послѣднемъ случаѣ конфликтъ разрѣшается назначеніемъ новаго генералъ-губернатора и его новыми инструкціями. Конфликтъ генералъ-губернатора съ метрополіей, конечно, невозможенъ; конфликтъ же метрополіи съ колоніей выходитъ за предѣлы права въ область политики.

Въ прочихъ отношеніяхъ конструкція канадскаго административнаго строя, административной власти и функцій административныхъ органовъ не представляетъ собой чего-либо особеннаго; она построена на общихъ принципахъ административнаго права конституціонныхъ монархій.

VI. *Судебные органы* [1]. Канадскіе судьи назначаются генералъ-губернаторомъ по представленіямъ министерства (Governor - General - in - Council); исключеніе составляютъ probate judges Нов. Шотландіи и Нов. Брунсвика; кандидаты выбираются обыкновенно изъ числа адвокатовъ (barristers); жалованье судей устанавливается закономъ. Благодаря этой системѣ устранены многіе недостатки назначенія судей въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ, напр., зависимость отъ партійныхъ организацій; съ другой стороны, однако, нѣтъ полной независимости, вслѣдствіе отсутствія принципа несмѣняемости или пожизненности должности; судьи состоятъ въ должности „on good behaviour“; они могутъ быть смѣщены генералъ-губернаторомъ, но лишь

---

[1]) Franqueville, Système judiciaire de la Grande Bretagne, Paris, 1893.

по представленіи о томъ обѣихъ федеральныхъ палатъ (ст. 99, акта 1867); это случаи „impeachment“ [1]).

Съ 1875 г. федерація имѣетъ особый Верховный судъ (Supreme Court of Canada) [2]), состоящій изъ главнаго судьи (Chief Justice) и 5 судей, изъ коихъ двое назначаются обязательно изъ Квебека; этимъ послѣднимъ правиломъ обезпечивается знакомство судей съ французскимъ правомъ и обычаемъ.

Изъ высшихъ судовъ провинцій апелляція можетъ идти и въ Верховный федеральный судъ и въ тайный совѣтъ метрополіи (такъ наз. Judicial Committee of the Privy Council); изъ Верховнаго суда апелляція также можетъ идти въ тайный совѣтъ метрополіи.

Какъ правительство, такъ и парламентъ могутъ передавать юрид. вопросы на заключеніе Верховнаго суда [3]); этимъ создана своего рода экспертиза для правительства, органъ юрисконсультства, который можетъ оказывать весьма цѣнныя услуги въ области разъясненія права.

Болѣе важной является функція Верховнаго суда, заключающаяся въ разграниченіи компетенціи провинціальныхъ и федеральной властей; въ федеральномъ государствѣ споры между частями и между частями и цѣлымъ составляютъ неизбѣжное явленіе; первой инстанціей является Court of the Exchequer, второю же и окончательною—Верховный судъ.

Далѣе, компетенцію Верховнаго суда составляютъ слѣд. апелляціонныя функціи: 1) апелляціонныя дѣла на всѣ прочія рѣшенія Court of the Exchequer и 2) апелляц. дѣла угол. и гражд. судовъ. Но едва ли не самою важною функціею является право толкованія конституціонности законовъ, хотя таковое, конечно, несравненно уже, чѣмъ подобное же право судовъ америк. Соедин. Штатовъ; послѣдніе, какъ извѣстно, могутъ, объявляя законъ неконституціоннымъ, даже останавливать его дѣйствіе, тѣмъ какъ бы отмѣняя его. Право Верховнаго суда значительно у́же; оно заключается, во-первыхъ, въ

---

[1]) Съ 1867 г. было не болѣе 3—4 подобныхъ примѣровъ impeachment, при чемъ въ двухъ случаяхъ были назначены палатами особыя слѣдственныя комиссіи.

[2]) 38 Vict., c. 11.

[3]) На практикѣ правительство прибѣгаетъ къ этому способу весьма часто, парламентъ же гораздо рѣже; см. Cassell, Practice the Supreme Court of Canada.

толкованіи закона, какъ и всякимъ другимъ судомъ, во-вторыхъ, въ выработкѣ руководящихъ рѣшеній, въ родѣ рѣшеній европейскихъ кассаціонныхъ судовъ, съ тѣмъ различіемъ, что принципы, устанавливаемые канадскимъ судомъ, примѣняются не только прочими судами, но и администраціей и правительствомъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, Верховный судъ имѣетъ право контролировать соблюденіе конституціонныхъ формъ изданія закона, объявляя законъ несуществующимъ, при раскрытіи какого-либо формальнаго недостатка въ его изданіи. Эта послѣдняя функція имѣетъ важное практическое значеніе.

Компетенцію Court of the Exchequer составляютъ: во-первыхъ, упомянутые выше споры о компетенціи провинціальныхъ органовъ различныхъ провинцій съ органами федеральными; во-вторыхъ, всѣ иски, въ которыхъ заинтересованной стороной является корона или фискъ (гос. имущества, напр.); и въ-третьихъ, всѣ дѣла финансовыя (жалобы, иски и др.); второй инстанціей является Верховный судъ.

Въ каждой провинціи имѣется кромѣ того своя система судовъ, состоящая изъ верхняго суда, нѣсколькихъ судовъ второй инстанціи, низшихъ судовъ и цѣлаго ряда спеціальныхъ судовъ, какъ-то: probate courts, maritime courts и многіе другіе.

Съ 1867 г. совершенно уничтожено весьма распространенное право подачи апелляціонной жалобы на имя губернаторовъ.

Насъ, однако, долженъ интересовать въ этой области другой вопросъ, а именно о правѣ апелляціи въ метрополію и той роли, которую играетъ судебный комитетъ тайнаго совѣта послѣдней.

Общій принципъ здѣсь слѣдующій — апелляція изъ колоніи къ коронѣ всегда возможна, когда прямо не запрещена закономъ [1]). Тайный совѣтъ метрополіи однако можетъ разрѣшить или не разрѣшить подачу апелляціонной жалобы, руководствуясь при этомъ важностью подлежащаго разрѣшенію вопроса; мелкія дѣла и жалобы не допускаются, равно и простая кассаціонная

---

[1]) Общій принципъ гласитъ: „Every British subject has the right to claim redress of grievances from the throne"; ср. также H. Jenkyns, British Rule and Jurisdiction beyond the Seas, ch. VII, p. 123 et seq.

жалоба [1]). Съ 1887 г. запрещены апелляціонныя жалобы по уголовнымъ дѣламъ, окончательно разрѣшеннымъ въ Верховномъ судѣ. Но къ судебной помощи тайнаго совѣта метрополіи можно прибѣгать и не только посредствомъ апелл. жалобы; путь этотъ открытъ и для третейскаго разбирательства; таковыя рѣшенія имѣютъ безусловно обязательное значеніе для сторонъ; къ этому способу прибѣгаютъ чаще всего стороны заинтересованныя въ вопросахъ политическихъ или наиболѣе важныхъ принципіальныхъ [2]).

Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ одинъ изъ элементовъ связи колоніи съ метрополіей, хотя и наиболѣе пережившій себя; нѣкоторые ученые до сихъ поръ считаютъ это право апелляціи субъективнымъ правомъ всѣхъ британскихъ подданныхъ [3]) и въ извѣстномъ отношеніи они правы—пока еще остается въ силѣ старая его конструкція, оно несомнѣнно есть субъективное право всѣхъ британ. гражданъ; данная конструкція апелляціи яснѣе всего была формулирована въ 1875 г. при учрежденіи Верховнаго федеральнаго суда; возраженія противъ этого порядка обжалованья были очень сильны и настойчивы со стороны канадцевъ и метрополіи, пришлось поставить всѣ точки на і; благодаря этому, какъ мы видѣли, апелляція допущена не только на рѣшенія Верховнаго суда, но и на рѣшенія судовъ провинціальныхъ, помимо Верховнаго суда или параллельно съ нимъ. Исключеніемъ являются лишь: 1) дѣла по выборамъ въ федер. парламентъ; самъ тайный совѣтъ метрополіи отказался разъ навсегда принимать подобныя жалобы [4]); и 2) дѣла уголовныя, теперь окончательно разсматриваемыя Верховнымъ судомъ [5]). Но повторяемъ, на практикѣ

---

[1]) Keith, Responsible Government in the Dominions, p. 262 et seq. Здѣсь осуществляется общій принципъ англійскаго права, согласно которому судъ сначала долженъ разрѣшить апелляцію, а затѣмъ уже разсматриваетъ таковую жалобу; уже въ стадіи разрѣшенія подачи жалобы судомъ осуществляется строгій контроль основательности жалобы и существенности затрагиваемыхъ ею вопросовъ и принциповъ.

[2]) Примѣры подобныхъ трет. разбирательствъ: споръ о финансовыхъ обязанностяхъ между Онтаріо и Квебекомъ 1878 г.; споръ о подсудности школьнаго законодательства (федеральной или провинціальной власти) Нов. Брунсвика 1872 г.; вопросъ о правѣ смѣщенія фед. правительствомъ вице-губернатора Квебека 1879 г. Ср. Keith, o. c., p. 271 et seq.

[3]) Todd, o. c., p. 308.

[4]) Todd o. c., p. 311.

[5]) Canad. Stat., 51 Vict., c. 43, s. 5.

въ метрополію идутъ лишь наиболѣе важныя принципіальныя дѣла, такъ какъ самый вопросъ о принятіи жалобъ къ разсмотрѣнію зависитъ отъ тайнаго совѣта, который старательно отклоняетъ всѣ менѣе важныя дѣла; и безъ того онъ заваленъ колоніальными жалобами.

Споръ объ этомъ вопросѣ 1875 года является далеко не первымъ и не послѣднимъ. Канада уже съ 1866 г. выражала недовольство по его поводу. Тайному совѣту не разъ приходилось защищать право своей юрисдикціи; нельзя однако сказать, чтобы онъ всегда это дѣлалъ посредствомъ строго продуманныхъ юридическихъ конструкцій; въ общемъ, чѣмъ дальше течетъ время, тѣмъ труднѣе тайному совѣту защищать свою позицію, и недалекъ уже тотъ моментъ, когда ему придется окончательно сдаться.

Когда вопросъ впервые обострился въ 1871 г., судебный комитетъ тайнаго совѣта защищался слѣдующей теоріей: и послѣ изданія акта 1867 г. тайный совѣтъ являлся могучимъ факторомъ связи колоній съ короной Великобританіи, осуществляя прерогативу Его Величества и обезпечивая „the right to redress from the throne"; вмѣстѣ съ тѣмъ лорды-члены судебнаго комитета являются лучшими юристами метрополіи [1]), ихъ же дѣятельность создаетъ судебное средство во многихъ случаяхъ, выходящихъ изъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ; этимъ устраняются узкомѣстныя вліянія, съ другой же стороны, можетъ создаваться единообразіе права Англіи и ея колоній. Нѣтъ сомнѣнія, что аргументы эти выпукло воспроизводятъ существовавшее тогда положеніе; при прежней гораздо болѣе тѣсной связи колоній съ метрополіей, право апелляціи къ тайному совѣту дѣйствительно являлось могучимъ средствомъ единенія Британской имперіи. Жизнь однако пошла инымъ путемъ, заставивъ тайный совѣтъ отступить съ указанной крѣпкой позиціи.

Въ 1875 г. колоніи (Австралія и Канада) вновь просили объ отстраненіи тайнаго совѣта метрополіи; судеб. комитету послѣдняго вновь пришлось защищаться; на этотъ разъ онъ уже не упоминалъ болѣе о правѣ „redress from the throne", выставивъ гораздо болѣе слабый аргументъ, что тайный совѣтъ является судомъ, „въ которомъ

---

[1]) „Men, possessing the greatest legal capacity, existing in the metropolis".

всѣ имѣютъ голосъ“ [1]); канадцы съ изумленіемъ спрашивали, что собственно слѣдуетъ понимать подъ этимъ опредѣленіемъ [2]); вмѣстѣ съ тѣмъ, тайный совѣтъ все еще держался понятія прочной связи (powerful link), не подтверждая его однако государственно-правовыми аргументами. Какъ-то чувствуется, что тайный совѣтъ уже сталъ терять почву подъ ногами въ защитѣ этого своего права.

Въ 1895 г. по иниціативѣ Чемберлэна изданъ былъ имперскій законъ, согласно которому нѣкоторые члены суд. комитета могли назначаться изъ числа гражданъ Канады, Австраліи и Капа [3]); самъ Чемберлэнъ, однако, па конференціи колоніальныхъ премьеровъ 1897 г. призналъ фіаско этой мѣры; благодаря этому вопросъ вновь выставленъ былъ во всей его остротѣ при обсужденіи федеральной австралійской конституціи; Австралія просила вовсе уничтожить право апелляціи къ тайному совѣту, но Чемберлэнъ протестовалъ самымъ энергичнымъ образомъ; по его словамъ, онъ „не желалъ уступить ни вершка изъ прерогативы короны“; благодаря этому, хотя сильно ограниченнымъ, право апелляціи къ тайному совѣту все-таки было сохранено и въ австралійской конституціи 1900 г. [4]).

Между тѣмъ при современномъ положеніи автономныхъ колоній, подобное право тайнаго совѣта метрополіи совершенно не у мѣста.

Извѣстныя выгоды такой юрисдикціи суд. комитета несомнѣнно имѣются; для имперіи этимъ создается связующее звено и средство объединенія права, для гражданъ же — субъективное право обжалованія рѣшеній мѣстныхъ судовъ въ судъ метрополіи, члены этого верховнаго судилища дѣйствительно являются выдающимися юристами, не находящимися, подъ вліяніемъ какой-либо узко-мѣстной политики. Таковы выгоды существованія подобной высшей инстанціи. Но съ другой стороны, позволительно спросить, не перевѣши-

---

1) „A court in which all have a voice“.

2) Ewart (the Kingdom of Canada, p. 229) саркастически замѣчаетъ „ужъ не всеобщее ли это избирательное право предполагается тайнымъ совѣтомъ“?

3) 58 and 59 Vict., c 44.

4) Cp. Butterworth, Journal of the Society of comparative Legislation, August 1900, n. V, p. 240 et seq.

ваютъ ли при современномъ положеніи вещей невыгоды и недостатки? Думается отвѣтъ будетъ положительный. Во-первыхъ, тайный совѣтъ не является болѣе факторомъ единенія имперіи; его компетенція лишь остатокъ прежнихъ временъ; единеніе имперіи поддерживается совершенно иными факторами; во-вторыхъ, не судебною практикой суд. комитета, а иными путями происходитъ рецепція британскаго права въ колоніяхъ, при чемъ, даже при существованіи сильнаго вліянія послѣдняго, далеко не всюду достигается его преобладаніе; въ наше время даже въ самой Англіи постепенно угасаютъ надежды на установленія единаго обще-британскаго права для всего конгломерата—имперіи; въ гражданскомъ и коммерческомъ правѣ такой процессъ рецепціи права метрополіи имѣлъ извѣстный успѣхъ, но не благодаря практикѣ суд. комитета, а скорѣе даже помимо ея [1]); въ области же права публичнаго господствуетъ и по сей день чрезвычайное разнообразіе правовыхъ нормъ [2]). Такая второстепенность роли, играемой практикой комитета, вполнѣ понятна, если только принять во вниманіе, сколь разнообразны и часто противорѣчащи другъ другу правовыя воззрѣнія англосаксовъ и французовъ Квебека, британцевъ и голландцевъ Африки, различныхъ туземцевъ, магометанъ и др. Индіи, маори Новой Зеландіи, испанцевъ на Тринидадѣ и въ Табаго и т. д. У каждой изъ этихъ народностей исторически слагалось собственное правосознаніе, построенное на совершенно различныхъ и зачастую необъединимыхъ принципахъ; такъ, между common law англичанъ и французскимъ обычнымъ правомъ Квебека лежитъ цѣлая пропасть [3]); тоже слѣдуетъ сказать и о римско-голландскомъ правѣ Южной Африки, и о мусульманскомъ правѣ туземцевъ Индіи; какъ ихъ объединишь? Практика суд. комитета даетъ мало надеждъ на такую возможность; даже скорѣе, наоборотъ, проводимые ею англо-саксонскія понятія встрѣчаютъ

---

[1]) Ср. съ прекрасной разработкой этого вопроса рецепціи у H. Speyer, La Constitution juridique de l'Empire Colonial Britannique (Paris, 1906), ch. VI, p. 167 et s.

[2]) По свидѣтельству профессора Моргана, комитетъ даже сознательно избѣгалъ теорій и конструкцій публичнаго права, предоставляя регулированіе послѣдняго полной самостоятельности колоній (The Constitution in Writing, XIX Century Magazine, November 1910, p. 769).

[3]) Ср. съ фактами, приводимыми у Keith, o. c., p. 265.

въ колоніяхъ протестъ; въ особенности это стало замѣтно за послѣднее десятилѣтіе. Къ тому же для подобнаго объединенія необходимо близкое и основательное знакомство судей комитета со всѣми подробностями мѣстнаго права; между тѣмъ, если и правда, что члены суд. комитета являются лучшими юристами метрополіи, то этимъ вовсе еще не доказывается ихъ хорошее знакомство съ мѣстными правомъ и обычаями; практика комитета доказываетъ, скорѣе, обратное [1]); съ принципами франц. обычнаго права Квебека и мусульманскаго права Индіи комитетъ едва-едва справляется, благодаря чему быстро утрачивается довѣріе къ нему мѣстнаго населенія [2]). Вслѣдствіе всего этого не достигается, ни „объединенія“ имперіи, ни „объединенія“ права, т.-е. намѣченныя нами выгоды, а съ другой стороны, создается крупнѣйшій недостатокъ—подрывъ престижа мѣстныхъ судовъ, рѣшенія которыхъ не могутъ стать окончательными; кромѣ того, для каждаго отдѣльнаго случая создаются иногда непреодолимыя препятствія; юридическіе принципы и конструкціи могли быть создаваемы комитетомъ, но разрѣшеніе конкретныхъ подробностей дѣла всегда встрѣчало огромныя препятствія; собираніе доказательствъ, вызовъ свидѣтелей, необходимое преобладаніе письменности—все сіе неизбѣжно должно было препятствовать разъясненію подробностей дѣла; ошибки въ частностяхъ неминуемы. Но въ наше время возникаетъ сомнѣніе и въ возможности созданія общихъ принциповъ для всей Имперіи; возьмемъ примѣръ изъ канадской практики: школьный вопросъ Нов. Брунсвика врядъ ли въ чемъ-либо можетъ быть сравненъ съ положеніемъ того же вопроса въ Австраліи; финансовые споры между провинціями Канады разрѣшались на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ аналогичныя австралійскіе пререканія и т. д.; вѣдь даже самыя основныя конструк-

---

[1]) Включеніе въ составъ комитета представителей колоніи оказывало въ этомъ отношеніи весьма мало помощи.

[2]) Въ настоящее время колоніальная литература стоитъ поголовно противъ этого принципа апелляціи къ т. совѣту; ни граждане въ отдѣльности, ни общественное мнѣніе какъ цѣлое не питаютъ довѣрія къ суд. комитету. Однако еще въ 1872 г. подобное довѣріе несомнѣнно существовало. Ср. рѣчь H. Reeve, before the Lord's Committee on appelate Jurisdiction, 1872, p. 17—34. Также Chalmer's Political Annals, p. 304, 671, 687.

ціи этихъ федерацій различны и часто прямо противуположны.

Роль суд. комитета т. совѣта можно считать вымирающей.

Да и способъ составленія комитета не соотвѣтствуетъ болѣе требованіямъ современнаго судоустройства, несмотря на реформы послѣдняго времени.

Въ прежнее время комитетъ стоялъ совершенно отдѣльно отъ палаты лордовъ [1]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускалась даже еще одна добавочная инстанціонная апелляціонная жалоба отъ комитета къ палатѣ лордовъ, что еще болѣе осложняло и запутывало судебное производство. Теперь, со времени учрежденія „судебныхъ лордовъ" (Law Lords) [2]), оба органа почти покрываютъ другъ друга; одни и тѣ же лица являются членами комитета и палаты лордовъ, засѣдающей въ качествѣ судилища, такъ какъ обычаемъ установлено, что въ разбирательствѣ судебныхъ дѣлъ въ палатѣ лордовъ участвуютъ лишь лорды-юристы, а таковые почти поголовно [3]) являются членами суд. комитета т. совѣта. Знакомство съ мѣстнымъ колоніальнымъ правомъ обезпечивается въ составѣ суд. комитета пополненіемъ его 2 индійскими судьями и не болѣе какъ 5 членами изъ автономныхъ колоній. Король имѣетъ, кромѣ того, право назначать двухъ членовъ; на практикѣ однако подобные случаи не встрѣчались за послѣднее время.

Интереснымъ является форма рѣшеній суд. комитета; по старому обычаю, комитетъ, какъ и т. совѣтъ вообще, самъ не рѣшаетъ дѣла, а лишь „совѣтуетъ королю поступить такъ и такъ", подтверждая свой „совѣтъ" моти-

---

[1]) Изъ состава стараго англійскаго тайнаго совѣта выросло вообще очень много органовъ современнаго англійскаго государства; такъ наравнѣ съ суд. комитетомъ изъ совѣта выросли Board of Trade, Education Department, Universities Committee, Local Government Board, Agricultural Boad. Основываясь на этомъ Sir Frederick Pollock предложилъ въ 1891 г. выдѣлить изъ т. совѣта особый „Имперскій и Колоніальный Комитетъ" (Imperial and Colonial Committee), который явился бы связующимъ звеномъ имперіи и освѣдомительнымъ бюро и совѣщательнымъ органомъ для англійскихъ статсъ-секретарей иностр. дѣлъ, колоній, военнаго и морского. Предложеніе это можно считать примѣромъ тѣхъ исканій „имперскихъ органовъ" и организаціи „Имперіи" вообще, которыми отличались 90-е года.

[2]) Lords of Appeal in Ordinary (четверо); 39 and 40 Vict., c. 59.

[3]) За послѣднее время только одинъ лордъ составлялъ исключеніе изъ этого правила; однако его право принимать участіе въ разбирательствѣ палатой лордовъ судебныхъ дѣлъ представляется весьма спорнымъ.

вами; эти мотивы и разсматриваются на практикѣ какъ мотивы судебнаго рѣшенія; само собой понятно, что король безусловно и всегда слѣдуетъ этимъ „совѣтамъ". Другою особенностью дѣлопроизводства комитета является запретъ опубликованія особыхъ мнѣній; таковыхъ какъ бы не существуетъ, и рѣшенія принимаются всегда какъ бы единогласно.

VII. *Провинціи*. По идеѣ отцовъ конституціи 1867 г. федеральное правительство должно было занять по отношенію къ провинціямъ то положеніе, которое занимало имперское правительство по отношенію къ колоніямъ [1]); этимъ основнымъ принципомъ, заложеннымъ въ самый фундаментъ акта 1867 г., порывалась окончательно связь провинцій съ метрополіей; таковая могла существовать впредь только между федераціей, какъ цѣлое, и метрополіей.

Въ каждой провинціи, во главѣ администраціи стоитъ вице-губернаторъ (Lieutenant-Governor), назначаемый на пять лѣтъ генералъ-губернаторомъ по представленію федеральнаго министерства; генералъ-губернаторъ имѣетъ также право смѣщать его, увѣдомляя его объ этомъ за 1 мѣсяцъ, а федеральный парламентъ — за 1 недѣлю (стт. 58 и 59 акта 1867 г.) [2]). Вице-губернаторъ не является вовсе представителемъ метрополіи или имперскимъ должностнымъ лицомъ; онъ—канадское федеральное должностное лицо, отвѣтственное предъ генералъ-губернаторомъ, какъ своимъ непосредственнымъ іерархическимъ начальникомъ (ст. 59). Однако до сихъ поръ въ англійской литературѣ живетъ фикція, признающая вице-губернатора представителемъ короны; въ защиту ея приводятся два слѣдующихъ довода: во-первыхъ, у вице-губернатора имѣются полномочія монарха по отношенію къ законодательнымъ учрежденіямъ провинціи (открытіе, роспускъ легислатуръ и т. п.), во-вторыхъ же, какъ и до, такъ и послѣ федераціи провинцій власть монарха представлена въ нихъ единственно вице-губернаторами [3]);

---

[1]) Подробнѣе см. Sir J. A. Macdonald, Confed. Deb. 1865 г., p. 42; Todd, o. c. p. 610.

[2]) Насколько намъ извѣстно, со времени дѣйствія акта 1867 г. былъ только одинъ случай смѣщенія вице-губернатора до истеченія пятилѣтняго срока. Мы имѣемъ въ виду отставку вице-губернатора Квебека въ 1879 г. (Letellier).

[3]) Ср. Todd, o. c., p. 583 et seq; Reports of the Supreme Court of Canada, vol. V, p. 637: Ritchie, Mercer vs. Att.-Gen. of Ontario; также App.-Cas., 1892 г., 443; Lefroy, Legislative Power in Canada, p. 93 et. seq.

послѣдній доводъ является явной натяжкой и даже petitio principii; изъ одного того факта, что вице-губернаторы располагаютъ правами, которыми въ другихъ государствахъ располагаютъ монархи, вовсе еще не слѣдуетъ, что въ канадскихъ провинціяхъ они являются представителями англійскаго короля; противъ такого „представительства“ говоритъ и способъ назначенія вице-губернаторовъ; даже комиссія назначенія ихъ составляется не отъ имени короля; далѣе, они не располагаютъ и почетными правами: войска и крѣпости не отдаютъ имъ чести и не салютуютъ имъ [1]), они не могутъ жаловать какіе-либо знаки отличія или награды и милости [2]). Важно однако отмѣтить, что вице-губернаторъ является не провинціальнымъ, а федеральнымъ должностнымъ лицомъ; онъ представляетъ собой, такимъ образомъ, одинъ изъ элементовъ связи и единенія провинцій въ одно цѣлое.

Каждая провинція имѣетъ свои законодательныя палаты; въ прежнее время провинціи имѣли по двѣ палаты, теперь же почти всѣ верхнія палаты или совѣты упразднены; на практикѣ ихъ значеніе было столь мало, столь второстепенно, что упраздненіе произошло совершенно естественно; къ тому же большинство изъ нихъ составлялось по назначенію и не могло поэтому пріобрѣсти необходимаго довѣрія общественнаго мнѣнія. Въ настоящее время Онтаріо имѣетъ одну палату, состоящую изъ 94 членовъ; избирательное право обусловлено поломъ и мѣстожительствомъ; срокъ полномочій 4 года. Въ Квебекѣ имѣются палата и совѣтъ; члены послѣдняго (24) назначаются вице-губернаторомъ пожизненно и представляютъ тѣ же округа, отъ которыхъ назначаются квебекскіе федеральные сенаторы; палата же состоитъ изъ 73 членовъ, избираемыхъ на пятилѣтній срокъ; въ обѣихъ провинціяхъ подробности дѣлопроизводства палатъ опредѣля-

---

[1]) Это положеніе разъяснено было самимъ правительствомъ метрополіи, подчеркнувшимъ слѣдовательно фактъ отсутствія идеи представительства короля. Еще менѣе основаній дѣлать различіе между представительствомъ короля и короны, при чемъ послѣдняя понималась либо какъ „король въ парламентѣ“, либо просто какъ „метрополія“ или „имперія“; нѣкоторые писатели утверждали, что вице-губернаторъ представляетъ лишь корону, а не короля; построеніе это однако противорѣчитъ всему духу акта 1867 г., которымъ сознательно порвана была связь между отдѣльными провинціями и метрополіей; подробнѣе см. Депеши Earl of Carnarvon to the Earl of Dufferin, Jan. 7, 1875, Can. Sess. Pap. 1875, № 11, p. 38.

[2]) См. Todd., o. c., p. 582.

ются тождественно порядкамъ федеральнаго парламента. Въ Нов. Шотландіи имѣются двѣ палаты: нижняя, состоящая изъ 38 членовъ, и совѣтъ—изъ 18 членовъ, назначаемыхъ вице-губернаторомъ. Н. Брунсвикъ имѣетъ одну палату изъ 46 членовъ, избираемыхъ на 4 года и 2 мѣсяца; совѣтъ былъ упраздненъ въ 1891 г. Островъ пр. Эдуарда имѣетъ также одну палату, состоящую изъ 30 членовъ, избираемыхъ на 4 года; совѣтъ былъ упраздненъ въ 1893 г. Палата Манитобы состоитъ изъ 40 членовъ, совѣтъ же былъ упраздненъ еще въ 1876 г. Наконецъ, Брит. Колумбія имѣетъ одну палату изъ 38 членовъ, избираемыхъ на 4 года. Сѣверо-Зап. территоріи прежде управлялись вице-губернаторомъ при помощи немногочисленнаго назначаемаго имъ же совѣта; въ настоящее время (съ 1888 г.) совѣтъ замѣненъ избираемой палатой, состоящей изъ 31 члена. Территорія Юконъ управляется особымъ комиссаромъ, назначаемымъ генералъ-губернаторомъ; при немъ состоитъ совѣтъ, частью избираемый, частью назначаемый.

Всѣ вице-губернаторы въ настоящее время управляютъ провинціями при помощи парламентарно-отвѣтственныхъ министерствъ; въ каждой провинціи имѣется исполнительный совѣтъ (executive council, наподобіе тайнаго совѣта федераціи), изъ числа членовъ котораго нѣсколько человѣкъ имѣютъ министерскіе портфели; такъ, въ Онтаріо всѣ семь совѣтниковъ имѣютъ портфели; въ Квебекѣ изъ 9 совѣтниковъ портфели имѣютъ 8; въ Новой Шотландіи имѣются три министра, въ совѣтѣ же 7 членовъ; въ Новомъ Брунсвикѣ—5 министровъ изъ числа 7 совѣтниковъ; въ Манитобѣ, какъ и въ Британской Колумбіи, всѣ 5 совѣтниковъ имѣютъ портфели, и, наконецъ, на островѣ пр. Эдуарда имѣется 3 министра изъ числа 9 совѣтниковъ.

Вице-губернаторы обязаны строго держаться парламентарныхъ обычаевъ; такъ, въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ еще сохранились вторыя палаты, вице-губернаторы не могутъ вмѣшиваться въ споры между палатами; федеральное правительство зоркимъ окомъ слѣдитъ за осуществленіемъ принциповъ парламентаризма [1]); Канада,

---

[1]) Такъ, примѣромъ можетъ служить случай 1879 г., когда былъ смѣщенъ Квебекскій вице-губернаторъ за парламентарный конфликтъ, имъ вызванный. Ср. Bourinot, Federal Government in Canada, p. 80 et seq.

такимъ образомъ первое федеральное государство, примѣнившее парламентаризмъ даже къ управлавленію составныхъ автономныхъ частей[1]).

Каждая отдѣльная провинція имѣетъ свою конституцію, которую она имѣетъ право измѣнять актами своихъ законодательныхъ органовъ съ санкціи вице-губернатора; исключеніе однако составляютъ законы, касающіеся вице-губернаторовъ (от. 1, ст. 92, акта 1867), что объясняется тѣмъ, что вице-губернаторы являются федеральными, а не провинціальными должностными лицами. Вице-губернаторъ имѣетъ право санкціи законовъ и право veto; если онъ не считаетъ возможнымъ санкціонировать законопроектъ, то передаетъ его генералъ-губернатору; послѣдній можетъ его санкціонировать въ теченіе одного года; при отсутствіи отвѣта законопроектъ вступаетъ въ силу закона eo ipso (стт. 87 и 90 акта 1867); федеральный парламентъ не имѣетъ права прямо отмѣнять провинціальный законъ; онъ можетъ однако издать федеральный законъ поверхъ провинціальнаго; судамъ же въ такихъ случаяхъ предоставляется опредѣлять подробности разграниченія сферы дѣйствія такихъ двухъ актовъ. Указанными принципами санкціи канадская федерація коренным образомъ отличается отъ сосѣдки федераціи, такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ центральная власть не имѣетъ подобной законодательной санкціи надъ отдѣльными штатами. Право veto построено аналогично праву veto генералъ-губернатора въ области федеральнаго законодательства.

Самымъ труднымъ вопросомъ въ опредѣленіи положенія канадскихъ провинцій является отграниченіе компетенціи ихъ органовъ отъ компетенціи органовъ федераціи. Основной принципъ въ данномъ случаѣ обратный построенію конституціи Соединенныхъ Штатовъ; въ послѣдней предполагается, что федерація имѣетъ только ту компетенцію, которая ей verbatim удѣлена конституціей— все не упоминаемое въ таковой принадлежитъ компетен-

[1]) Кромѣ упомянутыхъ выше, вице-губернаторъ имѣетъ еще слѣдующія полномочія: онъ назначаетъ должностныхъ лицъ провинціальнаго управленія, по представленіямъ своихъ министровъ; въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ еще сохранились верхнія палаты—онъ назначаетъ ихъ членовъ и спикера; ему, наконецъ, предоставлена иниціатива всѣхъ финансовыхъ биллей, наподобіе аналогичнаго права генералъ-губернатора.

ціи штатовъ (ст. X конституціи Соединенныхъ Штатовъ); въ Канадѣ же, наоборотъ, у провинцій только тѣ права, которыя отданы имъ актомъ 1867 г., всѣ же прочія функціи и права, не отданныя провинціямъ, сохранены за компетенціей федераціи; въ случаѣ сомнѣнія презумція толкуется слѣдовательно въ пользу компентенціи федераціи.

Но установивъ этотъ общій принципъ, отцы канадской конституціи все-таки сочли нужнымъ дать перечень функціямъ федераціи; перечень этотъ (ст. 91) имѣетъ поэтому лишь примѣрный характеръ; сюда отнесены: государственный долгъ, торговля и промышленность, почта, навигація, индѣйцы, народная перепись и статистика и нѣкоторые другіе вопросы.

Наоборотъ, перечень провинціальной компетенціи (ст. 92) имѣетъ строго ограничительный характеръ, благодаря вышеупомянутому общему принципу раздѣленія компетенцій; статья эта, впрочемъ, дополняется стт. 93—95, упоминающими четыре особо выдѣленные вопросы— школьное дѣло, объединеніе законодательства Онтаріо, Новой Шотландіи и Новаго Брунсвика, земледѣліе и эмиграцію. Такова была основная мысль создателей конституціи 1867 г.

Жизнь, однако, весьма скоро показала, что какъ перечни эти тщательно ни были составлены, всѣхъ вопросовъ практики они предусмотрѣть не смогли; уже черезъ нѣсколько лѣтъ появились затрудненія и спорные вопросы; сіе, однако, предвидѣлось; право разрѣшенія споровъ было дано судамъ; съ 1875 г. это одна изъ главныхъ функцій новаго Верховнаго суда; въ важныхъ случаяхъ, однако, не разъ выступалъ въ такихъ же вопросахъ разграниченія компетенціи провинціальныхъ и федеральныхъ властей тайный совѣтъ метрополіи; федеральный Верховный судъ, однако, принимаетъ къ своему разсмотрѣнію подобные споры о компетенціи лишь при условіи согласія на то заинтересованныхъ провинцій [1]). Вопросъ этотъ создалъ огромную судебную практику [2]).

По теоріи тайнаго совѣта всѣ права провинцій суще-

---

[1]) Ср. законъ 1875 г., 38 Vict., c. 11.

[2]) См. приводимые многочисленные примѣры въ трудѣ Jenkyns, British, Rule, Appendix III, p. 203 et seq.

ствовали уже до 1867 г. и только закрѣплены были за ними этимъ актомъ; конституція слѣдовательно не создавала ихъ вновь, что важно для опредѣленія источника компетенціи провинцій; изъ даннаго принципа, однако, вытекло и главное невыгодное слѣдствіе; благодаря именно этому зародились сомнѣнія въ исключительности перечня ст. 92-ой; само собой понятно, что отдѣльныя провинціи, до федераціи ихъ, уже пользуясь широкой самостоятельностью, до парламентаризма включительно, имѣли больше правъ, чѣмъ послѣ федераціи, когда часть ихъ отошла къ центральной власти; благодаря этому и создалась обильная почва для споровъ о компетенціи; съ другой же стороны здѣсь имѣется хорошее доказательство тому, что государственная автономія провинцій начала расти и обосновываться уже ранѣе 1867 года [1]). Отцы конституціи слѣдующимъ образомъ опредѣлили „общіе“ интересы въ отличіе отъ интересовъ „мѣстныхъ“ или провинціальныхъ: „задача федеративной власти состоитъ въ защитѣ разнообразныхъ интересовъ отдѣльныхъ провинцій и въ достиженіи успѣха, согласія и постоянства союза..., съ каковою цѣлью на федер. правительство возлагается забота объ общихъ интересахъ всей страны“... провинціальныя же власти должны вѣдать „мѣстные интересы каждой отдѣльной провинціи“ [2]). Нельзя, однако, не замѣтить, что опредѣленіе это чрезвычайно расплывчато и потому недостаточно; для болѣе точнаго выясненія разграничительныхъ линій въ компетенціи провинціальныхъ и федеральной властей, приходится прибѣгать къ помощи судебной практики.

Мы уже упомянули выше, что законодатель выдѣлилъ четыре вопроса изъ общаго перечня ст. 92, вслѣдствіе ихъ особаго мѣстнаго значенія. Сюда, во-первыхъ, относится школьный вопросъ, отданный общимъ порядкомъ вѣдѣнію провинцій, но лишь при слѣдующихъ условіяхъ (ст. 93): 1) школьное преподаваніе не должно мѣшать преподаванію Закона Божьяго, 2) привилегіи, удѣляемыя католическимъ школамъ Верхней Канады, распространяются и на протестанскія школы той же провинціи, и

---

[1]) Ср. H. E. Egerton, Canada, in the Historical Geography of the British Colonies, vol. V, p. 314 et seq

[2]) Слова резолюцій 1865 г., см. Can. Legisl. Ass. Journal 1865 г., также W. Houston, Constitutional Documents of Canada, 1891, p. 305.

3) привилегіи, дарованныя школамъ, охраняются федеральною властью, равно какъ и постановленія этой статьи (93); этимъ законодатель обезпечилъ школамъ различныхъ вѣроисповѣданій свободу преподаванія, а школамъ меньшинства защиту отъ посягательствъ со стороны большинства; въ Верхней Канадѣ имѣлось въ виду поставить преграды распространяющейся пропагандѣ католицизма и обезпечить имущественную собственность школъ; впрочемъ, и въ данномъ случаѣ актъ 1867 г. не стремился создать новые порядки, утверждая лишь то, что уже существовало. Федеральная власть, такимъ образомъ, дѣйствуетъ въ этомъ вопросѣ лишь исключеніемъ, когда бездѣйствуетъ или дѣйствуетъ противно конституціи провинціальная власть; на практикѣ оказалось, что провинціи сами свято охраняютъ нормы конституціи и федер. власти почти что никогда не приходилось вмѣшиваться [1]).

Другими вопросами, выдѣленными актомъ 1867 г. въ особую категорію, являются земледѣліе и имиграція (ст. 95); законодатель принялъ въ этомъ случаѣ иной способъ регулированія данныхъ вопросовъ; актъ 1867 г. установилъ не раздѣльность, а паралелльность компетенціи провинціальныхъ и федеральной властей; только при прямомъ столкновеніи получаетъ послѣдняя преимущество надъ первыми; на практикѣ во всѣхъ провинціяхъ, кромѣ Манитобы, провинціальное законодательство регулируетъ земледѣліе и горное дѣло, федеральная же власть вѣдаетъ обширныя территоріи, имиграцію и колонизацію (особенно на Сѣверо-Западѣ).

Ст. 94 даетъ федер. власти право издавать законы для объединенія законодательства Онтаріо, Нов. Шотландіи и Нов. Брунсвика въ области гражданскаго права, судопроизводства и права частной собственности; это право федер. власти можетъ быть однако осуществляемо лишь съ согласія провинцій; на практикѣ ст. 94 оказалась весьма полезной, явившись могучимъ факторомъ объединенія провинцій.

Таковы общіе принципы раздѣленія компетенціи провинціальныхъ и федеральной властей [2]).

---

[1]) Спорнымъ случаемъ былъ вопросъ о положеніи католическихъ школъ въ Нов. Брунсвикѣ въ 1872 г. Ср. Todd, o. c., p. 346 et seq.

[2]) Примѣрами того, какъ раздѣленіе проводится на практикѣ, могутъ

Для полноты картины положенія провинцій необходимо въ заключеніе имѣть въ виду ихъ весьма развитое мѣстное самоуправленіе. Начало развитія городского самоуправленія слѣдуетъ отнести къ сороковымъ годамъ, самоуправленіе же сельскихъ общинъ развивалось и окрѣпло значительно раньше. Къ 1867 году четыре федерированныхъ провинцій имѣли уже прочно обоснованныя системы мѣстнаго самоуправленія[1]).

Города Канады въ настоящее время управляются, аналогично городамъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, имѣя, между прочимъ, право издавать обязательныя постановленія и правила (bylaws and regulations), въ большинствѣ случаевъ даже кодифицированные (municipal codes); мѣстное самоуправленіе вѣдается согласно ст. 92 провинціальными, а не федеральной властями.

Система самоуправленія по общему признанію даетъ блестящіе результаты и выгодно отличается особенно отъ городского самоуправленія Соединенныхъ Штатовъ; въ Канадѣ почти не проявляется развратъ, вымогательства и стремленіе къ наживѣ, столь пагубно развившіеся въ нѣкоторыхъ городахъ американской сосѣдки. Мѣстное самоуправленіе Канады справедливо составляетъ гордость ея гражданъ.

VIII. *Измѣненіе конституціи.* Порядокъ таковаго актомъ 1867 года не установленъ; въ этомъ отношеніи однако communis opinio doctorum давно уже установила принципъ, согласно которому измѣненія конституціи могутъ происходить лишь тѣмъ путемъ, которымъ принятъ былъ и изданъ актъ 1867 г. Согласно этой теоріи, стало-быть, иниціатива должна обязательно исходить отъ самой Канады, чѣмъ прекрасно охраняются ея интересы, самое же принятіе измѣненія входитъ въ компетенцію „короля въ парламентѣ“, чѣмъ, съ другой стороны, обезпечивается охрана интересовъ метрополіи. Въ настоя-

---

служитъ слѣд. случаи: податное обложеніе торговли: городъ или община могутъ устанавливать мѣстныя пошлины или патенты, но не облагать торговли вообще, такъ какъ регулированіе послѣдней подлежитъ вѣдѣнію федер. власти; акцизы: городъ или община могутъ, напр., запрещать данному лицу торговлю крѣпкими напитками, не выдавать ему разрѣшенія и т. д., но не могутъ запрещать торговлю спиртными напитками вообще. Ср., напр., Todd, o. c., p. 565 t s q.

[1]) Подробнѣе см. Bourinot, Local Government in Canada; Johns Hopkins University Studies; vol. V, 1887. Также Bradshaw, Selfgovernment in Canada, London 1903.

щее время измѣненіе конституціи Канады невозможно безъ ея согласія, чѣмъ опровергается старая теорія англійскаго государственнаго права, защищающая пресловутое „безграничное всемогущество“ Великобританскаго парламента (ср. ниже). Такова старая доктрина.

Житейская практика пошла однако инымъ путемъ; вслѣдствіе все ростущей самостоятельности Канады, создался цѣлый рядъ примѣровъ измѣненія положеній конституціи, въ которыхъ метрополія отказалась отъ участія въ созданіи новыхъ конституціонныхъ нормъ, предоставивъ, слѣдовательно, по отношенію къ нимъ канадскимъ законодательнымъ органамъ самостоятельность.

Въ настоящее время имѣются уже девять такихъ примѣровъ; такъ измѣнены были: 1) quorum сената [1]) (метрополія однако противится измѣненію кворума палаты), 2) порядокъ избранія членовъ парламента, 3) другія постановленія федеральнаго избирательнаго права, 4) порядокъ замѣщенія должности спикера, 5) число депутатскихъ мѣстъ (съ сохраненіемъ прежняго принципа пропорціональности), 6) размѣръ жалованья судей, 7) и жалованья генералъ-губернатора, 8) порядокъ созданія новыхъ провинцій въ предѣлахъ уже существующихъ территорій [2]) и 9) судебныя инстанціи учрежденіемъ апелляціоннаго и другихъ судовъ.

Съ другой стороны, имѣется нѣсколько примѣровъ измѣненія конституціонныхъ нормъ 1867 года при содѣйствіи законодательныхъ органовъ метрополіи, т.-е. такимъ же порядкомъ, какимъ былъ изданъ и самый актъ 1867 г.; такъ, напр., была разъяснена статья 18-ая [3]) и установленъ порядокъ представительства въ федеративномъ парламентѣ тѣхъ территорій, которыя еще не организованы въ провинціи [4]).

Если мы однако присмотримся ближе къ этимъ примѣрамъ обѣихъ группъ законодательства, то сразу же замѣтимъ отсутствіе какого-либо принципіальнаго различія какъ между ними, такъ и отъ ординарнаго порядка законодательства; интересы метрополіи охраняются общимъ порядкомъ посредствомъ veto генералъ-губернатора;

---

[1]) 30 Vict., c. 3, s. 35, s. 48.
[2]) 34 Vict., c. 28, s. 2.
[3]) Imper. Stat., 38—39 Vict., c. 38 (1875).
[4]) 49-50 Vict., c. 35.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ П. Ж. К.

относительно первой изъ указанныхъ группъ метрополія заявила, что она не желаетъ пользоваться порядкомъ вето, во второмъ же случаѣ предупреждала, что будетъ пользоваться своимъ правомъ вето.

Вышеизложенное приводитъ насъ къ утвержденію, что государственный строй Канады не знаетъ особаго порядка измѣненія конституціи; конституціонные законы Канады могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы лишь ординарнымъ законодательнымъ порядкомъ. Таковой связываетъ и обязываетъ обѣ стороны, и Канаду, и метрополію.

III.

Государственность Канады.

Уже при созданіи конституціи 1867 года возникалъ вопросъ о наименованіи колоніи „Королевствомъ Канады“ [1]); терминъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ основнымъ идеямъ отцовъ акта 1867 г. и, полагаемъ, хорошо опредѣляетъ и современное положеніе Канады; въ тѣ времена однако такой шагъ представлялся ужъ слишкомъ радикальнымъ; въ Англіи весьма многіе боялись полнаго отдѣленія колоніи и считали, что терминъ „королевство“ только ускоритъ этотъ процессъ отпаденія; канадцы же уступили, сознавая, что въ концѣ-концовъ не въ наименованіи ихъ отечества заключалось ихъ счастье. Впослѣдствіе иногда поднимались голоса въ защиту этого термина „королевство“, но практическаго значенія или какихъ-либо послѣдствій они не имѣли [2]).

Конституція Канады является несомнѣнно „даромъ“ имперскаго парламента [3]), который добровольно ограничилъ себя принятіемъ акта 1867 г. Положеніе даннаго случая вполнѣ тождественно тѣмъ историческимъ при-

---

[1]) Ср. Life of Sir John A. Macdonald, vol. I, p. 313; также, Pope, Confederation Documents, p. 181. Нѣкоторое отраженіе эти мысли однако находятъ въ терминѣ Dominion of Canada, которымъ *офиціально* переводится на французскій, напр. Puissance du Canada, т.-е. Держава Канады. Это же слышится и въ современныхъ требованіяхъ включенія Канады въ королевскій титулъ.

[2]) Къ числу этихъ голосовъ принадлежитъ, напр., J. S Ewart.

[3]) J. S. Ewart, The Kingdom of Canada, p. 6 правильно замѣчаетъ „the Constitution of Canada was a gift of the Imperial Parliament“.

мѣрамъ, когда какой-нибудь неограниченный монархъ „даровалъ“ конституцію „своему“ народу, съ тою только разницей, что благодаря твердо установившимся въ Великобританіи принципамъ правового государства, никогда даже и не поднимался вопросъ о возможности упраздненія этого ограниченія. Послѣднее составляется изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, оно состоитъ въ отрицаніи за имперскимъ парламентомъ „свободной“ возможности измѣнять конституцію; измѣненія могутъ быть произведены лишь съ согласія самой Канады и только тѣмъ самымъ порядкомъ, какимъ былъ проведенъ и принятъ актъ 1867 года; во-вторыхъ, ограниченіе состоитъ въ выдѣленіи изъ конституціи имперскихъ властей всѣхъ трехъ государственныхъ функцій, законодательства, администраціи и суда, и передачи ихъ вѣдѣнію канадскихъ органовъ.

Такое ограниченіе всемогущаго Великобританскаго парламента составляетъ, по нашему крайнему разумѣнію, основной принципъ канадской государственности; всѣ остальные принципы и элементы государственности Канады являются слѣдствіями этого фундаментальнаго начала [1]).

---

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что имѣемъ въ данномъ случаѣ одинъ изъ лучшихъ примѣровъ для отрицанія пресловутаго „всемогущества“ и безграничности власти англійскаго парламента; какъ Dicey, такъ и другіе англійскіе государствовѣды старой школы исходили обыкновенно изъ принципа безграничности власти парламента въ опредѣленіяхъ его положенія и компетенціи; „Парламентъ можетъ дѣлать абсолютно все, что хочетъ, за исключеніемъ превращенія женщины въ мужчину—таково популярное опредѣленіе власти парламента; между тѣмъ, оно стоитъ въ самомъ яркомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью; парламентъ связанъ правомъ на каждомъ своемъ шагу и отношенія его къ канадской конституціи являются далеко не единственнымъ примѣромъ; правильно говоритъ Бурино, возражая на вышеприведенную теорію всемогущества парламента. (Parliamentary government in Canada, a constitutional and historical Study by Bourinot; Annual Report of the American Historical Association for 1891, p. 344): „in answer to this purely arbitrary contention it may be argued with obvious truth that when the Imperial Parliament gave the Canadians a complete system of local government and the right to legislate on certain subjects set forth in the fundamental law of the dependancy (the British North America Act) it gave them full jurisdiction over all such matters and constitutionally withdrew from all interference in the local concerns of the colony“. Съ другой стороны однако Бурино не правъ, когда утверждаетъ, что актъ 1867 г. не касается отношеній колоніи къ метрополіи, а лишь однихъ отношеній федераціи къ провинціямъ (ср. его Federal Government in Canada, p. 39 et seq.); это утвержденіе противорѣчитъ его собственной вышеизложенной теоріи; правда, актъ 1867 г. не опредѣляетъ точно отношеній Канады къ имперіи; изъ этого однако еще не слѣдуетъ, что онъ ихъ и вовсе не касается. Ср. въ этомъ отношеніи съ изслѣдованіями англ. госуд. права позднѣйшаго времени, напр., Сиднея

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ элементовъ канадской государственности. Главнымъ и самымъ спорнымъ вопросомъ въ этой области является санкція законовъ. Подробности порядка санкціонированія законовъ въ Канадѣ мы указали выше; здѣсь остается разсмотрѣть лишь принципіальное обоснованіе „права резервацiи“, т.-е. тѣхъ случаевъ, когда посредствомъ своего veto генералъ-губернаторъ передаетъ законопроектъ на утвержденіе метрополіи; право метрополіи въ данномъ случаѣ весьма ограниченное; только въ двухъ строго опредѣленныхъ случаяхъ (при чемъ одинъ изъ нихъ уже потерялъ практическое значеніе) можетъ генералъ-губернаторъ пользоваться этимъ правомъ veto [1]), метрополія же должна воспользоваться своимъ правомъ до истеченія двухлѣтняго срока; въ противномъ случаѣ проектъ закона санкціонируется обычнымъ порядкомъ. Большинство законовъ Канады и притомъ подавляющее, санкціонируется такимъ образомъ помимо метрополіи и ея парламента и только для извѣстныхъ случаевъ, весьма немногочисленныхъ, отведено послѣднему нѣкоторое участіе. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что въ Канадѣ, какъ и въ Великобританіи, рядомъ съ закономъ стоитъ право обычное, такъ наз. common law или „conventions“ [2]), которыя играютъ огромную роль въ области созданія и регулированія канадскаго публичнаго права [3]); вспомнимъ хотя бы, что именно послѣднему, а не закону обязанъ своимъ происхожденіемъ и обоснованіемъ канадскій парламентаризмъ.

Резервироваться могутъ лишь федеральные законы; провинціальные законы резервируются лишь для санкціи ге-

---

Лоу и Лоренса Лоуелля и прекрасную статью M. Pars ns въ Journal of the Royal Col nial Institute, June 1903; H. Speyer (La Constitution juridique de l'Empire Colonial Britannique) приводитъ, какъ доказательство той же мысли о связанности метрополіи (p. 86), депешу Чемберлена (синяя книга 1902, C. D. 1162), въ которой послѣдній указалъ, что правительство метрополіи можетъ вмѣшиваться только когда задѣты ея интересы или по просьбѣ самой колоніи; такъ, въ данномъ случаѣ онъ отказался предложить имперскому парламенту пріостановить констит. гарантіи въ Канѣ по случаю возникшихъ тамъ безпорядковъ; послѣдніе не касались интересовъ метрополіи.

[1]). См. выше, стр.

[2]) Prof. J. Hats h-k обратилъ вниманіе современной германской литературы на значеніе „конвенцій“ публичнаго права.

[3]) Ср., напр., Freeman, Growth of the English C nstitution, p. 114 et seq., гдѣ прекрасно описана роль common law въ области публичнаго права Великобританіи.

нералъ-губернатора и никогда не переходятъ на утвержденіе метрополіи [1]).

Въ періодъ 1841—1867 резервировано было довольно много биллей, въ особенности въ первые годы; со времени же дѣйствія конституціи 1867 г. подобные примѣры стали весьма рѣдкими—менѣе одного въ годъ [2]); поводомъ резерваціи служили, конечно, почти исключительно „имперскіе интересы"; такъ, сюда относились вопросы развода, чеканки монеты, экстерриторіальности въ Канадѣ, торговаго мореплаванія (1867, 1876 и 1878), жалованья генералъ-губернатора (1868), выдачи преступниковъ (1869), авторскаго права (1872 и 1875), судебной присяги (1873), морскихъ телеграфовъ (1874), учрежденія канадскаго верховнаго суда (1875) и нѣкот. др.; наоборотъ, непосредственно не затрагивали интересовъ метрополіи вопросы о правѣ Канады создавать новыя провинціи (что было за ней признано), о назначеніи вице-предсѣдателя федеральнаго сената (deputy speaker), объ изданіи наказа федеральнаго парламента.

Въ 1873 г. былъ поднятъ интересный вопросъ о томъ, какъ долженъ дѣйствовать генералъ-губернаторъ съ совѣта или безъ совѣта министровъ, санкціонируя и резервируя законы; ст.-секретарь колоній Кимберлей (Earl of Kimberley) указалъ генералъ-губернатору, что въ этомъ вопросѣ онъ можетъ дѣйствовать и помимо совѣта министровъ; но послѣдній сразу энергично запротестовалъ; смѣнившій Кимберлея въ 1875 г. либералъ Карнарвонъ (Earl of Carnarvon) сталъ на сторону канадскихъ министровъ, не признавая однако еще абсолютной обязатель-

---

[3]) Федеральный министръ юстиціи составляетъ [illegible] доклады для генералъ-губернатора, въ которыхъ перечисляетъ [illegible] провинціальные законопроекты, которые подлежатъ, по его мнѣнію, [illegible]зерваціи, таковыхъ можетъ быть четыре категоріи: 1) акты, неконституціонные [illegible] полностью или 2) въ какой-либо части, 3) акты, подлежащіе компетенціи федеральной власти и 4) акты, затрагивающіе интересы федераціи „Governor-General in Council" имѣетъ право отказывать въ санкціи подобныхъ актовъ, но лишь въ ихъ цѣломъ и безусловно; запрещено санкціонировать часть проекта или условно. Отказъ въ санкціи чрезвычайно рѣдокъ, такъ какъ обыкновенно подобные акты, не подлежащіе утвержденію, возвращаются провинціальной легислатурѣ уже министромъ юстиціи для исправленія; легислатуры охотно подчиняются этому, хотя подобные случаи всегда вызывали волненіе общественнаго мнѣнія. Этими принципами канадская конституція отличается отъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ въ послѣднихъ федераціи не предоставлено никакой власти надъ штатами.

[4]) Примѣры резерв. биллей приведены у Тодда, Parl. Government, p. 175 et seq.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТ

ности содѣйствія министровъ. Блэкъ, знаменитый канадскій министръ юстиціи, шелъ гораздо далѣе въ своихъ требованіяхъ, считая, что санкція законовъ можетъ быть лишь актомъ „Governor-General-in-Council", т.-е. съ отвѣтственностью министерства; въ 1876 г. министръ метрополіи сдѣлалъ дальнѣйшую уступку, допустивъ совѣщательный голосъ совѣта министровъ [1]), но канадцы и на это не соглашались. Наконецъ, къ 1879 г. метрополія окончательно уступила; съ тѣхъ поръ актъ санкціи законовъ происходитъ лишь „съ совѣта министровъ"; другими словами парламентаризмъ восторжествовалъ и въ этой области, ограничивъ свободу дѣйствія генералъ-губернатора. Долгое время однако еще жила теорія, что въ особо исключительныхъ случаяхъ метрополія, черезъ посредство генералъ-губернатора, можетъ вмѣшиваться въ это дѣло, не считаясь съ мнѣніемъ канадскихъ министровъ [2]); за истекшіе 30 лѣтъ не было даже ни одной попытки нарушить эту норму обычнаго права; теорію „reserved powers" можно считать въ наши дни окончательно умершей, да и ненужной, такъ какъ конституція Канады вполнѣ достаточно охраняетъ имперскіе интересы и безъ нея [3]). Такимъ образомъ въ области законодательства Канада стала совершенно самостоятельной; этотъ элементъ государственности, по крайней мѣрѣ, уже прочно обосновался.

Какъ же обстоитъ дѣло съ двумя другими государственными функціями, властью административною и судебною? Присмотримся ближе къ отдаленнымъ административнымъ функціямъ исполнительной власти. Во главѣ ихъ стоитъ военное дѣло, армія и флотъ. 1905 годъ принесъ въ этомъ отношеніи крупное принципіальное рѣшеніе метрополіи; а именно—она предоставила Канадѣ самой содержать свои войска и крѣпости; два глав-

---

[1]) Технически метрополія желала провести разграниченіе между терминами „under the Privy Council" и „according to the Privy Council"; первый терминъ обозначалъ совѣщательный, а второй рѣшающій голосъ совѣта министровъ.

[2]) Такъ Todd, l. c., p. 512, держится теоріи „of a reserved right of interference by the Crown itself under exceptional and undefinable circumstances and as a last resort"; примѣръ этотъ однако напоминаетъ гораздо болѣе о возможности coup d'etat, чѣмъ чего-либо другого.

[3]) Теорія эта была обоснована впервые Тоддомъ, выводившимъ ее изъ цитированной нами выше англійской теоріи всемогущества великобританскаго парламента. Ср. также Keith, l. c., p. 31.

ныхъ укрѣпленныхъ пункта, Halifax и Esquimalt, теперь переданы вѣдѣнію самой колоніи; въ бюджетѣ метрополіи 1906—1907 гг. военный статсъ-секретарь уже исключилъ статьи, касавшіяся содержанія войскъ въ Канадѣ; благодаря этому исчезло прежде существовавшее различіе военныхъ силъ, расположенныхъ въ Канадѣ войскъ метрополіи и милиціи колоніи [1]).

Почти сразу, послѣ утвержденія акта 1867 г. канадцы стали требовать установленіе особаго канадскаго флага; канадскіе капитаны начали употреблять особый флагъ съ канадскимъ гербомъ; метрополія сначала смотрѣла сквозь пальцы на это [2]), но въ серединѣ 70-хъ годовъ адмиралтейство запротестовало и даже запретило употребленіе такихъ флаговъ [3]); канадцы не обратили вниманія на это запрещеніе, и немного спустя метрополія уступила, разрѣшивъ употребленіе канадскаго герба на установленныхъ англійскихъ флагахъ („in addition"); въ 1889 г. Канада офиціально просила объ утвержденіи особаго флага; переписка длилась около 4 лѣтъ; наконецъ въ 1892 году ей разрѣшенъ былъ особый флагъ (красный англійскій съ канадскимъ гербомъ).

Съ 1909 года ясно стало, что въ ближайшемъ будущемъ Канада будетъ имѣть и свой особый „Канадскій" военный флотъ.

Своими самостоятельными арміей и флотомъ Канада обязана главнымъ образомъ имперскимъ конференціямъ послѣдняго десятилѣтія.

Право объявленія войны и заключенія мира находится въ рукахъ короны; благодаря этому, Канада лишена иниціативы и свободы выбора въ этихъ двухъ вопросахъ; старая теорія гласила: разъ метрополія находится

---

[1]) Подробнѣе см. законъ 1868 г., 31 Vict., c. 40 и актъ 1883 г., а также ср. съ компетенціей прежнихъ канадскихъ министровъ милиціи и защиты (of militia and defence) и генераловъ, командовавшихъ канадской милиціей. Происходившія прежде довольно многочисленныя недоразумѣнія проистекали главнымъ образомъ изъ того факта, что генералы были почти всегда англичане, не знавшіе и не считавшіеся съ мѣстными обычаями и нравами, а въ особенности съ канадскими властями; еще ранѣе, именно вслѣдствіе этихъ столкновеній была упразднена должность командующаго милиціей (Commander in chief) и замѣнена генералъ-инспекторомъ милиціи, который можетъ быть канадцемъ. Милиція находится въ распоряженіи федеральнаго правительства Канады; этимъ она отличается отъ милиціи Соед. Штатовъ, находящейся въ распоряженіи отдѣльныхъ штатовъ, а не федераціи.

[2]) Приблизительно до 1874 г. Ср. Ewart, l. c., p. 65 et seq.

[3]) 52—53 Vict., c. 73.

въ войнѣ, Канада — тоже и vice versa; таковъ общій принципъ; практическія послѣдствія его весьма сложны; объявленіемъ метрополіей войны еще не предопредѣляется форма участія Канады въ таковой [3]); послѣднее будетъ зависѣть отъ весьма разнообразныхъ условій, отъ того, кто и гдѣ непріятель, насколько замѣшаны интересы Канады, можетъ ли метрополія справиться безъ ея помощи и т. д., и т. д. Не существуетъ ни конституціонныхъ, ни нравственныхъ обязанностей для Канады участвовать въ войнѣ, ею не вызванной, если при этомъ не замѣшаны ея собственные интересы и ей лично не угрожаетъ непосредственной опасности—такова новая теорія канадцевъ [4]); но изъ этого вытекаетъ огромной важности слѣдствіе: Канада будетъ участвовать въ войнѣ Англіи лишь по собственному желанію, а не по принужденію; на практикѣ такая доктрина вполнѣ понятна, такъ какъ дѣйствительная помощь со стороны канадцевъ можетъ быть оказана лишь при ея добровольномъ участіи; интересы имперіи, намъ представляется, защищаются въ данномъ случаѣ слѣдующимъ положеніемъ: если Британская имперія, какъ цѣлое, т.-е. какъ единеніе метрополіи съ Канадой, живуча, т.-е. поддерживается живыми, дѣйствительными интересами обѣихъ сторонъ, то это само по себѣ будетъ достаточнымъ факторомъ принужденія Канады къ участію въ войнѣ метрополіи, если послѣдняя будетъ о томъ просить; если же имперія, какъ цѣлое, не питается и не поддерживается подобной выгодой ея существованія для обѣихъ сторонъ, то она рано или поздно будетъ обречена на смерть, и наиболѣе вѣроятнымъ поводомъ ея распаденія явится именно война метрополіи; никакая сила въ мірѣ не въ состояніи въ наши дни заставить Канаду противъ ея желанія принять участіе въ войнѣ помимо ея воли; съ другой стороны, мы полагаемъ, выгоды отъ участія ея въ Британской имперіи столь велики для Канады, что въ случаѣ надобности она всегда придетъ добровольно на помощь метрополіи; такъ было во время Бурской войны, такъ будетъ и въ будущемъ. Этимъ и дорогъ принципъ федераціи, что, представляя полнѣйшую

---

[3]) Ср., напр., Ewart, l. c., p. 63 et. seq.

[4]) Такой случай можетъ, напр., представиться при осложненіяхъ въ Средней Азіи съ Афганистаномъ или Персіей, или, напр., съ Египтомъ.

самостоятельность частямъ, онъ тѣмъ-же самымъ обезпечиваетъ единеніе цѣлаго[1]).

Самостоятельность Канады въ административной области опредѣлилась, какъ и въ прочихъ областяхъ, не сразу, а постепенно; актъ 1867 г. былъ лишь могучимъ толчкомъ въ этомъ направленіи. Уже съ 40-хъ годовъ начался этотъ процессъ перехода админ. функцій изъ компетенціи метрополіи въ вѣдѣніе канадскихъ органовъ.

Первымъ требованіемъ Канады была самостоятельность въ области финансовой; Канада желала имѣть совершенно независимый контроль надъ собственными финансами, самостоятельное право регулировать канадскій цивильный листъ, жалованье генералъ-губернатора и всѣхъ канадскихъ должностныхъ лицъ, право надзора за своими банками и собственной канадской торговлей, а главное, и право устанавливать свои таможенные тарифы, и вести самостоятельно свою таможенную политику. Въ 1849 г. метрополія отмѣнила дѣйствіе навигаціонныхъ законовъ для Канады; акты же 1857, 1867 и 1869 передали ей полностью право регулировать торговое мореплаваніе[2]).

Немного болѣе сложную исторію имѣетъ вопросъ о таможенныхъ тарифахъ Канады. Таможенною самостоятельностью Канада обязана фритредерамъ метрополіи; побѣда послѣднихъ къ концу 50-хъ годовъ отразилась на Канадѣ, такъ какъ однимъ изъ принциповъ ихъ программы была автономія колоній въ торговыхъ сношеніяхъ какъ между собой, такъ и съ метрополіей[3]). Но идеалу ихъ не сразу было суждено воплотиться въ жизнь. Въ исторіи этого вопроса слѣдуетъ различать двѣ стороны: торговлю Канады съ метрополіей или, вѣрнѣе—съ имперіей, и торговлю ея съ Соед. Штатами; начнемъ съ

---

[1]) Не даромъ канадцы теперь описываютъ свое отечество, по отношенію къ имперіи, какъ „a sister nation, bound by ties of respect, sympathy, friendship, common allegiance to a common sovereign".

[2]) Въ частн. см., напр., п. 10 акта 1867 г. Законъ 1880 г. (Imperial Merchant Shipping Act) окончательно исключилъ изъ вѣдѣнія метрополіи канадское торговое мореплаваніе и навигацію въ канадскихъ водахъ.

[3]) Либералы-фритредеры, наиболѣе яркими представителями, которыхъ были Goldwin Smith и J hn Bright, проповѣдывали не только самостоятельное право колоній регулировать свою таможенную политику и торговлю, но и полное отдѣленіе Канады, если она того потребуетъ; Англія, говорили они, не имѣетъ права удерживать колоніи отъ отпаденія; жизнь однако пошла другимъ путемъ.

первой. Въ 70-хъ годахъ обосновывается теорія преференціальныхъ тарифовъ для торговли въ предѣлахъ имперіи; въ Канадѣ родоначальникомъ ея былъ Sir John A. Macdonald; занявъ мѣсто премьера въ 1878 г., онъ сразу же выставилъ эту идею, какъ ону изъ основъ федераціи имперіи. Она сильно дебатировалась въ 1885 г. и на первой имперской конференціи 1887 г. Оппозиція ей со стороны метрополіи основывалась на томъ фактѣ, что тогда какъ она сама защищала фритредерство, колоніи, одна за другой, стали принимать запретительную систему; съ другой стороны, крупнымъ препятствіемъ къ принятію преференціальной системы въ имперіи составляли заключенные Англіей международные договоры, не допускавшіе предоставленія выгодъ какому-либо народу, безъ предоставленія ихъ договорившимся сторонамъ; сюда относятся, напр., договоры съ Бельгіей и Германіей; метрополія не желала нарушать эти договоры, несмотря на усиленныя просьбы колоній; такова суть переговоровъ 1891—1895 гг.; главнымъ образомъ это касалось не столько торговли колоній между собой, сколько торговли ихъ съ метрополіей; нежеланіе метрополіи нарушить эти договоры легко можно объяснить тѣмъ, что торговля ея съ Европейскими государствами, и именно съ Бельгіей и Германіей, во сто кратъ превышала въ тѣ времена ея торговлю съ Канадой; это было засвидѣтельствовано самимъ Чемберлэномъ на имперской конференціи 1897 года. Наконецъ, по настоянію колоніальныхъ премьеровъ, метрополія согласилась и расторгла договоры, послѣ чего Канада сразу же приняла преференціальный тарифъ. А въ 1902 году Чемберлэнъ уже сообщилъ имперской конференціи, что новую канадскую систему онъ считаетъ чрезвычайно выгодной для имперіи!

Конференціи 1902 и 1907 гг. приняли по сему вопросу слѣдующія резолюціи:

1. Признаніе принципа преференціальныхъ тарифовъ для торговли колоній съ метрополіей, какъ помощь и стимулъ имперской торговли, 2. признаніе несвоевременности принципа фритредерства въ предѣлахъ имперіи, 3. желательность принятія всѣми колоніями принципа преференціальныхъ тарифовъ, и 4. обращеніе съ просьбой къ метрополіи, дабы и она приняла таковой принципъ въ ея торговлѣ съ колоніями.

Въ настоящее время автономныя колоніи уже приняли преференціальный принципъ; метрополія же не желаетъ отказаться отъ фритредерства.

Что касается таможенной политики Канады по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ, то послѣдняя развивалась немного инымъ путемъ. Въ 1854 г. генералъ-губернатору Эльгину удалось заключить такъ называемый „reciprocity treaty“ (договоръ взаимности) съ Соединенными Штатами на 12-лѣтній срокъ; въ 1866 г. однако штаты не захотѣли его возобновить; съ тѣхъ поръ съ обѣихъ сторонъ были установлены протекціонные тарифы; иниціатива протекціонной политики принадлежала штатамъ, такъ какъ американцы полагали въ то время возможнымъ прижать канадцевъ; достигнуть этого имъ, однако, не удалось. Канадскіе министры нѣсколько разъ поднимали вопросъ о возстановленіи началъ договора 1854 г., но тщетно; такъ, новый канадскій тарифъ 1879 г. все еще содержалъ особую статью, предлагавшую штатамъ заключеніе новаго „reciprocity treaty“; господствовавшая въ штатахъ волна протекціонизма, однако, не допускала такого сближенія двухъ сосѣдокъ. При заключеніи договора о рыболовствѣ въ 1888 г. канадцы вновь предложили уступки, но опять-таки безрезультатно. Когда въ 90-хъ годахъ либералы вступили въ министерство, Канада отказалась отъ этой мысли[1]); теперь, однако, положеніе измѣнилось—штаты усердно хлопочутъ о такомъ договорѣ![2]).

Президентъ Тафтъ, благодаря своему такту, повидимому, имѣлъ успѣхъ минувшимъ лѣтомъ (1910) и добился многихъ важныхъ уступокъ со стороны Лоріера и канадскаго министерства; возможность новаго соглашенія и пересмотра тарифовъ гораздо болѣе вѣроятна; правительство штатовъ сознало необходимость весьма серьезно считаться съ правительствомъ канадскимъ и что безвозвратно прошло то время, когда можно было третировать Канаду, какъ второстепенную и „несуверенную“ провинцію.

---

[1]) Премьеръ Лоріеръ формулировалъ слѣдующимъ образомъ свою тогдашнюю программу: „there will be mo more pilgrimages to Washington; we are turning our hopes to the old Motherland“.

[2]) Ср. A. Macphail, Essays in Politics, 1909, картинно описавшій настроеніе канадцевъ въ вопросѣ таможенной политики съ Соединенными Штатами.

Исторія таможенной политики Канады весьма ярко подчеркиваетъ тотъ огромный ростъ самостоятельности, который она переживала къ концу XIX вѣка; метрополія не вмѣшивается болѣе въ эту область; ея колонія-дочь достаточно выросла и окрѣпла, чтобы быть въ состояніи успѣшно самой защищаться.

Еще болѣе знаменательна исторія международныхъ сношеній Канады. По теоріи отцовъ конституціи 1867 г. функція эта передавалась исключительному вѣдѣнію метрополіи; только послѣдняя являлась субъектомъ международнаго права, только послѣдняя могла имѣть сношенія съ другими государствами, заключая съ ними договоры, конвенціи и т. д.

Съ теченіемъ времени, однако, и этому принципу пришлось подвергнуться измѣненію. Ростъ самостоятельности Канады не могъ не оказать сильнаго воздѣйствія въ этомъ отношеніи. Канада стала требовать, чтобы метрополія, заключая международные договоры, болѣе тщательно считалась съ ея интересами, напр., спеціально запрашивая мнѣніе канадскаго министерства; слѣдующимъ шагомъ была теорія отказа признанія дѣйствія для Канады великобританскихъ договоровъ eo ipso; метрополіи, несмотря на весьма непріятное ей чувство, пришлось сдѣлать и здѣсь уступку; съ 1877 г. въ ея договорахъ обыкновенно включалась спеціальная статья, указывавшая, что данный договоръ дѣйствителенъ и для такой-то колоніи; этимъ какъ бы tacitu consensu принималась канадская теорія, гласившая, что для Канады необязательны договоры, въ которыхъ не упомянуто спеціально, что они распространяются и на Канаду. Въ 1899 г. былъ сдѣланъ еще болѣе важный шагъ въ томъ же направленіи; съ этого времени стали включать статью, допускающую исключеніе колоніи по ея желанію или выходъ изъ соглашенія, безъ нарушенія договора въ прочихъ частяхъ; Канада получила слѣдовательно еще большую свободу дѣйствія — въ случаяхъ, когда она считала извѣстный договоръ невыгоднымъ, она могла отдѣлаться отъ него, не нарушая его[1]); присоединеніе колоніи къ

---

[1]) Ср. Keith, o. c., p. 227. Въ настоящее время подобныя статьи имѣются въ договорахъ съ Уругваемъ, Греціей, Египтомъ, Парагваемъ, Либеріей, Никарагуа, Сербіей, Румыніей и Болгаріей. Спейеръ (o. c. p. 82) правильно замѣчаетъ по этому поводу: „Le Royaume-Uni stipule pour elles (les colonies

договору или ея выходъ изъ соглашенія совершаются, впрочемъ, не ею самой, а метрополіей; намъ важно отмѣтить, однако, что роль метрополіи въ этомъ отношеніи носитъ чисто формальный характеръ; опредѣляющей волей является воля Канады, а не метрополіи; послѣдняя выступаетъ въ международномъ общеніи лишь въ качествѣ офиціальнаго представителя своихъ колоній; дѣйствія же ея опредѣляются не собственной волей, а волей отдѣльныхъ заинтересованныхъ колоній; особенно ярко это построеніе и свобода дѣйствія Канады нашли себѣ выраженіе въ договорѣ 1908 г. съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки.

Номинально и по сей день, стало-быть, метрополія одна выступаетъ въ международномъ общеніи, фактически же она не можетъ обязывать Канаду помимо согласія послѣдней; недалеко уже то время, когда и этотъ послѣдній остатокъ изчезнетъ и Канада вступитъ въ международное общеніе самостоятельнымъ субъектомъ права [1]).

Но и въ другомъ отношеніи въ этой области уже многое достигнуто Канадой; такъ, конституціонная практика давно уже установила твердое правило, согласно которому метрополія предварительно всегда запрашиваетъ мнѣнія колоній о заключаемыхъ его договорахъ, если таковые касаются послѣднихъ; кромѣ того, метрополія можетъ заключить спеціальный договоръ, если того требуетъ какая-нибудь изъ самоуправляющихся колоній [2]), или, по крайней мѣрѣ, приложить въ тому всѣ усилія. Далѣе, метрополія за послѣднее полустолѣтіе всегда приглашаетъ представителя колоніи для участія въ переговорахъ по заключенію договора, разъ таковой касается колоніи, дабы ясно опредѣлить и оградить интересы послѣдней; такъ было, напр., въ 1907 г., когда канадскій министръ Lemieux участвовалъ наравнѣ съ

---

autonomes) la faculté d'accéder au traité dans un délai déterminé, comme si elles étaient de véritables personnes du droit des gens". Такъ, къ англо-итальянскому договору 1883 г. не присоединились ни Канада, ни Капъ, ни Южная Австралія.

[1]) Сходство въ этомъ отношеніи можно найти съ положеніемъ современнаго конституціоннаго монарха; такъ, англійскій король заключаетъ международные договоры, но никто не станетъ утверждать, что онъ свободенъ въ этомъ отношеніи; наоборотъ, участіе его скорѣе формальное.

[2]) Ср. Keith, o. c. p. 225.

британскимъ посломъ въ переговорахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Токіо и касавшихся урегулированія японской эмиграціи въ Канаду; другимъ примѣромъ можетъ служить участіе Галта (Sir Alexander Galt) и Туппера (Sir Charles Tupper), представителей Канады въ переговорахъ по заключенію договоровъ съ Испаніей (1883 и 1888 г.), и канадскихъ министровъ—въ переговорахъ съ Соедин. Штатами, касательно таможенныхъ тарифовъ (1907 и 1910 гг.[1]), и въ 1908 г.—въ переговорахъ относительно вопросовъ рыболовства, пограничныхъ водъ, выдачи преступниковъ[2]), морскихъ крушеній и установленія пограничной черты между штатами и Канадой. Изъ этого перечня читатель усмотритъ, что активное участіе Канады въ заключеніи международныхъ договоровъ не ограничивается одними торговыми трактатами, а идетъ въ настоящее время гораздо далѣе; первоначально Канада участвовала лишь въ заключеніи коммерческихъ трактатовъ, теперь же во всѣхъ касающихся ея интересовъ; исключеніе составляютъ лишь такъ называемые чисто политическіе договоры, но и при ихъ заключеніи метрополія должна считаться съ интересами и общественнымъ мнѣніемъ колоній; такъ, напр., договоръ Англіи съ Японіей по весьма многимъ и серьезнымъ причинамъ близко касается интересовъ Канады, чего англійское министерство не упускало изъ виду.

Въ 70-хъ годахъ сдѣланъ былъ и другой шагъ, назначеніемъ въ Лондонъ особаго комиссара отъ Канады, роль котораго весьма близко напоминаетъ консуловъ и торговыхъ агентовъ; въ 1878 г. англійское министерство просило Канаду назначить такого комиссара; на практикѣ оказалось, что генералъ-губернаторъ слишкомъ былъ далекъ отъ Лондона; между тѣмъ англійскому правительству постоянно нужны были справки и свѣдѣнія о канадскихъ дѣлахъ и интересахъ; слѣдствіемъ этого и была

---

[1]) Ср. также договоры съ Соединенными Штатами 1892—1893 г.; см. Todd o. c., p. 272 et seq.

[2]) Договоры съ Соединенными Штатами о выдачѣ преступниковъ регулируются даже помимо метрополіи; тоже слѣдуетъ сказать о почтовыхъ конвенціяхъ. Лоріеръ, напр., велъ переговоры съ германскимъ консуломъ въ Монтреалѣ совершенно помимо метрополіи, и лондонское правительство даже не знало объ этомъ; нельзя, однако, не признать извѣстной некорректности въ данномъ случаѣ; самостоятельность Канады не пострадала бы, если бы премьеръ извѣстилъ о своихъ переговорахъ съ германскимъ консуломъ Сентъ-Джемскій кабинетъ, престижъ же Канады только бы выигралъ отъ этого.

мысль объ учрежденіи такой должности агента при правительствѣ метрополіи, который могъ бы въ любое время и безъ затрудненій сообщать всѣ необходимыя справки и свѣдѣнія; произошло это, правда, не безъ сильныхъ протестовъ; многіе англичане боялись, что такая мѣра явится прямымъ отторженіемъ Канады, другіе утверждали, что это подчеркнетъ потерю престижа метрополіи и т. д.; правительство этимъ, однако, не устрашилось. Первымъ занявшимъ таковой постъ въ Лондонѣ былъ Sir Alexander Galt, получившій титулъ Resident High Commissioner for Canada; канадцы его называютъ „первымъ своимъ дипломатомъ"; ему сразу же было предложено участвовать въ переговорахъ англійскихъ министровъ съ иностранными послами касательно интересовъ Канады; кромѣ того, правительство стало постоянно обращаться къ нему за справками; его дѣятельность вполнѣ оправдала ожиданія, ясно доказавъ полезность этой должности; объ отпаденіи же Канады не было и рѣчи [1]).

Послѣ этого удачнаго опыта Канада рѣшилась просить объ учрежденіи подобной должности и въ Парижѣ для обезпеченія интересовъ ея торговли съ Франціей; парижскій комиссаръ получилъ титулъ Commisioner General in Paris и также оказался весьма полезнымъ агентомъ; онъ, напр., участвовалъ въ переговорахъ Англіи съ Франціей касательно Канады, а кромѣ того, велъ непосредственно переговоры съ французскимъ правительствомъ даже помимо метрополіи; всѣ торговыя сношенія съ Франціей регулируются непосредственно самой Канадой; а между тѣмъ эта ея самостоятельность не только не привела метрополію къ катастрофѣ отпаденія колоніи, а, наоборотъ, способствовала большему сближенію, такъ какъ слѣдствіемъ оказалось учрежденіе еще новой должности, уже по иниціативѣ самой метрополіи.

Ллойдъ-Джорджъ послалъ въ Канаду особаго агента для изученія вопроса о канадской торговлѣ съ метрополіей; по представленіи агентомъ доклада англійскому министерству, Винстонъ-Черчиль, бывшій министромъ торговли, назначилъ особаго представителя Board of Trade

---

[1]) Ср. Marquis of Lorne (бывшій канадскій генералъ-губернаторъ), Imperial Federation, p. 55—56 и 111—115.

въ качествѣ „имперскаго комиссара въ Канадѣ“, съ уплатой ему жалованья изъ казначейства метрополіи; роль его ничѣмъ не отличается отъ роли британскаго консула или торговаго агента; на этотъ разъ даже не были болѣе слышны крики протеста и опасенія джинго объ отдѣленіи колоніи и распаденіи имперіи; такой актъ правительства принятъ былъ общественнымъ мнѣніемъ метрополіи, какъ вполнѣ естественное средство поощренія торговли съ Канадой, такъ какъ коммиссаръ живя на мѣстѣ, могъ лучше изучать требованія канадскаго рынка; вмѣсто отпаденія происходитъ все большее единеніе Канады съ метрополіей.

Такимъ путемъ одна за другой переходили административныя функціи изъ рукъ метрополіи въ руки колоніи, все увеличивая самостоятельность послѣдней; при этомъ въ числѣ подобныхъ переходящихъ вѣдѣнію колоніи функцій, какъ мы видѣли находятся наиболѣе съ государственной точки зрѣнія важныя, какъ, напримѣръ управленіе военными силами, международныя сношенія и т. д.

Интереснымъ является тотъ фактъ, что наибольшія препятствія къ передачи въ компетенцію колоніи встрѣчали предметы на первый взглядъ малозначительные; метрополія болѣе всего противилась, да и еще противится передачѣ вѣдѣнію Канады вопросовъ о банкротствѣ, двоеженствѣ, преслѣдованіи и подсудности преступленій, совершенныхъ на морѣ, внѣ предѣловъ канадскихъ территоріальныхъ водъ, о выдачѣ преступниковъ изъ одной колоніи въ другую, ловли котиковъ въ Беринговомъ морѣ (послѣднее на томъ основаніи будтобы, что ловля эта ограждена нормами международнаго права) и о книжной торговлѣ [1])!

Само собой понятно, что эти второстепенные вопросы, въ которыхъ Канада ограничена и по сей день, не могутъ служить примѣромъ противорѣчія ея государственной автономіи; они для этого слишкомъ незначительны, являясь только историческими пережитками, дни которыхъ уже сочтены.

Остается власть судебная.

---

[1]) Таковая регулируется старыми имперскими законами и по сей день; ср. законы 1843, 1846, 1875 и 1890 гг.

Мы видѣли выше, какъ постепенно измѣнялись основы юрисдикціи суд. комитета тайнаго совѣта метрополіи въ колоніальныхъ дѣлахъ [1]); начиная съ 70-хъ годовъ у тайнаго совѣта начала постепенно уходить почва изъ-подъ ногъ; право апелляціи къ метрополіи стало сначала измѣняться въ своихъ основныхъ принципахъ, а затѣмъ и сокращаться; въ наше время тайный совѣтъ не является болѣе факторомъ единенія имперіи; его компетенція лишь остатокъ прежняго величія; имъ не создается ни единство права всей имперіи, ни даже единство судебной практики, авторитетъ мѣстныхъ же судовъ только страдаетъ отъ этого. Можно ли считать эти вымирающія функціи тайнаго совѣта элементомъ государственнаго подчиненія Канады метрополіи, противорѣчащимъ идеѣ канадской государственности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по-нашему, долженъ быть безусловно отрицательный. Было время, когда тайный совѣтъ несомнѣнно игралъ извѣстную роль объединителя имперіи, но, какъ мы видѣли, время это прошло безвозвратно. Къ тому же теоретическое обоснованіе дѣятельности судебнаго комитета тайнаго совѣта и по сей день строится на чисто-формальномъ признакѣ; комитетъ не самъ рѣшаетъ судебные споры; онъ является судомъ въ современномъ смыслѣ этого термина, предлагая на рѣшеніе короля лишь свои „совѣты“; построеніе это совершенно тождественно обоснованію дѣятельности англійскаго кабинета министровъ, который тоже только „совѣтуетъ“ королю принятіе извѣстной мѣры или изданіе какого-либо правительственнаго акта. Стало-быть, тайный совѣтъ въ этой своей дѣятельности является лишь составною интегральною частью понятія монарха или короны, а не самостоятельнымъ органомъ, подчиняющимъ Канаду метрополіи. Судебный комитетъ только нѣкоторая часть, и притомъ въ наши дни весьма второстепеннаго значенія, общаго комплекса понятія великобританскаго и канадскаго монарха.

Наконецъ, касательно спеціальныхъ судовъ мы должны отмѣтить ту же тенденцію сосредоточенія всей полноты судебной власти въ рукахъ канадскихъ судебныхъ органовъ; примѣромъ можетъ служить законъ 1891 г., пере-

---

[1]) Ср. выше стр. 96.

давшій функціи адмиралтейскихъ судовъ (Vice-admiralty courts) вѣдѣнію канадскаго Exchequer court.

Изложенное приводитъ насъ къ утвержденію, что въ настоящее время Канада является государствомъ; налицо имѣются всѣ необходимые для того реквизиты и элементы государственности. Канада сама осуществляетъ всѣ три функціи государства, законодательную, административную и судебную; она сама творитъ свое право, сама и самостоятельно распоряжается своимъ соціальнымъ строемъ и политическою судьбой; зависимость ея отъ метрополіи является въ наши дни весьма-таки проблематичной; можно съ такимъ же правомъ утверждать, что метрополія зависима отъ Канады; съ одной стороны, можно говорить, что Канада суверенна, такъ какъ имѣется право veto ген.-губернатора, которымъ вводится порядокъ созданія правовыхъ нормъ, участіе законодательныхъ органовъ метрополіи, „короля въ парламентѣ"; но съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что и метрополія не свободна и не располагаетъ самодержавнымъ правомъ законодательствовать для Канады; ея „король въ парламентѣ" такъ же мало „суверененъ" по отношенію Канады, какъ и сама она; суверенным является въ данномъ случаѣ только *право*, тотъ правовой порядокъ, который установленъ былъ и существуетъ и въ настоящее время лишь общимъ согласіемъ обѣихъ сторонъ.

Имѣется однако въ государственномъ строѣ Канады одинъ важный отличительный признакъ, которымъ это государство отличается отъ другихъ конституціонныхъ монархій; а именно: строеніе ея верховнаго органа „монарха"; здѣсь мы встрѣчаемъ не простое физическое лицо, а цѣлый комплексъ органовъ, объединенныхъ въ одномъ понятіи; король выступаетъ, во-первыхъ, въ качествѣ „короля въ парламентѣ", т.-е. отождествленъ съ понятіемъ великобританской короны, а во-вторыхъ, дѣйствуетъ въ Канадѣ не непосредственно, а черезъ представителя—ген.-губернатора. Въ этомъ сложномъ комплексѣ, понятіи „канадскаго монарха", мы имѣемъ и единственную въ настоящее время связь колоніи съ имперіей, такъ какъ

этотъ же монархъ является однимъ изъ верховныхъ органовъ метрополіи.

Такая конструкція, какъ понятія „канадскаго монарха", такъ и связи Канады съ метрополіей не можетъ противорѣчить понятію Канады—государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна служить единственнымъ, по нашему крайнему разумѣнію, объясненіемъ современнаго *правового* строя великобританской имперіи, какъ единаго цѣлаго. Суверенным является не какая-либо часть имперіи, а общій правовой порядокъ.

Единственнымъ затрудненіемъ для насъ является опредѣленіе момента возникновенія канадскаго государства. Какъ очень часто бываетъ съ исторіей возникновенія государствъ, этотъ историческій процессъ протекаетъ медленно, незамѣтно, постепенно, при чемъ трудно, а часто и невозможно установить единый моментъ превращенія даннаго общества, провинціи или другой какой-либо соціальной единицы въ государство [1]). Канадское государство создавалось въ періодъ между 1841 и концомъ семидесятыхъ годовъ; первые двадцать лѣтъ съ небольшимъ, когда устанавливался и окрѣпъ принципъ парламентаризма, опредѣлялась самостоятельность и независимость отъ метрополіи канадскаго правительства; во вторую часть этого періода, главнымъ образомъ благодаря почвѣ, созданной актомъ 1867 г., росло количество административныхъ функцій, передававшихся изъ компетенціи органовъ метрополіи въ вѣдѣніе канадскихъ органовъ, а параллельно съ этимъ все болѣе сокращалась область участія метрополіи въ отправленіи двухъ другихъ государственныхъ функцій, законодательной и судебной. Благодаря этому историческому процессу за метрополіей въ настоящее время остались, какъ мы видѣли выше, лишь историческіе остатки функцій, которые всѣ уже осуждены на смерть, доживая свои послѣдніе дни. Вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе опредѣлялось и оформливалось новое понятіе „канадскаго монарха", какъ составной части сложнаго понятія „великобританской короны". Въ лицѣ послѣдней мы имѣемъ единствен-

---

[1]) Не даромъ утверждаетъ Еллинекъ, что возникновеніе государствъ есть внѣправовое явленіе; ему слишкомъ хорошо извѣстна постепенность подобныхъ историческихъ процессовъ, создававшихъ новыя государства.

ное современное правовое связующее звено Великой Британской Имперіи.

IV.

Заключеніе.

Въ юридическихъ конструкціяхъ современнаго канадскаго государственнаго права нѣкоторую, хотя и небольшую роль еще играетъ законъ 1865 года [1]), главнымъ образомъ по слѣдующимъ причинамъ; имъ опредѣлены были понятія колоніи [2]), колоніальной легислатуры и колоніальнаго закона (въ отличіе отъ закона имперскаго, великобританскаго); далѣе, имъ перечислены тѣ случаи, когда имперскій законъ можетъ быть распространяемъ на колоніи (а именно: когда въ немъ о томъ спеціально упомянуто), и установленъ порядокъ толкованія законовъ при столкновеніи законовъ имперскихъ съ колоніальными. Колоніальный законъ долженъ уступать лишь при столкновеніи съ такимъ имперскимъ закономъ, въ которомъ спеціально упомянуто, что дѣйствіе его распространяется и на колоніи. И по сей день актъ 1865 г. имѣетъ значеніе при опредѣленіи объема дѣйствія колоніальныхъ законовъ и ихъ отношенія къ законамъ имперскимъ [3]). Для насъ же его главное значеніе заключается въ той нормѣ, которая ясно ограничила дѣйствіе имперскихъ законовъ; таковые eo ipso не дѣйствительны въ колоніяхъ; только въ извѣстныхъ случаяхъ и при особыхъ условіяхъ могли, стало-быть, съ 1865 г. имперскіе законы примѣняться къ колоніямъ.

Весьма интересна судьба теорій, защищавшихъ такъ называемые „имперскіе интересы“, т.-е. власть метрополіи надъ колоніей. Первоначально старая доктрина утверждала, что имперскіе интересы суть „вопросы, находящіеся внѣ компетенціи колоніальныхъ легислатуръ“, т.-е. та область, которую сохранила за собой метрополія и куда колонія не имѣла права вмѣшиваться; сюда при-

---

[1]) „An Act to remove doubts as to the validity of colonial Laws“, 29 June 1865, 28 and 29 Vict., c. 63.

[2]) Здѣсь имѣются въ виду лишь самоуправляющіяся или автономныя колоніи.

[3]) Ср., напр., Jenkyns, British Rule beyond the Seas, p. 239 et seq.

надлежали слѣдующіе труды: Jenkyns, British Rule and Jurisdiction beyond the Seas (p. 69 et seq.), Harrison Moore, Journal. Soc. Comp. Legisl., 1900 (p. 280 et seq.), Commonwealth of Australia (p. 10 et 225), а также и нѣкоторыя судебныя рѣшенія, какъ, напр., Tully v. The Principal Officers of H. M's. Ordnance, 5 U. C. R. 6, per Robinson, C. J.).

Съ ростомъ самостоятельности колоній, когда большинство государственныхъ функцій уже стало переходить въ ихъ руки, центръ тяжести опредѣленія „имперскихъ интересовъ" былъ перенесенъ въ другую область; доктрина стала утверждать, что извѣстныя функціи составляли прерогативу англійской короны и *потому* должны были находиться внѣ компетенціи колоніальныхъ органовъ.

Немного позднѣе рядомъ стала другая теорія, превратившая прерогативу англійской короны въ теорію Magna regalia, прерогативу метрополіи—имперіи, какъ цѣлаго [1]).

Но и послѣдняя, продержавшаяся наиболѣе долго, въ настоящее время должна быть оставлена, такъ какъ у метрополіи не сохранилось болѣе такой области функцій. „Имперскіе интересы" не защищаются болѣе заботой о нихъ метрополіи, а самими колоніями; послѣднія ясно сознали собственныя выгоды отъ существованія „имперіи"; на практикѣ оказалось, что „имперскіе интересы" только и могутъ быть таковыми (т.-е. „имперскими"), пока въ нихъ заинтересованы обѣ стороны; если бы этого взаимнаго интереса не имѣлось, т.-е., напр., Канада не была бы сама заинтересована въ участіи въ общей Британской имперіи, то давно бы уже отдѣлилась отъ нея, такъ какъ физической силой Англія не въ состояніи была бы ее удержать послѣ реформъ 60-хъ и 70-хъ годовъ[2]).

Что же касается интересовъ одностороннихъ, то для Канады они защищаются ея собственными органами, ея представителями за границей и ея министерствомъ, что, конечно, вполнѣ достаточно при существующей системѣ

---

[1]) Теорія эта формулирована у Lefroy, Legislative Power in Canada, p. 178—186.

[2]) Это признавали не только Дизраэли и Гольдвинъ Смитъ, но и самъ Гладстонъ.

отвѣтственности, судебной и парламентарной, *для метрополіи же* они защищаются общей короной, ея представителемъ—генералъ-губернаторомъ и предоставленнымъ ему правомъ veto или резервацiи законовъ конституціоннымъ порядкомъ [1]); одного veto совершенно для этого достаточно. Но здѣсь же слѣдуетъ оговориться: совершенно невозможно a priori сказать или установить, въ какихъ вопросахъ и какіе интересы, колоніи, метрополіи или имперскіе, замѣшаны въ данномъ какомъ-либо дѣлѣ; это уже вопросъ факта, опредѣляемый лишь a posteriori для каждаго отдѣльнаго случая, а не „по существу“ [2]).

Результатъ такого построенія понятія „интересовъ“ вполнѣ оправдался укрѣпленіемъ имперскаго единенія колоній съ метрополіей [3]). Въ концѣ-концовъ всегда оказывалось въ продолженіе исторіи всего XIX вѣка, что когда вопросъ заходилъ о „лояльности“ колоніи или возможности ея отпаденія, онъ возникалъ изъ-за *стремленія къ самоуправленію, а не къ отпаденію*; по вѣрному выраженію одного изъ самыхъ крайнихъ и ярыхъ защитниковъ независимости Канады, Еварта (o. c., p. 133), отказъ Канады отъ лояльности (disloyalty) былъ противленіемъ губернатору метрополіи, а не сепаратизмъ или стремленіе къ присоединенію къ Соединеннымъ Штатамъ; за всю исторію Канады, за исключеніемъ развѣ нѣкоторой части революціонной партіи Папино [4]), она не знала стремленія къ disloyalty to the Crown.

Правильно замѣтилъ маркизъ Лорнъ (Marquis of Lorne), покидая Канаду по окончаніи своего срока генералъ-губернаторства, что канадцы не подданные, а союзники той великой страны, которая создала ихъ родину [5]).

---

[1]) Ср., напр., Keith., o. c., p. 93.

[2]) Такъ, напр., казалось бы, что положеніе генералъ-губернатора заключало въ себѣ „имперскіе интересы“, однако вопросъ объ уплатѣ ему жалованья и о размѣрѣ таковаго былъ опредѣленъ какъ „колоніальный интересъ“, т.-е. входящимъ въ компетенцію органовъ Канады.

[3]) Одинъ австралійскій авторъ опредѣлилъ федеративный принципъ слѣдующимъ образомъ: „Federation becomes desirable where, on the one hand, the country is too enormous in extent and too diverse in conditions for its internal affairs to be satisfactorily managed by one ceutral government, while on the other hand the communities haye certain common interests best served by their coming together, or are confronted by common dangers if they keep appart“.

[4]) Нѣкоторые изъ послѣдователей Папино переняли отъ французской революціи XVIII вѣка идею республики.

[5]) „You are not the subjects, but the allies of a great country that gave you birth“; ср. Ewart, o. c., p. 356.

За послѣднее десятилѣтіе выяснились тѣ главные вопросы, въ которыхъ по преимуществу замѣшаны „имперскіе интересы“; этимъ мы обязаны, главнымъ образомъ, работамъ колоніальныхъ конференцій; таковыми вопросами можно считать: имперскую торговлю (ей несомнѣнно принадлежитъ первое и выдающееся мѣсто въ этой области), телеграфы (кабели), а отчасти и другіе пути сообщенія, почту (въ особенности вопросъ о ея удешевленіи) и военную защиту имперіи.

Разрѣшеніе этихъ „имперскихъ“ вопросовъ было сильно подвинуто впередъ имперскими конференціями; нѣтъ сомнѣнія, что и впредь подобные интересы Британской имперіи, какъ цѣлаго, найдутъ себѣ разрѣшеніе на такихъ конференціяхъ, а можетъ быть и при помощи какого-либо „имперскаго“ органа, въ родѣ предложеннаго на послѣдней конференціи „постояннаго секретаріата;“ учрежденіе такого органа, однако, не измѣнитъ государственнаго характера Канады; слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что какъ самыя конференціи, такъ и достигнутые ими результаты стали возможными лишь съ момента окончательнаго укрѣпленія канадской государственной автономіи; только убѣдившись, что послѣдней не грозитъ никакой опасности отъ болѣе тѣснаго сближенія съ метрополіей и другими колоніями, стала Канада итти навстрѣчу соглашенію въ области „имперскихъ“ вопросовъ. Такъ оправдались слова Лорна, что „свобода явится лучшимъ обезпеченіемъ дружбы Канады по отношенію къ Англіи“ [1]).

Бар. С. А. Корфъ.

---

[1]) Marquis of Lorne, Imperial Federation, p. 16: „The freedom of her (England) colonies is the surest pledge of affection for herself“.

Полицейскіе суды въ Англіи,

(по поводу реформы мѣстнаго суда).

I.

Одною изъ наиболѣе характерныхъ сторонъ въ эволюціи судебнаго строя современной Англіи является та все усложняющаяся соціальная роль, которую играютъ существующіе въ нѣкоторыхъ городахъ суды оплачиваемыхъ магистратовъ, извѣстные подъ именемъ полицейскихъ судовъ [1]). За послѣдніе годы можно констатировать безпрерывно совершающійся ростъ ихъ дѣятельности, превратившій ихъ въ важные соціальные центры, гдѣ не только творится правосудіе, но и разрѣшаются всевозможные конфликты, которыми такъ богата жизнь большихъ городовъ. Профессіональный судья-юристъ, замѣнившій здѣсь мирового судью, этого джентльмена-добровольца, настолько отклонился отъ своего предшественника, что полицейскіе суды можно разсматривать

---

[1]) Литература о полицейскихъ судахъ возросла лишь за послѣдніе годы. Имъ посвященъ отчасти рядъ новыхъ нѣмецкихъ работъ: *K. Weidlich.* Die Polizei als Grundlage und Organ der Strafrechtspflege in England 1908. *P. Liepmann.* Summarisches Strafverfahren in England. 1908. *Hatschek.* Englisches Staatsrecht. B. II, 1909 s. 581 ff. *Weidlich.* Lisz's Zeitschrift B. 28. s. 497 и подробнѣе другихъ *Gerland.* Die Englische Gerichtsverfassung 1910. B. I s. 104—165; но всѣ нѣмецкія работы ограничиваются изложеніемъ юридической схемы устройства этихъ судовъ, не касаясь ихъ дѣятельности и соціальной роли. Во Франціи мы имѣемъ старыя малосодержательныя работы *Picot.* Notes sur l'organisation des tribunaux de police à Londres 1862; *V. Smith.* Du tribunal de police en Angleterre 1863; *Lagrevol.* De la procedure criminelle de l'Angleterre et des justices sommaires 1860; нѣсколько основательнѣе: de *Franqueville.* Système judiciaire dé la Grande Brétagne. 1893, t. I, p. 272—280. Въ Англіи лучшими практическими руководствами являются *C. G. Douglas.* Summary Jurisdiction Procedure 1907. *Archbold.* Quarter Sessions. *H. Vincent.* The police code. 1901. Съ бытовой точки зрѣнія весьма содержательными и красочными являются работы *Th. Holmes.* Pictures and problems from London Police Courts 1902. *Его-же.* Known to the police 1907. *H. Gamon.* The London police court to—day and to—morrow 1907. *A. C. Plowden.* Grain or chaff? The autobiography of a police magistrate 1903. Въ нашей литературѣ имѣется небольшая статья *П. Шиловскаго.* Лондонской мировой судья (сб. Судебные Очерки. В. I. 1898).

какъ самостоятельный видъ организаціи мѣстной юстиціи, хотя онъ до сихъ поръ связанъ множествомъ нитей, сотканныхъ изъ традицій и фикцій, съ породившимъ его мировымъ институтомъ.

Движеніе въ пользу назначенія оплачиваемыхъ судей, вмѣсто мировыхъ судей, безплатно приносившихъ свой трудъ, началось съ Лондона въ концѣ XVIII вѣка. Обиліе всевозможныхъ дѣлъ здѣсь привело къ тому, что должность мирового судьи стала крайне обременительной; съ другой стороны, здѣсь не было того досуга у высшихъ классовъ, который легко достижимъ въ сельскихъ мѣстностяхъ при слабой развитости промышленной и дѣловой жизни. Вслѣдствіе раздававшихся жалобъ былъ изданъ въ половинѣ XVIII вѣка законъ, который увеличилъ число мировыхъ судовъ въ Лондонѣ и предоставилъ судьямъ брать въ свою пользу опредѣленныя небольшія суммы съ нѣкоторыхъ категорій дѣлъ, подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію. Система эта просуществовала недолго. Она привела къ тому, что должности активныхъ мировыхъ судей заполнились людьми, не стѣснявшимися въ корыстныхъ видахъ злоупотреблять своими судейскими полномочіями. Имѣлась цѣлая система поборовъ, практиковавшихся нѣкоторыми судьями, получившими впослѣдствіи имя „промышляющихъ судей“ (trading justices). Вотъ, напримѣръ, одно изъ показаній, данныхъ въ 1815 г., но относящихся къ 1782 г. „Судья Walsh на Личфильдской улицѣ, пользовавшійся выдающейся репутаціей, а также судьи Hyde Gudler, Blackborough выработали слѣдующій планъ. Они издавали приказы о задержаніи на улицахъ всѣхъ бѣдняковъ и затѣмъ освобождали ихъ подъ поручительство въ 2 шиллинга и 4 пенса, которые шли въ ихъ пользу; также они поступили и со 100 дѣвицами, отъ которыхъ собрали 11 ф. 13 ш. 4 п. Они не посылали никого въ тюрьмы, ограничиваясь залогами, которые для нихъ были болѣе пріятны“. Генри Фильдингъ, извѣстный писатель, который былъ самъ мировымъ судьей, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (1754 г.): „Умиротворяя вмѣсто того, чтобы разжигать вражду между носильщиками и нищими (что, мнѣ стыдно признаться, далеко дѣлалось не всѣми судьями) и отказываясь брать шиллингъ отъ человѣка, который, по всей вѣроятности, не имѣлъ за душою другого шиллинга, я низвелъ свой зарабо-

токъ съ 500 ф. с. въ годъ, собранныхъ изъ самыхъ грязныхъ рукъ, до 300 ф. с., значительная часть которыхъ оставалась въ рукахъ моего клерка. Иначе онъ дѣлать не могъ, ибо тогда ему пришлось бы получать ничтожныя суммы за сидѣнье въ теченіе 16 часовъ изъ 24-хъ въ самой нездоровой и удушливой атмосферѣ, разстраивавшей, если не его нравственныя качества, то, по крайней мѣрѣ, здоровье". Въ примѣчаніи Фильдингъ замѣчаетъ: „Мой предшественникъ хвастался тѣмъ, что онъ вырабатывалъ здѣсь ежегодно 1000 ф. с., но для меня остается секретомъ, какъ онъ могъ сдѣлать это. Мой клеркъ, служившій при немъ, заявляетъ, что у меня теперь больше дѣлъ, чѣмъ у него. Я увѣренъ, что я получаю все, что можетъ брать здѣсь человѣкъ. Въ сущности вознагражденія, получаемыя отъ отдѣльныхъ дѣлъ, столь ничтожны и работа столь велика, что даже если бы въ распоряженіи судьи имѣлось работы на двадцать клерковъ, онъ не выручалъ бы достаточно. Общество, поэтому, не должно сѣтовать, когда я выдамъ секретъ, что я получалъ отъ правительства ежегодно пенсію изъ средствъ, ассигнованныхъ на жалованье правительственнымъ служащимъ" [1]).

Эти скандалы правосудія привели къ изданію закона Middlesex Justices act 1792 г. [2]), который разрѣшилъ установленіе 7 судовъ (police offices) въ Миддлсексѣ и одного въ Сэррей (округи, входившіе тогда въ составъ Лондона, кромѣ Сити), къ каждому изъ которыхъ было присоединено по три судьи съ платою въ 400 ф. с. въ годъ. Успѣхъ этой мѣры привелъ къ постепенному возрастанію платы, числа должностей и объема власти этихъ оплачиваемыхъ судей [3]). Но опредѣленную организацію они получили лишь въ 1835 г. по Municipal Corporation act—для провинціальныхъ городовъ и Metropolitan Police Courts act 1839 г. Характерно отмѣтить, что оба эти акта были составлены Бентамомъ.

Municipal corporation act 1835 предоставилъ право устраивать суды оплачиваемыхъ магистратовъ городамъ, насчитывающимъ не менѣе 25.000 жителей и—незави-

---

[1]) *Stephen*, History of criminal law. vol. 1, 1883 p. 230.
[2]) 32 Geo. 3, c. 53.
[3]) См. подробнѣе *Maitland*, Justice and police. 1885, p. 99.

симо отъ числа жителей—городамъ, пользующимся особымъ самоуправленіемъ (borough). Назначеніе такихъ судей зависитъ отъ желанія мѣстнаго муниципальнаго совѣта, который представляетъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ (Home Secretary). Послѣдній предлагаетъ коронѣ назначить одного изъ бэрристеровъ, имѣющихъ соотвѣтственную практику, на эту должность. Предложеніе мѣстнаго совѣта еще не обязываетъ министерство къ такому назначенію: оно можетъ отклонить его по различнымъ причинамъ, но, съ другой стороны, оно само не можетъ назначить судью отъ себя безъ ходатайства мѣстныхъ органовъ. Со времени изданія этого закона лишь 19 городовъ воспользовались этимъ правомъ и ввели у себя вмѣсто мировыхъ судей или параллельно съ ними полицейскихъ магистратовъ [1]). Во всѣхъ нихъ имѣется по одному магистрату (только въ Манчестерѣ два).

Положеніе столичныхъ магистратовъ, опредѣляемое закономъ 1839 г., и положеніе провинціальныхъ магистратовъ по закону 1835 г. и позднѣйшимъ [2]) однородно, но не тождественно. Различіе прежде всего проявляется въ условіяхъ назначенія. Для замѣщенія провинціальныхъ должностей требуется лишь семилѣтнее пребываніе въ званіи бэрристера (практика въ этой должности не является необходимой); для столичныхъ судей требуется уже семилѣтняя практика и, кромѣ того, состояніе въ теченіе трехъ лѣтъ въ званіи special counsel; это послѣднее условіе можетъ быть замѣнено исполненіемъ должности провинціальнаго магистрата [3]). Неодинаково и юри-

---

[1]) Эти города суть: Birmingham, Cardiff, Chatham, and Cheerness, East Ham, Grimsby, Kingston, Hull, Leeds, Liverpool, Manchester, Merthyr Tydfil, Middlesborough, Pentypridd, Salford Borough, Sheffield, Staffordshire Potteries, Stoke upon Trent, West Ham и Wolverhampton. См. *Gerland.* I p. 115. Такая сравнительная малочисленность ихъ объясняется значительностью финансовыхъ расходовъ (прежде юстиція выполнялась безплатно мировыми судьями) и неудобствомъ вводить эту систему въ городахъ тогда, когда общее административное управленіе города и даже общая судебная организація тѣсно связаны съ организаціей въ графствѣ, гдѣ дѣйствуютъ мировые судьи. *Gerland* p. 164.

[2]) Позднѣйшіе акты, регулирующіе положеніе и назначеніе провинціальныхъ магистратовъ, таковы: the Stipendiary magistrates acts. 1858 (21 and 22 Vict. c. 73) и 1869 (32 and 33 Vict. c. 34), Municipal corporations act 1882 (45 and 47 Vict. c. 50).

[3]) Средній срокъ, послѣ котораго производится назначеніе, на дѣлѣ значительно выше. Въ Лондонѣ онъ равенъ $18^1/_2$ лѣтъ практики. Въ числѣ нынѣшнихъ полицейскихъ судей есть лица, имѣвшія до назначенія стажъ въ 31 годъ. *Gerland* p. 117.

дическое положеніе обоихъ. Провинціальный магистратъ разсматривается еще какъ дѣйствующій въ составѣ коллегіи другихъ мировыхъ судей. Это можетъ быть фикціей, какъ то часто бываетъ въ Англіи [1]), но юридически онъ судитъ не одинъ, а коллегіально, и любой изъ мировыхъ судей округа, если бы онъ пожелалъ, могъ бы судить и рѣшать дѣла вмѣстѣ съ нимъ, хотя голосъ магистрата и пользовался бы преимуществомъ. Здѣсь еще скорѣе въ теоріи, чѣмъ на практикѣ сохраняется традиціонный взглядъ на сессію. Оплачиваемый магистратъ вмѣстѣ съ тѣмъ участвуетъ въ дѣлахъ, подсудныхъ коллегіи мировыхъ судей. Лондонская система уже ясно порываетъ съ этимъ взглядомъ и открыто признаетъ полицейскаго магистрата *единоличнымъ* судьей. Компетенція его отграничена отъ компетенціи мировыхъ судей, и онъ уже не участвуетъ въ ихъ коллегіи. Это выражается, напримѣръ, въ томъ, что нѣкоторыя оставшіяся еще административныя обязанности мировыхъ судей (напр., въ области государственныхъ и мѣстныхъ податей) не могутъ вѣдаться имъ; онъ не участвуетъ и въ четвертныхъ сессіяхъ мировыхъ судей. За коллегіей полицейскихъ судей Лондона сохраняются только функціи финансовыхъ контролеровъ (court of survey). Являясь особымъ судьей, лондонскій полицейскій судья тѣмъ не менѣе въ апелляціонномъ отношеніи подчиненъ четвертнымъ сессіямъ мировыхъ судей, состоящимъ изъ непрофессіональныхъ элементовъ. Правда, во главѣ этихъ сессій стоятъ рекордеръ и его товарищъ, назначаемые изъ числа профессіональныхъ юристовъ, но требованія къ кандидатамъ на эту должность меньшія, чѣмъ требованія, предъявляемыя къ лондонскому магистрату. Такимъ образомъ получается любопытное положеніе, когда вторая инстанція непрофессіональнаго характера контролируетъ низшую инстанцію, профессіальную [2]). Подсудность лондонскихъ и провинціальныхъ

---

[1]) Такъ, напр., въ Central criminal court предсѣдателемъ юридически является лордъ-мэръ, а фактически предсѣдательствуетъ королевскій судья; въ четвертныхъ сессіяхъ при рѣшеніи дѣлъ съ присяжными коронный элементъ юридически состоитъ изъ коллегіи мировыхъ судей, а фактически засѣдаетъ одинъ только recorder.

[2]) Въ качествѣ желательной реформы нѣкоторыми рекомендуется система, весьма напоминающая нашъ съѣздъ мировыхъ судей. Такъ, *Plowden* (p. 220) рекомендуетъ передачу апелляціоннаго разбирательства въ руки chief magistrate въ коллегіи съ двумя чередующимися police magistrates.

магистратовъ одинакова (кромѣ участія въ спеціальныхъ и четвертныхъ сессіяхъ).

Всѣ полицейскіе суды имѣютъ одинаковую власть. Только въ Лондонѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выдѣляется положеніе старѣйшаго суда на Bow street, гдѣ засѣдаетъ chief magistrate. Преимущества этого магистрата носятъ скорѣе почетный характеръ. Такъ, по установившейся практикѣ, санкціонированной закономъ [1]), къ нему всегда обращается государственный секретарь съ требованіями о разрѣшеніи ареста въ цѣляхъ выдачи иностраннымъ государствамъ преступниковъ [2]); онъ предсѣдательствуетъ на четвертныхъ совѣщаніяхъ магистратовъ, гдѣ обсуждаются вопросы общаго интереса, какъ проекты законовъ, мѣры къ улучшенію практики; наконецъ, передъ нимъ возбуждается предварительное слѣдствіе по наиболѣе громкимъ дѣламъ. Внѣшнимъ преимуществомъ является нѣсколько болѣе усиленный окладъ жалованія (1.800 ф. ст.).

Въ Лондонѣ имѣется 13 полицейскихъ судовъ, въ которыхъ засѣдаютъ 25 магистратовъ. Каждый изъ нихъ является мировымъ судьей для графствъ Middlesex, Surrey, Kent, Essex и Hertfordshire, а главный магистратъ, кромѣ того, и для Berkshire. Во главѣ стоитъ Bow-Street police court, имѣющій chief magistrate и двухъ полицейскихъ судей. Остальные суды раздѣляются на 2 группы, имѣющія по 6 судовъ каждая. Въ каждомъ судѣ засѣдаютъ по два магистрата по очереди, день черезъ день, и только въ одномъ судѣ въ каждой группѣ имѣется по одному магистрату. Такая ненормальность явилась слѣдствіемъ созданія въ 1888 г. двухъ новыхъ судовъ безъ соотвѣтственнаго увеличенія числа магистратовъ. Никакихъ добавочныхъ судей на случай болѣзни или временнаго отсутствія не полагается. Засѣданія суда происходятъ ежедневно, кромѣ перваго дня Рождества и Страстной пятницы. Такое небольшое количество судей въ городѣ, насчитывающемъ болѣе 7 милліоновъ жителей ($^1/_4$ всего населенія Англіи), приводитъ къ крайней обремененности судей. Въ среднемъ на каждаго приходится въ среднемъ около 10.000 дѣлъ. Результатомъ

---

[1]) 33 and 34 Vict. c. 52 s. 26 *Hatchek*, II. s. 524.

[2]) Въ Англіи выдача происходитъ съ судебнаго разрѣшенія, ибо административная власть не можетъ произвести ареста безъ судебнаго приказа.

этого является слишкомъ поспѣшное разбирательство отдѣльныхъ дѣлъ и маловдумчивое отношеніе судей. Во власти правительства, однако, имѣется еще возможность назначенія двухъ судей — законъ 1839 г. опредѣлилъ предѣльное число магистратовъ въ Лондонѣ въ 27.

Кромѣ 13 полицейскихъ судовъ, въ Лондонѣ существуютъ еще два суда въ Сити: одинъ въ Думѣ (Mansion House), другой въ Guildhall, которые, въ сущности, являются мировыми судами, но съ тѣмъ лишь отличіемъ, что правосудіе въ нихъ отправляется единоличными судьями. Мировыми судьями здѣсь являются мэръ и совѣтники управы (aldermen), которые въ силу старинной привилегіи, встрѣчающейся уже въ XVI вѣкѣ, подтвержденной закономъ [1]), могутъ судить и единолично. Каждый изъ совѣтниковъ засѣдаетъ непрерывно въ теченіе недѣли. Засѣданія суда происходятъ ежедневно, и преемственность работы поддерживается клеркомъ, которому принадлежитъ активная роль въ веденіи процесса. Эти суды Сити не особенно переобременены дѣлами. Въ то время какъ на округъ полицейскаго суда приходится до 500.000 жителей, въ округѣ обоихъ судовъ въ Сити живетъ (т.-е. проводитъ ночь здѣсь) только не болѣе 27.000 человѣкъ [2]). Въ 1907 г. въ обоихъ этихъ судахъ было разсмотрѣно лишь 6.045 дѣлъ [3]). Ограниченія, лежащія на полицейскихъ судьяхъ въ отношеніи участія въ съѣздахъ мировыхъ судей, на нихъ не распространяются.

Служебное положеніе полицейскихъ магистратовъ нѣсколько отлично отъ положенія мировыхъ и коронныхъ судей. Они назначаются не лордомъ-канцеромъ, какъ мировые или коронные судьи, а министромъ внутреннихъ дѣлъ съ утвержденія короны. Лордъ-канцлеръ издаетъ только формальную грамоту о назначеніи ихъ. Они назначаются только „на время добраго расположенія короны“ (during good pleasure), т.-е., юридически всегда могутъ быть лишены занимаемой должности. Но со времени изданія законовъ о нихъ ни одного случая такого увольненія не было; правила предусматриваютъ возможность этого лишь при неспособности судьи или учиненіи

---

[1]) II and 12 Vict. c. 43 s. 34.
[2]) *Liepmann.* Summarisches Strafverfahren in England, p. 17.
[3]) Criminal judicial Statistics 1907. p. 395.

какихъ-либо преступленій (disability or misbehaviour). Они лишены права королевскихъ судей носить красную мантію и парикъ. Красная мантія является эмблемой королевской власти, сѣдой парикъ—эмблемой судейской мудрости. Какъ ни мишурны эти эмблемы, а онѣ имѣютъ большое значеніе въ глазахъ англичанъ. Неоднократны были случаи, когда преступники на четвертныхъ сессіяхъ съ пренебреженіемъ относились къ мировымъ судьямъ, требуя привилегіи быть судимымъ „краснымъ судьей". Красная мантія входитъ въ обращеніе еще съ XII вѣка. Парики болѣе поздняго происхожденія: ихъ относятъ къ началу XVIII вѣка. Первый примѣръ этого относится къ 1705 г., когда лордъ хранитель Большой печати былъ принужденъ носить парикъ, „такъ какъ королева не хотѣла ввѣрить своей печати мальчику" (ему было 40 лѣтъ). Съ середины XVIII вѣка ношеніе парика для членовъ судейскаго сословія было обязательнымъ, но въ особенно жаркіе дни имъ разрѣшалось снимать ихъ. Послѣдній случай такой диспенсаціи отмѣченъ въ 1874 г., когда такая льгота была дана д-ру Kenealy, защитнику въ извѣстномъ дѣлѣ Тичборна, вслѣдствіе сильной жары. Впрочемъ, эта мѣра не принесла желаемой пользы. Онъ произнесъ такую горячую рѣчь, что предосторожность сдѣлать голову холодной, повидимому, оказалась въ данномъ случаѣ, мало дѣйствительной. Среди полицейскихъ судей, вербуемыхъ изъ адвокатовъ, не мало воздыхаютъ по своемъ старомъ парикѣ. Явиться безъ парика въ судъ для нихъ столь же тяжело, какъ генералу въ штатскомъ платьѣ выступать передъ фронтомъ, ибо, если форма разсчитана на величіе, то сѣдой парикъ—на глубокомысліе и почтенность.

На время пребыванія въ должности полицейскій судья, въ отличіе отъ мирового, теряетъ право заниматься частной практикой и быть избираемымъ въ парламентъ. Онъ получаетъ присвоенное должности содержаніе (въ Лондонѣ 15.000 рублей въ годъ)[1]) и по прослуженіи опредѣленнаго времени—пенсію. Въ этомъ высокомъ вознагражденіи полицейскихъ судей лежитъ правильный принципъ; благодаря ему на эту должность можно при-

---

[1]) Въ провинціи содержаніе опредѣляется министромъ по сношеніи съ мѣстнымъ совѣтомъ. *Gerland* p. 110.

приглашать юристовъ, пользующихся хорошей репутаціей.

Какъ и судьи Высшаго суда, полицейскіе магистраты уже не могутъ разсчитывать на дальнѣйшее повышеніе. Единственное передвиженіе — это изъ однихъ участковъ въ другіе, болѣе предпочитаемые, что опредѣляется старшинствомъ службы.

Полицейскіе магистраты могутъ пользоваться ежегоднымъ отпускомъ въ шесть недѣль, но при этомъ они сами должны подыскать себѣ замѣстителя и оплачивать его трудъ изъ своихъ средствъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ для провинціальныхъ магистратовъ допускается даже приглашеніе бэрристера, имѣющаго установленный закономъ стажъ практики. Для такой замѣны требуется согласіе министра внутреннихъ дѣлъ. Въ случаѣ болѣзни имъ дается трехмѣсячный отпускъ.

Полномочія полицейскаго судьи соотвѣтствуютъ власти мировыхъ судей, дѣйствующихъ въ составѣ малыхъ сессій или единолично. Онъ является, прежде всего, органомъ предварительнаго разбирательства по дѣламъ, подсуднымъ суду присяжныхъ. Затѣмъ ему принадлежитъ самостоятельная власть рѣшенія по дѣламъ, допускающимъ суммарное производство. Эти дѣла перечислены въ законѣ и по нимъ можетъ быть назначаема тюрьма до 1 года съ тяжкими работами и штрафъ до 500 ф. ст. По закону 1905 г. (Aliens act) судьѣ предоставлено право высылать иностранцевъ за учиненныя ими преступленія; въ опредѣленныхъ случаяхъ ему предоставлено право помѣщенія въ дома для умалишенныхъ, въ реформаторіи для алкоголиковъ, въ исправительно-воспитательныя учрежденія, въ борстальскія учрежденія для молодыхъ преступниковъ; онъ можетъ назначать тѣлесное наказаніе (whipping) до 50 ударовъ, примѣнять условное осужденіе, брать поручительство храненія мира. Хотя онъ не рѣшаетъ гражданскихъ тяжбъ, но ему предоставлено закономъ 1907 г. полномочіе обязывать виновную сторону къ возмѣщенію вреда, причиненнаго преступленіемъ, въ размѣрѣ до 10 ф. ст. Кромѣ уголовныхъ дѣлъ, онъ вѣдаетъ нѣкоторыя дѣла гражданскаго характера, которыя исторически связаны съ функціей „храненія мира“. Въ эту область, такъ-называемую civil jurisdiction, относятся слѣдующія категоріи: 1) иски объ алиментахъ на содер-

жаніе внѣбрачныхъ дѣтей; 2) споры между ремесленниками и мастерами о заработной платѣ въ размѣрѣ, не достигающемъ 10 ф. ст.; 3) выдача актовъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ и разсмотрѣніе претензій объ обезпеченіи раздѣльно живущихъ женъ; 4) споры между домохозяевами и жильцами; 5) освобожденіе отъ обязательнаго оспопрививанія; 6) распоряженія о распредѣленіи налоговъ въ пользу бѣдныхъ и т. д.[1]).

Кромѣ того, всѣ дѣла о малолѣтнихъ отъ 7 до 12 лѣтъ, кромѣ убійства, могутъ разсматриваться здѣсь, если отецъ или опекунъ не возражаютъ. Наказаніе въ этомъ случаѣ не можетъ быть не болѣе 1 мѣсяца тюрьмы, 40 шилл. штрафа или розогъ въ размѣрѣ 6 ударовъ. По отношенію къ несовершеннолѣтнимъ отъ 12 до 16 лѣтъ требуется, кромѣ того, согласіе несовершеннолѣтняго; наказаніе въ такихъ случаяхъ не можетъ быть болѣе 3 мѣсяцевъ тюрьмы, штрафа до 10 ф. ст. и 12 ударовъ розгой. Наконецъ, нѣкоторыя indictable offences, учиненныя взрослыми (простая кража, грабежъ, растрата, укрывательство, обманъ, поджогъ) могутъ быть имъ разсмотрѣны, если обвиняемый сознался и судья склоняется къ тому мнѣнію, что наказаніе можетъ быть назначено не свыше 6 мѣсяцевъ тюрьмы. Въ случаѣ, если причиненный ущербъ менѣе 40 шиллинговъ, наказаніе не можетъ быть выше 3-хъ мѣсяцевъ тюрьмы или 20 ф. ст. штрафа.

Производство въ полицейскомъ судѣ регулируется Jervis act 1848, который внесъ извѣстный порядокъ въ существовавшую здѣсь до того сферу усмотрѣнія. Этотъ порядокъ такъ простъ и цѣлесообразенъ, что, замѣчаетъ Плоуденъ, не понятно, почему нужно было столько столѣтій, чтобы до него додуматься.

Въ началѣ процесса клеркъ спрашиваетъ подсудимаго, признаетъ ли тотъ себя виновнымъ. При сознаніи судья немедленно приступаетъ къ постановленію приговора и разсмотрѣнію обстоятельствъ, вліяющихъ на наказуемость. Если виновность отрицается, то допрашиваются потерпѣвшій (функціи свидѣтеля и обвинителя вполнѣ совмѣстимы) и свидѣтели обвиненія; всѣ они затѣмъ

---

[1]) Подробнѣе *Douglas*, Summary jurisdiction. 1907. Изъ его компетенціи изъято только право выдачи патентовъ на содержаніе питейныхъ заведеній, принадлежащее мировому судьѣ.

подлежатъ перекрестному допросу. Затѣмъ допрашиваются свидѣтели защиты и самъ подсудимый, если онъ того пожелаетъ. Обвинитель также можетъ подвергать перекрестному допросу свидѣтелей защиты. Послѣ этого возможенъ передопросъ свидѣтелей обвиненія или приглашеніе имъ новыхъ свидѣтелей. Рѣчей стороны при суммарномъ производствѣ не произносятъ; это право предоставляется имъ только при предварительномъ разбирательствѣ и то лишь въ формѣ суммированія дѣла (to sum up the case). Судья далеко не остается пассивнымъ, и дѣятельно участвуетъ въ допросахъ. Онъ руководитъ слѣдствіемъ, которое не стѣснено строгими правилами относимости или допустимости доказательствъ.

Въ распоряженіи судей въ качествѣ помощниковъ и секретарей состоятъ клерки. Эти должности по своемузначенію выше, чѣмъ однихъ только исполнителей. Они имѣютъ рядъ самостоятельныхъ функцій, какъ, напр., веденіе денежной отчетности, руководство канцеляріей, составленіе протоколовъ судебныхъ засѣданій. Иногда даже они являются юридическими совѣтчиками судей. Клерки назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, который опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и число ихъ въ каждомъ судѣ. Условія назначенія ихъ тѣ же, что и для полицейскихъ судей (юридическое образованіе и семилѣтняя практика), и только въ Лондонѣ младшіе клерки могутъ быть назначаемы и безъ этихъ условій. Въ Лондонѣ мы встрѣчаемъ 11 главныхъ клерковъ, 18 клерковъ и 8 ихъ помощниковъ. Жалованье ихъ выражается соотвѣтственно въ цифрахъ 400—800 ф. ст., 250—400 ф. ст. и 80—100 ф. ст.

Полицейскіе суды въ провинціи еще не совсѣмъ отдѣлились отъ мировыхъ, и только лондонскіе судьи являются судьями-профессіоналами par excelence. Въ одномъ Лондонѣ больше полицейскихъ судей, чѣмъ во всей остальной Англіи, и только здѣсь соціальныя задачи, которыя приходится осуществлять полицейскому суду (какъ борьба съ пьянствомъ, праздностью, устроеніе семейной жизни и т. д.), вырисовываются болѣе рельефно и отчетливо. Поэтому въ дальнѣйшемъ, рисуя дѣятельность полицейскихъ судовъ, мы будемъ останавливаться исключительно на лондонскихъ отношеніяхъ.

II.

Передъ тѣмъ какъ проникнуть въ обстановку, въ которой приходится дѣйствовать полицейскому судьѣ, мы должны познакомиться съ тѣми вспомогательными органами, которые проводятъ въ жизнь волю судьи и создаютъ особую атмосферу полицейскаго суда.

Персоналъ каждаго суда складывается изъ: gaoler (смотритель за заключенными) со своими двумя помощниками, мужчиной и женщиной (assistant gaoler and matron), судебный приставъ—usher, миссіонеръ полицейскаго суда—police court missionary, должностной попечитель—probation officer, переводчикъ—interpreter и, наконецъ, дежурный инспекторъ полиціи, который выполняетъ иногда обязанности court keeper, вмѣстѣ съ подчиненными констеблями. Секретарская часть находится въ вѣдѣніи chief clerk, у котораго имѣется 2 или 3 помощника (assistant clerks) и нѣсколько писцовъ. Каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ свои функціи, свои характерныя особенности, о которыхъ слѣдуетъ сказать хотя бы нѣсколько словъ.

Gaoler имѣетъ общій надзоръ за содержащимися въ камерахъ арестованными, приведенными въ судъ. Въ исполненіи этой обязанности ему помогаютъ assistant gaoler и matron. Кругъ возложенныхъ на него обязанностей довольно великъ. Онъ долженъ принять каждаго заключеннаго; онъ отвѣтственъ за соблюденіе порядка ими; онъ собираетъ денежныя пени, наложенныя судомъ, и даетъ отчетъ о поступленіи ихъ клерку суда. Онъ отбираетъ отъ полиціи полицейскіе протоколы о задержанныхъ и составляетъ списокъ ихъ, который вручается клерку. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы арестованные приводились въ залу суда въ опредѣленномъ порядкѣ, слѣдитъ за подсудимымъ въ залѣ суда и, наконецъ, по окончаніи засѣданія, снова передаетъ заключенныхъ полиціи съ указаніемъ принятыхъ относительно каждаго мѣръ. Должность эта, бывшая раньше частной должностью, теперь повсюду замѣщается однимъ изъ полицейскихъ констеблей, который продолжаетъ числиться на дѣйствительной полицейской службѣ и подчиненъ требованіямъ ея дисциплины.

Судебный приставъ usher, — органъ, на обязанности

котораго лежитъ охраненіе внѣшняго достоинства суда и выполненіе нѣкоторыхъ дѣйствій, требующихъ особаго церемоніала. „Silence“—раздается возгласъ его, когда магистратъ появляется на своей скамьѣ, и съ этого момента его бдительное око блюдетъ строжайшій порядокъ. Всякій громкій разговоръ или взрывъ смѣха разсматривается имъ какъ личное оскорбленіе. Онъ вытягивается во весь свой ростъ и, многозначительно переводя глазами, испускаетъ свое „шш...“. Стоя у свидѣтельскаго мѣста, онъ приводитъ свидѣтелей къ присягѣ и учитъ ихъ тому, какъ слѣдуетъ держать себя. Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о способахъ присяги въ англійскомъ судѣ. Обычнымъ способомъ является слѣдующій: свидѣтель съ поднятой правой рукой выслушиваетъ формулу, произносимую приставомъ: „Джонсъ Смитъ, показанія, которыя вы представите, явятся истиной, только истиной и ничѣмъ болѣе. Помоги вамъ Боже!“ и свидѣтель въ знакъ подтвержденія этихъ словъ цѣлуетъ Евангеліе. Практическіе англичане за послѣднее время поняли, что прикосновеніе устами къ книгѣ, носящей слѣды сотенъ-тысячъ ртовъ, не можетъ не способствовать распространенію нѣкоторыхъ болѣзней, и въ прошломъ году былъ проведенъ спеціальный законъ чрезъ парламентъ, который отмѣнилъ этотъ обычай цѣлованія. Рѣдко произносится присяга по шотландскому обряду: „Я клянусь Всемогущимъ Богомъ, какъ въ Великій день Суда, что буду говорить правду, только правду и ничего болѣе“, при чемъ приведеніе къ присягѣ совершается здѣсь судьей. Любопытна присяга китайцевъ. Они должны разбить какую-либо хрупкую вещь (обыкновенно чашку) и сказать: „Да разобьется душа моя, какъ эта вещь, если я скажу неправду“.

Весьма цѣннымъ для полицейскаго суда является police Court-missionry. Это одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и характерныхъ дѣятелей полицейскаго суда, и потому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Этотъ миссіонеръ — обыкновенно священникъ — является однимъ изъ членовъ общества трезвенниковъ англиканской церкви (Church of England Temperance Society) и оплачивается изъ спеціальныхъ суммъ, имѣющихся въ распоряженіи этого общества. Онъ призванъ къ тому, чтобы оказывать поддержку всѣмъ тѣмъ, кого нужда,

несчастье или случай толкнули въ область мелкихъ проступковъ, являющихся, обыкновенно, первыми этапами преступной карьеры. Несмотря на то, что законъ совершенно умалчиваетъ о немъ, онъ благодаря тѣсной связи съ судьей получилъ полуофиціальное положеніе и разсматривается какъ воспомогательный органъ суда. Назначеніе такихъ миссіонеровъ, начавшееся въ 1889 г., въ настоящее время получило широкое примѣненіе. Они состоятъ не только при каждомъ полицейскомъ судѣ въ Лондонѣ, но широко распространены и въ провинціи, гдѣ въ ихъ вѣдѣніи каждаго находится два или три суда. Въ настоящее время общество трезвенниковъ англиканской церкви содержитъ до 100 такихъ миссіонеровъ, получающихъ каждый отъ 100 до 150 ф. с. въ годъ. Къ нимъ слѣдуетъ еще присоединить женщинъ-миссіонеровъ, дѣйствующихъ въ Лондонѣ и получающихъ содержаніе изъ средствъ British Women's Temperance Society.

Борьба съ пьянствомъ—только одна изъ многочисленныхъ задачъ этого миссіонера. До послѣдняго времени онъ выполнялъ тройныя функціи: распредѣлителя благотворительной помощи при судѣ, должностного попечителя (probation officer) и органа патроната.

Каждый полицейскій судъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи особыя средства для бѣдныхъ (poor box fund), получаемыя путемъ подписки отъ торговыхъ компаній и частныхъ лицъ и находящіяся юридически въ распоряженіи судьи. Эти суммы достигаютъ въ среднемъ 3000 рублей въ годъ для каждаго суда. Рѣдко судья распоряжается этими средствами самъ. Почти всегда онъ дѣйствуетъ по совѣщанію съ миссіонеромъ, которому онъ передаетъ для разслѣдованія даже тѣ случаи, когда онъ самъ находитъ помощь полезной. Въ полицейскомъ судѣ могутъ проявляться самыя разнообразныя потребности, требующія помощи. Въ одномъ случаѣ нужно помочь выплатить денежную пеню, справедливую, можетъ-быть, но непосильную, чтобы избавить отъ тюрьмы главнаго работника или мать, обремененную многочисленной семьей; въ другомъ — помочь семьѣ арестованнаго; въ третьемъ— дать возможность стать на ноги работнику, положеніе котораго пошатнулось. Во всѣхъ случаяхъ нужно посѣтить домъ, переговорить съ родными, изслѣдовать степень нужды. Рѣдко эта помощь становится регулярной.

Обыкновенно она временна и вызывается какими-либо дѣйствіями, стоящими въ связи съ полицейскимъ судомъ. Судьи очень опасаются превращать судъ въ благотворительный центръ и потому осторожны въ выборѣ характера помощи.

До установленія должностныхъ попечителей закономъ 1907 г. (Probation of offenders act, 1907), да и послѣ него, миссіонеры полицейскихъ судовъ выполняли многія изъ функцій, присвоенныхъ нынѣ этой должности. Если судья, предъ рѣшеніемъ дѣла, нуждался въ какихъ-либо свѣдѣніяхъ относительно частной жизни какого-либо изъ обвиняемыхъ, онъ обращается къ миссіонеру съ просьбой произвести соотвѣтственныя изслѣдованія. Судья рѣдко живетъ въ своемъ участкѣ и мало знаетъ бытовыя условія его; ему полезна поэтому информація миссіонера, проводящаго все свое время среди бѣднѣйшихъ классовъ. Примѣняя условное осужденіе къ случайнымъ преступникамъ, судья долженъ былъ знать о томъ, какъ ведутъ себя на свободѣ условно-осужденные; полиція могла сообщать только о болѣе серьезныхъ нарушеніяхъ, повседневный же надзоръ и поддержка выполнялись миссіонеромъ. Теперь, когда въ этой послѣдней области дѣйствуютъ особые попечители, работа миссіонера облегчена, но не устранена. Законъ 1907 г., къ сожалѣнію, создалъ слишкомъ ничтожное число этихъ попечителей и назначилъ имъ крайне небольшое содержаніе, благодаря чему они не могутъ надлежаще справлятся со своей работой и не стоятъ на надлежащей высотѣ, и потому помощь миссіонера оказывается порою нужной и здѣсь. „Трудно переоцѣнить значеніе моральнаго вліянія миссіонера,— пишетъ лондонскій полицейскій судья Плоуденъ—работающаго параллельно съ судомъ и смягчающаго строгость его приговоровъ. Едва ли проходитъ недѣля и даже одинъ день, когда судья не прибѣгаетъ къ его содѣйствію. Ему предоставляется полная возможность посѣщать преступниковъ, ожидающихъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла, разслѣдовать ихъ прошлое, разсуждать съ ними объ ихъ порокахъ, убѣждать ихъ вернуться домой или принять работу, и въ безчисленномъ множествѣ случаевъ благодаря хорошимъ результатамъ, достигнутымъ этой бесѣдой, судья можетъ или условно

отсрочить наказаніе, или принять отъ миссіонера поручительство о хорошемъ поведеніи обвиняемаго".

Не менѣе обильны функціи миссіонера и въ области патроната. Присутствуя на судѣ или при принятіи судьей прошеній, онъ чутко прислушивается къ отдѣльнымъ случаямъ. Онъ обходитъ утромъ камеры заключенныхъ, спрашивая ихъ о тѣхъ нуждахъ, какія они считаютъ необходимымъ удовлетворить сейчасъ же. Онъ слѣдуетъ за освобожденнымъ отъ суда или оправданнымъ и освѣдомляется въ томъ, не можетъ ли его помощь оказаться полезной. Жены, подвергаемыя жестокому обращенію, и супруги, страдающіе отъ пьянства ихъ женъ, могутъ расчитывать на его симпатіи и, если можно ожидать хорошаго результата отъ этого, онъ посѣщаетъ ихъ дома. Часто, когда мужъ и жена живутъ отдѣльно по постановленію полицейскаго судьи, миссіонеръ является главнымъ довѣреннымъ жены и получаетъ для нея тѣ еженедѣльные взносы, которые мужъ обязанъ дѣлать на ея содержаніе; онъ предупреждаетъ возможный отказъ супруга тѣмъ, что въ его власти всегда сообщить о томъ судьѣ. Воспоминанія о дѣятельности въ качествѣ такого миссіонера, опубликованныя недавно нынѣшнимъ секретаремъ Howard Associaton, Thomas Holmes, показываютъ, какъ разнообразна и дѣйствительна бываетъ иногда эта помощь, идущая отъ сердца и являющаяся всегда представляемой по почину суда или миссіонера, а не по просьбѣ нуждающагося. Не занимая офиціальнаго положенія, полицейскій миссіонеръ является тѣмъ не менѣе публичнымъ носителемъ идеи попеченія, которая все болѣе и болѣе проникаетъ въ область правосудія.

Дѣятельнаго сотрудника миссіонеръ находитъ теперь въ должностномъ попечителѣ. Законъ 1907 г., слѣдуя американскому примѣру, создалъ два типа этой должности: попечитель для взрослыхъ и попечитель для дѣтей. Назначаются они полицейскимъ магистратомъ и получаютъ вознагражденіе изъ мѣстныхъ суммъ (обыкновенно до 160 ф. ст. въ годъ). Теперь обязанности ихъ состоятъ, согласно ст. 4 новаго закона, въ а) посѣщеніи или принятіи сообщеній отъ лица, находящагося подъ его наблюденіемъ чрезъ извѣстные промежутки времени, б) надзорѣ за исполненіемъ условій ручательства лицомъ, находящимся подъ его наблюденіемъ, въ

сообщеніи суду относительно поведенія такого лица, въ совѣтѣ, помощи, дружескомъ отношеніи къ такому лицу и попыткахъ пріискать ему подходящее занятіе. Въ настоящее время проектируется дальнѣйшее расширеніе обязанностей этихъ попечителей; имъ предполагается вручить надзоръ за посѣщеніями нѣкоторыми категоріями лицъ питейныхъ заведеній и поручить собираніе денежной пени, уплачиваемой отдѣльными взносами. Обязанности попечителей о несовершеннолѣтнихъ еще сложнѣе.

Въ нѣкоторыхъ судахъ, гдѣ значительная часть населенія принадлежитъ къ пришлымъ элементамъ (большею частью русскимъ евреямъ), обычной фигурой въ судѣ является переводчикъ—interpreter. Онъ получаетъ по $7^1/_2$ шиллинговъ съ перваго дѣла, въ которомъ ему приходится выступать въ теченіе дня, и по 5 шиллинговъ со слѣдующаго. Переводчикъ уясняетъ судьѣ также бытовыя подробности; порою судьѣ непонятна психологія иностранца—вещь въ значительной степени трудно доступная для англичанина. Къ сожалѣнію, преступность иностранцевъ очень частое явленіе въ нѣкоторыхъ округахъ Лондона, этого величайшаго въ мірѣ резервуара человѣческихъ націй, и появленіе переводчика на судѣ дѣло совершенно обычное.

Если миссіонеръ полицейскаго суда и должностной попечитель представляютъ собою органы гуманности, то полицейскіе чиновники, заполняющіе зданіе суда во время его засѣданій, являются живымъ воплощеніемъ законности и порядка. Можно очень многое сказать о лондонскомъ P. C. (police constable). Кому изъ бывшихъ въ Лондонѣ не знакома эта характерная высокая фигура, руководящая своими несложными, но увѣренными движеніями жизнью многолюдной улицы? Длинныя вереницы повозокъ и экипажей, толпы прохожихъ и процессій, безчисленные и громоздкіе моторы слушаются всѣхъ движеній его руки безусловно, и не потому что онъ властенъ остановить ихъ ходъ, а такъ какъ они знаютъ, что, ослушавшись его указаній, они въ полной мѣрѣ будутъ отвѣтствовать за могущія случиться несчастія. Его указанія только предостерегаютъ, но не парализуютъ, и этого достаточно, чтобы они разсматривались какъ безусловно обязательныя. Онъ зорко смотритъ за безопасностью гражданъ. Ночью, когда вы спите, онъ своимъ потай-

нымъ фонаремъ осматриваетъ, цѣлы ли замки домовъ и магазиновъ и не ютятся ли гдѣ подозрительные элементы; при малѣйшемъ пожарѣ онъ даетъ электрическій сигналъ или тушитъ его своими средствами; въ случаѣ несчастья онъ первый приходитъ на помощь и принимаетъ всѣ мѣры; въ случаѣ потери онъ подбираетъ вещи и возвращаетъ ихъ собственникамъ; въ опасныхъ мѣстахъ, извѣстныхъ самоубійствами или нападеніями, онъ скрывается гдѣ-нибудь въ тѣни, чтобы своевременно предотвратить опасность; наконецъ, въ случаѣ сборища или безпорядковъ онъ вмѣстѣ со своими товарищами является первымъ, чтобы оградить безопасность окружающихъ, а порою и самихъ участниковъ ихъ. На каждомъ шагу вы чувствуете себя подъ бдительной опекой Р. С.

Но всѣ эти предупредительныя обязанности—только одна сторона его дѣятельности. Главная суть ея — въ той сферѣ, которая непосредственно связана съ полицейскимъ судомъ, этимъ центромъ, куда сходятся всѣ нити принудительнаго воздѣйствія полиціи. Полицейскій судъ есть школа и главная арена дѣятельности для полицейскаго констебля. Каждое засѣданіе здѣсь дежуритъ полицейскій инспекторъ, который даетъ отчетъ начальнику полиціи о поведеніи и дѣйствіяхъ всѣхъ полицейскихъ чиновъ. Онъ отмѣчаетъ время прибытія и ухода каждаго констебля. На скамьяхъ для публики вы всегда увидите во время засѣданія группу молодыхъ Р. С. — они внимательно присматриваются къ происходящему, такъ какъ начальники командировали ихъ поучиться практикѣ полицейской дѣятельности въ судахъ. Въ утреннихъ засѣданіяхъ, когда слушаются charges—обвиненія, по которымъ выступаетъ полиція и по которымъ ею произведены аресты, вы видите, какъ одинъ за другимъ подымаются на свидѣтельское мѣсто полицейскіе и даютъ судьѣ ясный и краткій отчетъ о причинахъ задержанія и о замѣченномъ поступкѣ. Судья внимательно относится къ этимъ показаніямъ и часто достаточно только ихъ, чтобы судья не поколебался признать виновность. Въ случаѣ проявленной Р. С. особой заботливости при раскрытіи преступленія или энергичной защиты кого-либо, судья дѣлаетъ одобрительное замѣчаніе; въ случаѣ небрежности ареста или неправильныхъ дѣйствій, онъ дѣлаетъ ему тутъ же выговоръ. И то и другое выслу-

шивается съ большимъ вниманіемъ и играетъ большую роль въ служебной карьерѣ Р. С. Достаточно трехъ замѣчаній судьи неодобрительнаго характера, чтобы дальнѣйшая карьера его была окончена или онъ совсѣмъ былъ уволенъ со службы. Наоборотъ, каждая похвала тутъ же отмѣчается инспекторомъ. Въ своемъ отчетѣ за 1908 г. начальникъ лондонской полиціи приводитъ статистику благодарностей, полученныхъ чинами полиціи за этотъ годъ. Она выражается въ цифрѣ 3479, въ томъ числѣ 282 случая падаютъ на судей. Одна черта весьма цѣнится въ Р. С. полицейскими судьями — это отсутствіе воображенія. Очень опасно прикрашивать истину, и всякая попытка выйти за предѣлы сухого отчета о сдѣланномъ, съ точными датами и внѣшними деталями, уже считается излишней и пресѣкается судьей. Р. С., давая показанія, не споритъ съ обвиняемымъ. Онъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы, какіе ему будутъ заданы, но не старается самъ уличить его въ противорѣчіяхъ, это — дѣло судьи, и Р. С. знаетъ, что если онъ не дискредитировалъ себя въ глазахъ судьи, судья должнымъ образомъ оцѣнитъ его показанія. На обязанности судьи лежитъ отвѣтственная задача поддерживать равновѣсіе между полиціей и публикой. Безпрестанный конфликтъ, который происходитъ на улицѣ, здѣсь находитъ свое отраженіе. Часто судьѣ приходится дѣлать выборъ между присяжнымъ показаніемъ Р. С. и присяжнымъ показаніемъ частнаго лица. Полиція несомнѣнно стала бы халатнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, если бы она увидѣла, что не встрѣчаетъ въ судьѣ достаточной поддержки; съ другой стороны, общественное мнѣніе стало бы отрицательно относиться къ полицейскому суду, если бы въ немъ всегда показаніе констебля предпочиталось показанію частныхъ лицъ. Зная это, судья стремится развить въ органахъ полиціи до крайности сознаніе отвѣтственности за даваемыя показанія, и каждый разъ, когда эти показанія оказываются не соотвѣтствующими выясненнымъ даннымъ, онъ не жалѣетъ суровыхъ словъ, чтобы указать Р. С. на необдуманность его дѣйствій. Благодаря этому полиція очень хорошо знаетъ, что явиться въ судъ безъ точныхъ основаній и доказательствъ представляетъ большую опасность прежде всего для нея самой, и показанія Р. С. поэтому могутъ дѣйствительно

быть признаваемы одними изъ наиболѣе точныхъ. Каждый констебль не долженъ всецѣло довѣрять своей памяти. При немъ всегда служебная записная книжка, куда онъ немедленно вноситъ всѣ происшествія; эта книжка періодически просматривается инспекторомъ. Для освѣженія памяти имъ разрѣшается пользоваться ею и при дачѣ показаній.

Судья знаетъ также, что Р. С., отправляя свою должность, далекъ отъ потворства или дружескихъ услугъ тѣмъ или инымъ изъ подозрительныхъ элементовъ. Цѣлымъ рядомъ мѣръ удалось поставить службу полиціи такъ, что принадлежность къ ея составу скорѣе рекомендуетъ человѣка, чѣмъ его компрометируетъ. Лондонская полиція имѣетъ свои клубы, свои билліардныя, устраиваетъ свои вечера. Она высоко цѣнитъ свой ésprit de corps и, конечно, чуждается товарищества съ завсегдатаями пивныхъ или трактировъ, съ которыми ей приходится имѣть дѣло. Старшіе—сержанты, инспектора и начальники—строго слѣдятъ за уровнемъ нравственности въ низшей полиціи и нарушеніе ésprit de corps разсматривается какъ серьезное отступленіе отъ долга.

„Все, что есть лучшаго въ англичанинѣ—пишетъ Плоуденъ—повидимому, нашло свое выраженіе въ полицейскомъ констеблѣ: чувство долга, подходящая скромность и уваженіе къ истинѣ. Онъ является типичнымъ англичаниномъ“

Кромѣ полицейскаго инспектора, слѣдящаго за дѣятельностью полиціи въ судѣ, въ распоряженіи суда находится также нѣкоторое количество откомандированныхъ отъ полиціи—Warant officers, которые во время засѣданій поддерживаютъ внѣшній порядокъ, по указанію пристава. На ихъ обязанности лежитъ также порою врученіе повѣстокъ и контроль за входящими и выходящими изъ зала суда. Они непосредственно отвѣтственны передъ судьей за свои дѣйствія. Warant officers хорошо знаютъ въ лицо посѣтителей полицейскаго суда и часто даютъ совѣты мелкаго характера.

Въ аристократическихъ и торговыхъ кварталахъ Лондона полицейскій это — отвлеченная величина, и онъ извѣстенъ только какъ представитель порядка. Въ бѣднѣйшихъ онъ рисуется уже какъ конкретный представитель власти, какъ Р. С. № 00, имѣющій личный авторитетъ и

личную характеристику. Онъ составляетъ предметъ зависти, вслѣдствіе присущей ему власти, для мальчиковъ и внушаетъ заслуженное уваженіе взрослымъ. Онъ необычайно цѣнитъ свой авторитетъ въ околодкѣ. Въ теченіе восьми часовъ, которые онъ проводитъ на службѣ, онъ полонъ достоинства и величія; вернувшись домой, онъ можетъ всецѣло забыть о службѣ. Для людей, часто сталкивающихся съ закономъ, Р. С. рисуется неумолимымъ деспотомъ, какимъ-то рокомъ. Его фигура—одна изъ любимыхъ въ народныхъ мелодрамахъ. Но здѣсь Р. С. почти никогда не дѣйствуютъ, они только появляются на сценѣ въ рѣшительный моментъ, и этого появленія достаточно, подобно появленію жандарма въ „Ревизорѣ", для того чтобы произвести всеобщій эффектъ. Иногда комедія позволяетъ себѣ пошутить надъ его слабостями, захудалый кинематографъ, — разыграть комическую шутку съ „бобби", вызвавъ искренній смѣхъ у публики, но вы рѣдко найдете серьезные нападки на дѣятельность полиціи въ столицѣ. Представляемые ею отчеты являются яркимъ показателемъ той пользы, какую она приноситъ населенію, и той самоотверженности, съ какою она выполняетъ свои обязанности.

Во главѣ канцеляріи суда стоитъ старшій клеркъ (chief clerk). Его типическая фигура, сидящая передъ судьею и часто склоняющаяся къ судьѣ, чтобы сообщить ему шопотомъ какія-либо свѣдѣнія, составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей суда. Неправильно приравнивать отношенія судьи и клерка къ отношенію судьи и секретаря въ континентальныхъ судахъ. Клеркъ не только исполнительный органъ, онъ скорѣе младшій членъ коллегіи двухъ юристовъ, рѣшающихъ дѣло.

Въ судахъ мировыхъ клеркъ всемогущъ. На эту должность здѣсь приглашаются юристы, имѣющіе не менѣе семи и даже 14 лѣтъ практики въ качествѣ бэрристеровъ. Они прекрасно знакомы съ соотвѣтственными законами и обыкновенно представляютъ неисчерпаемый кладезь опыта. Даже судья—профессіоналъ рѣдко когда вынесетъ рѣшеніе по сколько-нибудь сомнительному дѣлу, не проконсультировавъ своего клерка. Когда судья готовится совершить какую-либо ошибку, клеркъ его вовремя предупреждаетъ. Въ его рукахъ въ судахъ мировыхъ находится все фактическое веденіе дѣла: назначе-

ніе дѣлъ къ слушанію, организація обвиненія и допросъ свидѣтелей. Онъ указываетъ судьѣ соотвѣтственные законы и отмѣчаетъ законный максимумъ и минимумъ наказанія. Онъ является юридическимъ совѣтникомъ судьи почти во всемъ, и правъ Герландъ, который замѣчаетъ, что здѣсь мировой судья является скорѣе представителемъ народнаго элемента, а клеркъ — профессіонально-юридическаго.

Въ полицейскомъ судѣ, гдѣ дѣйствуетъ юридически-образованный судья, роль клерка, конечно, нѣсколько уже. Главное поле его дѣятельности — канцелярія, гдѣ онъ съ помощью своихъ помощниковъ (assistant clerks) изготовляетъ повѣстки, приказы о задержаніи, рѣшенія. Онъ отвѣтственъ за веденіе хозяйственной части въ судѣ, за сборы денежныхъ штрафовъ, за расходованіе благотворительныхъ суммъ. Въ судѣ онъ сидитъ нѣсколько ниже судьи и обязанъ вести протоколъ. Эта письменная работа клерка, облегчающая судью, даетъ возможность послѣднему внимательнѣе сосредоточиться на рѣшеніе дѣлъ. У насъ заваленный письменной работой мировой судья почти не имѣетъ возможности оторваться отъ писанія. А между тѣмъ, наблюденіе за внѣшностью и поведеніемъ обвиняемаго и свидѣтелей даетъ много данныхъ для судьи.

„Я обращаю—пишетъ Плоуденъ—большое вниманіе на наружность человѣка, когда онъ находится на свидѣтельскомъ мѣстѣ или на скамьѣ подсудимыхъ. Я запоминаю, если у подсудимаго ненормальныя уши; они часто знаменательны. И если я сомнѣваюсь въ томъ, говоритъ ли свидѣтель правду, я обращаю мое вниманіе на его ротъ и его руки. Ротъ всегда очень характеренъ и руки лжеца рѣдко находятся въ спокойномъ состояніи. Но въ особенности многое даетъ для наблюденія поведеніе свидѣтеля послѣ того, какъ онъ далъ свое показаніе и сѣлъ на свое мѣсто. Я продолжаю слѣдить за нимъ незамѣтно для него, когда даютъ показанія другіе свидѣтели, въ особенности противорѣчащіе ему. Выраженія, появляющіяся на его лицѣ, въ этихъ случаяхъ часто очень поучительны“.

Но веденіемъ протокола не ограничивается роль клерка въ судебномъ засѣданіи. Иногда судья передаетъ ему веденіе всего допроса свидѣтелей. Въ полицейскомъ

судѣ Bow Street, намъ приходилось видѣть, когда засѣдалъ престарѣлый chief magistrate, какъ клеркъ ведетъ все слѣдствіе, задаетъ вопросы свидѣтелямъ, разсматриваетъ доказательства и только затѣмъ, подойдя къ судьѣ, суммируетъ ему все и совѣтуется относительно рѣшенія. Въ сложныхъ юридическихъ вопросахъ судья совѣтуется со своимъ клеркомъ. Высокое положеніе клерка повсюду разсматривается какъ гарантія и сдержка единолично дѣйствующаго судьи. Конечно, зависитъ отъ характера судьи то, поскольку онъ перелагаетъ свою работу на клерка, но среди судей стараго типа не рѣдкость встрѣтить тѣхъ, которые предпочитаютъ скорѣе консультировать клерка, нежели законы. Цитирую опять отзывъ Плоудена, какъ одного изъ авторитетнѣйшихъ магистратовъ:

„Нѣтъ болѣе удивительнаго образца умѣстнаго характера должности, чѣмъ должность клерка полицейскаго суда. Своимъ инстинктомъ, порожденнымъ долгой практикой, онъ можетъ всегда опредѣлить степень недопустимаго отклоненія отъ правилъ производства. Ни одинъ судья, какъ бы способенъ онъ ни былъ, не будетъ чувствовать себя вполнѣ спокойнымъ, если рядомъ съ нимъ, подъ его рукою, не будетъ клерка, который наготовѣ остановить его, когда онъ совершаетъ ошибку. Въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ судья можетъ исполнять свои обязанности безъ всякой серьезной ошибки, но всегда случаются безчисленные мелкіе вопросы процесса, въ которыхъ легко сдѣлать мелкое нарушеніе, которое, однако, если бы оно прошло не замѣченнымъ, могло повлечь серьезныя послѣдствія, и клеркъ рѣдко или даже почти никогда не упуститъ случая исправить его. Одно только сознаніе близости клерка успокаиваетъ судью и придаетъ ему увѣренность. Клеркъ столь же необходимъ для судьи, какъ указатель для энциклопедіи“. Такое вмѣшательство клерка можетъ быть педантично, но зато обезпечиваетъ дѣйствительное и прочное правосудіе.

Къ этимъ офиціальнымъ или полу-офиціальнымъ органамъ полицейскаго суда нужно причислить еще представителя общества—газетнаго хроникера.

Хроникеръ (reporter) является неизмѣнной фигурой полицейскаго суда. Онъ представляетъ здѣсь Ея Величество Прессу, съ которой очень считаются и полицейскіе судьи. Общество живо интересуется дѣятельностью по-

лицейскихъ судовъ, и каждая газета имѣетъ непремѣнно нѣсколько своихъ хроникеровъ. Такія газеты, какъ Times, пользуются для этого даже услугами юридически образованныхъ людей и помѣщаютъ обстоятельныя реляціи, не щадя вниманія своихъ читателей. Хроникеры болѣе ходкихъ и читаемыхъ газетъ довольствуются мародерствомъ; они схватываютъ налету наиболѣе интересное, довольствуются небольшими искорками, которыя они спѣшать раздуть до степени большого огня, и сдѣлать изъ этихъ отчетовъ занимательное чтеніе. Предъ началомъ засѣданія они, пользуясь благосклонностью смотрителя камеръ, уже успѣвшаго ознакомиться съ приблизительнымъ характеромъ обвиненій, разузнаютъ, не предстоитъ ли чего-либо интереснаго, и затѣмъ зорко стерегутъ этотъ случай. Особенно падки они до судейскаго юмора, и судьи, зная это, намѣренно приготовляютъ порою пару юмористическихъ замѣчаній, которыя на слѣдующій день становятся извѣстными всѣмъ. Нѣкоторые судьи хотя и признаютъ, что достоинство правосудія требуетъ всей серьезности, но все же не удерживаются отъ искушенія изрѣдка остротой на счетъ подсудимаго или свидѣтеля (къ счастью, всегда безобидной) прикрасить однообразіе засѣданія. Находятся даже защитники этого юмора.

„Одной изъ самыхъ счастливыхъ сторонъ этого юмора— пишетъ Плоуденъ—является то, что онъ смѣшитъ во всѣхъ обычныхъ невзгодахъ и испытаніяхъ жизни. Вы никогда не знаете, когда онъ прорвется, какъ солнечный лучъ сквозь тучи. Одинъ знатокъ тюремной жизни указывалъ, что онъ никогда не отчаивается въ преступникѣ, выходящемъ изъ тюрьмы, если тотъ проявлялъ хотя бы нѣкоторое чувство юмора. Не знаю, скажетъ ли онъ это о магистратахъ, которые посылаютъ этихъ преступниковъ въ тюрьмы. По моему мнѣнію, онъ все же могъ бы признать, что трудно считать того судью суровымъ, который обладаетъ здоровымъ чувствомъ юмора. Нельзя осуждать судью, когда въ судѣ раздается взрывъ смѣха. Нужно понять, что этотъ взрывъ всегда внезапенъ и не можетъ быть предупрежденъ судьей или даже прекращенъ имъ, пока смѣхъ не умретъ естественной смертью. Эти взрывы таятъ въ себѣ разряды того нервнаго напряженія, которое господствуетъ часто въ весьма серьезныхъ процессахъ. Я припоминаю небольшой инцидентъ

по дѣлу Тичборна, грозившему смертной казнью, когда весь судъ былъ объятъ гомерическимъ хохотомъ. Изслѣдовалась прошлая судимость свидѣтеля; было доказано, что его жена была извѣстна подъ другимъ именемъ.

— Каково же было это имя? — спросилъ свидѣтеля представитель короны.

— Г-жа Гокинсъ.

— А ея дѣвичье имя?

— Кокбэрнъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что имя представителя короны было Гокинсъ, а имя главнаго судьи, предсѣдательствовавшаго по этому дѣлу — Кокбэрнъ. Ни одна сила на землѣ не могла сдержать раздавшагося взрыва смѣха, и едва ли это было бы во власти судьи".

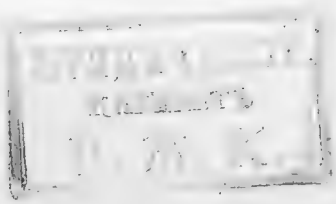
Образчики судейскаго юмора записываются и имѣются цѣлые сборники, наполненные такими анекдотами.

Всѣ классы населенія внимательно слѣдятъ за дѣятельностью полицейскихъ судовъ. Съ нимъ приходится соприкасаться наибольшему числу людей. Въ высшихъ судахъ рѣшаемые юридическіе вопросы недоступны общему уровню пониманія. Засѣданія этихъ судовъ происходятъ съ значительными промежутками, между тѣмъ какъ полицейскій судъ засѣдаетъ ежедневно. Сами судьи болѣе близки, доступны для населенія, и мелкія дѣла, ими рѣшаемыя, болѣе привлекаютъ именно своею будничностью и простотой. „Однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ открытій, которыя я сдѣлалъ послѣ того какъ былъ назначенъ полицейскимъ судьей — пишетъ Плоуденъ — было то впечатлѣніе, которое производятъ отчеты о дѣятельности полицейскихъ судовъ на вкусы публики. Едва какой-либо день проходитъ безъ доказательства этого. Повсюду мнѣ приходилось узнавать, что эти отчеты читаются съ жадностью всѣми классами населенія отъ высшихъ до низшихъ. Свѣтъ, который мерцаетъ въ низшихъ судахъ, проникаетъ фактически очень далеко, и это безъ сомнѣнія объясняетъ крайнюю серьезность отношенія къ дѣлу со стороны судей и сознаніе тяжелой отвѣтственности, имѣющееся у нихъ." Отчеты полицейскаго суда замѣняютъ собою хронику происшествій, такъ какъ эти суды ведутъ предварительное разбирательство гласно и каждый здѣсь можетъ услыхать отклики преступленій протекшаго дня.

„Для большинства гражданъ — пишетъ другой судья S. A. Barnett—полицейскій судъ является настоящимъ центромъ для наблюденія и информаціи. Его отчеты прочитываются въ тѣхъ кругахъ, гдѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ новостей о foot-ball. Онъ имѣетъ близкое касательство къ каждому изъ читателей или его сосѣдей. Онъ придаетъ драматическую форму привычнымъ формамъ бѣдности, угнетенія, страданія и преступности. Онъ служитъ выразителемъ права, видимымъ воплощеніемъ „правосудія", о которомъ каждый часто слышитъ въ рѣчахъ и проповѣдяхъ".

Понятно, поэтому, почему газетный хроникеръ пользуется большимъ вниманіемъ на судѣ и можетъ претендовать на рядъ мелкихъ услугъ отъ самого судьи и помогающихъ ему органовъ.

Среди публики, наполняющей стѣны полицейскаго суда во время разбора дѣла, нужно различать нѣсколько категорій, типичныхъ для этого учрежденія. Утренніе часы привлекаютъ болѣе демократическую часть населенія. Просители, свидѣтели, обвинители, жалобщики, подсудимые и ихъ друзья, праздный людъ—все это образуетъ толпу, ждущую своей очереди въ большомъ залѣ, расположенномъ въ предверіи суда. Только немногіе попадаютъ въ судъ на скамьи для публики. Да и мало что они могутъ услышать оттуда: слишкомъ далеки мѣста ихъ отъ судьи и свидѣтелей, и почти всѣ говорятъ въ судѣ обернувшись къ нимъ спиною. Наоборотъ, въ entrance hall вы встрѣтите самыя пестрыя группы: мужья, пришедшіе со своими женами, держащими на рукахъ младенцевъ; подростки въ сопровожденіи группы товарищей; рабочій въ сопровожденіи своей возлюбленной; домохозяинъ, сопутствуемый своими сосѣдями или родственниками. Каждая группа живо обсуждаетъ создавшееся положеніе и высказываетъ свои мнѣнія; многіе, въ особенности женщины, дѣлятся здѣсь своими жалобами и получаютъ совѣты отъ болѣе опытныхъ. Какой только смѣси племенъ, одеждъ и состояній не встрѣтишь здѣсь. Женщины съ припухшими отъ пьянства лицами, прикрывшія черной косынкой убожество своего наряда; красноносые сухопарые мужчины съ подбитыми глазами; добродушный толстякъ ирландецъ, находящій и здѣсь возможность заражать своимъ смѣхомъ



окружающихъ; испитый еврей, смотрящій потеряннымъ взглядомъ; торговцы и промышленники, явившіеся свидѣтельствовать о совершенныхъ у нихъ кражахъ или растратахъ—все это смѣшивается здѣсь въ одну массу.

Послѣ полудня, когда слушаются дѣла по повѣсткамъ, составъ публики уже нѣсколько мѣняется. Появляется болѣе солидная часть населенія, кое-гдѣ разсѣяны сол-лиситоры, можно замѣтить два-три цилиндра. Преобладаетъ въ общемъ здѣсь мелкая буржуазія и болѣе респектабельный рабочій людъ.

Таковъ кругъ людей, среди котораго приходится дѣйствовать полицейскому судьѣ; таковы органы, которые призваны проводить его волю въ жизнь и помогать ей воплощаться въ судебныя рѣшенія. Посмотримъ теперь, какъ протекаетъ дѣятельность самого суда.

III.

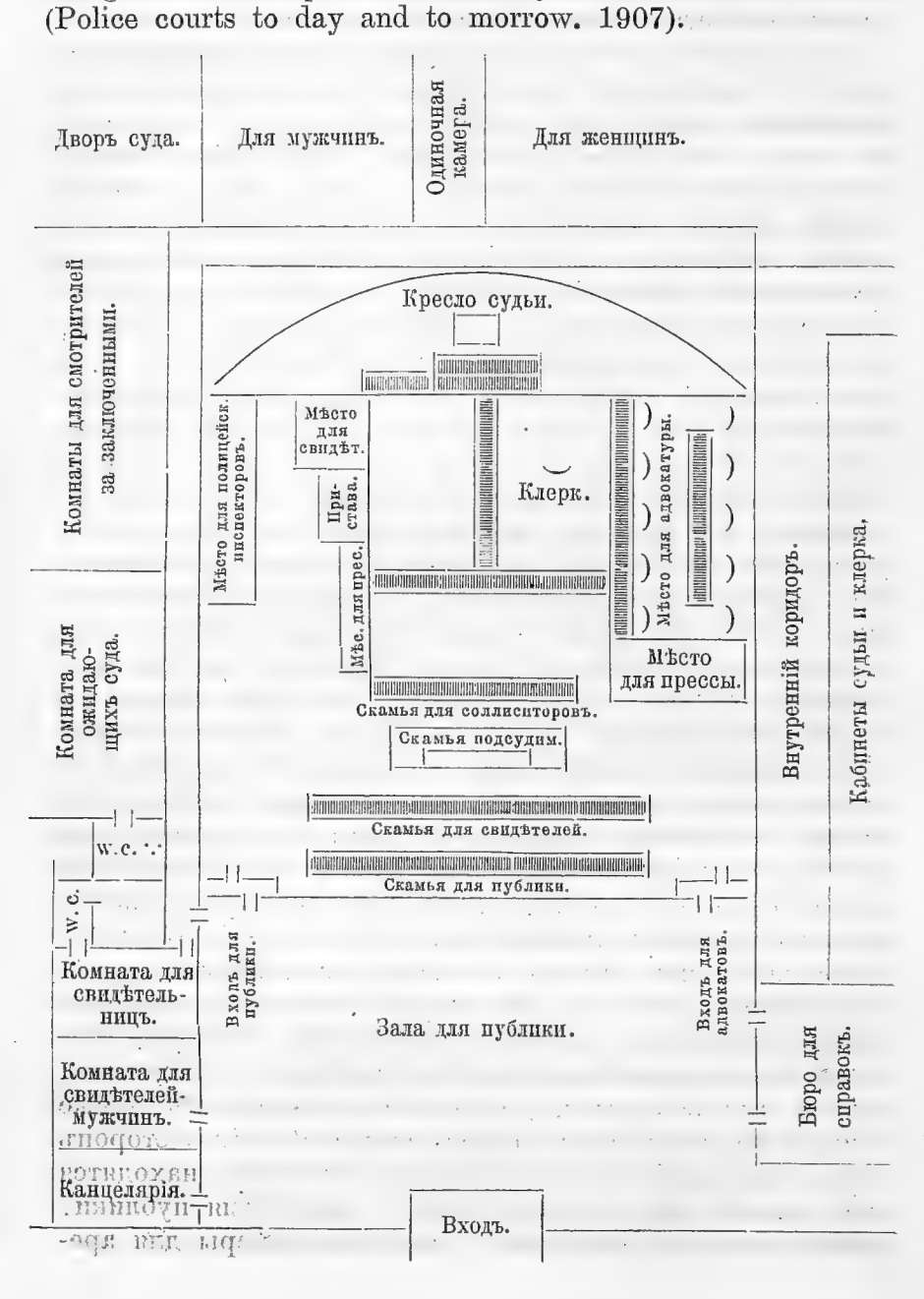
Изученіе одной только схемы организаціи и процесса полицейскихъ судовъ не даетъ достаточной картины дѣятельности ихъ. Схема часто есть лишь продуктъ юридической техники, создающей нормы закона въ той области, которая исторически нуждалась въ фиксаціи, а за предѣлами ея остается широкая область свободной творческой дѣйствительности. Эта дѣйствительность воплощается порою въ нормы неписаннаго права и можетъ быть разсматриваема какъ свободно эволюціонирующее право. Нормы ея поддаются изученію лишь въ процессѣ дѣятельности интересующаго учрежденія. Съ другой стороны, только изученіемъ дѣйствительности можно намѣтить соціальныя задачи учрежденія, ту функцію, которую оно фактически выполняетъ. Эти соображенія въ особенности примѣнимы въ Англіи, гдѣ жизнь очень часто рѣзко отклоняется отъ традиціонныхъ рамокъ законодательства процессомъ незамѣтнаго развитія, и законодательство позднѣе фиксируетъ лишь свершившіяся или назрѣвшія перемѣны.

Вмѣстѣ съ читателемъ мы заглянемъ во внутрь полицейскаго суда и прослѣдимъ съ начала до конца его будничную жизнь въ теченіе дѣлового дня. Но да проститъ намъ читатель, если мы поведемъ его не въ одинъ

какой-либо изъ 13 полицейскихъ судовъ Лондона, а въ тотъ судъ, который представляетъ собою суммированный опытъ, средній, нормальный типъ суда, который можетъ быть и не существуетъ въ такомъ именно видѣ въ дѣйствительности, но зато воплощаетъ въ себѣ всѣ характерныя свойства этого учрежденія.

Вы сейчасъ же можете отличить зданіе полицейскаго суда отъ другихъ по тѣмъ оживленнымъ группамъ полицейскихъ констеблей и бѣдноты, которыя толпятся у его входа. Всякій безъ малѣйшаго затрудненія назоветъ вамъ кратчайшій путь, ведущій къ нему. Это—главный центръ округа, съ которымъ ему неоднократно приходилось имѣть дѣло. Вы входите во внутрь небольшого помѣщенія и можете хорошенько осмотрѣть его. Полицейскій судъ, какъ и всѣ судебныя учрежденія Англіи, построенъ по опредѣленному плану. Главный входъ (для судьи имѣется обыкновенно особый подъѣздъ) выходитъ обыкновенно на небольшую улицу, чтобы не стѣснять движенія. Чрезъ него вы сразу попадаете въ большую, красиво отдѣланную залу, уставленную по стѣнамъ скамьями, гдѣ публика ожидаетъ своей очереди и гдѣ у дежурныхъ констеблей она получаетъ нужныя свѣдѣнія. По сторонамъ его расположены комнаты для свидѣтелей (мужчинъ и женщинъ) и канцелярія. Зала оканчивается двумя дверьми—слѣва и справа, ведущими въ залу засѣданій. Первая дверь предназначена для публики и свидѣтелей, вторая — для адвокатовъ. Судебная зала, представляющая собою почти правильный квадратъ, въ судахъ новаго типа освѣщается свѣтомъ, падающимъ сквозь стеклянный покровъ потолка; въ сумерки она освѣщается электрическими лампочками, скрытыми подъ окружностью этого потолка. Простая, но безукоризненно чистая обстановка придаетъ извѣстное величіе комнатѣ. Здѣсь вы видите высоко стоящую традиціонную судейскую скамью, помостъ для клерка, „ящикъ“ для свидѣтелей, находящійся въ непосредственной близости отъ судьи съ примыкающимъ къ нему мѣстомъ для пристава, скамьи для защиты и для прессы и, наконецъ, также стоящій на возвышеніи, огражденный со всѣхъ сторонъ барьеромъ „dock“ для обвиняемыхъ. Въ концѣ находятся двѣ скамьи: одна для свидѣтелей, другая для публики. Сзади залы суда находятся одиночныя камеры для аре-

стованныхъ мужчинъ и женщинъ, приведенныхъ въ судъ, и неподалеку отъ нихъ комната для смотрителей за ними. Болѣе наглядное представленіе объ общемъ планѣ даетъ слѣдующее изображеніе одного изъ судовъ Tower Bridge Court, которое мы заимствуемъ изъ книги Gamon, (Police courts to day and to morrow. 1907).



Такія благоустроенныя помѣщенія удалось создать лишь за послѣднія 10—15 лѣтъ. Еще недавно полицейскимъ приходилось ждать вмѣстѣ съ арестованными въ общей залѣ; порою, утомленные долгимъ ожиданіемъ, они вмѣстѣ съ ними сворачивали въ ближайшій кабачокъ, чтобы не упустить арестованнаго ни на минуту. Такая совмѣстная выпивка, конечно, не могла имѣть благотворнаго вліянія. Женщины здѣсь находились вмѣстѣ съ мужчинами, дѣти съ взрослыми, случайные правонарушители вмѣстѣ съ опытными завсегдатаями полицейскихъ судовъ. Обширныя мѣста для публики дѣлали судъ зрѣлищемъ и забавой для постороннихъ. Наконецъ, тѣснота и скученность не позволяли поддерживать надлежащій порядокъ въ засѣданіяхъ. Къ счастью, эти картины отошли уже въ область прошлаго, и порядокъ современныхъ судовъ не оставляетъ желать лучшаго.

Жизнь въ зданіи суда начинаетъ пробуждаться въ девятомъ часу утра. Сначала подымается смотритель за камерами и матрона, обязанностью которыхъ является привести въ порядокъ камеры и принять арестованныхъ, дѣла о которыхъ будутъ разсматриваться сегодня. Въ настоящее время каждый арестованный имѣетъ небольшую камеру, въ которой находится только скамейка. Онъ проводитъ въ ней 3—4 часа, начиная съ того времени, когда „Черная Марія“ (Black Maria—такъ населеніе называетъ черные фургоны для перевозки арестантовъ) привезетъ его изъ участка, и до того, какъ судья постановитъ какое-либо рѣшеніе по его дѣлу. Понемногу являются дежурные констебли и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ дать отчетъ о причинахъ произведеннаго ими вчера задержанія или поддержать обвиненіе. Миссіонеръ полицейскаго суда совершаетъ свой утренній обходъ заключенныхъ, содержащихся въ камерахъ.

Но вотъ смотритель за заключенными, полицейскіе констебли, приведшіе арестованныхъ, и миссіонеръ выполнили свою раннюю работу. Клеркъ привелъ въ порядокъ свои бумаги и удобно размѣстился въ креслѣ. Десять часовъ утра. Скоро должно начаться засѣданіе. Въ залѣ еще нѣтъ никого изъ публики и адвокатовъ. Только выстроившись гуськомъ у стѣны, группа просителей ждетъ прибытія судьи. Это мѣстная бѣднота, пришедшая поконсультировать съ судьею о своихъ нуждахъ

или попросить его о посылкѣ повѣстки съ вызовомъ въ судъ для начатія противъ кого-либо дѣла.

Вначалѣ одинадцатаго появляется судья. „Silence!“— восклицаетъ приставъ. Судья размѣщается въ креслѣ или на стулѣ, поближе къ свидѣтельскому мѣсту, и вполголоса запросто бесѣдуетъ съ просителями, одинъ за другимъ подымающимися туда. Это еще не публичное засѣданіе, и бесѣда носитъ интимный характеръ.

Эта консультаціонная дѣятельность судьи, выросшая на почвѣ права судьи контролировать основанія къ выдачѣ повѣстокъ для вызова въ судъ въ качествѣ обвиняемаго, является замѣчательной чертой лондонскаго полицейскаго суда. Сюда приходятъ посовѣтоваться о юридическихъ послѣдствіяхъ, могущихъ проистечь отъ какой-либо мѣры, о способѣ найти выходъ изъ создавшагося затрудненія, подѣлиться своимъ горемъ и выслушать нѣсколько словъ утѣшенія. Судья внимательно выслушиваетъ каждаго и стремится по возможности помочь имъ. Одному онъ указываетъ законный путь преслѣдованія и предоставляетъ возможность вручить summons (повѣстку о явкѣ), при чемъ если средства просителя невелики, то освобождаетъ его отъ уплаты слѣдуемыхъ за это 2 шиллинговъ; другому онъ совѣтуетъ обратиться къ миссіонеру или обѣщаетъ помощь изъ poor-box; третьяго направляетъ въ судъ графства; четвертому, наконецъ, достаточенъ обще-житейскій совѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ открыто заявляетъ, что законъ безсиленъ помочь ему. Трогательна эта вереница мужчинъ и женщинъ, привлеченныхъ сюда слѣпою вѣрою въ авторитетъ и личность судьи и излагающихъ ему самыя интимныя стороны жизни. Выдача summons частнымъ лицамъ происходитъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ: конфликтъ изъ-за платы, семейная неурядица, личное оскорбленіе, незаконная конкуренція, незаконныя притѣсненія власти и т. д. все это даетъ обильную пищу для нихъ. Вотъ яркое описаніе этихъ консультацій, сдѣланное Th. Holmes, который около 18 лѣтъ былъ missionary of the police court въ Лондонѣ:

„Пріятно знать, что каждое утро въ лондонскомъ полицейскомъ судѣ судья терпѣливо и любезно выслушиваетъ различныхъ людей, пришедшихъ къ нему сообщить о своихъ нуждахъ. Конечно, тамъ, гдѣ проситель

является съ просьбой о выдачѣ повѣстки для вызова кого-либо въ судъ, обязанностью судьи является выслушать просителя и выдать ему такую повѣстку, если онъ признаетъ основанія ея уважительными; но въ тѣхъ случаяхъ, когда его просятъ только о дружескомъ или юридическомъ совѣтѣ, рѣчь идетъ уже не объ обязанности, а о любезности, во имя которой онъ выполняетъ великую работу, которой отъ него не требуетъ ни законъ, ни государство. День за днемъ, годъ за годомъ мужчины и женщины приходятъ облегчить свою душу и подѣлиться своими горестями и затрудненіями съ судьей; и хотя многіе изъ нихъ знаютъ заранѣе, что судья не можетъ помочь ихъ горю, все же они приходятъ, будучи увѣренными, что ихъ внимательно выслушаютъ и скажутъ имъ нѣсколько словъ ободренія. И многіе уходятъ утѣшенные немногими ласковыми словами судьи и успокоенные тѣмъ, что могли высказать ему свое горе.

„Отецъ-чернорабочій, мужъ пьяницы-жены, приходитъ разсказать о томъ адѣ, въ которомъ ему приходится жить, и, хотя судья не можетъ помочь ему и указать средства освободиться отъ такой жизни, такъ какъ законъ молчитъ о немъ, все же онъ уходитъ успокоенный и укрѣпившійся для того, чтобы переносить тяжкое бремя, выпавшее ему на плечи [1]). Бѣдная страдалица-жена приходитъ разсказать повѣсть о своихъ мукахъ, о побояхъ мужа, и она выслушивается, несмотря на нѣкоторую болтливость, и получаетъ совѣтъ или взять повѣстку о вызовѣ мужа въ судъ, или оставить на этотъ разъ дѣло безъ вниманія. Матери приходятъ посовѣтоваться относительно дочерей, впавшихъ въ развратъ, отцы—относительно безпутныхъ или лѣнивыхъ сыновей. Женатые сыновья или замужнія дочери приходятъ посовѣтоваться относительно того, какъ сдержать родителей - пьяницъ. Старые и хилые люди приходятъ сюда, такъ какъ ихъ взрослые сыновья, на которыхъ они затратили всю свою любовь и средства, отказываются поддержать ихъ въ ихъ нуждѣ и безпомощности. Умеръ отецъ или мать, оставивъ скудный скарбъ или немного денегъ: какъ раздѣлить это и устранить возникшіе споры? Отвѣтъ даетъ

---

[1]) Теперь законъ 1902 г. помогъ и ему, предоставивъ и мужьямъ ходатайствовать о раздѣльномъ жительствѣ въ случаѣ привычнаго пьянства жены.

судья. Хозяинъ дома наложилъ арестъ на имущество;— судья долженъ указать, правильно или неправильно сдѣлано это.

„Всевозможныя домашнія затрудненія излагаются предъ судьей. Настойчивый, но нежелательный претендентъ на руку дочери осаждаетъ домъ—мать ищетъ защиты у судьи. Мать и отецъ запрещаютъ вступить дочери, достигшей 16 лѣтъ, въ бракъ съ человѣкомъ, котораго она любитъ—она ищетъ совѣта у судьи. Пылкій молодой человѣкъ дѣлалъ подарки своей возлюбленной, которые та отказывается вернуть, хотя женитьба разошлась,—онъ обращается къ судьѣ. Мужъ не вернулся домой въ субботу и воскресенье, несмотря на ожиданія,— въ понедѣльникъ жена совѣтуется съ судьей.

„Жильцы, имѣющіе дурныхъ домохозяевъ, и домохозяева, имѣющіе дурныхъ жильцовъ, обращаются за совѣтомъ къ судьѣ; его консультируютъ люди, имѣющіе неугомонныхъ сосѣдей; у одного — сторожевой песъ громко лаетъ по ночамъ, у другого пѣтухъ кричитъ рано утромъ подъ самымъ окномъ; у третьяго—имѣется дочь, дающая весь день уроки музыки; четвертый упражняетъ свои могучія легкія на корнетъ-а-пистонѣ въ воскресенье послѣ обѣдни.

„Но нѣтъ недостатка и въ серьезныхъ бѣдствіяхъ, и отчаяніе съ безвыходностью часто стучится у дверей судьи. Разбитая старуха, о которой никто не заботится и которую ждетъ работный домъ—мѣсто смертельнаго ужаса для нея,—ищетъ помощи у судьи. Краснощекая крестьянка, недавно пріѣхавшая изъ деревни и попавшая на мѣсто къ сомнительной хозяйкѣ, ищетъ тоже здѣсь помощи. И онъ сидитъ и выслушиваетъ всѣхъ. Можно сказать, что лондонскіе судьи являются настоящими юридическими совѣтниками населенія (poor men lawyers). Въ теченіе ряда лѣтъ они безъ всякаго призыва, рекламы и вознагражденія оказываютъ эту юридическую помощь бѣднякамъ“.

Намъ приходилось наблюдать нѣсколько такихъ консультацій. Является прилично одѣтая дама. Она получила раздѣльное жительство со своимъ мужемъ, условіемъ котораго было то, что она можетъ разъ въ двѣ недѣли навѣщать своихъ дѣтей. Теперь мужъ противится этому. Она ищетъ помощи у судьи.—„Вы должны обратиться

къ судьѣ графства, но я опасаюсь за исходъ; не въ моей власти дать вамъ это право, такъ какъ всегда возникаютъ затрудненія при принудительномъ осуществленіи актовъ добровольнаго разлученія и содержащихся въ нихъ условій. Все, что я могу сдѣлать, это—попросить миссіонера, чтобы онъ навѣстилъ вашего супруга и посовѣтовалъ ему поступать благоразумно."

Мать обращается съ жалобой на школьнаго учителя, жестоко наказавшаго ея сынишку. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказывается, что малышъ совершенно разбаловался дома и натворилъ въ школѣ серьезныя проказы; судья совѣтуетъ матери не начинать дѣла, а самой хорошенько слѣдить за мальчикомъ.

А вотъ случай, который разсказываетъ Th. Holmes. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ является съ просьбой выдать ему повѣстку.—Противъ кого?—спрашиваетъ его судья.—Противъ моего отца, сэръ. — Что же такое онъ тебѣ сдѣлалъ?—Онъ ударилъ меня за то, что я скверно обращался съ сестрой.—Хорошо, вы можете получить повѣстку, но заплатите за нее два шиллинга.—Не могу ли я дать половину, мнѣ еще нѣтъ двѣнадцати лѣтъ.—О, нѣтъ, мой милый, у насъ нѣтъ повѣстокъ въ полцѣны. Мальчикъ ушелъ, и, можно было думать, что этимъ дѣло закончилось. Чрезъ нѣсколько дней онъ является съ двумя шиллингами и получаетъ повѣстку. За это время миссіонеръ изслѣдовалъ положеніе мальчика и нашелъ, что родители его являются вполнѣ благопорядочными людьми. Въ назначенный къ слушанію день магистратъ, выслушавъ родителя, даетъ ему совѣтъ попрежнему приструнивать мальчика.

Мужъ совѣтуется съ судьей, какъ ему проникнуть въ домъ, въ которомъ заперлась его жена, не позволяющая ему войти.—Призовите констебля, онъ можетъ войти въ вашъ домъ съ вашего разрѣшенія,—говоритъ судья.

Безконечны темы такихъ консультацій, какъ пестра и многообразна сама жизнь.

По окончаніи консультацій и разрѣшеній на вызовъ въ судъ, судья приступаетъ къ слушанію дѣлъ. Дѣла разсматриваются въ извѣстной постепенности. Сначала идутъ дѣла о несовершеннолѣтнихъ. Съ 1905 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ было предложено разсматривать ихъ отдѣльно отъ другихъ въ утренніе часы. Хотя

засѣданіе юридически считается публичнымъ, но принимаются мѣры къ тому, чтобы публика не проникала сюда въ большомъ числѣ. Газетные корреспонденты также знаютъ о нежеланіи судьи, чтобы свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ проникали въ печать[1]). Дѣти приводятся обыкновенно или самими родителями, которые имѣютъ ихъ на порукахъ, или агентами убѣжища для дѣтей, недавно выстроеннаго. До самаго послѣдняго времени можно было встрѣтить ихъ въ сопровожденіи констебля. При разбирательствѣ дѣлъ о дѣтяхъ играютъ важную роль особые попечители, отъ которыхъ судья выслушиваетъ болѣе подробный отчетъ объ окружающихъ ребенка условіяхъ. Въ отсутствіе публики производство еще не носитъ строго формальнаго характера, и обращается порою въ дружескую бесѣду съ ребенкомъ или его родителями. Судьѣ подсудны всѣ преступленія дѣтей какъ самыя легкія, такъ и наиболѣе тяжкія. Обыкновенными мѣрами являются попечительный надзоръ, помѣщеніе въ исправительныя школы, обязаніе возмѣстить причиненный ущербъ и, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, наказаніе розгами до 12 ударовъ.

Окончены несложныя дѣла о дѣтяхъ, и картина рѣзко мѣняется. Судья приступаетъ къ разсмотрѣнію charges — арестовъ, произведенныхъ полиціей за истекшій день. Они слушаются прежде всего, чтобы отпустить ждущихъ въ судѣ констеблей. Въ первую очередь здѣсь идутъ наименѣе сложные случаи пьянства и нарушенія порядка — „drunks and disorderlies“, какъ они называются на техническомъ языкѣ полиціи. Дамы имѣютъ преимущество: ихъ дѣла слушаются раньше. Одинъ за другимъ появляются и исчезаютъ сумрачныя и встрепанныя фигуры задержанныхъ. Ихъ много, но исторія одного точный сколокъ съ остальныхъ, и судья не тратитъ на нихъ много времени. „Всѣ пьяные англичане удивительно похожи другъ на друга“ — замѣтилъ одинъ судья. Труднѣе обстоитъ дѣло съ иностранцами, особенно изъ романскихъ странъ, гдѣ обычная для нихъ и не обычная для англичанъ живость и жестикуляція часто принимаются

---

[1]) Закономъ 1908 г. о дѣтяхъ предоставлено право исключать гласность совершенно и предприняты болѣе рѣшительные шаги къ выдѣленію этихъ дѣлъ въ вѣдомство особыхъ судовъ.

неопытными -констеблями за опьяненіе. Въ такихъ случаяхъ судьѣ приходится труднѣе. Введя задержаннаго, арестовавшій его констебль привычной скороговоркой произноситъ присягу и даетъ судьѣ показаніе, порою не болѣе 20—30 словъ. Рѣдко когда появляются другіе свидѣтели. Подсудимый, еще не успѣвшій очнуться отъ одиночества своей камеры, едва успѣваетъ сообразить обстоятельства, какъ судья произноситъ свою таксу наказанія, которая хорошо извѣстна въ его округѣ. Рѣдко какія-либо особыя обстоятельства заставляютъ его измѣнить свою обычную норму. Онъ лишь справляется у констебля—который разъ, и если число осужденій въ теченіе даннаго года превышаетъ четыре, болѣе подробно изслѣдуетъ характеръ подсудимаго, такъ какъ тогда ему предоставляется принять особыя мѣры. Съ другой стороны, по отношенію къ привычнымъ преступникамъ онъ ограничивается обыкновенно только предупрежденіемъ. При такой быстротѣ, конечно, возможны ошибки. Но въ распоряженіи задержаннаго за пьянство, если онъ пожелаетъ, имѣется всегда способъ представить надежное доказательство своей невинности. Онъ въ правѣ по задержаніи его потребовать своего освидѣтельствованія полицейскимъ врачомъ. Но онъ долженъ уплатить вознагражденіе за это въ размѣрѣ 4 рублей, если освидѣтельствованіе окажется не въ его пользу. Вполнѣ понятно поэтому, что лишь очень немногіе прибѣгаютъ къ этому средству. Труднѣе доказательство, если къ обвиненію въ пьянствѣ присоединяется указаніе на брань или безпорядочное поведеніе. Подсудимый, плохо помня вообще обстоятельства, отрицаетъ свою вину и констебли должны прибѣгать къ различнымъ дополнительнымъ доказательствамъ. Число такихъ обвиненій въ пьянствѣ громадно. „Мы свободно могли бы закрыть половину полицейскихъ судовъ, если намъ удастся освободиться отъ пьянства,“ — замѣтилъ разъ одинъ полицейскій судья Большинство обвиняемыхъ попадаетъ въ первый разъ, но есть лица, имѣющія по 60—70 судимостей за плечами. По понедѣльникамъ листъ этихъ „charges“ увеличивается раза въ три противъ нормальнаго. Въ будни преобладающій процентъ составляютъ женщины, въ понедѣльникъ—мужчины стоятъ далеко на первомъ мѣстѣ.

Въ общемъ процентъ женщинъ - пьяницъ составляетъ 35%, а остальное приходится на долю мужчинъ.

За пьянствомъ идутъ другіе полицейскіе проступки: нищенство, ночевка на улицахъ, держаніе пари [1]), нарушеніе общественной тишины. За ними слѣдуютъ уже уголовные проступки, какъ мелкая кража, побои, драки. Всѣ эти дѣла рѣшаются тутъ же судьей, и только по просьбѣ обвиняемаго или обвинителя онъ можетъ отсрочить рѣшеніе на нѣсколько дней, чтобы дать возможность организовать защиту или собрать справки о судимости. Нужно замѣтить, что сама полиція, задержавъ кого-либо при совершеніи преступленія, еще въ участкѣ даетъ ему возможность разослать письма друзьямъ, пригласить на завтра свидѣтелей и т. д. Такимъ образомъ на ряду со свидѣтелями обвиненія даже при первомъ разборѣ выступаютъ и свидѣтели защиты.

Отсрочка дѣла на недѣлю (remand) является общимъ правиломъ по дѣламъ о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, гдѣ полицейскому судьѣ принадлежитъ только функція предварительнаго разслѣдованія, а окончательное рѣшеніе должно быть передано въ центральный уголовный судъ на усмотрѣніе присяжныхъ. Эти дѣла, которыя касаются часто поджоговъ, растратъ, подлоговъ, тяжкихъ ранъ, убійствъ и т. д., слушаются подъ конецъ утренняго засѣданія. По нимъ уже слѣдствіе значительно сложнѣе. Рѣдко на этой стадіи можно видѣть защитника. Хотя законъ 1903 г. и предоставилъ судьямъ право назначать защитниковъ неимущимъ, но они мало пользуются этимъ полномочіемъ для предварительнаго разбирательства. Самому подсудимому приходится вести перекрестный допросъ выступающихъ противъ него свидѣтелей. Ловкій рецидивистъ ведетъ этотъ допросъ съ совершенствомъ, которому порою могъ бы позавидовать даже

---

[1]) Держаніе пари—betting является характернымъ для англичанъ проступкомъ. Само по себѣ держаніе пари настолько въ природѣ англійскаго характера, что едва ли какой-либо актъ парламента въ состояніи устранить его. Законъ лишь косвенно борется съ нимъ. Онъ объявляетъ проступкомъ, наказуемымъ штрафомъ до 50 руб., групповое держаніе пари на улицахъ: „Всякія трое или болѣе лицъ,—гласитъ законъ,—которыя соберутся на улицѣ столицы въ цѣляхъ держанія пари, будутъ признаваться виновными въ нарушеніи порядка (obstructing the street)“ вмѣстѣ съ тѣмъ законъ объявляетъ преступнымъ допущеніе такой игры въ торговыхъ помѣщеніяхъ. „Пари на улицѣ—говорятъ англичане—всегда ведетъ къ проигрышу, ибо противъ выигрыша серьезный шансъ—полицейскій судъ“.

опытный адвокатъ. Наоборотъ, случайный преступникъ совершенно теряется, когда судья спрашиваетъ его, не желаетъ ли онъ задать вопросы свидѣтелю. Это обращеніе какъ бы выводитъ его изъ пассивнаго состоянія, и онъ начинаетъ говорить самъ вмѣсто свидѣтеля. Тотъ кончилъ, почему же ему не начать своихъ показаній? Но судья или клеркъ прерываетъ его и старается ему разъяснить, что онъ долженъ не пререкаться со свидѣтелемъ, а задавать чрезъ судью вопросы. Тогда онъ забываетъ о свидѣтелѣ и начинаетъ доказывать судьѣ свою невинность. И судьѣ остается только, нарушивъ принципъ состязательности, самому приняться за перекрестный допросъ.

Хотя судья дѣйствуетъ здѣсь въ качествѣ слѣдователя, но наличность сторонъ заставляетъ его воздерживаться отъ проявленія большой самостоятельности. Эти дѣла кончаются только тѣмъ, что онъ признаетъ предварительное обвиненіе доказаннымъ или недоказаннымъ. Въ первомъ случаѣ онъ постановляетъ о заключеніи подъ стражу обвиняемаго до разсмотрѣнія дѣла большимъ жюри или принимаетъ отъ него поручительство, а также возлагаетъ на обвинителя, подъ угрозой штрафа, обязанность дальнѣйшаго преслѣдованія, а во второмъ—немедленно освобождаетъ обвиняемаго, хотя это не лишаетъ возможности обвинителя продолжать дальше свою дѣятельность и представлять дѣло въ судъ присяжныхъ и помимо рѣшенія магистрата.

Англичане весьма цѣнятъ такое предварительное разсмотрѣніе дѣла судьей. При прежнемъ порядкѣ, когда обвинитель могъ непосредственно обращаться въ большое жюри, всегда возможны были злоупотребленія, закулисныя обвиненія, возбужденіе процессовъ по злобѣ; съ 50-хъ годовъ цѣлымъ рядомъ законовъ предварительное разсмотрѣніе дѣла магистратомъ сдѣлано обязательнымъ по ряду преступленій. Лондонское большое жюри очень внимательно относится къ рѣшеніямъ магистратовъ и отвергаетъ только ничтожный процентъ составленныхъ на основаніи ихъ обвинительныхъ актовъ; наоборотъ, обвиненіе, не прошедшее чрезъ это чистилище, имѣетъ очень мало шансовъ быть принятымъ большимъ жюри. Нѣкоторые, впрочемъ, недовольны этимъ разслѣдованіемъ. „Оно—говорятъ они—хорошо защищаетъ обвиняемаго,

даже противъ него самого, но плохо защищаетъ общество, создавая чрезмѣрныя затрудненія для доказыванія преступленія."

Разслѣдуя дѣло, судья не стремится вовсе обнаружить виновность путемъ сознанія. Формальной обязанностью клерка является въ началѣ каждаго дѣла спросить подсудимаго, признаетъ онъ или отрицаетъ свою вину. При этомъ клеркъ добавляетъ въ случаѣ сознанія, что подсудимый можетъ говорить такъ, какъ пожелаетъ, однако сказанное имъ можетъ быть и доказательствомъ противъ него.

Обиліе дѣлъ заставляетъ судью крайне спѣшить съ производствомъ, и второпяхъ судьи часто не принимаютъ надлежащихъ мѣръ предупрежденія. Такъ, часто еще недопрошенные свидѣтели присутствуютъ на судѣ при слушаніи дѣла, перекрестный допросъ не получаетъ достаточнаго развитія, подсудимому не дается возможность подробно развить свою защиту. Правда, такая скорость разбора приводитъ къ крайней быстротѣ репрессіи, и бывали случаи, когда виновникъ черезъ часъ послѣ совершенія преступленія направлялся уже въ тюрьму для отбытія наказанія, но едва-ли можно въ этомъ видѣть большое достоинство [1]).

Оцѣнивая представленныя доказательства, судья не стѣсненъ требованіями доказательственнаго права, дѣйствительными только для присяжныхъ, но несомнѣнно руководится тѣми разумными принципами, которые въ нихъ заложены. Недовольный его рѣшеніями, подсудимый можетъ апеллировать въ судъ четвертныхъ сессій. Но такая апелляція происходитъ крайне рѣдко, такъ какъ имѣетъ крайне мало шансовъ на успѣхъ и, кромѣ того, сопряжена съ большими расходами.

Рѣдко по этимъ дѣламъ выступаютъ солиситоры. Полицейскимъ судьямъ удалось изгнать изъ стѣнъ своихъ судовъ тотъ темный классъ ходатаевъ, не брезгавшихъ средствами и ловившихъ случай заработать нѣсколько шиллинговъ отъ наивнаго подсудимаго, которые еще не такъ давно заполняли эти суды и создавали скверную репутацію имъ. Населеніе скоро поняло, что

---

[1]) Иного мнѣнія *П. Шиловскій*, (стр. 50) который восторгается скоростью полицейскаго разбирательства въ Англіи.

они своими увертками скорѣе ухудшаютъ положеніе обвиняемаго, нежели облегчаютъ его. Политика судей на этотъ счетъ тоже являлась недвусмысленной. Холмсъ разсказываетъ случай, когда судья, вышедшій изъ терпѣнія подъ вліяніемъ долгой рѣчи одного такого солиситора, обращаясь къ подсудимому постановилъ слѣдующій приговоръ: „Три мѣсяца тюрьмы съ тяжкими работами, во время которыхъ вы можете хорошо пораздумать о великолѣпной защитѣ, представленной вашимъ солиситоромъ“.

Изъ наказаній, назначаемыхъ за проступки, магистраты чаще всего прибѣгаютъ къ денежной пенѣ. Но рѣдко когда осужденный въ состояніи внести ее. Дѣйствующее англійское право очень сурово относится къ нему въ такихъ случаяхъ. Онъ долженъ уплатить пеню сейчасъ же или же онъ отправляется тутъ же въ тюрьму, гдѣ отбываетъ замѣняющій пеню арестъ. Тутъ нѣтъ ни срока вступленія приговора въ законную силу, ни отсрочки по уважительнымъ обстоятельствамъ. Ея не дается даже въ случаѣ принесенія апелляціи. Благодаря этому значительное большинство осужденныхъ попадаетъ въ тюрьму за сравнительно ничтожные проступки. Въ 1909—1910 г. въ Англіи было помѣщено въ тюрьмы 179,961 человѣкъ, изъ нихъ 50% или 90,753 попали туда за невзносъ денежной пени. Слѣдующая таблица показываетъ, за какіе проступки эта мѣра была назначена и какъ великъ процентъ приговариваемыхъ къ денежной пенѣ и не могущихъ внести ее.

Проступки.	Общее число осужденныхъ, находившихся въ тюрьмѣ.	Изъ нихъ попали туда за невзносъ пени.
Нарушеніе полицейскихъ обязательныхъ постановленій	12,125	11,532
Нарушеніе правилъ о движеніи по улицамъ	2,607	2,568
Побои и драка	10,480	4,037
Пьянство	57,418	50,777
Злостное причиненіе вреда имуществу	2,897	1,518
Нарушеніе законовъ объ образованіи	1,722	1,719

Недозволенная игра, пари и проч. 1,960 1,827

Эти цифры не могли не обратить на себя серьезнаго вниманія, и министромъ внутреннихъ дѣлъ теперь на очередь поставлены законы о представленіи отсрочки для взноса денежныхъ пеней и объ уполномочіи должностныхъ попечителей (probation officers) собирать эти пени частями.

„Вѣроятно, нѣтъ ничего болѣе труднаго — пишетъ Плоуденъ — во всей дѣятельности судьи, чѣмъ удовлетвореніе собственнаго сознанія относительно справедливости выносимыхъ приговоровъ. Многія тысячи людей, которыхъ онъ наказываетъ, и различія, порою микроскопическія, которыя онъ долженъ провести между однимъ проступкомъ и другимъ, требуютъ самаго тщательнаго вниманія и уравниванія. Возьмите такой простой случай, какъ обвиненіе въ пьянствѣ. Если $2^1|_2$ шиллинга являются достаточнымъ штрафомъ, то пять шиллинговъ будетъ уже явно тяжелымъ и, хотя разница между обоими предѣлами кажется несущественной, все же фактически одинъ штрафъ вдвое больше другого, и для бѣдняка это весьма значительное различіе. Что бы вы ни дѣлали, ничто не избавитъ васъ отъ сознанія, что ваши приговоры могутъ быть или слишкомъ тяжкими, или слишкомъ снисходительными. Законъ довольствуется извѣстнымъ бланкомъ, въ предѣлахъ котораго ваше усмотрѣніе свободно, и единственнымъ вашимъ руководителемъ здѣсь явится смутное чувство справедливаго и соотвѣтственнаго“. Такая система, конечно, предпочтительнѣе системы механической таксировки, находящей иногда своихъ друзей.

„Я встрѣтилъ какъ-то — пишетъ Холмсъ — человѣка, который коллекціонировалъ вырѣзки изъ газетъ относительно полицейскихъ судовъ, ихъ приговоровъ и наказаній. Онъ занимался сопоставленіемъ не только приговоровъ различныхъ магистратовъ за однородныя дѣянія, но и различныхъ наказаній, назначенныхъ тѣмъ же судьей за одну и ту же группу дѣяній. Онъ гордился своимъ трудомъ и заявлялъ, что правосудіе въ рукахъ магистратовъ превращается въ полнѣйшую неразбериху, hotch-potch. Онъ желалъ бы, чтобы правосудіе отправлялось болѣе разумнымъ и научнымъ способомъ. Въ отвѣтъ на это я предложилъ ему цѣлый планъ: вмѣсто клерка достаточно помѣстить фонографъ, въ который бы гово-

рили свои рѣчи обвинитель, свидѣтели и подсудимый, а магистрата можно было бы замѣнить другимъ автоматомъ; путемъ комбинаціи обоихъ, правосудіе творилось бы самымъ научнымъ способомъ. Но слава лондонскаго полицейскаго суда въ томъ, что правосудіе въ немъ не отправляется по научному методу. Не дай Богъ, чтобы такъ было, ибо несправедливость тогда станетъ общимъ правиломъ, а не исключеніемъ".

Судья таксируетъ проступокъ въ зависимости отъ его тяжести, руководясь рядомъ соображеній.

Старая система воздѣйствія путемъ пени или тюрьмы теперь замѣняется болѣе сложными мѣрами, къ примѣненію которыхъ судьи привыкаютъ, однако, очень медленно: отдачею въ реформаторіи для пьяницъ (законъ 1898 г.), помѣщеніемъ въ борстальскія учрежденія (законъ 1908 г.), назначеніемъ условнаго осужденія съ попечительнымъ надзоромъ (законъ 1908), отсылкой въ работный домъ и, наконецъ, сообщеніемъ имени осужденнаго пьяницы полиціи на предметъ принятія особыхъ предупредительныхъ мѣръ (законъ 1902 г.). Въ случаѣ первичной преступности судьи все еще предпочитаютъ брать поручительство о хорошемъ поведеніи или дѣлать предупрежденіе, чѣмъ примѣнять условное осужденіе съ надзоромъ.

При выборѣ этихъ наказаній судья пользуется правомъ очень широкаго усмотрѣнія. Законъ не стѣсняетъ его безусловнымъ требованіемъ примѣнить одну изъ этихъ мѣръ. Онъ можетъ даже освобождать совсѣмъ отъ наказанія признаннаго имъ виновнымъ подсудимаго, ограничившись лишь предостереженіемъ на будущее время. Позднѣе, въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ, онъ можетъ мѣнять постановленный имъ приговоръ. Въ одномъ случаѣ — разсказываетъ Гамонъ — судился за бродяжничество одинъ здоровый парень. Онъ развязно объяснялъ судьѣ, что повредилъ свою руку и неспособенъ къ работѣ. Осмотрѣвшій его докторъ призналъ его заявленіе совершенно неосновательнымъ. Но тотъ протестуетъ и требуетъ переосвидѣтельствованія окружнымъ врачомъ.—Ладно—говоритъ судья,—но если онъ васъ найдетъ здоровымъ, срокъ вашего наказанія будетъ удвоенъ. Это Соломоново рѣшеніе заставило протестанта сразу смолкнуть. Въ другомъ случаѣ судья на-

значаетъ суровое наказаніе in terrorem populi, но затѣмъ замѣняетъ его болѣе легкимъ. Характернымъ является право судьи предписывать о возстановленіи причиненнаго проступкомъ ущерба въ размѣрѣ до 100 рублей. Эта мѣра назначается въ связи съ условнымъ осужденіемъ. Полное возмѣщеніе ущерба даетъ основаніе судьѣ отмѣнить условно назначенное наказаніе. Какъ показываетъ опытъ, эта мѣра оказывается прекраснымъ суррогатомъ наказанія.

Въ первомъ часу пополудни кончается утренняя работа судьи, и засѣданіе откладывается до двухъ часовъ, чтобы дать возможность всѣмъ участвующимъ наскоро позавтракать. Послѣ полудня картина суда уже мѣняется. Начинается слушаніе дѣлъ по повѣсткамъ (summons), когда обвиняемый находится на свободѣ или на порукахъ. Дѣла по повѣсткамъ назначаются клеркомъ на опредѣленные дни, и потому каждая категорія дѣлъ имѣетъ свой день на недѣлѣ. Понедѣльникъ, вслѣдствіе, перегруженія его „drunks“, такими дѣлами заполняется очень слабо. На пятницу назначаются, обыкновенно, дѣла относительно нарушенія правилъ объ обязательномъ обученіи (Board of School cases), на субботу—полицейскія нарушенія строительнаго закона, санитарнаго, объ обязательномъ отдыхѣ и т. д., гдѣ обвинительницей выступаетъ полиція (police summons); на прочіе дни назначаются дѣла мѣстныхъ совѣтовъ (Local councils) и др. Здѣсь уже констебли не имѣютъ значенія. Преобладаетъ средній обыватель, и его мелкія заботы и невзгоды обильно выплываютъ наружу. Семейныя распри, сосѣдскія неурядицы, полицейскія неисправности и мелкія торговыя злоупотребленія—все это составляетъ бытовую обстановку такихъ дѣлъ. Судебное разбирательство получаетъ страстный характеръ, выступаютъ длинныя вереницы свидѣтелей, нерѣдки перебранки, и судья чувствуетъ себя менѣе увѣренно, чѣмъ при обвиненіяхъ, руководимыхъ невозмутимымъ и надежнымъ Р. С. Вліяніе судьи обыкновено сдерживаетъ всю ту массу житейской вражды и злобы, которая вынесена сюда на судъ и внѣ его отравляетъ мирную обывательскую жизнь. Каждая сторона старается выиграть въ глазахъ судьи своею воспитанностью и умѣньемъ держаться. Здѣсь уже чаще выступаютъ солиситоры, а порою адвокаты, защищающіе интересы какихъ-либо тор-

говыхъ компаній или состоятельныхъ лицъ. Послѣднія приходятъ въ столкновеніе съ судомъ за мелкія дѣянія— неуплату налога на собакъ или кошекъ, неправильную продажу, продажу недоброкачественныхъ припасовъ и т. д. Рѣже попадаются серьезныя обвиненія. Безконеченъ списокъ такихъ проступковъ, и пестрой чередой они мелькаютъ одинъ за другимъ, отнимая одну-двѣ минуты времени. Въ одно засѣданіе порою рѣшается до 100 summons. Въ среднемъ въ годъ на каждаго судью приходится не менѣе 10,000 такихъ дѣлъ. Нельзя не отмѣтить того, что они рѣшаются слишкомъ поспѣшно. Но единственное средство противъ того—это увеличеніе числа полицейскихъ судовъ, на что англичане идутъ крайне неохотно.

Въ пятомъ часу засѣданіе окончено, но судья не всегда еще можетъ сразу вернуться домой. Онъ долженъ побесѣдовать съ миссіонеромъ и выслушать его отчетъ о распредѣленіи благотворительныхъ средствъ или объ отдѣльныхъ дѣлахъ, которыя его интересуютъ; иногда его дожидается кто-либо изъ родныхъ или близкихъ заключенныхъ, обращающихся къ нему съ различными просьбами, которыя онъ выслушиваютъ; иногда, наконецъ, ему предстоитъ разговоръ съ клеркомъ или адвокатомъ. Только послѣ всего этого онъ можетъ отдохнуть и провести вечеръ въ клубѣ среди друзей.

Личность полицейскаго магистрата, засѣдающаго въ судѣ, имѣетъ громадное значеніе. Въ немъ цѣнятся не столько юридическія познанія, какъ въ судьяхъ высшаго суда, не глубокій разумъ въ мотивировкѣ рѣшеній, сколько внимательность и отзывчивость къ нуждамъ населенія, умѣнье держать въ строгихъ рукахъ полицію, способность давать уроки здоровой морали населенію и чувство здороваго юмора. Его честность и искренность заставляютъ уважать его даже тѣхъ, кому приходится чувствовать на себѣ тяжелыя послѣдствія его рѣшеній. При современной постановкѣ полицейскаго суда, его рѣшенія не только укрѣпляютъ нормы права, но и установляютъ средній уровень морали въ обществѣ. Онъ долженъ указать, какъ мужъ долженъ обращаться со своею женой и какъ мать должна заботиться о дѣтяхъ; онъ указываетъ на неумѣстность излишняго сутяжества между сосѣдями или между рабочимъ и хозяиномъ; онъ даетъ совѣты, какъ достигать осу-

ществленія своихъ правъ, не оскорбляя другого. Его совѣты становятся порою весьма популярными. Припоминаю, какъ долго и обстоятельно комментировалось газетами замѣчаніе одного судьи о томъ, что „бѣдный человѣкъ долженъ бриться самъ". Оно было сдѣлано по поводу жалобы жены на расточительность мужа, при чемъ судья призналъ, что расходы его на парикмахера, дѣйствительно, превышаютъ его нормальный бюджетъ. Кажется, двѣ или три статьи были посвящены обсужденію этого мудренаго вопроса. Въ другомъ случаѣ обильно комментировалось замѣчаніе судьи о томъ, что „нѣтъ необходимости, чтобы супруги сходились во всемъ вкусами, и разномысліе по вопросу о красотахъ Гайдъ-парка еще не можетъ служить поводомъ къ разводу". Населеніе весьма цѣнитъ личный характеръ судьи, и утреннія консультаціи одного привлекаютъ къ себѣ сильнѣе, чѣмъ консультаціи другого.

На полицейскомъ судьѣ лежитъ большая отвѣтственность. Какъ legum minister, онъ долженъ примѣнять несмѣтное множество законовъ, допускающихъ широкое усмотрѣніе. Многіе изъ нихъ устарѣли и не соотвѣтствуютъ потребностямъ времени, но онъ не можетъ ждать пока парламентъ отмѣнитъ или измѣнитъ ихъ, а долженъ приспособлять ихъ, насколько то возможно, чтобы не уродовать жизни. Онъ долженъ прислушиваться къ новымъ теченіямъ общественной жизни и впервые давать имъ правовую оцѣнку. Судья Плоуденъ въ своихъ мемуарахъ пишетъ, что двѣ стороны въ дѣятельности его, какъ полицейскаго судьи, особенно сильно поддерживали въ немъ чувство отвѣтственности: 1) сознаніе, что магистратъ долженъ поддерживать равновѣсіе между полиціей и публикой, обезпечивая правильное взаимодѣйствіе между обоими этими элементами, часто приходящими въ конфликтъ, и 2) въ странѣ, въ которой существуетъ почти суевѣрное преклоненіе предъ судомъ присяжныхъ, какъ палладіумомъ свободы, полицейскій магистратъ является единственнымъ судьей, который можетъ рѣшать вопросы факта, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ личная свобода гражданъ. Ни лордъ, главный судья, ни его младшіе братья, судьи высшаго суда, не могутъ признать человѣка виновнымъ въ мелкой кражѣ безъ помощи присяжныхъ, между тѣмъ какъ въ полицейскомъ судѣ каждую недѣлю постановляются десятки такихъ приговоровъ. Къ

этимъ двумъ основаніямъ можно, пожалуй, прибавить и третье. Оно состоитъ въ сознаніи того, что фактически подсудимый находится въ рукахъ полицейскаго судьи. Онъ рѣдко имѣетъ защитника, почти никогда онъ не можетъ расчитывать на успѣхъ аппелляціи. Аппелляція находится въ рукахъ непрофессіоналовъ, мировыхъ судей, засѣдающихъ въ четвертныхъ сессіяхъ, которые не рѣшаются итти противъ юридически свѣдущаго магистрата. И къ чести полицейскихъ судей нужно сказать, что, несмотря на это, судьба обвиняемаго находится въ безопасности. „Я не знаю ни одного магистрата — пишетъ Холмсъ,—въ рукахъ котораго интересы подсудимаго, виновнаго или невиннаго, не были бы въ абсолютной безопасности. Нерѣдко случается, что магистратъ защищаетъ подсудимаго отъ него самого и противъ его собственнаго солиситора или солиситора преслѣдующей стороны. Держать вѣсы правосудія ровно изо дня въ день — не легкая задача, но она выполняется полицейскимъ судьей. И это доказывается ничтожнымъ числомъ отмѣняемыхъ приговоровъ“.

Хотя полицейскій магистратъ и назначается „на время добраго расположенія короны“ и не пользуется независимостью de jure, но фактически онъ совершенно независимъ. Мнѣ пришлось быть въ полицейскомъ судѣ на Bow-Street, когда слушался извѣстный процессъ суффражистокъ. Около сотни воинствующихъ дамъ и дѣвицъ были арестованы въ зданіи парламента, когда онѣ произвели въ немъ крайній безпорядокъ и напали на премьеръ-министра, угрожая ему, если онъ не приметъ отъ нихъ петиціи о допущеніи женщинъ къ парламентскимъ выборамъ. Арестованныя на слѣдущее утро были представлены въ полицейскій судъ, который былъ заполненъ ими. Главный магистратъ спокойно началъ свой дѣловой день, прослушалъ обычныхъ drunks and disorderlies, и когда дошла очередь до нарушителей публичнаго порядка, призвалъ первую въ спискѣ M-rs Parkhrust. Выслушавъ отъ констебля обстоятельства дѣла, онъ спросилъ подсудимую о томъ, признаетъ ли она себя виновной. Но ею было выставлено возраженіе: суффражистки осуществляли свое законное право подачи петицій въ парламентѣ, и полиція имъ въ этомъ пыталась препятствовать. Несмотря на господствующее въ правительственныхъ кругахъ возму-

щеніе, судья очень внимательно отнесся къ этому заявленію: онъ отложилъ дѣло, сказавъ, что посовѣтуется со своими коллегами и посмотритъ, насколько эта ссылка на конституціонное право оправдывается. Процессъ окончился не въ пользу суффражистокъ, но судья самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовалъ всѣ ихъ защитительные доводы.

Было бы неправильнымъ думать, что судья, рѣшая дѣла единолично, можетъ проявлять любое усмотрѣніе. За законностью его рѣшеній зорко слѣдитъ клеркъ, который также несетъ за нихъ отвѣтственность; случайно присутствующій на судѣ солиситоръ или адвокатъ является также хорошей сдержкой; наконецъ, неизмѣнно сидящій на своемъ мѣстѣ корреспондентъ не упуститъ ни одного случая, чтобы не отмѣтить допущеннаго судьей эксцесса. Общество очень ревниво слѣдитъ за промахами судьи, и намъ приходилось читать негодующія статьи въ солидныхъ газетахъ противъ судей, два или три рѣшенія которыхъ (въ теченіе года!) были отмѣнены въ аппелляціонной инстанціи.

Рѣшенія, постановленныя полицейскимъ судьей, часто пріобрѣтаютъ широкую извѣстность и не только чрезъ посредство газетныхъ отчетовъ. Желѣзнодорожная компанія или акціонерное общество подземныхъ городскихъ дорогъ ежегодно вывѣшиваютъ напечатанными крупными буквами списки тѣхъ взысканій, которыя были наложены въ полицейскихъ судахъ на безбилетныхъ пассажировъ, задержанныхъ на этихъ дорогахъ, съ точнымъ указаніемъ даты разбора и участка. Это служитъ лучшимъ напоминаніемъ необходимости запастись билетомъ при входѣ въ вагонъ. Владѣльцы автоматовъ вывѣшиваютъ надъ автоматами списки приговоровъ за порчу или злоупотребленіе ими, и каждый видитъ, что бдительное око суда стоитъ настражѣ этихъ никѣмъ не охраняемыхъ машинъ, и соотвѣтственный законъ не остается мертвою буквой. Словомъ, дѣятельность полицейскаго суда хорошо извѣстна повсюду, и его приговоры имѣютъ не только карательное, но еще болѣе предупредительное значеніе.

„Пожилой джентельменъ—пишетъ Гамонъ—въ черномъ сюртукѣ, съ сжатыми губами и привѣтливымъ взоромъ, сидящій на возвышеніи въ креслѣ въ концѣ

залы, является главою полицейскаго суда. Судъ въ теоріи изучается по книгамъ; судъ въ дѣйствительности наблюдается лишь постепенно въ процессѣ работы. Судьи разнятся другъ отъ друга: одинъ уже смотритъ на свои обязанности, чѣмъ другой. Но магистратъ, обладающій широкимъ сердцемъ, является не только судьей, но филантропомъ и педагогомъ, который интересуется людьми, подпадающими его власти и его заботѣ; онъ активно борется съ алкоголизмомъ, съ безпризорностью дѣтей, попадающихъ въ полицейскіе суды; онъ испытываетъ энтузіазмъ при успѣхѣ и не смущается трудностями при проведеніи важной реформы. Его вниманіе не сосредоточено цѣликомъ на текущемъ моментѣ, онъ глядитъ шире и смотритъ на каждое дѣло скорѣе какъ на составную частицу соціальной проблемы, чѣмъ какъ на изолированное наказуемое дѣяніе. Благодарность и довѣріе, которыя онъ внушаетъ, сказываются на поднятіи уваженія къ закону. О законѣ слѣдуетъ судить по его результатамъ; если законы признаются многими, какъ благодѣтельные и мудрые, то это потому, что судьи милостивы и справедливы. А учебники пусть попрежнему видятъ въ немъ автоматически взвѣшивающій аппаратъ".

IV.

Соціальная роль полицейскаго суда безпрестанно развивается параллельно съ развитіемъ и усложненіемъ публично-правовой регламентаціи жизни. Въ этой главѣ мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ новыхъ сторонахъ дѣятельности полицейскихъ судовъ, развившихся за послѣдніе годы съ особенной силой.

Едва ли не наиболѣе характерной особенностью англійскаго правового строя до самаго послѣдняго времени являлась полная замкнутость, изолированность отъ публичнаго вмѣшательства семейной жизни. Если относительно своего дома англійскій гражданинъ могъ прежде гордо заявлять „my house is my castle, мой домъ это — моя крѣпость", то относительно семьи онъ съ одинаковымъ планомъ могъ бы сказать: „my family is my realm, моя семья это—мое царство". Государство не должно вмѣшиваться въ отношенія главы семьи къ его супругѣ

и дѣтямъ, въ распоряженіи государства и не было такихъ органовъ, которымъ можно было поручить это.

До недавняго времени въ Англіи сохранялся еще взглядъ стараго common law на отношенія мужа и жены. Оно разсматривало обоихъ супруговъ, какъ, единую плоть и, подобно нашему Домострою, давало мужу право „вѣжливенько учить жену". Положеніе объ единствѣ личности супруговъ далеко не было фикціей. Жена, учинявшая нѣкоторыя тяжкія преступленія въ присутствіи мужа, до самаго послѣдняго времени освобождалась отъ наказанія, ибо законъ создавалъ законную презумцію того, что она дѣйствовала по принужденію мужа. До начала XIX вѣка женщина, не имѣвшая вообще права выступать обвинительницей въ судахъ, получала это право, въ которомъ не могъ ее даже заступить король, если она выступала съ обвиненіемъ по поводу смерти мужа, ибо предполагалось, что она защищаетъ какъ бы свою собственную жизнь. До закона 1898 г. жены не могли свидѣтельствовать въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ противъ своихъ супруговъ, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, созданныхъ во второй половинѣ XIX в. по дѣламъ о прелюбодѣяніи, жестокомъ обращеніи и нѣк. др. До сихъ поръ выступленіе жены въ качествѣ свидѣтельницы при обвиненіи мужа въ общемъ преступленіи зависитъ отъ согласія мужа. Все имущество жены признавалось юридически принадлежащимъ супругу, и только актъ 1882 г. сдѣлалъ первый шагъ въ признаніи самостоятельной собственности замужнихъ женщинъ и далъ имъ возможность путемъ судебной защиты обезпечить свое имущество отъ безцеремоннаго хозяйничанія супруга.

Только понемногу двери семейной жизни стали раскрываться для публичной власти, и она стала приходить на помощь болѣе слабому и притѣсняемому супругу. И тѣмъ органомъ, чрезъ посредство котораго дѣятельность эта стала осуществляться, явился полицейскій судъ:

У насъ, какъ и вообще въ другихъ странахъ Европы, полиція и судъ вторгаются въ область семейной жизни только въ случаѣ учиненныхъ однимъ изъ супруговъ по отношенію къ другому преступленій". Полиція — говоритъ нашъ уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (ст. 239)—не должна входить въ частные

споры и несогласія между супругами, и только въ случаѣ преступленія уголовнаго обязана поступать по правиламъ, въ законахъ судопроизводства уголовнаго изложеннымъ". Законъ здѣсь какъ бы слѣдуетъ совѣту, выраженному въ одномъ изъ стихотвореній Беранже:

—Комиссаръ, Комиссаръ!
Бьетъ Коленъ свою Колетту!
—Комиссара не зови:
Ничего такого нѣту,—
Ссора—вѣстница любви.

Въ Англіи вмѣшательство суда въ семейную жизнь теперь идетъ значительно глубже. Но вмѣшательство это происходитъ всегда по требованію одного изъ супруговъ. Если условія семейной жизни становятся слишкомъ тяжелыми, притѣсняемый супругъ идетъ къ магистрату и обращается къ нему за совѣтомъ. Съ этихъ совѣтовъ по домашнимъ и семейнымъ дѣламъ начинается утренняя дѣятельность полицейскаго судьи. И можно поручиться, что не меньше трехъ-четырехъ женъ ожидаютъ съ этою цѣлью его прихода каждый разъ. „Если бы я засѣдалъ всю недѣлю, съ понедѣльника до субботы, чтобы выслушивать всѣхъ женщинъ, у которыхъ имѣются пьянствующіе или жестокіе мужья, то я не могъ бы выслушать и половины ихъ" — такъ сказалъ разъ одинъ изъ полицейскихъ судей сѣв. Лондона, утомленный количествомъ подобныхъ обращеній. Совѣтъ судьи выражается или въ рекомендаціи какихъ-либо мѣръ по отношенію къ супругу, если случай несерьезенъ, или чаще всего въ вызовѣ супруга въ судъ (summons). Наконецъ, въ наиболѣе серьезныхъ случаяхъ судья предлагаетъ женѣ, по разсмотрѣніи дѣла, постановить о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ (judicial separation).

Впервые актъ 1895 г. (Married women protection act, 1895) далъ возможность женѣ обращаться въ полицейскій судъ съ жалобой на жестокое обращеніе мужа и предоставилъ судьѣ наказывать виновнаго супруга заключеніемъ въ тюрьму на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Но мысль о необходимости болѣе нѣжнаго обращенія со своими женами очень медленно находитъ себѣ признаніе въ низшихъ классахъ населенія. Холмсъ приводитъ слѣдующій случай. Послѣ изслѣдованія доказательствъ по

одному дѣлу о жестокомъ обращеніи, судья спрашиваетъ подсудимаго, судился ли прежде за побои, наносимые женщинамъ. Подсудимый съ негодованіемъ отвергаетъ это, но справка о судимости говоритъ противъ него. Наконецъ, послѣ нѣкотораго недоумѣнія подсудимый восклицаетъ:—Да, но вѣдь это была моя жена! И подобные случаи отрицанія правъ личности на сторонѣ жены весьма нерѣдки. Среди рабочаго класса это почти обычное явленіе, вызываемое пьянствомъ и плохими условіями жизни.

Послѣ изданія акта 1895 г. полицейскіе суды стали переполняться жалобами женъ на жестокое обращеніе. Въ такихъ случаяхъ расправа судьи бываетъ очень коротка. Сначала выслушиваются показанія потерпѣвшей супруги, нѣсколько вопросовъ обвиняемому, разспросъ мѣстнаго полицейскаго констебля, иногда бесѣда съ миссіонеромъ, и судья уже составилъ свое мнѣніе. Жестокое обращеніе налицо, и виновный супругъ, если судья не пожелаетъ отсрочить его наказаніе и принять отъ него поручительство храненія мира и добраго поведенія, долженъ итти въ тюрьму. Къ этому судья можетъ, въ случаѣ если будетъ доказано на сторонѣ мужа упорное и неоднократное жестокое обращеніе, предоставить женѣ право раздѣльнаго жительства (judicial separation) и обязать мужа давать извѣстную сумму на поддержку жены (не болѣе 2 ф. ст. въ недѣлю). Не всегда жена рѣшается ходатайствовать только о первомъ—о наказаніи мужа тюрьмой. Заключеніе мужа въ тюрьму можетъ только ухудшить положеніе жены, оставивъ ее безъ работника и озлобивъ противъ нея супруга. Поэтому центръ тяжести новаго закона свелся ко второму послѣдствію—къ ходатайству о разлученіи съ мужемъ. Полицейскіе суды превратились въ суды для развода. Обращеніе въ отдѣленіе Высшаго суда, вѣдающее дѣла о разводѣ, недоступно низшимъ классамъ. При самой минимальной расцѣнкѣ, сторона, обращающаяся сюда, должна уплатить судебныхъ издержекъ 300 рублей, если она дѣйствуетъ безъ адвоката, и не менѣе 750 руб., если она поручаетъ веденіе дѣла адвокату. Правда, законъ оговариваетъ возможность освобожденія отъ уплаты этихъ издержекъ въ случаѣ бѣдности (forma paupertatis), но понятіе это толкуется очень узко, и лица, имѣющія какой-либо зара-

ботокъ, уже не относятся къ этой категоріи. Между тѣмъ полученіе судебнаго разлученія въ полицейскомъ судѣ стоитъ всего 2 шиллинга 4 пенса (1 р. 10 к.), уплачиваемыхъ въ пользу клерка за повѣстки, да и то судья можетъ освободить просительницу отъ этого расхода во вниманіе къ ея положенію. Предоставленіе раздѣльнаго жительства, вслѣдствіе жестокаго обращенія, стало явленіемъ повседневнымъ въ полицейскомъ судѣ. Правда, женщинамъ приходится позднѣе часто убѣждаться, что не всегда онѣ отъ этого выигрываютъ, такъ какъ супруги ихъ чрезъ нѣкоторое время отказываются платить имъ деньги на содержаніе, предпочитая даже тюрьму; обзаводятся новой незаконной семьей, оставляя своихъ женъ на произволъ судьбы; но онѣ не лишены возможности позднѣе искать возможности примиренія съ супругомъ.

Еще болѣе усилилъ роль полицейскаго суда въ разлученіи супруговъ законъ 1898 г. о привычныхъ пьяницахъ (Inebriates act 1898). Онъ предоставилъ право женамъ, имѣющихъ пьяницъ-мужей, просить судью о выдачѣ имъ акта о разлученіи. Но при этомъ должно быть доказано, что мужъ былъ не менѣе четырехъ разъ въ теченіе года осужденъ за пьянство, и жена должна уйти изъ дому до обращенія въ судъ. Этотъ актъ вызывалъ противъ себя рядъ сѣтованій. Почему только жены пользуются правомъ просить о разлученіи, и развѣ нѣтъ множества мужей, страдающихъ отъ пьяницъ-женъ, такъ часто встрѣчающихся въ Англіи? Если Мэри пользуется защитой, то почему ея долженъ быть лишенъ Джекъ? И развѣ сакраментальная цифра четыре, устанавливающая число необходимыхъ приговоровъ за пьянство, можетъ выражать собою всегда случаи, нуждающіеся въ такой мѣрѣ? Почему какое-либо тяжкое преступленіе, учиненное мужемъ или женою, является достаточнымъ для разлученія, а постоянное пьянство, если его не удалось констатировать четыре раза предъ судомъ, со всѣми его печальными послѣдствіями, какъ распаденіе домашней жизни, безпризорность дѣтей, грязная и отталкивающая обстановка дома, недостаточны для суда? Почему, наконецъ, жена должна раньше покинуть свой домъ и поселиться у друзей или въ гостинницѣ? Законодательство поспѣшило частично исправить эти недостатки.

Былъ изданъ Licensig Act. 1902, по которому привычное пьянство одного изъ супруговъ, хотя и не выразившееся въ опредѣленномъ числѣ осужденій, можетъ служитъ основаніемъ для другого супруга (мужа или жены), основаніемъ для просьбы о судебномъ разлученіи.

Въ связи съ этимъ дѣятельность судовъ, какъ центровъ, гдѣ недовольные другъ другомъ супруги ищутъ права раздѣльной жизни, расширилась необычайно. Въ настоящее время судья можетъ предоставить это право по одному изъ слѣдующихъ основаній: безвѣстное отсутствіе, упорная жестокость, нанесеніе тяжкихъ побоевъ, привычное пьянство, оставленіе безъ средствъ. Законъ еще молчитъ о двухъ основаніяхъ: безуміи супруга и невыносимомъ его характерѣ, которые часто являются обильнымъ источникомъ семейныхъ неурядицъ. Безуміе можетъ служить основаніемъ къ разводу, но не къ раздѣльному жительству; невыносимый характеръ супруга еще менѣе доступенъ юридическому опредѣленію, но несомнѣнно, что онъ чаще всего превращаетъ домашнюю жизнь въ адъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ часто судьи прибѣгаютъ къ этому средству, достаточно заглянуть въ судебную статистику. Она показываетъ, что со времени изданія акта 1895 г. по 1907 г. судъ постановилъ 72.537 рѣшеній о разлученіи супруговъ. Ежегодное число ихъ послѣ изданія закона 1902 г. въ среднемъ доходитъ до 8.000. Не удивительно поэтому, что полицейскій судъ разсматривается какъ divorce-court для бѣдныхъ и что теперь, въ связи съ реформой законодательства о разводѣ, серьезно поговариваютъ о передачѣ ему полномочій постановлять не только о судебномъ разлученіи, но и о разводѣ.

Но полицейскіе суды не только разлучаютъ супруговъ; здѣсь порою и подготовляются свадьбы. Эти браки, извѣстные подъ именемъ „police court marriages“, происходятъ обыкновенно между различными кліентами полицейскаго суда, и судья приходитъ имъ на помощь тѣмъ, что даетъ небольшое денежное воспомоществованіе да поручаетъ иногда состоящему при судѣ миссіонеру позаботиться объ устройствѣ молодыхъ. Вотъ нѣсколько характерныхъ иллюстрацій такихъ браковъ.

„Предо мной—разсказываетъ Плоуденъ въ своей

автобіографіи—появляется женщина среднихъ лѣтъ съ жалобой на то, что мальчики и дѣвочки на улицѣ не даютъ ей прохода, бросаютъ въ нее камнями и грязью. Такъ какъ въ ея наружности не было ничего эксцентричнаго, то я спросилъ ее, чѣмъ она объясняетъ такое къ ней отношеніе. Отвѣтъ ея былъ неожиданнымъ:

— Я думаю, такъ какъ у меня нѣтъ мужа.

— Хорошо—замѣтилъ я,—но почему бы вамъ не достать себѣ его? Вѣдь это не такъ ужъ трудно.

„Мой совѣтъ, повидимому, не удовлетворилъ ее, и она пробормотавъ что-то, чего я не разслышалъ, вышла изъ суда. Этотъ небольшой эпизодъ, не продолжавшійся и минуты, проникъ въ газеты и привелъ къ слѣдующей развязкѣ.

„Среди адресованныхъ ко мнѣ писемъ, нѣсколько дней спустя, я нашелъ одно со штемпелемъ изъ Іоркшира. Авторъ его отрекомендовывалъ себя вдовцомъ пятидесятилѣтняго возраста. Онъ одинокъ и стремится найти себѣ подругу, которая помогла бы ему прожить остатокъ его дней, но до сихъ поръ его поиски не увѣнчались успѣхомъ. Онъ прочелъ въ газетахъ о томъ эпизодѣ, о которомъ я говорилъ, и твердо убѣжденъ, что женщина, о которой шла рѣчь, только одна изъ всѣхъ можетъ быть ему вѣрной и любящей женой. Онъ умолялъ меня сообщить ему ея имя и адресъ и вложилъ для отвѣта въ письмо марку.

„Я нѣкоторое время сомнѣвался, но письмо мнѣ показалось откровеннымъ и присланная марка столь трогательно взывала ко мнѣ, что, наконецъ, я рѣшился и сообщилъ ему просимыя подробности. Вполнѣ понятно, я думалъ, что этимъ дѣло и кончится. Но исторія о безутѣшномъ вдовцѣ стала извѣстной, и я сталъ получать письма уже не отъ вдовцовъ и холостяковъ, а отъ особъ прекраснаго пола, которыя всѣ просили сообщить имъ свѣдѣнія о іоркширскомъ вдовцѣ, такъ какъ онѣ чувствовали увѣренность въ томъ, что могутъ составить для него счастье и утѣшеніе въ жизни. Я почувствовалъ здѣсь, что зашелъ достаточно далеко. Разлучать супруговъ для меня было дѣломъ почти каждодневнымъ, къ чему я постепенно привыкъ, но здѣсь впервые мнѣ пришлось попасть въ положеніе матримоніальнаго агента и

заняться созданіемъ браковъ. Я чувствовалъ себя поэтому, какъ нашалившій мальчикъ".

Не всѣ судьи, однако, столь осторожны, какъ Плоуденъ. Томасъ Холмсъ разсказываетъ другой случай.

„Нѣсколько времени тому назадъ прилично одѣтая женщина, двадцати лѣтъ, обвинялась въ одномъ изъ полицейскихъ судовъ въ оставленіи безъ помощи своего незаконнорожденнаго ребенка. Она была молода и красива и живо разсказала исторію своихъ злоключеній. При разбирательствѣ дѣла изъ публики поднялся вдругъ одинъ молодой человѣкъ, никогда раньше не видавшій подсудимой, и предложилъ жениться на дѣвушкѣ и сдѣлать изъ нея честную женщину. Дѣвушка согласилась, и судья отсрочилъ дѣло, выдавъ брачущимся соверенъ на свадебные расходы. Молодой герой не имѣлъ гроша за душою и никакой работы. Онъ воспользовался гласностью, какую пріобрѣло его предложеніе на судѣ, и написалъ въ газеты письмо, въ которомъ приглашалъ общество къ пополненію дара суда для того, чтобы устроить свой будущій домъ. Его письмо не было напечатано, но было переслано издателемъ мнѣ, такъ какъ я изрѣдка писалъ въ газетѣ по этому вопросу. Разслѣдованіе показало, какъ и слѣдовало ожидать, что этотъ молодой человѣкъ, являвшійся завсегдатаемъ полицейскаго суда, едва ли можетъ оказаться хорошимъ супругомъ. А между тѣмъ судья далъ имъ свое отеческое благословеніе и двадцать шиллинговъ. Разсказанная женщиной на судѣ исторія оказалась впослѣдствіи сплошной выдумкой и ея поведеніе не только не заслуживающимъ симпатіи, но вызывающимъ крайній стыдъ. А между тѣмъ вся эта исторія, опубликованная въ газетахъ, подъ заглавіемъ „романъ въ судѣ", вызвала цѣлый потокъ писемъ, адресованныхъ ко мнѣ, которыя всѣ содержали предложеніе женить бы. Я сдѣлалъ изъ нихъ наилучшее употребленіе, сжегши ихъ всѣ, кромѣ одного, заинтересовавшаго меня. Авторомъ его былъ богобоязненный человѣкъ, прилежный членъ церкви, плотникъ, подрядчикъ по профессіи, вдовецъ, имѣющій нѣсколько дѣтей. Онъ помолился и получилъ увѣренность, что онъ долженъ жениться на этой женщинѣ и спасти ее. Онъ вложилъ въ письмо расписку на 10 шиллинговъ и просилъ оплатить ею отвѣтную телеграмму и цѣну билета по желѣзной дорогѣ. Я вложилъ

эту расписку въ свое отвѣтное письмо, которое гласило слѣдующее:

„М. Г. Быть-можетъ, вы имѣете и хорошія намѣренія, но поступаете крайне неразумно. Какое право вы имѣете подвергать вашихъ дѣтей заботамъ неизвѣстной и падшей женщины? Женитесь на какой-либо порядочной женщинѣ, которую вы знаете, и спасите ихъ и себя. Вашъ Т. Х.“.

Т. Холмсъ рѣзко возстаетъ противъ этой практики свадебъ по почину судьи. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ —пишетъ онъ—одинъ судья поручилъ мнѣ позаботиться о бракѣ между двумя молодыми людьми, сдѣлавшими знакомство на судѣ. Я почтительно отказался. Тогда онъ замѣтилъ мнѣ: „Но вѣдь бракъ находитъ себѣ благословеніе на небѣ“.—„Иногда и въ аду, ваша честь“—былъ мой отвѣтъ. И результаты доказываютъ, что я былъ правъ. Судьи рѣдко видятъ тѣ результаты, которые проистекаютъ отъ такихъ браковъ, а между тѣмъ эти результаты идутъ глубоко. Отъ этого одного брака тяжкое бремя было взвалено на плечи общества. Вскорѣ эта чета стала бездомной и была найдена на улицѣ съ тремя дѣтьми, ночующею подъ телѣгой... Еще недавно одинъ миссіонерь полицейскаго суда сообщалъ въ печати, что онъ устроилъ семьдесятъ такихъ браковъ и собралъ въ помощь молодымъ на первыхъ порахъ 200 ф. с. Многіе изъ брачущихся, по его словамъ, были столь бѣдны, что ему пришлось одолживать имъ обручальныя кольца на время совершенія обряда; у него для этой цѣли имѣется даже спеціальная пара колецъ. И несмотря на это, онъ утверждалъ, что почти всѣ устроились хорошо въ провинціи. Я искренно хотѣлъ бы вѣрить въ счастье такихъ браковъ, но не могу сдѣлать этого, такъ какъ мой опытъ говоритъ иное. Я не былъ пораженъ, читая въ газетахъ отчетъ объ убійствѣ мужемъ своей молодой жены, когда мать жены показала на судѣ, что этотъ бракъ былъ заключенъ при содѣйствіи миссіонера полицейскаго суда... Не такъ давно молодой человѣкъ обвинялся въ покушеніи на убійство дѣвушки, съ которою онъ жилъ. Его ревность и жестокость заставили дѣвушку бросить его. Но онъ не хотѣлъ разстаться съ нею и, напавъ на нее, пытался перерѣзать ей горло. Онъ былъ преданъ суду, но обвиненіе было формулировано какъ нанесеніе лег-

кихъ ранъ. На судѣ дѣвушкѣ былъ заданъ вопросъ, желала бы она выйти замужъ за подсудимаго, при чемъ судья добавилъ, что тогда онъ иначе отнесется къ подсудимому. Дѣло было отложено, и обвиняемый былъ отпущенъ на свободу, чтобы онъ могъ жениться. Во время этой отсрочки былъ заключенъ бракъ, и къ ближайшему засѣданію подсудимый представилъ брачное свидѣтельство судьѣ. Оно спасло его отъ тюрьмы, и судья напутствовалъ молодого человѣка слѣдующими словами: „возьмите свою жену и будьте къ ней ласковы. Вы нападали на нее прежде, не дѣлайте этого впредь". Не есть ли это — спрашиваетъ Холмсъ — злоупотребленіе властью судьи, и гдѣ здѣсь справедливость? Должна ли молодая дѣвушка рѣшать, заслуживаетъ ли посягавшій на ея жизнь наказанія, и слѣдуетъ ли ее на всю жизнь прикрѣплять къ такому ревнивому и жестокому человѣку? Я не могу найти удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы и думаю, что такія вещи не должны имѣть мѣста въ нашихъ судахъ".

Въ прошломъ году Холмсъ въ качествѣ секретаря Howard Association принесъ протестъ противъ такихъ дѣйствій министру внутреннихъ дѣлъ, въ виду участившихся случаевъ такихъ браковъ, и министръ призналъ эту практику нежелательной.

При такихъ условіяхъ, когда судъ принимаетъ на себя задачу создавать и разстраивать браки, конечно, должно было сильно ослабѣть сознаніе нерушимости брачныхъ узъ. Но тѣмъ не менѣе не констатировано разлагающее вліяніе на брачную жизнь судебнаго вмѣшательства, скорѣе наоборотъ. Бракъ попрежнему остается „популярнымъ учрежденіемъ", которое предпочитается другимъ формамъ полового сожительства. Мужья и, въ особенности, жены обращаются въ судъ только тогда, когда исчерпаны всѣ другія средства и, конечно, когда нѣтъ и тѣни счастливой супружеской жизни. Обязанность давать женамъ содержаніе удерживаетъ мужей отъ того, чтобы доводить дѣло до разрыва, и потому въ общемъ возможность судебнаго разлученія является хорошимъ предупредительнымъ средствомъ. Власть мужа, когда-то бывшая безусловной, теперь находитъ сильную сдержку въ законѣ, который вручилъ женѣ мощное средство самозащиты.

Но не только отношенія между супругами стали предметомъ вниманія полицейскаго суда. Онъ проникаетъ и туда, гдѣ раньше безраздѣльно господствовала родительская власть.

До выдѣленія дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ въ особыя юрисдикціи, стоящія на ряду съ полицейскими судами, по закону о дѣтяхъ 1910 г., общіе полицейскіе суды Лондона и другихъ городовъ вѣдали всѣ дѣла о дѣтяхъ въ отношеніи не только къ постороннимъ, но даже и родителямъ. Въ этой области англійское законодательство также порвало съ традиціоннымъ взглядомъ на неприкосновенность семейной жизни и стало проявлять за послѣдніе годы оживленную дѣятельность.

За 1908 г. столичной полиціей было арестовано 3492 малолѣтнихъ до 16 лѣтъ. Каждый задержанный приводится въ участокъ, гдѣ составляется надлежащій протоколъ, и затѣмъ онъ ввѣряется заботамъ надзирателя или состоящей при участкѣ полицейской матроны. Тѣмъ временемъ отыскиваются его родители, которымъ предлагается взять ребенка на поруки за небольшую сумму, которая обыкновенно и вносится. Въ крайнихъ случаяхъ ребенку приходилось проводить ночь въ помѣщеніи участка. Въ такихъ случаяхъ утромъ его отправляютъ, подъ охраной полицейскаго констебля, отдѣльно отъ взрослыхъ, въ полицейскій судъ. Законъ 1910 г. устранилъ и эти случаи ночевки въ участкахъ, сдѣлавъ обязательнымъ устройство особаго убѣжища для задерживаемыхъ дѣтей. Въ силу распоряженія министра отъ 1905 г. дѣла о малолѣтнихъ слушаются въ полицейскомъ судѣ первыми. Краткій допросъ ребенка и выслушаніе заявленія констебля приводятъ къ отсрочкѣ дѣла на нѣсколько дней, при чемъ малолѣтній на это время помѣщается въ одинъ изъ трехъ имѣющихся въ Лондонѣ пріютовъ для ожидающихъ суда дѣтей, гдѣ онъ находитъ хорошій уходъ. Чрезъ нѣсколько времени за малолѣтними посылаютъ снова констебля, который долженъ привести его въ судъ для окончательнаго слушанія дѣла. Къ тому времени, вѣроятно, уже приняты мѣры для обезпеченія возможности устройства ребенка въ воспитательно-исправительномъ заведеніи, если судья считалъ это нужнымъ. Очень часто судьи прибѣгаютъ къ штрафамъ и разлучаютъ ребенка съ его домомъ только тогда, когда въ томъ пред-

ставляется необходимость; при отсутствіи должностныхъ попечителей очень часто судьи прибѣгали къ помощи миссіонера для того, чтобы примѣнить попечительскій надзоръ. Теперь, съ изданіемъ Probation of offenders act 1907 г. они стали практиковать шире эту мѣру, и успѣхъ ея стоитъ внѣ сомнѣнія.

По пятницамъ, особо отъ другихъ дѣлъ, слушаются дѣла Школьнаго Совѣта (Board of Schools) по поводу уклоненія малолѣтнихъ отъ обязательнаго для нихъ посѣщенія школы. Здѣсь судья долженъ высказаться по двумъ вопросамъ: 1) имѣетъ ли родитель разумную причину извиненія въ томъ, что онъ не посылалъ своего ребенка въ школу, и 2) если предписаніе о посѣщеніи школы не выполняется, то на комъ лежитъ вина, на родителѣ или на ребенкѣ. Большинство дѣлъ касается перваго вопроса. Обыкновенно происходитъ ссылка на нездоровье, и свидѣтельство врача является наиболѣе частымъ доказательствомъ. Иногда приводятся различные домашніе мотивы, и судья рѣшаетъ, являются они извинительными или нѣтъ. По существу нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ рѣшеніе этихъ дѣлъ судьей, такъ какъ, конечно, центръ тяжести здѣсь лежитъ не въ области доказательствъ. Но такъ какъ отвѣтственность здѣсь можетъ постигнуть родителя (небольшой штрафъ), то практика поддерживаетъ этотъ порядокъ.

Порою сами дѣти обращаются въ полицейскій судъ, слезно жалуясь на жестокость родителей. Въ такихъ случаяхъ судья можетъ выдать ребенку или другому лицу повѣстку о вызовѣ въ судъ родителя, но обыкновенно сообщаетъ обществу защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія, которое затѣмъ и возбуждаетъ преслѣдованіе, если къ тому имѣются основанія. Такъ какъ суду подсудны споры работодателей и рабочихъ о заработной платѣ, то иногда среди жалобщиковъ встрѣчаются и малолѣтніе.

Англійскому судьѣ до послѣдняго не принадлежало широкой власти лишенія родителей права опеки надъ дѣтьми, какъ то мы видимъ въ Америкѣ. Онъ можетъ только устранить вліяніе родительской среды путемъ помѣщенія мальчика въ воспитательно-исправительный пріютъ. Но это не всегда является удобнымъ.

Законъ о дѣтяхъ значительно расширилъ полномочія

полицейскаго судьи по отношенію къ дѣтямъ. Такъ, ст. 21 позволяетъ уже лишать опекунской власти родителей и другихъ лицъ, виновныхъ въ учиненіи по отношенію къ ребенку ряда преступленій, въ томъ числѣ и жестокаго обращенія, но при этомъ необходимо осужденіе родителя или, по крайней мѣрѣ, преданіе его суду за это преступленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ судья можетъ поручать, чтобы несовершеннолѣтній былъ отданъ подъ опеку другого лица. Такія же полномочія предоставлены суду ст. 26 въ случаѣ признанія родителя привычнымъ пьяницей.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду касаться въ подробностяхъ отношенія полицейскихъ судей къ дѣтямъ, такъ какъ этотъ вопросъ былъ уже отчасти разсмотрѣнъ нами въ связи съ вопросомъ объ особыхъ судахъ для несовершеннолѣтнихъ [1]).

Другая соціальная задача громадной важности, возложенная на полицейскіе суды, это—борьба съ алкоголизмомъ. Добрая половина всѣхъ дѣлъ въ полицейскомъ судѣ стоитъ въ тѣсной связи съ пьянствомъ массъ. „Drunks“ или „drunks and disorderlies“ — длинной серіей фигурируютъ каждое утро въ спискѣ дѣлъ; по понедѣльникамъ эта серія превращается въ цѣлую процессію. Каждый на минуту появляется въ „докѣ“ предъ лицомъ судьи и сейчасъ же пропадаетъ, получивъ свою таксу въ видѣ нѣсколькихъ шиллинговъ штрафа или дней ареста. За процессіей виновныхъ въ пьянствѣ идетъ другой рядъ виновныхъ въ преступленіяхъ, учиненныхъ подъ вліяніемъ пьянства; а за ними рядъ просителей и просительницъ, ходатайствующихъ о раздѣльномъ жительствѣ вслѣдствіе привычнаго пьянства.

Регулярно, почти механически, выполняетъ судъ свою работу борьбы, увы, въ значительной степени безплодной, съ алкоголизмомъ населенія. Низшіе классы Лондона, принужденные затрачивать громадную энергію напряженія при работѣ и получающіе взамѣнъ этого скудный свѣтъ, скудную пищу и скудный отдыхъ, являются упорными потребителями спиртныхъ напитковъ, дающихъ имъ

---

[1]) См. нашу статью „Суды для несовершеннолѣтнихъ въ Сѣв. Америкѣ и Зап. Европѣ Ж. М. Ю. 1908 кн. 7 и 8.

временное возбужденіе. На долю каждаго жителя въ Англіи ежегодно приходится спиртныхъ напитковъ почти на 25 рублей. До послѣдняго времени эта работа судьи была чисто механической и вмѣстѣ съ тѣмъ безплодной. Частые штрафы еще сильнѣе толкали рабочаго къ бѣдности и сопряженному съ ней пьянству; а краткосрочная тюрьма мало могла подѣйствовать на него и чаще всего способствовала еще болѣе глубокому паденію. Долгое время въ этой области ничего не предпринималось, и крѣпка была вѣра въ то, что нельзя сдѣлать людей трезвыми посредствомъ актовъ парламента. Но грандіозныя цифры осуждаемыхъ полицейскими судами алкоголиковъ не могли оставить общество равнодушнымъ. И оно прибѣгло къ тому же парламенту, чтобы получить отъ него необходимыя средства и полномочія для такой борьбы.

Сначала было обращено вниманіе на наиболѣе опасную категорію „привычныхъ пьяницъ". По опредѣленію англійскаго закона „привычнымъ пьяницей (habitual drunkard) является тотъ, кто, не являясь душевно-больнымъ, тѣмъ не менѣе въ силу привычнаго и неумѣреннаго потребленія спиртныхъ напитковъ становится по временамъ опаснымъ для самого себя и другихъ и неспособнымъ владѣть собою и руководить своими дѣлами". По отношенію къ этой категоріи было признано недостаточнымъ ограничиться одними полицейскими взысканіями; здѣсь идетъ рѣчь не столько о проступкѣ, сколько объ опасномъ состояніи, и потому слѣдуетъ принять мѣры болѣе серьезнаго свойства, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ устранили бы по возможности и самый источникъ опасности. Такою мѣрою прежде всего должно явиться принудительное леченіе привычныхъ алкоголиковъ.

Первый, крайне робкій шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ актомъ 1879 г. (Habitual drunkards act), который организовалъ особыя убѣжища для алкоголиковъ, стоящія подъ правительственнымъ контролемъ, куда могли поступать привычные алкоголики на срокъ не болѣе года. Этотъ актъ еще не былъ принудительнымъ. Наоборотъ, алкоголикъ, желавшій поступить въ такое убѣжище, долженъ былъ подать о томъ спеціальное прошеніе, и все дальнѣйшее пребываніе въ убѣжищѣ обусловлива-

лось его добрымъ желаніемъ. Вполнѣ понятно, что такія убѣжища привлекали только немногихъ.

Нуженъ былъ новый двадцатилѣтній опытъ, чтобы Парламентъ рѣшился вступить на путь принудительныхъ мѣръ. Въ 1898 г. былъ изданъ законъ, по которому каждый привычный пьяница, осужденный четыре раза въ теченіе года за пьянство, могъ быть принудительно помѣщенъ полицейскимъ судьей въ реформаторію для алкоголиковъ. Ему предоставлено было только право перенести свое дѣло отъ единоличнаго судьи въ судъ четвертныхъ сессій (но безъ участія присяжныхъ). Этотъ актъ является только палліативомъ. Требованіе четырехъ осужденій въ теченіе года позволяетъ ловкому человѣку, имѣющему за душой десятки осужденій за пьянство, ни разу не доводить цифру до требуемаго закономъ числа. Оно стѣсняетъ дѣятельность судей формальными рамками и вмѣстѣ съ тѣмъ вредитъ дѣлу, такъ какъ позволяетъ примѣнять помѣщеніе въ реформаторію только тогда, когда алкоголикъ дошелъ до крайнихъ границъ злоупотребленія спиртными напитками и когда часто безнадежно его леченіе. Всѣ дѣятели, близко стоящіе къ этому дѣлу, признаютъ это требованіе вреднымъ, и еще недавно Вашингтонскій тюремный конгрессъ, обсуждая результаты примѣненія этой мѣры, нашелъ это ограниченіе совершенно нецѣлесообразнымъ. Все же закономъ 1898 г. было дано въ руки судей мощное орудіе, которымъ они не замедлили воспользоваться. Правда, пользуются имъ они крайне осторожно. По послѣдней статистикѣ (1910 г.) въ двѣ реформаторіи, содержимыя правительствомъ въ теченіе года поступило всего 44 человѣка. Реформаторія въ Эйльсбюри, открытая въ 1901 г., со времени своего учрежденія и по настоящее время приняла всего 294 привычныхъ алкоголика. Въ мужской реформаторіи въ Warwick среднесуточный составъ въ 1909 г. былъ всего 30 человѣкъ, а въ женской въ Ailsbury—62. Такія цифры совершенно ничтожны для громаднаго числа приговариваемыхъ во всей Англіи за привычное пьянство и ярче всего показываютъ искусственность ограниченій, установленныхъ закономъ.

Рядъ новыхъ мѣръ преимущественно предупредительнаго характера былъ затѣмъ принятъ Licensing act 1902 г., однимъ изъ первыхъ дѣтищъ либеральнаго правитель-

ства. Онъ поставилъ подъ болѣе дѣятельный контроль мирового судьи выдачу патентовъ на содержаніе питейныхъ заведеній, онъ ограничилъ часы торговли въ нихъ, возложилъ на продавцовъ отвѣтственность за продажу напитковъ пьянымъ и т. д. Но наиболѣе любопытнымъ его нововведеніемъ было устанавливаемое ст. 4 акта правило, по которому полицейскій судъ послѣ четырехъ осужденій въ теченіе года могъ сообщать полицейской власти имя привычнаго пьяницы, независимо отъ того, подвергалъ ли онъ его помѣщенію въ реформаторію или нѣтъ. Полиція, въ свою очередь, должна была принимать мѣры къ недопущенію этого лица въ питейныя заведенія. Если лицо, о которомъ было сообщено полиціи, будетъ застигнуто пьющимъ спиртные напитки въ питейномъ заведеніи въ теченіе трехъ лѣтъ со времени внесенія въ такіе списки, оно подвергается штрафу до 1 ф. ст. или заключенію въ тюрьмѣ на срокъ до двухъ недѣль.

На основаніи этого закона, изданнаго отчасти подъ вліяніемъ разочарованія въ возможности воздѣйствовать на привычныхъ пьяницъ путемъ леченія, полицейскіе судьи начали сообщать имена осужденныхъ полиціи. Полиція вносила ихъ въ особые списки, которые вскорѣ получили названіе „черныхъ списковъ". Эти списки съ портретами осужденныхъ должны быть вывѣшены въ каждомъ питейномъ заведеніи округа, и содержатели этихъ питейныхъ заведеній были обязаны не допускать этихъ лицъ въ свои помѣщенія. Но энергичная дѣятельность по распространенію этой мѣры встрѣтила сразу цѣлый рядъ препятствій. Полицейскіе судьи, въ совѣщаніи между собою, вслѣдствіе раздававшихся жалобъ, нашли, что по смыслу закона подсудимые, противъ которыхъ судья желаетъ принять указанную выше мѣру, могутъ требовать перенесенія ихъ дѣла въ четвертныя сессіи, какъ то имъ предоставлено при присужденіи въ реформаторіи для пьяницъ. Судья можетъ примѣнить ее самъ только тогда, если подсудимый соглашается на это. Между тѣмъ переносъ дѣла въ сессію расхолодилъ многихъ и сдѣлалъ примѣненіе этой мѣры болѣе рѣдкимъ. Съ другой стороны, сами алкоголики, съ тревожнымъ страхомъ ожидавшіе новаго закона, вскорѣ нашли удобную лазейку. Пьянство среди нихъ не только не уменьши-

лось, но увеличилось. Прежде судья могъ приговаривать ихъ за рецидивъ пьянства къ тюрьмѣ до одного мѣсяца, теперь же, по новому закону, за двойную вину: нарушеніе запрещенія суда и за пьянство наказаніе не можетъ превышать двухъ недѣль. Получается даже прямая выгода отъ примѣненія къ нимъ черныхъ списковъ, которые, такимъ образомъ, перестали быть страшными. Сами судьи скоро увидѣли комичность такого положенія и стали предписывать полиціи возбуждать преслѣдованія противъ внесенныхъ въ списки не по карательной статьѣ закона, а по старому закону, какъ за простое пьянство. Система черныхъ списковъ, такимъ образомъ, не привела къ какимъ-либо результатамъ, а между тѣмъ она способствовала еще болѣе глубокому паденію тѣхъ, кто были вносимы въ эти списки, въ особенности женщинъ. Получивъ, благодаря этимъ спискамъ, широкую, но сомнительную извѣстность въ околодкѣ, не только по имени, но и лично, вслѣдствіе фотографіи, вывѣшенной во всѣхъ мѣстныхъ кабачкахъ, посѣщаемыхъ всякимъ сбродомъ, женщина испытываетъ, конечно, крайнюю степень позора, и имя ея навсегда вычеркивается вмѣстѣ съ тѣмъ изъ списка порядочныхъ. Правда, многимъ изъ фигурирующихъ въ этихъ спискахъ уже некуда идти далѣе, но возможно, что среди нихъ попадаются имена матерей, страдающихъ этимъ губительнымъ порокомъ, имена полунормальныхъ, предающихся пьянству на почвѣ душевной болѣзни. Такой списокъ окончательно разрываетъ и семейныя связи, если онѣ сохранились. Супругъ по тому же акту 1902 г. можетъ просить о разводѣ въ случаѣ доказаннаго привычнаго пьянства, и, конечно, публичный позоръ жены, широко ставшій извѣстнымъ сосѣдямъ, оттолкнетъ его отъ нея, хотя бы у него и сохранялись къ ней состраданіе и любовь. Въ самой Англіи уже начинаютъ раздаваться голоса противъ этой мѣры, и одинъ изъ самыхъ громкихъ принадлежитъ гуманному Томасу Холмсу.

Въ послѣдніе годы было признано, что борьба съ пьянствомъ въ полицейскихъ судахъ не должна ограничиваться только случаями привычнаго пьянства. Тогда воздѣйствіе трудно, если не невозможно. Необходимо было выработать, для удержанія отъ повторнаго пьянства новичковъ, мѣры болѣе дѣйствительныя, чѣмъ

штрафъ и тюрьма. Такою мѣрою и явилось probation, выполняемое подъ надлежащимъ надзоромъ попечителя. Эта мѣра была введена закономъ 1907 г. Судья освобождаетъ условно отъ наказанія провинившагося въ пьянствѣ впервые и поручаетъ попечителю позаботиться о томъ, чтобы условно-осужденный въ теченіе извѣстнаго времени воздерживался отъ потребленія спиртныхъ напитковъ. Право налагать такія ограниченія спеціально оговорено въ законѣ для всѣхъ проступковъ, вызванныхъ опьяненіемъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ мы наблюдаемъ значительное паденіе числа осужденій за пьянство въ Лондонѣ. Въ 1909 г. это паденіе выражалось въ цифрѣ 313, въ 1908 г.—620. Сильно упало и количество помѣщаемыхъ въ реформаторіи для алкоголиковъ.

Можно было бы продолжить разсмотрѣніе отдѣльныхъ категорій мѣръ, принимаемыхъ полицейскимъ судомъ для борьбы съ нищенствомъ, съ развратомъ, съ профессіональнымъ воровствомъ и пр., но мы не имѣли въ виду здѣсь бо́льшаго, чѣмъ указаніе двухъ-трехъ иллюстрацій той дѣятельности, которую приходится выполнять этому суду. Изъ нихъ уже видно, что не формальные принципы, а практическія задачи установленія соціальнаго порядка лежатъ въ ея основѣ. Не всегда еще суду предоставляется достаточная свобода въ осуществленіи этихъ задачъ; примѣръ тому—ограниченія въ области принудительныхъ мѣръ по отношенію къ алкоголикамъ, но это объясняется новизной методовъ, еще недостаточно провѣренныхъ на опытѣ. Практика здѣсь далеко еще не сказала своего послѣдняго слова.

V.

Полицейскій судъ занимаетъ видное положеніе въ ряду учрежденій, выработанныхъ сложною жизнью большихъ городовъ. Въ немъ сосредоточивается сила, обладающая большимъ объемомъ принужденія, регулирующая сложныя отношенія людскихъ интересовъ и дѣйствій. Этотъ судъ является, какъ называютъ его порою, clearing house of the crime, расчетной палатой преступности, гдѣ ликвидируются мелкія и крупныя коллизіи, возникающія за

день между населеніемъ и закономъ. Дѣятельностью этого суда поддерживается правильный порядокъ въ общественномъ механизмѣ, устраняются препятствія и опасности. Такъ-называемая полицейская преступность, въ сущности, есть проявленіе не антисоціальности, а лишь соціальной неприспособленности или небрежности. Она возникаетъ тамъ, гдѣ, въ видахъ избѣжанія опасности для другихъ, на членовъ общенія возлагаются различныя обязанности или ограниченія свободы. Усложняющаяся общественная жизнь невольно связываетъ интересы однихъ съ интересами другихъ, и защита послѣднихъ только съ помощью одного гражданскаго иска является недостаточной: необходимо развить предупредительную дѣятельность или дѣятельность пресѣченія, которая и достигается путемъ установленія запретовъ или предписаній, исполненіе которыхъ санкціонируется штрафомъ или арестомъ. Полицейская преступность есть продуктъ стремленія къ защитѣ сложныхъ формъ общественной жизни, и чѣмъ выше уровень этой послѣдней, тѣмъ обильнѣе и разнороднѣе составъ ея. Въ связи съ этимъ и задачей полицейскаго суда является не покараніе, а устраненіе опасности, проистекающей для общества. Примѣняемыя имъ мѣры опредѣляются не столько виновностью дѣятеля, сколько опасностью соотвѣтственныхъ дѣйствій. Привычные пьяницы помѣщаются на долгіе сроки въ реформаторіи вслѣдствіе той опасности, которую представляетъ состояніе хроническаго алкоголизма для общества; бродяги помѣщаются въ работные дома опять-таки для устраненія соціальной опасности; примѣрное взысканіе постигаетъ виновнаго въ непринятіи санитарныхъ или оградительныхъ мѣръ, такъ какъ необходимо создать большую безопасность здоровья и жизни окружающихъ.

Въ полицейскомъ судѣ, этомъ центральномъ узлѣ столичной жизни, сходятся и находятъ свою расцѣнку всѣ явленія повседневной жизни, могущія создавать опасность для правильнаго ея теченія. То, что въ другихъ странахъ выполняется усмотрѣніемъ полиціи—поддержаніе порядка и безопасности, въ Англіи докладывается суду и находитъ свое осуществленіе лишь чрезъ его посредство.

Нельзя полицейскаго судью считать носителемъ только

карательныхъ мѣръ и органомъ только уголовнаго правосудія. Онъ—носитель публичной власти, признанный къ „храненію мира“, дѣйствующій лишь въ судебномъ порядкѣ, подъ контролемъ состязательности и гласности. Примѣненіе наказанія,—это лишь одна изъ его функцій на ряду съ мѣрами предупрежденія (какъ поручительство храненія мира, попечительный надзоръ), арестомъ виновныхъ и первоначальнымъ разслѣдованіемъ преступленій, функціями административной юстиціи и надзоромъ за полицейской дѣятельностью. Къ этимъ офиціальнымъ функціямъ присоединяются обыкновенно и неофиціальныя, какъ консультаціонная дѣятельность, благотворительная помощь, попеченіе о дѣтяхъ и пр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полицейскій судъ представляетъ собою обширное поле для изученія человѣческихъ характеровъ и слабостей. Дѣянія людей выступаютъ здѣсь не закованными въ традиціонныя схемы обвинительныхъ актовъ и легальныхъ опредѣленій и не пропущенными сквозь юридическое сито абстрактныхъ составовъ, а въ тѣхъ прихотливыхъ и обычныхъ сочетаніяхъ, которыя имъ даетъ жизнь. Судебное слѣдствіе не сдавлено тѣсными рамками устарѣвшихъ правилъ объ „относящемся“ и „неотносящемся“, какъ то мы видимъ на судѣ присяжныхъ въ Англіи. Участвующимъ въ дѣлѣ дана большая свобода и возможность проникать въ обстановку преступленія, и само спорное отношеніе здѣсь не выдергивается изъ соціальной среды и не ставится на искусственные подмостки торжественнаго зрѣлища, когда судьи скорѣе священнодѣйствуютъ, чѣмъ проникаютъ въ соціальную суть дѣла. Англійскій присяжный судъ, съ его старинными традиціями и формулами, парализуетъ подсудимаго; послѣдній чувствуетъ, что „надъ нимъ“, гдѣ-то въ недосягаемой вышинѣ творится правосудіе, а жизненная правда ушла куда-то внизъ, сжалась въ своей ничтожности и не рискуетъ выглянуть наружу. Судъ стремится установить только, подходятъ ли его дѣйствія подъ опредѣленную сакраментальную формулу закона, или нѣтъ. Здѣсь, въ полицейскомъ судѣ, правосудіе уже творится не „надъ нимъ“, а „между нимъ и полиціей“ или между нимъ и его сосѣдомъ. Онъ дѣятельно участвуетъ въ его отправленіи своими показаніями и своею личностью. Онъ знаетъ, что и судья, и онъ стоятъ на одной плоскости — на

почвѣ жизненной правды, и потому они понятны другъ другу.

Поэтому и характеръ подсудимаго и условія его жизни въ полицейскомъ судѣ всегда всплываютъ наружу, и каждое дѣло вписываетъ страницу въ книгу жизненнаго опыта наблюдателя. Среди криминалистовъ за послѣднее время часто можно слышать мнѣніе, что только въ тюрьмѣ, а не на судѣ, можно узнать настоящій характеръ человѣка. Это мнѣніе крайне неправильно. Тюрьма съ ея искусственными и размѣренно-однообразными условіями жизни никогда не можетъ дать возможности обнаружить такія свойства характера и души человѣка или такія привычки, которыя составляютъ главную характеристику его личности. Судъ, въ особенности судъ менѣе формальный, даетъ для этого значительно больше. Здѣсь слышенъ голосъ свидѣтелей, наблюдавшихъ обвиняемаго въ его поведеніи и жизни на свободѣ; здѣсь, въ борьбѣ, самъ обвиняемый обнаруживаетъ качества своего характера, здѣсь вскрываются страницы его прошлаго. Поэтому вполнѣ понятно, почему такому суду и можетъ быть поручаемо принятіе исправительно-оградительныхъ мѣръ по отношенію къ различнымъ категоріямъ преступниковъ, проявляющихъ опасныя свойства. Рядъ принятыхъ за послѣдніе годы англійскимъ законодательствомъ такихъ мѣръ во многомъ объясняется этою ролью полицейскаго суда и возможностью для него глубже знакомиться съ характеромъ подсудимаго.

Можно было бы нарисовать цѣлыя галлереи различныхъ характеровъ, наблюдаемыхъ въ полицейскомъ судѣ, и эта задача съ большимъ мастерствомъ уже сдѣлана такими внимательными наблюдателями жизни этихъ судовъ, какъ Холмсъ, Гамонъ, Плоуденъ и др.

Сложность лежащихъ на полицейскомъ судѣ задачъ и тѣсная связь его съ практическимъ осуществленіемъ различныхъ соціальныхъ проблемъ приводятъ въ настоящее время къ спеціализаціи полицейскихъ судовъ. Чрезвычайно трудно вести универсальную борьбу съ современными соціальными опасностями и болѣзнями. Методы борьбы усложняются, требуется большая подготовка, большее проникновеніе въ различные соціальные круги и сотрудничество съ различными соціальными факто-

рами. Поэтому наступаетъ періодъ появленія особыхъ, спеціализированныхъ судовъ. Первый примѣръ этого мы наблюдаемъ въ видѣ спеціализаціи суда по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ, которыя требуютъ особыхъ воспитательныхъ методовъ и взаимодѣйствія съ самыми разнородными организаціями попеченія о дѣтяхъ. Эта спеціализація уже осуществилась и въ Англіи. Но затѣмъ на очереди стоятъ и другія категоріи дѣлъ. Несомнѣнно, въ такой спеціализаціи нуждаются прежде всего дѣла объ алкоголикахъ. Судья, разсматривающій эти дѣла въ порядкѣ обычнаго процесса, не имѣетъ ни времени, ни охоты къ болѣе глубокому ихъ разсмотрѣнію; а между тѣмъ при правильной постановкѣ борьбы съ алкоголизмомъ путемъ суда нужно было бы каждаго подвергать врачебному осмотру, нужно было бы организовать надлежащій надзоръ за условно-осужденными алкоголиками, устранить ту моральную заразу, которую вноситъ этотъ элементъ въ общіе суды. За алкоголиками идутъ другія категоріи: проститутки, нищіе. Здѣсь опять свои методы борьбы и свои проблемы. Нѣкоторые штаты Америки въ этомъ отношеніи уже опередили Англію. Въ Нью-Іоркѣ, напр., имѣются спеціальные ночные суды для проститутокъ, нарушающихъ порядокъ на улицѣ. Для того, чтобы не помѣщать женщинъ въ нездоровую обстановку общаго полицейскаго суда, въ нѣкоторыхъ городахъ въ Америкѣ установлены особые дни, women days, когда слушаются нѣкоторыя категоріи женскихъ дѣлъ и принимаются мѣры противъ широкой гласности. Такіе шаги къ спеціализаціи уже отчасти приняты и въ Англіи путемъ назначенія особыхъ дней послѣ полудня для различныхъ категорій summons. Но этого недостаточно, такъ какъ все-таки самая разнородная масса дѣлъ остается въ рукахъ одного и того же судьи.

Мы говоримъ объ этой эволюціи, какъ о уже намѣчающейся, и возможно, что появленіе такихъ особыхъ судовъ не заставитъ себя долго ждать. Во всякомъ случаѣ оно явилось бы послѣдовательнымъ продолженіемъ происходящаго нынѣ развитія полицейскаго суда, какъ соціально-принудительнаго органа. Эта эволюція еще сильнѣе подчеркнетъ ту мысль, которую мы хотѣли воплотить въ нашей статьѣ, что дѣятельность мѣстнаго

суда на опредѣленныхъ стадіяхъ тѣсно сплетается съ дѣйствіемъ другихъ соціальныхъ факторовъ и становится однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ воздѣйствія, направленнаго на оздоровленіе общежитія и устраненіе препятствій и опасностей, подтачивающихъ его правильную жизнь.

П. И. Люблинскій.

Новая тюрьма въ Брюсселѣ.

Во время всемірной выставки 1910 года, привлекшей многія десятки тысячъ иностранцевъ, въ Брюсселѣ засѣдалъ длинный рядъ различныхъ съѣздовъ и конгрессовъ. Между прочимъ, въ первыхъ числахъ августа (2—7 августа), въ Palais des Academies происходилъ и международный конгрессъ союза криминалистовъ. Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Брюсселѣ, я, въ промежуткахъ между засѣданіями конгресса, подробно осмотрѣлъ новую тюрьму въ Брюсселѣ, которая въ то время достраивалась и не была еще открыта. Открыть ее предполагали въ концѣ октября или въ ноябрѣ 1910 года. То обстоятельство, что эта тюрьма еще не была открыта, не только не дѣлало въ моихъ глазахъ осмотръ ея неинтереснымъ или менѣе интереснымъ, но даже представляло преимущество въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, я могъ видѣть многія части построекъ, такъ сказать, еще не закрытыми окончательной отдѣлкой, могъ видѣть, изъ какого матеріала и какъ онѣ строятся.

Будучи знакомъ съ состояніемъ тюремнаго дѣла въ Бельгіи, я зналъ, что тюремная архитектура достигла высокаго развитія въ этой странѣ. Здѣсь прилагаютъ особенныя усилія, чтобы цѣлесообразно распланировать тюремныя зданія и построить ихъ изъ наиболѣе пригоднаго матеріала. Поэтому посмотрѣть на самый процессъ сооруженія тюрьмы въ Бельгіи для меня представляло особенный и большой интересъ. Между тѣмъ, въ постройкахъ уже совсѣмъ готовой и населенной тюрьмы многое, что можетъ интересовать криминалиста, иногда мало доступно наблюденію. Со стороны же своего внутренняго порядка и условій арестантской жизни новая тюрьма врядъ ли будетъ чѣмъ-либо существенно отличаться отъ другихъ второразрядныхъ тюремъ, которыя мнѣ

хорошо извѣстны и наиболѣе выдающіеся представители которыхъ описаны въ моей книгѣ о бельгійскихъ тюрьмахъ.

Я осматривалъ тюрьму въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, вмѣстѣ съ архитекторомъ M. Louis Bouckaert, контролеромъ всѣхъ бельгійскихъ тюремныхъ построекъ, (Controleur des constructions pénitentiaires au ministère de la justice), который съ большою любезностью и предупредительностью давалъ мнѣ объясненія [1]). Онъ подарилъ мнѣ, между прочимъ, экземпляръ плана тюрьмы.

Слѣдя по плану, я прошелъ съ нимъ всѣ части тюрьмы снизу доверху.

Въ постройкахъ тюрьмы несомнѣнно много интересныхъ деталей, на которыя намъ, русскимъ, можетъ-быть, особенно слѣдуетъ обратить вниманіе. Несомнѣнно, что мы наканунѣ постройки нѣсколькихъ новыхъ тюремъ и совершенно необходимо, чтобы при этихъ постройкахъ тѣ, кому вѣдать надлежитъ, присматривались къ опыту Запада и прислушивались къ мнѣніямъ свѣдующихъ людей. Иначе большія суммы казенныхъ денегъ, которыми такъ бѣдна Россія, будутъ брошены на вѣтеръ, какъ это у насъ и бывало. Надо помнить, что зданіе—вещь, въ тюремномъ дѣлѣ, не третьестепенной, а первостепенной важности. Если зданіе построено подъ руководствомъ людей мало свѣдующихъ въ тюрьмовѣдѣніи, оно почти навѣрное будетъ непригодно для осуществленія пенитенціарныхъ цѣлей, и эти недостатки его часто нельзя исправить иначе, какъ срывъ его до основанія и построивъ на его мѣстѣ новое.

Новая тюрьма находится рядомъ въ сенъ-жилльской тюрьмой (prison à Saint-Gilles). Она будетъ одновременно и мужской, и женской тюрьмой, и это, конечно, первый и крупный ея недостатокъ. Однако слѣдуетъ отмѣтить, что мужское и женское отдѣленія строго обособлены другъ отъ друга; пройдя черезъ главный входъ, арестантки идутъ налѣво, а арестанты — направо, и затѣмъ уже, при передвиженіяхъ въ тюрьмѣ, не встрѣчаются.

---

[1]) Надо замѣтить, что инспектированіе надъ тюрьмами распадается въ Бельгіи на 3 вѣтви: 1) наблюденіе за режимомъ и порядкомъ въ тюрьмахъ. Главнымъ инспекторомъ бельгійскихъ тюремъ, вѣдающимъ эту часть контроля состоитъ проф. Принсъ. 2) Контроль за счетоводствомъ и хозяйствомъ тюремъ; его вѣдаетъ controleur de la comptabilité des prisons; 3) наблюденіе за тюремными зданіями и постройками. Ср. Règlement général des prison, Art. 9.

Какъ показываетъ ея планъ, она построена по той же системѣ, какъ и сенъ-жилльская тюрьма, т.-е. представляетъ собою нѣсколько сходящихся въ центръ лучей, въ общемъ придающихъ ей форму какъ бы звѣзды.

Всѣхъ корпусовъ, наполненныхъ одиночными камерами и сходящихся въ центрѣ, четыре; два изъ нихъ, находящіеся въ лѣвой половинѣ плана (А и Б), образуютъ женское отдѣленіе, а два другіе, находящіеся въ правой половинѣ рисунка (В и Г),—мужское. Корпуса мужского отдѣленія вдвое длиннѣе корпусовъ женскаго отдѣленія.

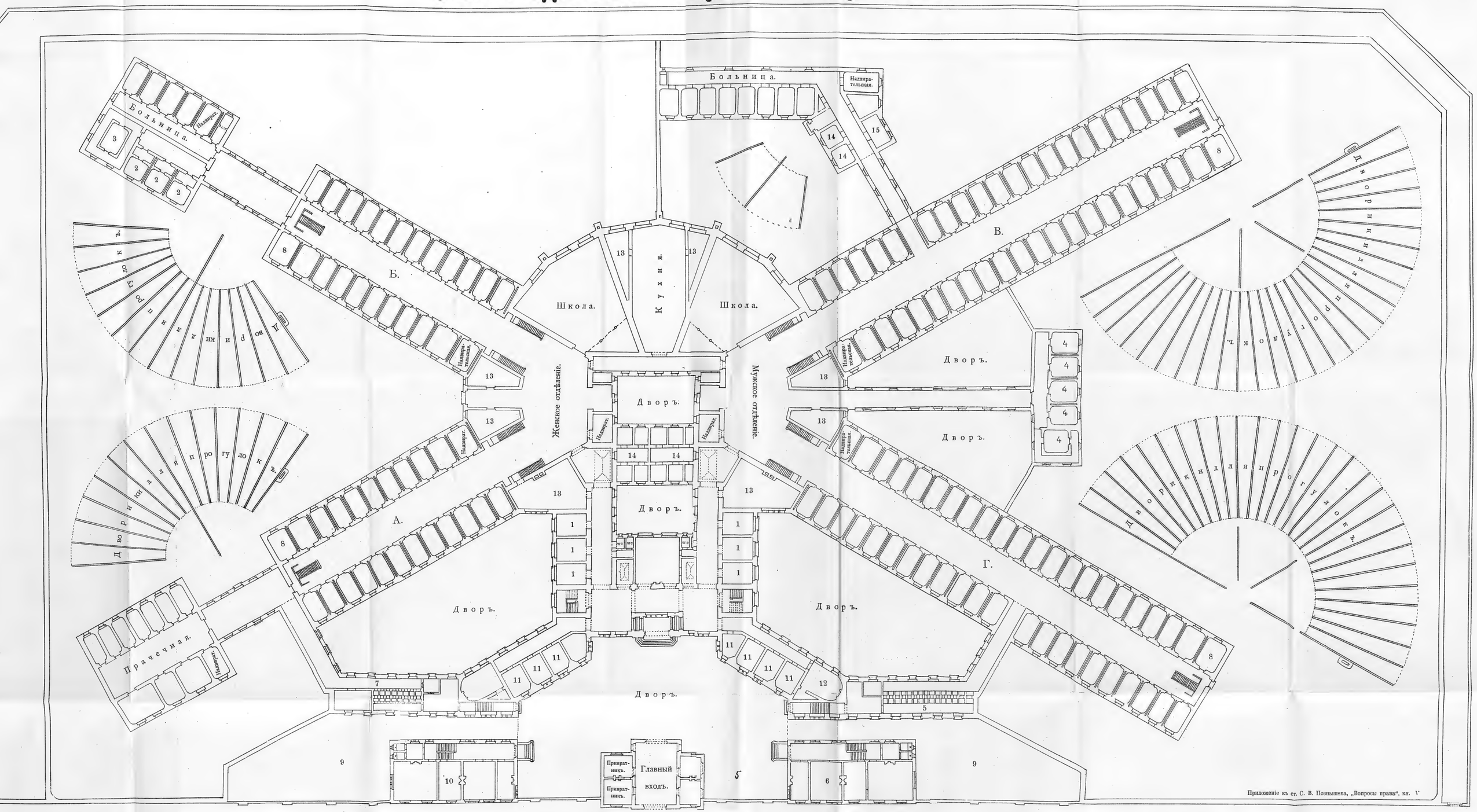
Интересно, прежде всего, отмѣтить, что тюрьма соединяется съ сосѣднею съ нею сенъ-жилльской тюрьмой длиннымъ подземнымъ ходомъ (тоннелемъ), по которому будутъ водить арестантовъ изъ одной тюрьмы въ другую. Этотъ весьма удобный, конечно, способъ сообщенія двухъ сосѣднихъ тюремъ (раздѣленныхъ, впрочемъ, довольно значительнымъ пространствомъ) мнѣ пришлось здѣсь видѣть впервые. Подземный ходъ этотъ представляетъ собою широкій коридоръ, стѣны котораго выложены прекрасными бѣлыми кафлями размѣра средняго кирпича.

Тюрьма разсчитана въ общемъ болѣе, чѣмъ на 400 человѣкъ; въ ней 270 одиночныхъ камеръ для мужчинъ и 130 для женщинъ. Камеры расположены въ 3 этажа. Кромѣ того, въ ней будетъ примѣняться и общее заключеніе по отношенію къ лицамъ, подлежащимъ высылкѣ въ Merxplas, Брюгге (женщины) и въ другія мѣста заключенія и остающимся въ данной тюрьмѣ день, много 2 или 3. Въ общемъ отдѣленіи тюрьмы имѣется 2 дортуара, мужской и женскій, въ первомъ 50 альковов для мужчинъ, во второмъ—30 для женщинъ.

Кромѣ альковов, въ мужскомъ отдѣленіи есть шесть камеръ двойного размѣра, по сравненію съ одиночными, куда имѣется въ виду помѣщать по 3 мужчинъ, почему-либо не подлежащихъ одиночному заключенію, напр., не переносящихъ его и т. п. Двухъ въ одну камеру помѣщать избѣгаютъ; предпочитаютъ помѣщать трехъ. Въ женскомъ отдѣленіи такихъ двойныхъ камеръ нѣтъ.

Такъ какъ бельгійцы не терпятъ праздности въ тюрьмахъ, то и для тѣхъ мимолетныхъ сидѣльцевъ, которые будутъ содержаться въ общемъ заключеніи, они приго-

Новая одиночная тюрьма въ Брюсселѣ.



1. Комнаты для совмѣстныхъ работъ. 2. Карцеры для женщинъ. 3. Комната для наблюденій за проявляющими признаки душевнаго разстройства. Мужскіе карцеры и комната для наблюденій. 5. Комната свиданій мужского отдѣленія. 6. Квартира директора. 7. Комната свиданій женскаго отдѣленія. 8. Pistole. 9. Садъ. 10. Жилище монахинь-надзирательницъ. 11. Помѣщенія канцеляи. 12. Залъ засѣданій административной комиссіи тюрьмы. 13. Цейхгаузы и кладовыя. 14. Бани. 15. Кабинетъ врача.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

товили въ нижнемъ этажѣ шесть комнатъ, въ которыхъ для нихъ будутъ организованы мастерства и занятія; такихъ комнатъ по нѣскольку и въ мужскомъ, и въ женскомъ отдѣленіи (см. планъ 1). Это—хорошій примѣръ для насъ. У насъ, хотя бы, напр., въ Москвѣ, нерѣдко слышишь, что для организаціи тѣхъ или иныхъ работъ въ тюрьмахъ нѣтъ мѣстъ. О мѣстахъ для работъ надо думать при самой постройкѣ тюрьмы, а не разыскивать ихъ потомъ, когда тюрьма уже открыта и наполнена арестантами.

Для прогулокъ арестантовъ, сидящихъ въ одиночномъ заключеніи, имѣются 54 préaux, съ разсчетомъ на 5 смѣнъ гуляющихъ: 54×5=270. Эти дворики—длиннѣе, но уже, чѣмъ въ с.-жилльской тюрьмѣ [1]). На каждые 27 двориковъ имѣется въ виду ставить, для наблюденія за гуляющими, одного надзирателя. Для женщинъ имѣется 28 двориковъ для прогулки, расположенныхъ двумя полукругами, по 14 двориковъ въ каждомъ.

И въ мужскомъ, и въ женскомъ отдѣленіи есть комнаты свиданій (планъ 5 и 7), около которыхъ находятся довольно обширныя комнаты, въ которыхъ посѣтители будутъ ожидать свиданій. Комнаты свиданій—обычнаго въ бельгійскихъ тюрьмахъ типа [2]). Онѣ представляютъ собою довольно обширныя комнаты, разгороженныя перегородками на двѣ части. Перегородки эти съ каждой стороны разбиты на рядъ будочекъ, запирающихся дверями. Въ мужскомъ отдѣленіи будочекъ 14 для арестантовъ и 14 для посѣтителей, а въ женскомъ—по 8. Устройство ихъ отчасти видно на планѣ. Бельгійскій типъ устройства комнаты свиданій, по моему убѣжденію, лучше французскаго и того, который примѣняется у насъ, этихъ двухъ рѣшетокъ, между которыми ходятъ надзиратели и около которыхъ толпятся и кричатъ арестанты и посѣтители. При бельгійской системѣ будочекъ арестантъ и посѣтитель могутъ болѣе уединиться и шума менѣе.

Въ каждомъ отдѣленіи имѣется, далѣе, довольно об-

---

[1]) Одинъ изъ двориковъ для прогулки (préaux) с.-жилльской тюрьмы мною снятъ. См. рисунокъ въ моей книгѣ о бельгійскихъ тюрьмахъ (между 36 и 37 страницами).

[2]) Ср. мою книгу *Бельгійскія тюрьмы*, стр. 33.

ширное помѣщеніе для школы. Это—также довольно поучительно для насъ. Школа здѣсь давно уже признана необходимой и о помѣщеніи для нея думаютъ при самой постройкѣ тюрьмы. Примѣръ, достойный подражанія съ нашей стороны.

Каждое отдѣленіе имѣетъ свою больницу, состоящую изъ нѣсколькихъ келій; въ больничномъ корпусѣ женскаго отдѣленія будутъ помѣщаться карцеры для женщинъ (планъ, 2) и такъ называемая комната для наблюній за лицами, проявляющими признаки душевнаго разстройства (планъ, 3). Мужскіе карцеры помѣщаются совсѣмъ отдѣльно отъ больницы мужского отдѣленія; при нихъ также имѣется комната, куда будутъ изолироваться арестанты, психическое состояніе которыхъ представляется подозрительнымъ, впредь до выясненія вопроса о ихъ душевномъ здоровьѣ (планъ, 4).

Проходя по тюрьмѣ, я видѣлъ большую кухню, нѣсколько обширныхъ помѣщеній для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей, для цейхгаузовъ и кладовыхъ (планъ, 13) и бани. Баня устроена въ видѣ нѣсколькихъ одиночныхъ камеръ съ ванными (планъ 14). Прачечная также состоитъ изъ группы одиночныхъ камеръ. Принципъ одиночнаго заключенія строго приводится въ Бельгіи; и въ школѣ, и въ церкви, и въ банѣ, и въ больницѣ арестантъ продолжаетъ оставаться въ одиночномъ заключеніи, находясь или въ особой одиночной камерѣ, или (въ церкви, школѣ и въ комнатѣ свиданій) въ особой будочкѣ. Выйдя изъ камеры, онъ надѣваетъ маску и снимаетъ послѣднюю, только когда за нимъ захлопнется дверь новой камеры или будочки.

Обращаясь къ деталямъ построекъ, я долженъ, прежде всего, отмѣтить, что очень многіе матеріалы для постройки получены изъ колоніи для бродягъ—Merxplas; оттуда получены нѣкоторые сорта кирпича, изъ котораго построены стѣны тюрьмы; тамъ сдѣланы окна и двери камеръ и мн. др. Но много и купленныхъ матеріаловъ. Другую интересную черту новой тюрьмы представляетъ устройство вентиляціи въ коридорахъ и камерахъ и освѣщеніе крыльевъ тюрьмы. Вмѣсто большихъ оконъ въ потолкѣ, которыя имѣются въ сенъ-жилльской и лувенской тюрьмахъ, окна въ новой тюрьмѣ устроены по бокамъ коридора, надъ дверями

камеръ подъ потолкомъ [1]). Съ каждой стороны имѣется рядъ такихъ оконъ, какъ это отчасти можно видѣть на планѣ, гдѣ эти окна представлены въ видѣ маленькихъ четыреугольниковъ идущихъ по наружнымъ краямъ корпусовъ съ кельями. M-r Bouckaert сказалъ мнѣ, что такое устройство оконъ онъ считаетъ лучшимъ по двумъ основаніямъ: во-первыхъ, стекла—цѣлѣе, болѣе защищены (отъ снѣга, дождя и т. п.) и, во-вторыхъ, при открытіи оконъ двухъ сторонъ, получаются весьма сильные токи воздуха, которые быстро вентилируютъ коридоръ и проникаютъ въ камеры черезъ вентиляторы, имѣющіеся въ нижней части стѣны камеръ, выходящей въ коридоръ, и выходятъ черезъ верхніе вентиляторы. Въ камерахъ получается сильная циркуляція воздуха.

Около нижняго вентилятора въ камерахъ имѣется нѣсколько въ видѣ гармоніи расположенныхъ трубъ, отапливающихъ камеру. На каждую камеру приходится одинъ квадратный метръ отапливающихъ ее трубъ. Освѣщаться камеры, какъ вся вообще тюрьма, будутъ газомъ.

Полъ въ камерахъ нижняго этажа паркетный, а въ остальныхъ этажахъ—каменный. Опоясывающіе ярусы келій металлическіе балкончики имѣютъ также каменный полъ. Всѣ постройки тюрьмы отличаются солидностью и несомнѣнной прочностью.

Вотъ, напримѣръ, какъ сдѣланы полы нижняго этажа келій: на кирпичный полъ наливается асфальтъ и, пока онъ еще не остылъ, накладываютъ длинные бруски паркета; въ другихъ этажахъ вмѣсто паркета и асфальта накладываются особыя плитки камня. Стѣны камеръ—двойныя, какъ отчасти можно видѣть на планѣ, и достаточно толсты, чтобы не давать сидящимъ въ сосѣднихъ камерахъ арестантамъ перестукиваться. Каждая стѣна представляетъ какъ бы двѣ стѣны, раздѣленныя пустотой въ нѣсколько сантиметровъ (0^{m}, 05). Этой пустой серединѣ придается большое значеніе; она сильно мѣшаетъ постукиваніямъ. Дѣйствительно, я пробовалъ стучать въ стѣну и не получалъ никакого звука. Во-

---

[1]) Нѣчто подобное я видѣлъ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ тюрьмахъ, напр., въ тюрьмѣ въ Regensdorf. См. описаніе этой тюрьмы въ моей книгѣ о Швейцарскихъ тюрьмахъ и колоніяхъ для безработныхъ.

обще въ Бельгіи употребляютъ всѣ усилія, чтобы помѣшать арестантамъ перестукиваться. Ради этой цѣли отказываются иногда отъ нѣкоторыхъ техническихъ усовершенствованій. Такъ, напримѣръ, въ новой тюрьмѣ вода не проведена по камерамъ, какъ въ сенъ-жильской тюрьмѣ, потому что, какъ мнѣ говорилъ архитекторъ, замѣчено, что арестанты пользуются водопроводными трубами для переговоровъ. Съ моей точки зрѣнія, эти переговоры не составляютъ большой бѣды и должны бы предотвратиться главнымъ образомъ размѣщеніемъ арестантовъ. Притомъ, совершенно устранить ихъ, мнѣ думается все равно никогда не удастся.

Въ виду отсутствія въ камерахъ проведенной воды въ нихъ не могъ быть устроенъ и промывной клозетъ, который существуетъ въ нѣкоторыхъ французскихъ, американскихъ и другихъ тюрьмахъ.

По своимъ размѣрамъ и устройству камеры новой тюрьмы ни въ чемъ замѣтно не отличаются отъ камеръ сенъ-жилльской тюрьмы. И внутренняя обстановка ихъ, какъ я слышалъ, будетъ совершенной копіей обстановки камеръ сень-жилльской тюрьмы. Въ общемъ размѣры бельгійскихъ камеръ (4 метра глубины, въ $2^1/_2$ м. ширины и 3 м. высоты = 30 куб. м.) и ихъ обстановка весьма цѣлесообразны. Въ нихъ много свѣта и воздуха и обыкновенно образцовая чистота. Такъ же, какъ и въ большинствѣ бельгійскихъ тюремъ, въ новой тюрьмѣ, кромѣ обыкновенныхъ камеръ, имѣется нѣсколько такъ называеемыхъ cellules de pistole [1]), т.-е. камеръ нѣсколько большихъ размѣровъ и лучше обставленныхъ; въ нихъ помѣщаются тѣ изъ послѣдственныхъ арестантовъ, которые за это платятъ установленную министерствомъ юстиціи ежедневную плату (25 сант. въ день).

Таковы главныя черты новой тюрьмы.

С. В. Познышевъ.

---

[1]) Планъ 8. Для этихъ камеръ министромъ юстиціи van den Heuver утвержденъ 15 Мая 1906 г. особый списокъ предметовъ, которые должны въ нихъ быть. См. Instructions relatives au service des prisons. 1906 стр. 63.

Къ вопросу о значеніи свидѣтельскихъ показаній.

(Опытъ).

Вопросъ о дѣйствительномъ значеніи свидѣтельскихъ показаній, какъ средства доказыванія въ процессѣ, не перестаетъ занимать какъ психологовъ, такъ и юристовъ. Съ легкой руки ученыхъ, положившихъ начало научному изслѣдованію вопроса — экспериментальными наблюденіями надъ вниманіемъ и памятью у дѣтей школьнаго возраста (Бине, Нечаевъ и др.), появилось много опытовъ и работъ, изслѣдующихъ вниманіе и память у взрослыхъ. Первой изъ работъ этого рода былъ трудъ пр.-д. В. Штерна, предпринятый имъ совмѣстно съ проф. Кономъ и повторенный позднѣе многими другими, въ частности у насъ—пр.-доц. Бернштейномъ [1]) и проф. Елистратовымъ и Завадскимъ [2]). Сущность опыта Штерна заключалась въ предъявленіи нѣсколькимъ лицамъ различныхъ рисунковъ, которые эти лица должны были разсматривать въ продолженіе извѣстнаго количества секундъ и затѣмъ подробно описывать. Описанія повторялись чрезъ извѣстные промежутки времени. Ученая критика уже отмѣтила, что опыты эти, несмотря на всю цѣнность добытыхъ ими психологическихъ данныхъ, страдали внутреннимъ порокомъ — въ силу самыхъ условій своей постановки. Общія условія для воспріятія были въ высокой степени благопріятны. Рисунокъ оставался достаточно продолжительное время въ рукахъ наблюдающаго, послѣдній былъ предупрежденъ объ опытѣ, вниманіе его спеціально напрягалось. Но, съ другой стороны, вниманіе направлялось на мертвый рисунокъ, оно

---

[1]) Проблемы психологіи, вып. I. Пр.-д. *А. Н. Бернштейнъ*, Воспоминаніе и дѣйствительность, стр. 152 и сл.

[2]) Труды Юридическаго Общесгва при И. Каз. Университетѣ за 1903 г.

не характеризовалось тѣми чертами, которыми сопровождается воспріятіе живой дѣйствительности съ ея капризнымъ движеніемъ, яркими красками и звуками, наконецъ, съ ея неожиданностью.

Этими соображеніями объясняется появленіе серіи другихъ опытовъ, опытовъ надъ воспріятіемъ и запоминаніемъ событій живыхъ сценъ. Одинъ изъ опытовъ этого рода былъ произведенъ у насъ редакціей журнала „Судебное Обозрѣніе", предложившей всѣмъ желающимъ описать сцену убійства Цезаря, какъ она разыгрывается артистами художественнаго театра въ пьесѣ Юлій Цезарь. Въ этомъ опытѣ былъ тотъ же основной недостатокъ, подготовленность зрителя и, слѣдовательно, усиленное напряженіе его вниманія. Попытку устранить этотъ элементъ и получить показанія лицъ, для которыхъ событіе или сцена были совершенно неожиданны, впервые сдѣлалъ проф. Листъ и, позднѣе, проф. Липманъ [1]). Подготовленная заранѣе сцена разыгрывалась внезапно; лица, присутствующія при ней, до самаго конца оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно дѣйствительнаго смысла происходившаго и вполнѣ искренне давали свои показанія. Но и при такихъ условіяхъ, думается мнѣ, налицо былъ одинъ моментъ, который, не затрогивая вниманія зрителей, не могъ въ то же время не отразиться на степени напряженія ихъ памяти, а слѣдовательно и на качествѣ показаній: я разумѣю отсутствіе у свидѣтелей сознанія и чувства отвѣтственности за ихъ показанія. Глубокая разница лежитъ между показаніями, которыя свидѣтель даетъ по просьбѣ профессора съ единственной цѣлью возстановить дѣйствительную картину событія, и тѣми показаніями, въ результатѣ которыхъ виновный долженъ понести заслуженную кару.

Я сдѣлалъ попытку произвести опытъ такого рода, чтобы показанія давались свидѣтелями съ полнымъ сознаніемъ ихъ отвѣтственности. Участниками опыта были студенты университета. Сцена, прекрасно разученная и проведенная четырьмя студентами, съ которыми я вошелъ

---

[1]) Beiträge zur Psychologie der Aussage, hersg. v. Stern, 1903, erste Folge. Въ нашей литературѣ опытъ *Листа* реферированъ у *Щегловитова*, Непроизвольное искаженіе истины въ свидѣтельскихъ показаніяхъ по новѣйшимъ наблюденіямъ. Право 1902 г. стр. 925, и у *Бернштейна*, ук. с., стр. 163 и сл.; опытъ *Липмана*—у *Гольдовскаго*,—Проблемы, стр. 95 и сл.

въ соглашеніе, произвела огромное впечатлѣніе на аудиторію. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, въ особенности женщины, были взволнованы до испуга.

Вотъ содержаніе самой сцены. За 10 минутъ до звонка въ аудиторію, гдѣ я читалъ лекцію, съ шумомъ, хлопая дверью и топая, входитъ студентъ Зубелевичъ, садится рядомъ съ студ. Кузьминыхъ на 3-ю парту справа (считая отъ каѳедры), около прохода, говоритъ: „ну, подвинься", при чемъ самъ подвигаетъ его плечомъ и громко спрашиваетъ: „о чемъ тамъ читаютъ?" Кузьминыхъ отвѣчаетъ: „что ты шумишь, мѣшаешь слушать, это безобразіе! Зубелевичъ возражаетъ: „а тебѣ какое дѣло, я такъ хочу!" Тогда студ. Евтифеевъ, сидящій черезъ проходъ отъ Кузьминыхъ, восклицаетъ: „это возмутительно, господа! Зубелевичъ, уходите вонъ!" Голосъ его возмущенный, самъ онъ привстаетъ. Зубелевичъ кричитъ: „а, ты такъ!..", встаетъ, правой рукой замахивается на Евтифеева. Сидящій непосредственно сзади него студ. Прейсманъ удерживаетъ его руку, Зубелевичъ поворачивается и лѣвой рукой толкаетъ Евтифеева съ такой силой, что тотъ падаетъ на парту. Прейсманъ и Кузьминыхъ схватываютъ Зубелевича за руки и тащатъ къ выходу, онъ сопротивляется, но его немедленно выводятъ. Я говорю: „Господа, при такихъ условіяхъ я не могу продолжать лекцію" и ухожу.

На другой день, строго соблюдая тайну, я заявилъ студентамъ, что поведеніе З. на моей лекціи глубоко меня оскорбило, но я не хотѣлъ бы передавать все происшедшее на разсмотрѣніе дисциплинарнаго суда, такъ какъ боюсь за послѣдствія для З., и поэтому предлагаю разобрать весь случай товарищескимъ судомъ. Аудиторія присоединилась къ этому предложенію съ видимымъ удовольствіемъ. Изъ числа студентовъ, не присутствовавшихъ на злополучной лекціи, было избрано трое судей, студенты А., М. и кн. М., а затѣмъ рядъ свидѣтелей дали устныя показанія.

Общій характеръ показаній не отличался большой увѣренностью. Большинство свидѣтелей показывало: „кажется, казалось, не вполнѣ помню, насколько я припоминаю; я была такъ взволнована, что не замѣтила". Только свидѣтель Д. началъ свой разсказъ совершенно увѣренно, но и тотъ, при дальнѣйшихъ разспросахъ, замѣнилъ свои: „я хорошо, я ясно помню"—болѣе скром-

нымъ и осторожнымъ „кажется“. Событіе, въ наиболѣе общихъ его чертахъ, изображалось правильно. Шумно вошелъ З., наскандалилъ и былъ выведенъ изъ аудиторіи, лекція прервалась. Но въ деталяхъ наблюдались уклоненія отъ дѣйствительности, какъ пропуски, такъ и прибавки, порой довольно крупныя.

Свидѣтель Д. показалъ, что онъ *видѣлъ* какъ З. *ударилъ Евтифеева кулакомъ*, что онъ *слышалъ*, какъ *раздался ударъ*. Выведенъ былъ З. изъ аудиторіи студентами Прейсманомъ, *Евтифеевымъ* и еще *кѣмъ-то*. Этотъ фактъ подтвержденъ былъ также свидѣтелями См-вымъ и С-вымъ, при чемъ послѣдній назвалъ среди выводившихъ студента П., который, на дѣлѣ, не принималъ въ сценѣ никакого участія. С-въ показалъ также, что *З. схватилъ за грудь Кузьминыхъ и ударилъ Е. наотмашь*. Свидѣтель Ж. отрицалъ этотъ фактъ, утверждая только, что З. толкнулъ Е. правой рукой.

Двѣ свидѣтельницы Б. и Ч. могли показать только самыя главныя черты событія, рѣзко-грубую сцену: З. дрался или его били, или вообще *кого-то били*. При этомъ свидѣтельница Б. не помнила *ни одного слова*, будто словъ вовсе не было сказано. Но въ ея показаніи обратилъ на себя вниманіе одинъ моментъ: ей показалось, что З. входилъ въ аудиторію съ какимъ-то *ясно выраженнымъ намѣреніемъ* и мѣсто, на которое онъ сѣлъ, онъ *какъ бы выбиралъ*. Ни одинъ изъ другихъ свидѣтелей этого не отмѣтилъ.

Самое полное и наиболѣе близкое къ дѣйствительности показаніе дала свидѣтельница Б-ва. Она припомнила всѣ сказанныя З. и другими слова, почти безъ ошибокъ передала всѣ движенія, при чемъ вела свой разсказъ съ такой искренностью и съ такой степенью осторожности въ своихъ обобщеніяхъ, что показаніе ея произвело очень сильное впечатлѣніе.

Отмѣчу, что, за исключеніемъ послѣдней свидѣтельницы, почти никто изъ свидѣтелей не могъ воспроизвести сказанныхъ участниками сцены словъ. Запоминались только отдѣльныя отрывочныя восклицанія, неопредѣленные возгласы. Что касается мѣста, на которомъ сидѣлъ Кузьминыхъ и куда подошелъ З., то въ этомъ пунктѣ всѣ показанія сплошь были неточны: указыва-

лась скамья справа и только, а которая она по счету, никто не могъ опредѣлить. Время событія опредѣлялось почти всѣми—за 15 минутъ до конца лекціи (на дѣлѣ за 10 минутъ). Одна изъ свидѣтельницъ показала — за 20 минутъ. Общій видъ З. рисовался большинству какъ видъ человѣка, очень возбужденнаго. Почти всѣ сочли его не совсѣмъ трезвымъ, цвѣтъ его лица нашли блѣднымъ, хотя свидѣтель С. показалъ, что З. былъ необыкновенно красенъ.

Послѣ допроса свидѣтелей я открылъ аудиторіи, что вся сцена была заранѣе подготовлена и разыграна. Замѣтно было нѣкоторое движеніе недовольства и даже протеста противъ заблужденія, въ которое я ввелъ своихъ слушателей. Это объяснялось той искренностью, съ которой давались показанія и съ которой всѣ студенты слѣдили за ходомъ дѣла. Движеніе немедленно улеглось, какъ только я объяснилъ значеніе произведеннаго опыта. Судьи, по моей просьбѣ, представили мнѣ письменное изложеніе той картины, которая рисовалась имъ на основаніи выслушанныхъ показаній свидѣтелей. Къ единогласнымъ выводамъ они не пришли, и я получилъ два заключенія.

Студенты М. и кн. М. дали такое заключеніе: „Приблизительно за 15 минутъ до конца лекціи въ аудиторію шумно, стуча дверями, вошелъ *блѣдный, взволнованный* студентъ З. *Слегка покачиваясь*, онъ прошелъ нѣсколько партъ, остановился *около той, на которой сидѣлъ* студентъ Кузьминыхъ, и, грубо попросивъ его подвинуться, въ то же время самъ сдвинулъ его съ мѣста. К. громко, вызывающимъ голосомъ заявилъ, что З. мѣшаетъ слушать лекцію. Студентъ Евтифеевъ съ мѣста крикнулъ: „вонъ отсюда“. Въ аудиторіи поднялся шумъ, слышались отдѣльные возгласы: „это безобразіе“... Студенты Прейсманъ, *Евтифеевъ* и Кузьминыхъ, несмотря на сопротивленіе З., вывели его изъ аудиторіи. Профессоръ заявилъ, что онъ при такихъ условіяхъ не можетъ читать лекцію. Лекція прекратилась“.

Студентъ А., въ первой части своего заключенія, говоритъ то же самое, но описываетъ также и имѣвшую мѣсто борьбу. По его убѣжденію З. *схватилъ за грудь* К. „Что произошло послѣ этого, продолжаетъ онъ, не уда-

лось съ точностью установить, такъ какъ показанія свидѣтелей были настолько сбивчивы и разнорѣчивы, что, основываясь на нихъ, нельзя сказать что-либо опредѣленное. Несомнѣнно лишь то, что послѣ возгласа Е. въ аудиторіи произошла общая сумятица. З. сначала *размахивалъ руками* и даже, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, *наотмашь ударилъ* Е., но потомъ былъ выведенъ изъ аудиторіи студентами Прейсманомъ, *Евтифеевымъ* и Кузьминыхъ".

На заключеніяхъ судей, такимъ образомъ, ясно отразилось все разнорѣчіе свидѣтельскихъ показаній. Судьи М. и кн. М. пропустили всю сцену борьбы между З. и товарищами. Судья А., напротивъ, прибавилъ къ ней подробности, которыхъ въ дѣйствительности не было.

Выводы. Свидѣтели давали свои показанія, сознавая, что на нихъ лежитъ серьезная отвѣтственность. Это усуглублялось тѣмъ, что возмущеніе товарищей поведеніемъ студента З. было чрезвычайно велико. Надо замѣтить, что на другой день послѣ опыта, утромъ, З. явился ко мнѣ и просилъ меня возможно скорѣе реабилитировать его предъ товарищами, такъ какъ они хотятъ расправиться съ нимъ своимъ судомъ. Время, протекшее между событіемъ и показаніями о немъ, было не велико: сутки; свѣжесть памяти поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что о скандалѣ въ моей аудиторіи говорилъ весь университетъ. И тѣмъ не менѣе, даже въ основныхъ и, *юридически*, наиболѣе важныхъ чертахъ событія— часть свидѣтелей ошибалась. Къ числу такихъ ошибокъ я отношу указаніе на то, что З. схватилъ за грудь К. и ударилъ Е. Менѣе важными, но симптоматическими ошибками являются неправильныя указанія на *время* событія и недостаточно отчетливыя указанія на *мѣсто*, гдѣ разыгралась главная сцена. Большинство превратило возможное *предположеніе* въ дѣйствительный фактъ: З. приняли за пьянаго, нетрезваго и т. д., причемъ одному изъ свидѣтелей даже цвѣтъ его лица показался краснымъ.

Показанія, полученныя отъ женщинъ, оказались наиболѣе цѣнными: одна изъ свидѣтельницъ дала вообще самое правильное и полное показаніе, другая уловила

такую подробность, которая никѣмъ не была замѣчена, но которая грозила погубить весь опытъ.

Эти выводы въ значительной своей части совпадаютъ съ тѣми, которые отмѣчены Липманомъ[1]) и Гарро[2]).

Н. Н. Розинъ.

---

[1]) *O. Lipmann*, Reformvorschläge zur Zeugenvernehmung vom Standpunkte des Psychologen, H. Gross'Archiv. 1905 S. 68 ff.

[2]) *R. Garraud*, Traité d'instruction criminelle, I, 1907 p. 549 suiv.

Къ вопросу о наказуемости шантажа по русскому праву.

Шантажъ — т.-е. принужденіе другого лица посредствомъ угрозы оглашеніемъ позорящихъ его свѣдѣній къ уступкѣ какихъ-либо правъ по имуществу или къ передачѣ имущественныхъ благъ — дѣйствующему русскому праву—Уложенію о наказаніяхъ 1845 г. и Уставу о наказаніяхъ 1885 года,—какъ delictum sui generis неизвѣстенъ. Не подходитъ и по своему фактическому составу шантажъ ни подъ одну изъ карательныхъ нормъ обоихъ кодексовъ,—нормъ, устанавливающихъ признаки другихъ преступленій, какъ это имѣетъ мѣсто въ германскомъ правѣ, гдѣ понятіе шантажа поглощается понятіемъ вымогательства (Erpressung). Такимъ образомъ шантажъ по дѣйствующему нашему праву преступленіемъ не является.

Судебная практика и комментаторы права пришли къ этому—нынѣ безспорному положенію—послѣ нѣкоторыхъ колебаній. Первоначально сенатъ, а вслѣдъ за нимъ и Неклюдовъ, рѣзко критиковавшій практику сената, отожествляли фактическій составъ шантажа съ фактическимъ составомъ иныхъ преступленій, примѣняя къ случаямъ шантажа нормы, къ нему не относящіяся. Такихъ попытокъ смѣшенія понятій различныхъ деликтовъ было сдѣлано нѣсколько.

1. Шантажъ отожествлялся съ мошенничествомъ: въ рѣшеніи по дѣлу Соколовскаго (1871 г. № 91) сенатъ въ фактическихъ обстоятельствахъ разбираемаго случая нашелъ признаки мошенническаго обмана [1]) и примѣнилъ 2 п. 174 ст. уст. о нак. Данное рѣшеніе принципіальнаго значенія не имѣетъ: можетъ-быть, сенатъ допустилъ, какъ утверждаетъ Неклюдовъ [2]), „видимое искаженіе принятыхъ судомъ за основаніе приговора обстоятельствъ дѣла“, но понятія шантажа съ понятіемъ мошенничества

въ данномъ случаѣ сенатъ не отожествилъ. Поэтому нельзя согласиться съ общепризнаннымъ мнѣніемъ [1]), и утверждать, что въ этомъ рѣшеніи сенатъ „подводилъ шантажъ подъ постановленія о мошенничествѣ“ [2]),—въ этомъ рѣшеніи сенатъ измѣнилъ фактическія обстоятельства конкретнаго случая настолько, что дѣйствіе виновнаго изъ угрозы огласить позорящія свѣдѣнія превратилось въ мошенническій обманъ.

Принципіальное значеніе имѣетъ рѣшеніе сената по дѣлу Мельмана (1871 г. № 712). Указывая на то, что „угроза нравственнымъ насиліемъ“ не подходитъ подъ понятіе вымогательной угрозы, предусмотрѣнной 1545 ст. ул. о нак., сенатъ говоритъ: „Угрозы поступленіемъ по закону, когда онѣ дѣлаются съ корыстной цѣлью, чтобы выманить что-либо у угрожаемаго, составляютъ одинъ изъ видовъ мошенничества, но никогда не могутъ быть признаны насиліемъ или принужденіемъ“. Ту же точку зрѣнія проводитъ сенатъ въ (не напечатанномъ въ сборникѣ рѣшеній) [3]) рѣшеніи по дѣлу Тростянскаго отъ 21-го января 1897 г.: „Дѣяніе обвиняемаго, состоящее въ томъ, что онъ, подъ угрозой донести полиціи о замѣченныхъ будто бы имъ нарушеніяхъ потерпѣвшимъ правилъ устава строительнаго, выманилъ у него три рубля, ближе всего подходитъ подъ дѣйствіе 2 п. 174 ст. Уст. о Нак.“ Теорія сената находитъ защитника въ лицѣ Лохвицкаго: „выраженіе 2 пункта 174 ст. Мир. Уст., которымъ признано мошенничествомъ не только выманиваніе опредѣленными исчисленными способами, но „или инымъ мошенническимъ образомъ“ такъ эластично, что даетъ судьѣ возможность подвести шантажъ подъ мошенничество“ [1]).

---

[1]) Соколовскій обвинялся въ томъ, что, будучи долженъ крестьянамъ Копженку и другимъ 60 р., выманилъ у нихъ какъ эти 60 руб., такъ и еще 90 р., угрожая имъ, что ежели они не дадутъ ему этихъ денегъ, то онъ заявитъ о растратѣ ими 2 хъ четвертей льна, который они годъ тому назадъ перевозили. Сенатъ нашелъ, что „мошенничествомъ по улож. о нак. (1665 ст.) признается всякое посредствомъ какого-либо обмана похищеніе чужихъ вещей или денегъ“, что „Соколовскій обманулъ помянутыхъ крестьянъ, *присваивая себѣ въ глазахъ ихъ не принадлежащее ему право возбуждать уголовное противу нихъ преслѣдованіе по постороннему для него и уже покрытому давностью дѣлу*, и этимъ путемъ выманилъ у нихъ 150 р.“, и что такимъ образомъ „поступокъ его подходитъ подъ одинъ изъ видовъ мошенничества, а именно подъ предусмотрѣнный 2 п. 174 ст. уст. о нак.“.

[2]) *Неклюдовъ*, Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права, гл. II, 258.

Можно считать въ настоящее время безспорнымъ то положеніе, что отожествленіе мошенничества и шантажа представляется грубой ошибкой, свойственной, правда, не только нашему праву: австрійская и французская судебная практика допускали такое смѣшеніе [2]). Ошибка сводится къ неправильной конструкціи преступнаго дѣйствія при шантажѣ, къ отожествленію психическаго принужденія жертвы съ введеніемъ жертвы въ заблужденіе. Жертва обмана не сознаетъ невыгоднаго для себя значенія своего дѣйствія и подъ вліяніемъ такого заблужденія дѣйствуетъ; жертва шантажа сознаетъ, какой вредъ принесетъ ей это дѣйствіе и предпринимаетъ его только для того, чтобы избѣжать большаго зла [3]). Это различіе въ воздѣйствіи на потерпѣвшаго, обусловленное различіемъ въ способахъ дѣйствія при мошенничествѣ съ одной стороны, и при шантажѣ, съ другой, проводитъ рѣзкую грань между обоими деликтами.

Въ частности, 2 пунктъ 174 ст. уст. о нак., говоря объ „иномъ мошенническомъ образѣ", указываетъ на не перечисленныя въ законѣ формы *мошенническаго обмана*, точно опредѣляя этимъ способъ дѣйствія. Толкованіе Лохвицкаго было бы правильно, если бы законъ былъ редактированъ такъ: „кто выманитъ у кого-либо деньги или вещи чрезъ сообщеніе ложныхъ свѣдѣній или... инымъ образомъ", т. е. если бы слово „мошенническимъ" было опущено. Тогда всякое выманиваніе—и путемъ угрозы огласить обстоятельство, позорящее честь, подошло бы подъ дѣйствіе 2 ч. 174 ст. Уст. о Нак.

2) Шантажъ отожествляется съ принужденіемъ къ дачѣ обязательствъ (ст. 1686 ул. о нак.), т.-е. съ однимъ изъ видовъ вымогательства, предусмотрѣнныхъ улож. о нак. Этотъ взглядъ проводитъ сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Петрусей (1897 года, № 14): „дѣяніе подсудимыхъ, сводящееся къ вынужденію угрозой нравственнаго насилія потерпѣвшаго къ отдачѣ въ огражденіе своей чести и добраго имени отъ ложнаго доноса и его послѣдствій

---

[1]) Неклюдовъ, Набоковъ, Познышевъ, Фойницкій, Баженовъ, Соловьевъ.
[2]) Фойницкій, Курсъ уголовнаго права, 1907, 142.
[3]) Приведено въ изданіи *Таганцева* Уставъ о Наказаніи, 1907, 482.
[1]) Лохвицкій, Курсъ русскаго уголовнаго права, 1871, 689.
[2]) Reinhold, Die chantage. 32, 51.
[3]) Reinhold, l. c. 102.

векселей съ передаточными надписями указанному подсудимыми лицу... является предусмотрѣннымъ ст. 1686 улож. о нак., по силѣ коей подвергается уголовному взысканію каждый, кто угрозами заставитъ кого-либо написать, выдать или подписать какое-либо на себя обязательство или же отречься отъ какого-либо права или иска"...

Чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, подходитъ ли разбираемый въ рѣшеніи сената случай шантажа подъ ст. 1686, надо установить, какія угрозы имѣетъ въ виду законъ: *всякія ли* угрозы, „способныя вызвать страхъ и подчинить угрожаемаго волѣ угрожавшаго", или угрозы *опредѣленнымъ* зломъ—угрозы наказуемыя, предусмотрѣнныя стт. 1545, 1546, 1548 улож. о нак. и стт. 139, 140 и 141 уст. о нак. Если признать, что законъ говоритъ лишь объ угрозахъ, этими статьями предусмотрѣнныхъ, то угроза огласить позорящія кого-либо свѣдѣнія способомъ дѣйствія, караемаго по 1686 ст. быть не можетъ, и 1686 ст. уст. о нак. на шантажъ распространена быть не можетъ.

Въ литературѣ вопроса было высказано два противуположныхъ мнѣнія. Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Ивановскаго (1888 года, № 24), разъясняющемъ 1686 ст. ул. о нак., нашелъ, что перечисленными въ указанныхъ выше стт. улож. о нак. и уст. о нак. угрозами „не исчерпывается вопросъ о составѣ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1686 улож. о нак., когда средствомъ для принужденія были угрозы", что „воздѣйствіе принудителя на принуждаемаго, въ смыслѣ ст. 1686 ул. о нак., можетъ быть достигнуто угрозой не только убійствомъ, поджогомъ или физическимъ насиліемъ, но и другими преступными дѣйствіями принудителя, опасными для личности или имущества угрожаемаго, если при этомъ угроза, по существу своему, была способна вызвать въ семъ послѣднемъ, въ виду ея осуществимости, страхъ и опасеніе и заставить его подчиниться злой волѣ угрожающаго. При наличности этихъ условій, угроза несомнѣнно представляется пригоднымъ для принужденія средствомъ, вслѣдствіе чего виновный въ принужденіи посредствомъ такой угрозы долженъ подлежать отвѣтственности по ст. 1686 улож. о нак., *хотя бы дѣйствіе, которымъ онъ угрожалъ, не при-*

надлежало къ числу тѣхъ, кои упоминаются въ спеціальномъ законѣ объ угрозахъ" *).

Другую точку зрѣнія высказываютъ Неклюдовъ [1]), Набоковъ [2]), Познышевъ [3]), Соловьевъ [4]). „Подъ угрозами принужденія слѣдуетъ понимать угрозы преступныя, т.-е. запрещенныя закономъ подъ страхомъ наказанія" [1]) „Шантажъ не есть принужденіе къ дачѣ обязательствъ, потому что... шантажная угроза не есть угроза въ смыслѣ улож. и уст. о нак." [2]).

Правильность высказанныхъ мнѣній подтверждалась ссылкой на законы гражданскіе — на ст. 702, тома X, ч. I. Ст. 702 гласитъ: „Принужденіе бываетъ, когда кто-либо былъ захваченъ во власть другого, принуждается къ отчужденію имущества или ко вступленію въ обязательство насильственно, страхомъ настоящаго или будущаго зла, могущаго постигнуть его лицо или имущество". Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Бѣгуна-Дизина (гр. к. р. 1901 годъ, № 21), толкуя 702 ст., далъ слѣдующія разъясненія понятію „принужденіе": „Принужденіе исключаетъ свободу воли не только тогда, когда оно является въ видѣ физическаго насилія („бывъ захваченъ во власть другого"), но и тогда, когда свобода воли нарушается угрозой настоящаго или будущаго зла. Для этого, однако, требуется, чтобы угроза была дѣйствительная, серьезная, возбуждающая основательное опасеніе за другія блага человѣка — за его *жизнь*, *здоровье*, *честь* *) или имущество, или за благо лицъ, ему близкихъ. Къ тому угроза должна быть противозаконной или безнравственной, хотя не требуется, чтобы вызванное угрозой принужденіе было уголовно-наказуемо. „Исходя изъ указанныхъ соображеній, сенатъ призналъ принужденіемъ требованіе денежнаго пожертвованія отъ еврея подъ угрозой недопущенія погребенія его умершей матери на общественномъ кладбищѣ" (то же рѣшеніе). Если же понятіе принужденія въ гражданскомъ правѣ охватываетъ угрозу какимъ бы то ни было зломъ, лишь бы зло это

---

*) Курсивъ нашъ.
[1]) Неклюдовъ, l. c. 632.
[2]) Набоковъ, Элемент. учебникъ русскаго уголовнаго права, 146.
[3]) Познышевъ, l. c. 256.
[4]) Соловьевъ, l. c. 70.
*) Курсивъ нашъ.

было способно возбудить страхъ въ угрожаемомъ и опредѣлить его волю къ дѣйствію, если въ уголовномъ законѣ понятіе „угрозы“ и „принужденія“ не опредѣлено, то, толкуя уголовно-правовую норму въ связи съ нормами гражданско-правовыми, приходится подъ „угрозами“, предусмотрѣнными уголовнымъ закономъ, понимать угрозы такъ, какъ понимаетъ ихъ гражданскій законъ, т.-е. „угрозы дѣйствительныя, серьезныя, возбуждающія основательное опасеніе за блага человѣка — его жизнь, здоровье, честь или имущество“...

Исходя изъ толкованія той же 702 ст. X т., ч. I., сторонники другого взгляда (Неклюдовъ) утверждаютъ, что статья эта говоритъ о „страхѣ настоящаго или будущаго зла, могущаго постигнуть *лицо или имущество* *) угрожаемаго. Отсюда слѣдуетъ, что „не всякое законопротивное дѣяніе можетъ быть средствомъ угрозы“ [1]).

Толкованіе 702 ст. X. т., ч. I., выдвигаемое Неклюдовымъ, представляется правильнымъ: „Зло, могущее постигнуть лицо или имущество“, сводится, во-первыхъ, къ насильственнымъ дѣйствіямъ надъ личностью; во-вторыхъ, къ дѣйствіямъ, умаляющимъ цѣнность имущества даннаго лица. Угроза инымъ зломъ — опозореніемъ, посягающемъ на честь лица, — ни подъ одно изъ указанныхъ дѣйствій не подходитъ. Поэтому, если угрозы, пред. 1686 ст. улож. о нак., толковать какъ угрозы, о которыхъ говоритъ ст. 702 т. X ч. и I., то и тогда угроза огласить позорящія кого-либо обстоятельства подъ дѣйствіе 1686 ст. ул. о нак. не подпадетъ.

Если отъ понятія „принужденія“, установленнаго въ гражданскомъ правѣ мы обратимся къ понятію „угрозъ“, предусмотрѣнныхъ въ улож. о нак. и уст. о нак., то мы увидимъ, что оба кодекса нигдѣ не упоминаютъ объ угрозахъ опозореніемъ, ни какъ о delictum sui generis, ни какъ о способѣ дѣйствія. Поэтому и ст. 1687 улож. о нак. не даетъ основанія для несвойственнаго пониманія „угрозъ“. Такое толкованіе, какъ толкованіе распространительное, противорѣчило бы основнымъ принципамъ права, устанавливая новое закономъ не предусмотрѣнное преступленіе [1]).

---

*) Курсивъ нашъ.
[1]) Неклюдовъ, l. c. 632.
[1]) Познышевъ. l. c. 256.

Такимъ образомъ шантажъ подъ дѣйствіе 1686 ст. улож. о нак. подведенъ быть не можетъ.

3) Шантажъ можетъ быть разсматриваемъ какъ недонесеніе или какъ пособничество къ тому преступленію, доносомъ о которомъ пугаетъ шантажистъ свою жертву. Этотъ взглядъ былъ высказанъ Неклюдовымъ. „По закону всякій обязанъ доносить объ извѣстномъ ему умышляемомъ или уже совершившемся преступленіи. По сему, получившій отъ другого деньги, въ видѣ платы за свое молчаніе о совершившемся преступленіи, можетъ быть преслѣдуемъ, какъ недоноситель; получившій же плату за молчаніе о преднамѣреваемомъ преступленіи есть нечто иное какъ пособникъ къ преступленію (ст. 13 улож. о нак.)[2]). Оставляя въ сторонѣ правильное соображеніе, высказанное въ литературѣ вопроса, что „стращающій доносомъ объ извѣстномъ ему преступленіи не всегда можетъ быть наказанъ, какъ недоноситель или пособникъ“ [3]), ибо преступленіе можетъ быть погашено давностью, дѣло о главномъ обвиняемомъ можетъ быть прекращено въ стадіи предварительнаго слѣдствія и, наконецъ, есть такія преступленія, при которыхъ донесеніе освобождаетъ участника преступленія отъ всякаго наказанія [4]),—конструкція Неклюдова представляется неправильной. Нельзя „получившаго плату за молчаніе о предусматриваемомъ преступленіи“ считать пособникомъ учиненнаго преступленія: интеллектуальный пособникъ согласно 13 ст. улож. о нак. тотъ, кто помогаетъ (или обязывается помогать) лицу, умыслившему преступленіе совѣтами или указаніями и сообщеніемъ свѣдѣній или обѣщаетъ способствовать сокрытію преступниковъ или преступленія послѣ содѣянія онаго. Очевидно, „обѣщаніе молчать“ Неклюдовъ считаетъ „обѣщаніемъ способствовать сокрытію преступленія“,—однако эта точка зрѣнія неправильна: сокрытіе преступленія всегда предполагаетъ наличность *активной* дѣятельности, обѣщаніе скрыть преступленіе всегда предполагаетъ обѣщаніе своей дѣятельностью уничтожить слѣды его, — обѣщаніе же молчать о томъ, что извѣстно, равно какъ само молчаніе

---

[2]) Неклюдовъ, l. c. 265.
[3]) Баженовъ,—шантажъ, какъ уголовное преступленіе Юр. В., 1878 и 250
[4]) Стт. 559, 573 улож. о нак.

слѣдовъ преступленія не скрываетъ, активной силой не является. Такимъ образомъ едва ли шантажъ можетъ быть разсматриваемъ какъ пособничество. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможна отвѣтственность за недонесеніе (ст. 15), но отвѣтственность эта по санкціи своей (ст. 126 улож. о нак.) для борьбы съ шантажемъ слишкомъ слабая.

4) Шантажъ можетъ быть разсматриваемъ какъ клевета (диффамація), или какъ обида. „Взводящій на другого безчестные поступки судится за окорбленіе или за клевету“ [1]). Эта точка зрѣнія, высказанная Неклюдовымъ, основана на недоразумѣніи: для наличности состава клеветы необходимо разглашеніе позорящихъ свѣдѣній, шантажистъ только грозитъ таковымъ разглашеніемъ, ничего еще разглашая [2]). Шантажъ—не клевета, а угроза клеветой, и смѣшеніе обоихъ понятій равносильно смѣшенію убійства съ угрозой убійствомъ. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи объ отожествленіи обиды съ шантажемъ: шантажистъ, угрожая разоблачить позорящее обстоятельство, можетъ быть изысканно вѣжливъ, требованіе его можетъ быть облечено въ корректныя формы.

5. Шантажъ есть прошеніе милостыни съ дерзостью и грубостью (ст. 50 уст. о нак.), ибо „посягатель не принуждаетъ потерпѣвшаго, а просто требуетъ отъ него дерзко того, что ему не слѣдуетъ—а за симъ и исполнить или не исполнить его домогательство зависитъ единственно отъ доброй воли и настроенія угрожаемаго“ [1]). Ошибочность этого мнѣнія основана на отожествленіи просьбы съ принужденіемъ. Просящій милостыню дѣйствуетъ на „добровольное чувство благотворительности“ [2]) жертвователя, шантажистъ вызываетъ чувство страха, психическаго угнетенія и сознаніе необходимости избавиться путемъ меньшей жертвы отъ грозящаго зла. Если согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ Неклюдовымъ, если шантажъ считать не принужденіемъ, а просьбой, то едва ли можно найти основаніе для уголовной отвѣтственности лицъ, подобнаго рода „просьбами“ промышляющихъ.

---

[1]) Неклюдовъ, l. c. 266.
[2]) Баженовъ, l. c. 206.

Такимъ образомъ въ улож. о нак. и въ уст. о нак. шантажъ, какъ преступленіе, не предусмотрѣнъ, и отдѣльные его случаи подъ дѣйствіе другихъ карательныхъ нормъ не подходятъ.

Г. Я. Закъ.

ПРОТОКОЛЪ

общаго собранія Московскаго Юридическаго Общества 1-го ноября 1910 года.

Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя Н. В. Давыдовъ. Обязанности секретаря исполнялъ А. Н. Бѣликовъ. Присутствовали: П. И. Астровъ, А. М. Березниковъ, Л. С. Бискъ, Л. А. Бубнова, Н. Н. Быковскій, В. Г. Бѣльскій, Н. С. Вагановъ, В. А. Васильевъ, А. Н. Волковъ, Н. В. Волковъ, А. Б. Виноградъ, А. Э. Вормсъ, Д. М. Генкинъ, И. К. Голубевъ, И. С. Гольдбергъ, Д. К. Дмитріевъ, В. В. Елагинъ, М. С. Елагинъ, А. И. Елистратовъ, В. И. Жегалкинъ, С. А. Журовъ, М. А. Иванцовъ, С. С. Іевлевъ, Я. А. Іоффе, З. С. Каценеленбаумъ, И. Г. Кобленцъ, В. А. Краснокутскій, Д. И. Курскій, А. Р. Ледницкій, П. Н. Малянтовичъ, В. С. Малченко, М. А. Мебель, С. П. Мельгуновъ, Ю. А. Меркель, Г. С. Михайловскій, М. З. Мсеріанцъ, И. Б. Новицкій, В. І. Недзвецкій, Б. П. Немысскій, В. П. Обнинскій, Я. Г. Перскій, И. К. Пистелькорсъ, А. И. Покровскій, Н. Н. Полянскій, В. В. Пржевальскій, М. И. Рабиновичъ, Н. Я. Рыбаковъ, И. Н. Сахаровъ, А. М. Симоновъ, Б. А. Симоновъ, С. И. Соболевъ, И. Терлецкій, Н. М. Терешковичъ, И. Ф. Тихомировъ, Н. Е. Умовъ, И. С. Урысонъ, Г. С. Фельдштейнъ, Г. Н. Флееровъ, В. П. Филимоновъ, В. С. фонъ-Шпиндлеръ и А. Н. Ясинскій.

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ Н. В. Давыдовымъ въ 8 час. 30 мин. вечера, обратившимся вслѣдъ за тѣмъ къ собранію съ слѣдующей рѣчью:

Милостивые Государи! открывая сегодняшнее наше собраніе, я считаю своимъ долгомъ, долгомъ печальнымъ, но тѣмъ не менѣе неизбѣжнымъ, отмѣтить громадную потерю, которую понесло Московское Юридическое Общество въ лицѣ преждевременно скончавшагося нашего перваго почетнаго члена Сергѣя Андреевича Муромцева. Въ лицѣ его мы утратили не только почетнаго члена нашего Общества, но и одного изъ иниціаторовъ его возрожденія, мы утратили въ немъ также и руководителя первыхъ шаговъ вновь возродившагося Общества. Сергѣй Андреевичъ участвовалъ въ первомъ нашемъ организаціонномъ собраніи, затѣмъ послѣ открытія Общества, какъ вы навѣрное помните, онъ бывалъ на всѣхъ засѣданіяхъ Совѣта и во всѣхъ случаяхъ, когда надлежало получить указанія относительно направленія, котораго должно было держаться Общество, онъ охотно помогалъ и оказывалъ намъ содѣйствіе. Сергѣй Андреевичъ, кромѣ того, взялъ на себя въ ближайшемъ будущемъ прочитать докладъ въ засѣданіи, посвященномъ памяти Кавелина, которое должно состояться 29-го ноября. Наконецъ, въ недавнемъ еще засѣданіи Совѣта Сергѣй Андреевичъ настаивалъ

на безусловной обязанности и необходимости организовать засѣданіе, посвященное 50-лѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ лицѣ Сергѣя Андреевича мы потеряли выдающагося ученаго, посвятившаго себя какъ теоретической, такъ и практической разработкѣ вопросовъ гражданскаго права. Мы потеряли въ немъ рѣдкаго знатока гражданскаго и административнаго права, общественнаго дѣятеля, отличавшагося особливо на поприщѣ земскаго дѣла и городского самоуправленія, наконецъ, мы потеряли гражданина, дѣйствительно сознававшаго свое право и умѣвшаго понимать свои обязанности, свято несшаго ихъ, жертвуя собой; мы потеряли человѣка, выработавшаго понятіе гражданина въ правовомъ государствѣ. Въ лицѣ Сергѣя Андреевича мы потеряли, наконецъ, друга и благороднаго человѣка.

Я не думаю о возможности въ краткомъ вступительномъ словѣ хотя сколько-нибудь полно очертить личность Сергѣя Андреевича,—для этого она слишкомъ многогранна, слишкомъ значительна. И значительна она не для одного только нашего Юридическаго Общества, она значительна для всей Россіи, что вся Россія и почувствовала, поняла, когда совершилась та утрата, о которой я говорю: не только въ Москвѣ, но рѣшительно во всѣхъ углахъ нашего обширнаго государства мы могли констатировать, какое глубокое, потрясающее впечатлѣніе произвела на всѣхъ вѣсть о смерти Сергѣя Андреевича.

Совѣтомъ Юридическаго Общества было постановлено посвятить особое публичное, торжественное засѣданіе памяти Сергѣя Андреевича. Назначенное Совѣтомъ засѣданіе не могло однако состояться и не состоялось вслѣдствіе того, что было получено воспрещеніе администраціи, но Совѣтъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ долгомъ заявить общему собранію, что онъ не оставилъ мысли о такомъ собраніи и оно, по глубокому убѣжденію членовъ Совѣта, состоится. Мы не можемъ опредѣлить то время, когда оно будетъ, но считаемъ своей безусловной обязанностью принять всѣ мѣры къ тому, чтобы оно осуществилось. Опоздать мы, конечно, не можемъ, ибо личность Сергѣя Андреевича такова, что о ней можно говорить не только теперь, но и по прошествіи долгаго срока. Въ настоящее время Совѣтомъ обсуждается вопросъ объ увѣковѣченіи имени Сергѣя Андреевича, и онъ будетъ выработанъ въ самомъ непродолжительномъ времени и въ первомъ же нашемъ общемъ собраніи будетъ доложено объ этомъ. Теперь же, въ заключеніе моего вступительнаго слова, я предлагаю почтить память Сергѣя Андреевича Муромцева вставаніемъ.

Собраніе почтило память С. А. Муромцева вставаніемъ.

Товарищъ секретаря А. Н. Бѣликовъ доложилъ, что за истекшій октябрь были приняты въ число членовъ Юридическаго Общества: Александръ Александровичъ Кизеветтеръ, Алексѣй Андреевичъ Рождественскій, Владиміръ Васильевичъ Рождественскій, Александръ Ивановичъ Покровскій, Моисей Сергѣевичъ Аджемовъ, Владиміръ Ивановичъ Пичета, Степанъ Степановичъ Іевлевъ, Николай Емельяновичъ Терлецкій, Николай Ефимовичъ Эфросъ, Надежда Троадіевна Шверина, Альбертъ Анастасьевичъ Левашкевичъ, Сергѣй Федоровичъ фонъ-Вендрихъ, Бруно Петровичъ Немысскій, Николай Петровичъ Ануфріевъ, Вячеславъ Вячеславовичъ Елагинъ и Николай Сергѣевичъ Вагановъ. Въ засѣданіи 10-го октября Совѣтъ Юридическаго Общества, почтивъ вставаніемъ память скончавшагося 7-го октября почетнаго члена Общества С. А. Муромцева, постановилъ выразить семьѣ почившаго свое глубочайшее

соболѣзнованіе; въ томъ же засѣданіи Совѣтъ постановилъ посвятить памяти С. А. Муромцева публичное засѣданіе Общества, назначивъ его на 24-е октября. На засѣданіи этомъ предположено было заслушать рѣчи И. А. Кистяковскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, А. Р. Ледницкаго, В. В. Пржевальскаго, Н. В. Тесленко, и Г. Ф. Шершеневича, посвященныя характеристикѣ личности и дѣятельности покойнаго С. А. Муромцева. 21-го октября на имя Н. В. Давыдова было получено увѣдомленіе столичной полиціи о воспрещеніи этого засѣданія, и Совѣтъ постановилъ организацію публичнаго засѣданія, посвященнаго памяти С. А. Муромцева, отложить. По вопросу о постоянномъ помѣщеніи Юридическаго Общества въ зданіи Университета Совѣтъ въ засѣданіи 21-го октября постановилъ принять предложеніе ректора Московскаго Университета занять помѣщеніе въ зданіи Университета на Страстномъ бульварѣ. Далѣе А. Н. Бѣликовъ огласилъ письмо Правленія Общества Русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, приглашающее указать лицъ, желающихъ принять участіе въ трудахъ комиссіи по выработкѣ новыхъ таблицъ для опредѣленія потери трудоспособности, и заявленіе членовъ Юридическаго Общества П. В. Гидулянова, И. М. Громогласова, П. И. Астрова, Н. М. Жданова, И. Н. Сахарова, С. А. Котляревскаго объ образованіи въ составѣ Общества особой комиссіи для разработки вопросовъ церковно-правовыхъ.

По предложенію предсѣдательствующаго Н. В. Давыдова была избрана комиссія, въ составъ которой вошли слѣдующія лица, кромѣ лицъ, подписавшихъ заявленіе: П. И. Новгородцевъ, С. В. Познышевъ, С. П. Мельгуновъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. К. Муравьевъ, М. Н. Гернетъ, Б. А. Подгорный, Н. П. Ануфріевъ, Н. Д. Кузнецовъ, С. П. Симсонъ, А. И. Покровскій и В. И. Пичета.

П. И. Астровъ прочелъ докладъ: „Институтъ личнаго найма въ законѣ и жизни“. (Докладъ будетъ напечатанъ въ журналѣ „Вопросы права“) [1].

Предсѣдательствующій объявилъ перерывъ.

По возобновленіи засѣданія предсѣдательствующій предложилъ желающимъ принять участіе въ обсужденіи доклада.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе слѣдующія лица: А. Э. Вормсъ, В. В. Пржевальскій, Я. Г. Перскій, А. И. Елистратовъ, М. А. Иванцовъ, А. Р. Ледницкій, Д. М. Генкинъ, А. Б. Розенблюмъ, Н. Н. Полянскій и П. Н. Малянтовичъ.

А. Э. Вормсъ. Мы должны поблагодарить уважаемаго докладчика за то, что онъ возбудилъ этотъ жгучій и важный вопросъ, вопросъ о юридической природѣ договора личнаго найма. Вопросъ этотъ хотя до самаго послѣдняго времени усиленно разрабатывается юристами, но все еще недостаточно извѣстенъ въ деталяхъ, и нужны, можно думать, частыя напоминанія о необходимости энергично взяться за дальнѣйшую разработку этой неисчерпаемой темы. Нельзя сказать, чтобы проблема, затронутая докладчикомъ, не была знакома русскимъ юристамъ, но они до сихъ поръ знакомились съ нею исключительно, или почти исключительно, съ экономической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія политическихъ партій и въ своемъ отношеніи къ вопросу о личномъ наймѣ находили директивы въ извѣстной части ихъ программъ. Здѣсь же мы дожны разработать чисто юридически вопросъ, и мы должны быть благодарны докладчику за то, что онъ своей работой именно на эту сторону вопроса обратилъ наше вниманіе. Прежде всего я считаю крупной

---

[1]) См. Вопросы права, кн. IV, 1910, стр. 39—46.

заслугой уважаемаго докладчика то, что онъ вполнѣ правильно подчеркнулъ ту задачу, главную задачу, которую можетъ преслѣдовать юристъ при изученіи и разработкѣ договора личнаго найма. Да, юристъ далеко не всѣ стороны этого вопроса можетъ затронуть, но все-таки онъ въ состояніи сдѣлать очень многое. Онъ окажетъ значительную пользу, если добьется того, чтобы договоръ личнаго найма въ современномъ правѣ дѣйствительно сдѣлался чисто юридическимъ отношеніемъ, я бы сказалъ болѣе—чисто обязательственнымъ договоромъ. Наше дѣйствующее законодательство, какъ это правильно указалъ докладчикъ, смѣшиваетъ его съ отношеніемъ домашнимъ, съ отношеніемъ крѣпостническаго характера и носитъ поэтому элементъ не только чуждый самому договору, но и совершенно невозможный въ современномъ экономическомъ строѣ. Въ недавно вышедшей книгѣ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ рабочаго законодательства, Флешъ, высказался, что по германскому праву рабочій договоръ такъ, какъ онъ предусмотрѣнъ закономъ, какъ онъ трактуется судебной практикой, не есть еще до сихъ поръ чисто обязательственно-правовое отношеніе, что онъ до сихъ поръ устанавливаетъ какую-то власть нанимателя надъ рабочимъ, что тутъ нѣтъ двухъ равныхъ лицъ, вступающихъ въ договоръ; до сихъ поръ всѣ отношенія при наймѣ складываются такъ, что наниматель имѣетъ возможность воздѣйствовать на личную жизнь рабочаго даже внѣ договора, можетъ фактически требовать отъ него, чтобы онъ не принадлежалъ къ опредѣленнымъ организаціямъ, чтобы онъ читалъ опредѣленные органы печати и т. д. Но если онъ можетъ требовать этого внѣ отношеній, непосредственно связанныхъ съ наймомъ, то можно себѣ представить, какъ много онъ можетъ требовать при исполненіи этого самаго договора о наймѣ. До сихъ поръ даже по западно-европейскому законодательству наниматель можетъ требовать отъ рабочаго проявленія особо почтительнаго отношенія, не только того уваженія, котораго можетъ требовать всякое свободное лицо, но какого-то исключительнаго отношенія, свидѣтельствующаго о томъ, что даже законъ признаетъ рабочаго стоящимъ на нѣкоторой низшей ступени относительно его хозяина. Я думаю, что задача юриста заключается въ достиженіи того, чтобы договоръ личнаго найма былъ по возможности дѣйствительно свободнымъ договоромъ между двумя свободными лицами, свободными пусть даже только юридически, пусть даже не будетъ устранена въ современномъ положеніи та экономическая зависимость рабочаго,—юридическая зависимость до извѣстной степени устранима. Упомянутый мною Флешъ довольно подробно останавливается на тѣхъ средствахъ, которыя необходимо въ этихъ цѣляхъ провести. Они чисто гражданско-правовыя: необходимость участія рабочихъ въ выборахъ и не только въ центральныя законодательныя учрежденія, но и, пожалуй, главнымъ образомъ въ выборахъ органовъ самоуправленія, въ выборахъ тѣхъ административныхъ единицъ, которыя вѣдаютъ отношенія нанимателя и рабочаго; всевозможныя примирительныя камеры, страховая организація и т. д. Но все это—юридическія средства, которыя до извѣстной степени могутъ и должны быть ярко и точно формулированы и самое главное изъ нихъ заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы дѣйствительно были проведены начала свободнаго соглашенія между рабочими, возможность ихъ объединенія въ союзы и при помощи ихъ совокупно добиваться лучшихъ условій труда. Все это, конечно, не исчерпываетъ вопроса и не измѣняетъ въ корнѣ современныхъ экономическихъ отношеній, но все это значительнымъ образомъ улучшило бы положеніе рабочаго. Я останавливаюсь исключительно

на положеніи рабочаго потому, что докладчикъ, хотя и озаглавилъ свой докладъ „институтъ личнаго найма въ законѣ и жизни“, говорилъ почти только о договорѣ по найму рабочаго, — поэтому-то я и останавливаюсь именно на этой области.

Далѣе я считаю нужнымъ возразить на одно основное и, кажется, крайнее положеніе доклада, которое сводится къ тому, что въ современномъ экономическомъ быту, гдѣ нанимателемъ, хозяиномъ являются преимущественно лица юридическія, а не физическія, законъ, говорящій о справедливости, о гуманномъ отношеніи къ другой сторонѣ, по самому существу своему, не можетъ быть примѣняемъ въ обращеніи къ этому юридическому лицу, потому что нѣтъ того лица, къ которому можно было бы обратить это требованіе справедливости, гуманности... Я думаю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очень типичнымъ и очень обычнымъ заблужденіемъ современныхъ юристовъ, смѣшивающихъ юридическую точку зрѣнія съ психологической. Совершенно вѣрно, что съ точки зрѣнія психологической того, что мы обозначаемъ словомъ „совѣсть“, у юридическихъ лицъ нѣтъ и быть не можетъ, точно такъ же не можетъ оно само по себѣ быть добросовѣстнымъ или недобросовѣстнымъ; но юристъ имѣетъ дѣло не съ этими категоріями, онъ имѣетъ дѣло съ юридическими представленіями о той же, скажемъ, справедливости о bona fides, о добросовѣстномъ и недобросовѣстномъ и эти понятія объективно предполагаютъ обязательную наличность опредѣленныхъ индивидовъ; они существуютъ силою тѣхъ юридическихъ привычекъ и навыковъ, которые складываются въ извѣстной средѣ, въ извѣстномъ народѣ, почему эти требованія могутъ и должны быть обращаемы также и къ юридическимъ лицамъ. Если бы мы стали на точку зрѣнія чисто психологическую и послѣдовали бы за докладчикомъ, мы должны были бы все наше гражданское право выбросить за бортъ, по крайней мѣрѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ оно сложилось исторически: мы не могли бы говорить о добросовѣстности и недобросовѣстности, не могли бы говорить, что договоръ долженъ быть исполняемъ по доброй совѣсти, не могли бы, наконецъ, говорить о безчестныхъ обязательствахъ и пріобрѣтеніяхъ и т. д. Такая постановка мнѣ кажется совершенно неправильной. Что соотвѣтствуетъ справедливости, что является добросовѣстнымъ или недобросовѣстнымъ, — рѣшаетъ судья и рѣшаетъ на основаніи установившихся въ данной средѣ объективныхъ взглядовъ. Съ этими взглядами каждое юридическое лицо можетъ и должно считаться въ лицѣ своихъ органовъ, хотя бы психологически оно всего этого и не переживало, хотя бы оно и не испытывало терзаній совѣсти при нарушеніи договора. Наше главнѣйшее возраженіе сводится такимъ образомъ къ тому, что нельзя смѣшивать психологической и юридической точекъ зрѣнія. Преобладаніе юридическихъ лицъ не лишаетъ насъ возможности, права требовать отъ нихъ соблюденія во всей полнотѣ, со всею строгостью, нормъ bona fides, которыя сложились на почвѣ индивидуальнаго сознанія, на почвѣ сознанія индивидомъ чувства справедливости.

В. В. Пржевальскій. Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ принципіальнымъ пожеланіемъ, которое выразилъ докладчикъ въ отношеніи договора о личномъ наймѣ, но мнѣ думается, что высказанная имъ теорія аморализма одного изъ субъектовъ договора личнаго найма врядъ ли имѣетъ подъ собой твердое основаніе. Почтенный докладчикъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Договоръ личнаго найма нуждается въ настоящее время въ реформѣ прежде всего потому, что въ большинствѣ договоровъ личнаго найма однимъ изъ его

субъектовъ является юридическое лицо,—скажемъ, какое-нибудь акціонерное общество. Акціонерное общество, какъ лицо юридическое,—аморально по самой своей природѣ, оно неспособно руководиться въ этомъ договорномъ отношеніи принципомъ справедливости. Мнѣ думается, что дѣйствительно акціонерныя общества возникли и разрослись только въ послѣднее время, но вся та несправедливость, все то неравенство въ положеніи договаривающихся лицъ, на которое указывалъ докладчикъ, проистекаютъ вовсе не оттого, что одной изъ сторонъ является именно акціонерное общество; — они вытекаютъ, по моему мнѣнію, изъ самыхъ условій современнаго экономическаго быта, и этотъ капиталистическій строй, какъ извѣстное экономическое положеніе, существовалъ и тогда, когда акціонерныхъ обществъ, компаній еще не было. Далѣе, акціонерныя компаніи,—говоритъ докладчикъ,—есть лица юридическія и по самой природѣ своей аморальны. Но отсюда вѣдь можно сдѣлать выводъ, что и всѣ юридическія лица по своей природѣ аморальны, что ни одно юридическое лицо въ своей дѣятельности не можетъ руководиться принципомъ справедливости. Слѣдовательно, и государство, которое точно такъ же выступаетъ субъектомъ договора личнаго найма, также не можетъ въ своей дѣятельности руководиться этимъ принципомъ. Государство вѣдь нанимало и нанимаетъ рабочихъ, нанимаетъ и другихъ лицъ—чиновниковъ, напримѣръ; оно вступало и вступаетъ во всевозможныя договорныя отношенія еще задолго до появленія акціонерныхъ компаній. Поэтому утверждать, что появленіемъ именно акціонерныхъ компаній, какъ субъектовъ договора личнаго найма, вызывается необходимость реформы этого договора, мнѣ кажется нѣтъ никакого основанія. Я думаю, что вполнѣ справедливо замѣтилъ предшествующій ораторъ, что требованіе справедливости, добросовѣстности должно быть прилагаемо и вполнѣ приложимо ко всякимъ субъектамъ, вступающимъ въ договоръ личнаго найма, будь то физическое или юридическое лицо. Къ этому можно добавить, что юридическое лицо, дѣйствующее, какъ субъектъ правъ, осуществляетъ свою правоспособность черезъ тѣ органы, которые являются его представителями, и рабочій имѣетъ дѣло съ вполнѣ опредѣленными представителями общества. Слѣдовательно, законъ можетъ и къ юридическимъ лицамъ предъявлять извѣстныя требованія, которыя ими должны быть исполнены.

Вотъ все, что я хотѣлъ высказать, какъ нѣкоторое возраженіе, вызванное однимъ изъ положеній доклада, во всемъ же остальномъ я присоединяюсь къ мнѣнію уважаемаго докладчика.

П. П. Астровъ. Я очень благодаренъ В. В. Пржевальскому и особенно А. Э. Вормсу за то, что они остановились на главномъ вопросѣ, выдвинутомъ моимъ докладомъ, но отсылка этого вопроса къ судьѣ и указаніе на то, что судья опредѣлитъ, что въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ требованію bona fides, не рѣшаетъ вопроса по существу. Она только внѣшнимъ образомъ является какъ бы отвѣтомъ на него, на самомъ же дѣлѣ такого отвѣта въ себѣ не заключаетъ. Указаніе на то, что судья будетъ опредѣлять, что въ данномъ случаѣ bona fides, не рѣшаетъ вопроса, а только переставляетъ его въ другую плоскость; вопросъ остается въ прежнемъ положеніи—что же справедливо и гдѣ тѣ органы даннаго правоотношенія, которые будутъ рѣшать, справедливы ли тѣ условія, въ которыхъ находятся рабочій и наниматель? Я глубоко убѣжденъ, что представителей юридическихъ лицъ нельзя отожествлять съ хозяевами—юридическими лицами: представитель есть слуга, а не хозяинъ. Альфонсъ Эрнестовичъ совершенно справедливо отмѣ-

тилъ, что при современныхъ условіяхъ нужно отказаться отъ многихъ обычныхъ выраженій, которыми насквозь проникнута вся система гражданскаго права, но я не согласенъ, что этимъ колеблются всѣ устои. Далѣе, я не нахожу границы, отдѣляющей право отъ тѣхъ явленій, которыя А. Э. Вормсъ отнесъ къ области психологіи. Здѣсь есть нѣчто недѣлимое. Только на такой точкѣ зрѣнія можетъ и долженъ стоять судья, разрѣшая вопросъ о bona fides въ отношеніи личнаго найма. Всякій судья—сынъ своего времени и съ точки зрѣнія требованій справедливости жизнь регулируется не имъ, а современнымъ правосознаніемъ, которое проявляется не только черезъ судью, но и черезъ стороны. Можно ли говорить о правосознаніи юридическаго лица? Физическая безличность можетъ ли имѣть сужденіе о томъ, что́ такое есть bona fides въ отношеніи къ нанявшемуся? Представитель же юридическаго лица адъэкватенъ ему только въ области исключительно гражданско-правовой, но совсѣмъ не адъэкватенъ ему, экономически и нравственно. Если я—директоръ акціонернаго общества, то я самостоятеленъ лишь формально, а экономически и нравственно я не хозяинъ, и надо мной стоитъ правленіе общее собраніе.

Я. Г. Перскій. Я хочу отмѣтить, что рефератъ и послѣдовавшія возраженія остановились лишь на одномъ видѣ личнаго найма—на вопросѣ о наймѣ рабочихъ фабрично-заводскихъ предпріятій и не коснулись совершенно другой разновидности этого института, имѣющей хотя и не столь важное, но все-таки неоспоримое значеніе. Въ частности, мнѣ кажется, что въ юридическомъ обществѣ надлежало бы разобрать тѣ чисто-юридическія затрудненія, которыя встрѣчаются въ институтѣ найма торговыхъ служащихъ. Я имѣю въ виду установленныя нашимъ законодательствомъ нормы, которыя требуютъ для найма торговыхъ служащихъ непремѣнно письменнаго договора. Каждому юристу неоднократно приходилось сталкиваться на практикѣ съ тѣмъ безвыходнымъ положеніемъ служащихъ, когда въ силу отсутствія письменнаго договора самыя справедливыя требованія ихъ не могутъ быть удовлетворены судомъ, благодаря устарѣлому требованію закона. Мнѣ думается, что это требованіе въ настоящее время потеряло всякій смыслъ и значеніе, и законъ, изображенный въ стт. 6 и 7 Устава торговаго, является жестокимъ по своимъ послѣдствіямъ, лицемѣрнымъ по мотивамъ и не оправдывается общимъ духомъ современнаго процесса, отвергнувшаго систему предустановленныхъ доказательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе сложныя отношенія, чѣмъ отношенія личнаго найма, нашъ законъ разрѣшаетъ доказывать не черезъ письменные документы, а черезъ свидѣтелей и пр. И конечно, нѣтъ никакого достаточнаго основанія, чтобы удерживать требованіе письменнаго договора для того вида юридическихъ отношеній, который касается найма торговыхъ служащихъ; если бы эти нормы закона были устранены, много справедливыхъ требованій не оставалось бы безъ удовлетворенія, какъ нынѣ. Это затрудненіе чисто-юридическое и выработать соотвѣтствующія нормы въ силахъ, конечно, только юридическое общество, и мнѣ думается, что задачей послѣдняго было бы именно теперь приступить къ выработкѣ законопроекта, регулирующаго отношенія личнаго найма, съ тѣмъ, чтобы этотъ законопроектъ былъ со временемъ принятъ во вниманіе. Вотъ, что я хотѣлъ сказать въ дополненіе къ докладу.

А. И. Елистратовъ. Я вполнѣ согласенъ съ тѣми мыслями, которыя выразилъ въ своемъ докладѣ Павелъ Ивановичъ, но въ то же время я рѣшительно протестую противъ выдвинутой имъ теоріи общественнаго амора-

лизма юридическихъ лицъ, такъ какъ мы на этомъ не должны останавливаться и должны пойти дальше, вплоть до признанія аморальными и самое государство и всѣ тѣ соединенія, которыя входятъ въ его составъ. Аморально, значитъ, и городское и земское самоуправленія, аморально и Московское юридическое общество, потому что оно также есть корпорація. Я думаю, что этой теоріей общественнаго аморализма докладчикъ вводитъ насъ въ извѣстный тупикъ, и изъ этого тупика никакого выхода нѣтъ; во всякомъ случаѣ, въ самой творческой силѣ юриспруденціи эта теорія не можетъ вести къ выходу, потому что юристъ можетъ дѣйствовать или черезъ судью, или черезъ законодателя. Такимъ образомъ, мы снова сталкиваемся съ понятіемъ государства, т.-е. опять-таки съ аморальнымъ понятіемъ.

Далѣе я считаю нужнымъ обратить вниманіе докладчика на то, что главнымъ образомъ въ настоящее время рабочіе борются съ этой аморальностью, съ этими акціонерными обществами, съ этими всесильными предпринимателями, не имѣющими личности,—они борятся путемъ установленія коллективнаго договора, они сами превращаются въ такого же рода аморальность. И это, кажется,—одно изъ лучшихъ средствъ борьбы съ предпринимателями. Спрашивается, какъ же должно относиться къ этому коллективному договору, если стоять на точкѣ зрѣнія докладчика?

Затѣмъ я долженъ отмѣтить еще одно обстоятельство, которое не было здѣсь затронуто,—это смѣна теоріи представительства теоріей органовъ, такъ что мы уже можемъ говорить объ органахъ юридическихъ лицъ, и мы смотримъ на нихъ такъ, что если отнять ихъ, то у юридическаго лица, по крайней мѣрѣ, въ его юридическомъ быту, ничего не останется. Если стоять на точкѣ зрѣнія органовъ вмѣсто представительства, то многое изъ того, что смущаетъ докладчика, естественно, устраняется. Я считаю долгомъ напомнить также и одну статью, которая не такъ давно появилась въ „Вопросахъ философіи и психологіи"... Эта статья принадлежитъ моему уважаемому коллегѣ проф. Хвостову. Она помѣщена въ 100-й книгѣ и разсматриваетъ юридическія лица именно какъ соціальные организмы. Въ этихъ соціальныхъ организмахъ и надобно искать источникъ понятія bona fides, источникъ извѣстныхъ этическихъ началъ: если каждый изъ насъ всмотрится въ свои этическія представленія, то окажется, что львиную долю этихъ этическихъ представленій, мы заимствуемъ изъ окружающей насъ общественной среды. Именно эти общественные организмы и имѣютъ совѣсть. Мы имѣемъ общественную соціальную мораль и только на почвѣ этой общественной морали вырабатывается мораль индивидуальная, и эта индивидуальная мораль въ общественной жизни играетъ несравненно меньшую роль, нежели мораль соціальная.

П. И. Астровъ. Я оченъ благодаренъ А. И. Елистратову за то, что онъ выдвинулъ второй вопросъ, который долженъ быть выдвинутъ, и обратилъ вниманіе на слово, которое я совершенно сознательно употребилъ въ своемъ докладѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ замѣтить, что слово это вы, А. И., принимаете не въ томъ смыслѣ, въ какомъ я его употребилъ. Значеніе, которое я придавалъ этому слову, я, конечно, отмѣтилъ, но, вѣроятно, сдѣлалъ недостаточно ясно. Я говорилъ объ аморализмѣ не какъ объ извѣстномъ дефектѣ, а какъ о фактѣ, я говорилъ объ отсутствіи явленія, совершенно не предрѣшая содержанія этого явленія. Я устанавливалъ, что существующіе органы юридическихъ лицъ, представители, органы, субъекты или субстратъ—какое названіе ни употреблять,—не восполняютъ отсутствія нравственнаго

чувства у юридическихъ лицъ, котораго въ силу особенностей структуры этихъ субъектовъ сами по себѣ они не имѣютъ. Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ объ аморализмѣ юридическихъ лицъ.

А. Э. Вормсъ. Позвольте мнѣ въ выясненіе этого разногласія прибавить только нѣсколько словъ... Не будучи сторонникомъ теоріи соціальныхъ организмовъ, я все-таки думаю, что юридическое правосознаніе никоимъ образомъ не можетъ не только всецѣло, но хотя бы и въ существенной своей части опираться на индивидуальную психологію. Оно, во всякомъ случаѣ, есть результатъ, слѣдствіе соціальной психологіи, воздѣйствующей всѣми средствами на отдѣльныхъ лицъ, черезъ которыя только и дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать юридическое лицо. Я думаю, что коренная ошибка докладчика состоитъ въ томъ, что онъ юридическій вопросъ о правѣ вообще и въ частности о справедливости поставилъ на почву индивидуальной психологіи. Роль судьи, о которомъ я здѣсь говорилъ, вовсе не сводится къ тому, чтобы онъ создавалъ или опредѣлялъ степень справедливости и ея содержаніе, какъ, повидимому, понялъ П. И. Я считаю, что роль судьи въ данномъ случаѣ сводится къ тому, что онъ кристаллизуетъ, формулируетъ, закрѣпляетъ результаты того соціальнаго правосознанія, которое образуется въ извѣстной средѣ, и съ результатами этого соціальнаго правосознанія не могутъ не считаться юридическія лица именно, можетъ-быть, въ силу своихъ органовъ. Я думаю, что отдѣльный человѣкъ можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, можетъ нарушать право въ состояніи аффекта, юридическія лица, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣйствуютъ по извѣстному постановленію и, постановляя такое рѣшеніе, они не могутъ не считаться съ результатами коллективной психологіи, формулированными въ судебныхъ рѣшеніяхъ, иначе говоря—судьей.

Мнѣ кажется, что мы никогда не сойдемся съ П. И. на почвѣ общихъ разсужденій, такъ какъ онъ стоитъ на началахъ индивидуальной психологіи, и при этомъ условіи, конечно, его возраженія поняты и даже, можетъ-быть, законны; возраженія же его противниковъ сводятся, повидимому, къ тому, что право есть результатъ соціальной психологіи и въ этомъ случаѣ нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы требовать отъ юридическихъ лицъ исполненія его постановленій.

М. А. Иванцовъ. Отъ реферата и возраженій на него я вынесъ то впечатлѣніе, что между референтомъ и его оппонентами не существуетъ столь глубокой разницы, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ смысла всего реферата можно было понять, что докладчикъ вовсе не отрицаетъ моральнаго элемента въ правѣ. Весь смыслъ реферата клонится къ тому, чтобы именно регулировать отношенія, возникающія между рабочими и нанимателями на основаніи права; онъ не отрицаетъ того, что при регулированіи правомъ этихъ отношеній могутъ быть принимаемы во вниманіе чисто моральные элементы. Мнѣ кажется, весь смыслъ реферата сводился къ тому именно, чтобы выдвинуть на первый планъ эти правовыя нормы и чтобы извлечь отдѣльнаго человѣка изъ той области произвола, въ которой онъ находится до сего времени. Мнѣніе докладчика сводилось къ тому, чтобы подчинить обѣ стороны нормамъ права, чтобы каждый человѣкъ подчинялся опредѣленнымъ объективнымъ нормамъ права, а не былъ отданъ во власть произвову отдѣльныхъ лицъ, какъ это было въ старомъ законодательствѣ.

А. Р. Ледницкій. Я думаю, что споръ между П. И. и А. Э. несомнѣнно

споръ довольно глубокій, потому что положенія ихъ совершенно различны. Вѣдь вопросъ о справедливости въ правѣ—вопросъ старый и онъ несомнѣнно положенъ въ основу доклада П. И. А разница только та, что П. И., какъ мнѣ думается и какъ совершенно правильно это отмѣтилъ А. Э., разрѣшеніе этого вопроса отводитъ въ плоскость, въ категорію индивидуальнаго мышленія. Я думаю, что довольно трудно согласиться съ докладчикомъ въ этомъ отношеніи, потому что если стоять на точкѣ зрѣнія П. И. и разрѣшать вопросъ о справедливости въ правѣ на исключительномъ основаніи личной психологіи, тогда послѣдовательно будетъ уничтожено совершенно именно это положеніе, на которомъ стоитъ докладчикъ, что юридическія лица не имѣютъ совѣсти,—и потому именно, что они не могутъ имѣть ея. Я думаю, что это положеніе чисто парадоксально и чрезвычайно трудно предположить, почему понятіе совѣсти должно быть субъективнымъ понятіемъ. По моему мнѣнію, самое понятіе совѣсти есть извѣстная общественная, нравственная цѣнность и, какъ таковая, должна служить критеріемъ при разрѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ. За симъ я не могу согласиться и со вторымъ положеніемъ докладчика. Докладчикъ утверждаетъ, что контрагенты нормируютъ свои отношенія и что судья является только разрѣшителемъ споровъ, которые возникаютъ между сторонами,—я же думаю, что именно судья творитъ право, именно судья является тѣмъ основнымъ элементомъ общественной совѣсти, который проявляется въ его творческой волѣ. Поэтому судьѣ и отводится положеніе творца права и, какъ творецъ права, онъ и осуществляетъ общественную совѣсть. Совершенно ясно и понятно вслѣдстіе этого, что совершенно безразлично, будетъ ли это договоръ между отдѣльными физическими лицами или же этотъ договоръ будетъ заключенъ между и физическими лицами, — элементъ совѣсти всегда будетъ довлѣть въ договорѣ. Здѣсь вопросъ не въ лицахъ, заключающихъ договоръ, не въ субъектахъ этого договора, а въ предметѣ договора и вслѣдствіе этого самое понятіе общественной морали, самое понятіе совѣсти и справедливости разрѣшается не на основаніи пониманія ихъ тѣмъ или другимъ контрагентомъ, а на основаніи содержанія самаго договора. Мы видимъ, такимъ образомъ, что чрезвычайно трудно съ этой точки зрѣнія присоединиться къ докладчику. Я бы думалъ, что вопросъ о справедливости въ правѣ разрѣшается на основаніи тѣхъ общепринятыхъ уже нравственныхъ цѣнностей, которыя должны довлѣть каждымъ судьей, какъ творцомъ права, въ его рѣшеніяхъ.

П. П. Астровъ. Я воспользуюсь той философской постановкой, на которую мы теперь перешли, для того, чтобы напомнить, что мой докладъ касался не философскаго вопроса о соотношеніи соціальной и индивидуальной психологіи, а договора личнаго найма. Въ предѣлахъ моего доклада вопросъ о соотношеніи соціальной и индивидуальной психологіи,— это вопросъ, скажу прямо, посторонній, ибо рѣчь идетъ не о томъ, какую роль играютъ здѣсь соціальная и индивидуальная психологія, а о томъ, добросовѣстно или недобросовѣстно заключенъ договоръ. Если я какъ физическое лицо заключаю договоръ съ другимъ лицомъ львинымъ образомъ, то моя совѣсть говоритъ, что это львиный договоръ; я могу успокоить себя софизмами, могу закурить, скажемъ, папиросу,—но я не могу не знать, что заключаю львиный договоръ. Если же я заключаю такой договоръ въ качествѣ члена акціонернаго общества, то, кромѣ голоса моей совѣсти, я долженъ прислушиваться и къ мнѣнію правленія, ревизіонной комиссіи и общаго собранія. И задача юриста, регулирующаго отношенія личнаго найма заключается въ

томъ, чтобы, констатировавъ это обстоятельство, восполнить отсутствіе правосознанія у юридическихъ лицъ—этихъ физическихъ безличностей—соотвѣтствующими нормами гражданскаго права, учитывающими это обстоятельство. Я оставляю безъ всякаго обсужденія вопросъ о факторахъ, образующихъ представленіе о справедливости. Это—дѣло философа-соціолога и религіознаго мыслителя. Цивилистъ же констатируетъ, что въ области разсматриваемыхъ правоотношеній, ставящихъ одного контрагента лицомъ къ лицу съ другимъ контрагентомъ въ сферѣ чисто личныхъ отношеній, одинъ изъ контрагентовъ не имѣетъ правосознанія. Нужно, стало-быть, восполнить его общественнымъ правосознаніемъ черезъ законы матеріальнаго гражданскаго права.

А. Р. Ледницкій. Я думаю, едва ли кто будетъ спорить противъ того, что установилъ сейчасъ докладчикъ. Конечно, очень важно, чтобы современное законодательство отступило отъ полицейскихъ началъ, частью отъ опеки, частью отъ защиты капитала. Это совершенно вѣрно, противъ этого никто сомнѣній выражать не станетъ. Но мы оспариваемъ основное положеніе докладчика, вводящаго исключительно элементъ индивидуальныхъ взглядовъ и не только съ точки зрѣнія философской, а и съ точки зрѣнія общественной. Для меня въ этомъ отношеніи пріобрѣтаетъ особенное значеніе то, что было сказано докладчикомъ о свободѣ представителей юридическихъ лицъ отъ нравственности и юридической отвѣтственности за всѣ совершенныя ими дѣйствія. Никогда, по-моему, никто не можетъ ссылаться на то, что онъ является представителемъ и что поэтому велѣнія внутренняго голоса могутъ быть заглушены этимъ признаніемъ себя представителемъ: каждый, кто является представителемъ и совершаетъ опредѣленныя дѣйствія,—поскольку онъ ихъ совершаетъ, за эти дѣйствія отвѣчаетъ. Вслѣдствіе этого, когда обсуждается извѣстный договоръ, заключенный представителемъ юридическаго лица, его нужно обсуждать не такъ, что онъ, какъ представитель только этого юридическаго лица, свободенъ отъ отвѣтственности, ибо не онъ именно заключаетъ договоръ, а такъ, что онъ отвѣчаетъ за этотъ договоръ постольку, поскольку онъ его защищаетъ и осуществляетъ.

Д. М. Генкинъ. Предыдущіе оппоненты совершенно правильно указывали докладчику, что понятіе справедливости съ юридической точки зрѣнія есть понятіе не психологическое, а правовое и какъ таковое можетъ быть присуще не только физическому, но и юридическому лицу. Но, вообще, разрѣшеніе вопроса объ устраненіи дефектовъ современнаго способа заключенія договора личнаго найма, и въ частности найма рабочихъ, лежитъ не въ плоскости вопроса о справедливости. Суть дѣла въ томъ, что при современномъ способѣ заключенія договоровъ, обусловленномъ капиталистическимъ производствомъ, воля рабочаго выражается лишь въ согласіи на заключеніе договора; опредѣленіе же содержанія послѣдняго въ значительной степени, совершается односторонне предпринимателемъ. Время работы, паузы и проч. въ крупномъ производствѣ и не могутъ быть устанавливаемы отдѣльно съ каждымъ рабочимъ. Послѣдній просто соглашается подчиниться установленному фабрикантомъ распорядку работъ. Указанное обстоятельство дало Gierke основаніе охарактеризовать договоръ о работѣ какъ Herrschaftsvertrag. Данное положеніе одинаково наблюдается какъ въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ единичнымъ лицамъ, такъ и лицамъ юридическимъ—акціонернымъ компаніямъ. Гдѣ выходъ изъ этого положенія? Государство вмѣшивается въ отношенія между рабочими и предпринимателями съ принудительными нормами, регулирующими maximum рабочаго дня и т. п. Но государство не можетъ,

да и не должно своими предписаніями совершенно уничтожить договорное соглашеніе. Въ современномъ государствѣ такое полное устраненіе свободы соглашеніе было бы опасно для самихъ рабочихъ, чему примѣромъ служитъ Новая Зеландія. Наиболѣе удовлетворительнее разрѣшеніе вопроса представляетъ заключеніе коллективныхъ договоровъ объ условіи работы, договоровъ на Западѣ ставшихъ обычными. Слѣдуя за жизнью, западно-европейская юридическая литература усиленно занялась разработкой условій заключенія такихъ договоровъ, послѣдствій ими вызываемыхъ и т. п. Въ коллективномъ договорѣ фабриканту противостоитъ масса рабочихъ, обычно организованныхъ въ союзъ. Съ этой массой уже возможно опредѣлять самыя условія работы, чего нельзя сдѣлать съ отдѣльнымъ рабочимъ; съ желаніями этой массы фабриканту приходиться уже считаться. Коллективный договоръ устанавливаетъ условія, на которыхъ будутъ заключаться отдѣльные договоры о работѣ, здѣсь уже одностороннее волеизъявленіе хозяина замѣняется соглашеніемъ сторонъ. Докладчикъ не остановился на указанномъ вопросѣ, и это — основной недостатокъ его труда. Онъ видитъ ненормальность рабочаго договора въ томъ, что контрагентомъ является юридическое лицо, между тѣмъ, если бы онъ обратился къ изслѣдованію новѣйшихъ теченій въ области рабочаго договора, то увидѣлъ бы, что интересы рабочаго гораздо лучше охраняются, когда контрагентами и съ рабочей стороны, и со стороны предпринимателей являются юридическія лица, когда союзъ рабочихъ заключаетъ договоръ съ союзомъ предпринимателей...

А. Б. Розенблюмъ. Я весьма удивленъ, что пренія приняли тотъ характеръ, который они имѣютъ. Если не искать въ докладѣ какихъ-нибудь скрытыхъ мыслей, то ему нельзя приписать утвержденія, будто бы юридическія лица свободны отъ обязанности быть въ лицѣ своихъ органовъ нравственными и исполнять договоръ по доброй совѣсти. Вся мысль доклада, въ отношеніи вопроса морали, заключалась въ слѣдующемъ: въ дѣйствующемъ законодательствѣ есть положеніе, обязывающее предпринимателя быть справедливымъ; какъ же примѣнить это положеніе закона къ юридическимъ лицамъ, которыя не имѣютъ, конечно, того, что мы называемъ совѣстью отдѣльнаго лица.

И для устраненія всякихъ возможныхъ по этому поводу разностей во взглядахъ, докладчикъ говоритъ: мы, какъ юристы, должны стремиться къ тому, чтобы регулировать отношенія, возникающія между юридическими лицами и отдѣльными индивидами, такъ, чтобы они отвѣчали требованіямъ справедливости. Можно ли ограничиться тѣмъ, спрашиваетъ докладчикъ, чтобы законодатель поставилъ общее требованіе о томъ, что отношенія должны быть основаны на справедливости или, можетъ-быть, законодатель, наоборотъ, долженъ выработать такія объективныя нормы, которыя фактически создавали бы справедливыя отношенія и такимъ образомъ въ этихъ нормахъ судья находилъ бы достаточный отвѣтъ для рѣшенія спора между сторонами. Такъ я понимаю основную мысль доклада и эту скромную задачу, которую докладчикъ самъ поставилъ. И я скажу вмѣстѣ съ нимъ: пусть отношенія между сторонами будутъ опредѣлены настолько ясно и ново, пусть они будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ объективно регулированы вполнѣ на началахъ справедливости, дабы при столкновеніи сторонъ для судьи оставалось возможно меньше поводовъ для сомнѣній. Я слышалъ сегодня отъ одного изъ оппонентовъ замѣчаніе, что судья самъ можетъ и помимо яснаго велѣнія закона создать справедливыя отношенія между спорящими сторонами, и судья можетъ будто

бы сдѣлать это въ качествѣ творца права. Печальное заблужденіе! Судья долженъ примѣнять дѣйствующее право, а не создавать новое. Конечно было бы ошибочно отказывать судьѣ въ правѣ восполнить неясныя велѣнія закона и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ своими рѣшеніями подчеркивать недостаточность дѣйствующаго закона, но когда мы въ Юридическомъ обществѣ разсуждаемъ de lege ferenda, мы должны мыслить о такихъ законодательныхъ нормахъ, которыя давали бы судьѣ возможность творить справедливость, примѣняя законъ, а не создавая его.

При такомъ, повторяю, скромномъ пониманіи мною мысли и задачи доклада, я вмѣстѣ съ П. И. удивляюсь тому, что здѣсь поднятъ былъ очень интересный, быть можетъ, съ точки зрѣнія философской вопросъ объ индивидуальной и соціальной психологіи,—вопросъ, который къ настоящему докладу никакого отношенія не имѣетъ. П. И. Астровъ своимъ докладомъ не увлекалъ насъ ни въ какія философскія глубины; онъ поставилъ передъ нами чисто практическій, имѣющій вмѣстѣ съ тѣмъ громадное общественное значеніе, вопросъ и разрѣшилъ этотъ вопросъ, мнѣ кажется, вполнѣ правильно. За это мы должны принести ему нашу большую благодарность.

Н. Н. Полянскій, начавъ съ извиненія въ томъ, что, не будучи цивилистомъ, онъ рѣшается принять участіе въ возникшемъ обмѣнѣ мнѣній, высказалъ: „Происходящій сейчасъ, все наростающій споръ, напоминаетъ мнѣ скользящій снѣжный комъ, который все увеличивается и вмѣстѣ съ тѣмъ все дальше удаляется отъ первоначально занимаемой имъ плоскости. Здѣсь спорятъ о томъ, можетъ или не можетъ юридическое лицо быть моральнымъ, быть доступнымъ нравственнымъ требованіямъ правды и справедливости. Но, вѣдь, не въ этомъ, мнѣ кажется, сущность разногласія. Послѣднее коренится въ вопросѣ, носитъ ли требованіе aequum et bonum исключительно этическій характеръ, или оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе юридическое по своей природѣ; если тѣ нормы, которыя вытекаютъ изъ этого требованія, суть нормы нравственности, то оппоненты докладчика должны признать, что будучи не отдѣлимы отъ идеи нравственнаго долга, которая въ свою очередь предполагалось индивидуальное нравственное сознаніе, эти нормы не могутъ имѣть для юридическаго лица того же значенія, какъ и для лица физическаго; если же нормы, для которыхъ основаніемъ служитъ требованіе aequum et bonum, суть нормы юридическія, то едва ли докладчикъ будетъ въ состояніи оспаривать, что, въ качествѣ таковыхъ (т. е. именно какъ юридическія предписанія), онѣ должны и могутъ быть усваиваемы не только физическими, но и юридическими лицами. Сводя, такимъ образомъ, сущность спора къ тому или другому взгляду на требованіе aequum et bonum, я, съ своей стороны, полагаю, что это требованіе и вытекающія изъ него нормы имѣютъ юридическій характеръ. Правда, эти нормы черпаютъ свое содержаніе не изъ закона, но это не лишаетъ ихъ значенія юридическихъ нормъ, ибо формулирующая ихъ судебная практика конкурируетъ въ современномъ гражданскомъ оборотѣ, въ качествѣ правотворческаго фактора, съ закономъ „не законъ,— говоритъ нѣмецкій юристъ Бюловъ,—а законъ и судъ даютъ народу его право“.

П. Н. Малянтовичъ. Мнѣ кажется, что двѣ попытки, которыя были здѣсь сдѣланы...—я не имѣю честь знать по фамиліи ихъ авторовъ—были не только безплодны, но и въ значительной степени вредны, потому что онѣ безусловно затемнили и основную точку зрѣнія... и тѣ посылки, которыя такъ существенно необходимы въ дѣятельности юриста, будь то теоретикъ или практикъ. Я склоненъ думать, и вѣроятно многіе съ этимъ согласятся, что, какъ феноменъ,

договоръ личнаго найма есть въ гораздо большей степени феноменъ соціальный, общественный, чѣмъ юридическій и тѣмъ болѣе онъ не допускаетъ никакого трактованія его какъ продукта юридическаго мышленія. Поэтому я совершенно не склоненъ думать, чтобы юристы могли очень много сдѣлать для того, чтобы опредѣлить и въ желательномъ съ соціальной точки зрѣнія смыслѣ разработать форму этого договора, но, по моему мнѣнію, очень важно и полезно, чтобы юристъ умѣлъ понимать его происхожденіе, чтобы въ извѣстные моменты дать этому явленію надлежащую юридическую форму охраны. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно стремленіе разграничить и установить ту огромную разницу, которая существуетъ въ высказанныхъ здѣсь двухъ точекъ зрѣнія,—разногласіе между докладчикомъ и его оппонентами налицо и очень интересно, и важно. И хочется поэтому сказать П. И., что на той точкѣ зрѣнія, на которой онъ стоитъ, очень трудно будетъ изыскать въ свое время ту желательную форму охраны отношеній, которыя выливаются въ форму договора личнаго найма, о которомъ такъ заботится П. И. и который такъ близокъ намъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ его замѣчанія важны, но именно потому, что во всѣхъ своихъ выводахъ онъ исходитъ изъ представленія индивидуальной психологіи. Я долженъ сказать, что въ наше время нельзя говорить о личномъ договорѣ, какъ о свободномъ союзѣ договаривающихся лицъ; а если нельзя такъ понимать личный договоръ, то должны исходить изъ понятія о немъ, какъ о формѣ соціальнаго отношенія, и всѣ ваши построенія, П. И., поэтому падаютъ. И вотъ, если на вашей точкѣ зрѣнія стоять, то очень трудно будетъ юристу придти на помощь нарождающимся новымъ отношеніямъ съ готовой формой ихъ охраны, а только на это онъ и способенъ, какъ я сказалъ уже раньше.

П. И. Астровъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, П. Н., что вопросъ мною затронутый, есть вопросъ дѣйствительно трудный, но я не знаю, станетъ ли онъ легче, если мы, устранивъ ту узко-цивилистическую точку зрѣнія, на которой я стоялъ, перейдемъ на точку зрѣнія соціальную. Мнѣ кажется, что, перейдя въ другую плоскость изслѣдуемаго явленія, мы не устранимъ того гражданско-правового элемента, который существуетъ въ явленіи. Я говорю, при всякихъ экономическихъ условіяхъ, при всякихъ соотношеніяхъ, если одинъ человѣкъ будетъ пользоваться трудомъ другого, мы должны будемъ призвать цивилиста и цивилистъ долженъ будетъ обсудить этотъ вопросъ съ точки зрѣнія гражданскаго права. Мнѣ приходится такъ же остановиться на положеніи выдвинутомъ Н. Н. Полянскимъ, съ которымъ я энергически не могу согласиться по соображеніямъ чисто юридическимъ. Онъ говоритъ: „если требованія предъявляемыя къ контрагентамъ носятъ юридическій характеръ, то они доступны и юридическимъ лицамъ, если же они нравственнаго порядка, то недоступны“. Это положеніе имѣетъ всѣ признаки правильно построенной логической антитезы, если разсматривать его въ предѣлахъ листа бумаги, на которой она написана. Но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ отношеніями личнаго найма, какъ съ жизненнымъ явленіемъ во всей его полнотѣ его жизненнаго содержанія, и здѣсь этотъ вопросъ разрѣшается совершенно внѣ трагизма антитеза Н. Н. Несомнѣнно, что bona fides есть понятіе юридическое, но его юридическое содержаніе таково, что въ него черезъ правосознаніе проникаетъ все, изъ чего слагается жизнь,—а правосознаніе есть только у лица физическаго.

Мнѣ не хотѣлось бы такъ же оставить безъ замѣчанія и слова Д. М. Генкина, которыя касаются крупнаго явленія современной жизни коллектив-

наго договора. Я не затронулъ этого явленія въ своемъ докладѣ, считая его въ постановкѣ моего доклада вопросомъ постороннимъ. Коллективный договоръ—это есть юридическая форма экономическаго объединенія трудящихся, Измѣненіе на сторонѣ нанявшихся не имѣютъ отношенія къ тѣмъ юридическимъ явленіямъ, которыя характеризуютъ юридическую природу нанимателя, я характеризовалъ лишь послѣднюю.

Предсѣдатель *Н. В. Давыдовъ*. Повидимому, больше нѣтъ желающихъ участвовать въ преніяхъ. Позвольте мнѣ, поэтому, сказать нѣсколько словъ по поводу выслушаннаго нами доклада и послѣдовавшихъ затѣмъ преній.

Мнѣ думается, что пренія нисколько не выходили изъ того положенія, которое было намѣчено съ самаго начала докладчикомъ. Дѣло въ томъ, что тотъ предметъ, который онъ взялъ для изслѣдованія — „Институтъ личнаго найма въ законѣ и жизни“ столь глубокъ, что онъ несомнѣнно долженъ былъ затронуть и охватить и тѣ области правовѣдѣнія, которыя на первое время казались не связанными непосредственно съ темою доклада. Я думаю, что пренія представляли громадный интересъ и охватили все то, что надлежало охватить. И, въ сущности, то главное положеніе, которое было выдвинуто докладчикомъ съ самого начала, а именно необходимость разработки Юридическимъ обществомъ вопросовъ, касающихся института личнаго найма въ законѣ и жизни,—съ этимъ положеніемъ докладчика согласились рѣшительно всѣ. Я не могу привести общаго хотя бы и краткаго содержанія всего высказаннаго, тѣмъ болѣе что въ сущности, спорящія стороны не пришли къ какому-либо общему положенію и каждая сторона приводила достаточно вѣскія основанія для того, чтобы имѣть возможность поддерживать высказанное мнѣніе, при чемъ ни одна сторона, какъ мнѣ кажется, не одержала побѣды въ данномъ вопросѣ; дѣйствительный интересъ къ темѣ и преніямъ устанавливается и значительнымъ количествомъ здѣсь присутствующихъ, несмотря на поздній часъ. Мнѣ кажется, поэтому, что Юридическому обществу предстоитъ задача,—разработать нѣсколько ближе и болѣе практически тотъ вопросъ, который разсматривался въ докладѣ и преніяхъ. Въ этомъ отношеніи однимъ изъ участвовавшихъ въ преніяхъ, господиномъ Перскимъ было внесено предложеніе, которое можно формулировать такимъ образомъ: въ виду громаднаго значенія проблемы института личнаго найма и очевидной отсталости дѣйствующаго законодательства, Юридическому обществу предлагается избрать изъ своей среды комиссію для разработки законопроекта о личномъ наймѣ. Но прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о томъ, надлежитъ ли избрать такую комиссію, можетъ быть, кому-нибудь угодно будетъ высказаться или этотъ вопросъ представляется достаточно яснымъ?... Позвольте, въ такомъ случаѣ, внести предложеніе г. Перскаго въ Совѣтъ и затѣмъ съ мнѣніемъ Совѣта представить на разрѣшеніе Собранія. А сейчасъ господа, позвольте мнѣ объявить засѣданіе Юридическаго Общества закрытымъ.

Собраніе постановило внести предложеніе г. Перскаго на разсмотрѣніе Совѣта и, по предварительномъ обсужденіи его въ Совѣтѣ, представить на разрѣшеніе Общаго Собранія.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. 30 мин. вечера.

И. о. предсѣдателя *Н. В. Давыдовъ*.

Секретарь *А. Н. Бѣликовъ*.

ПРОТОКОЛЪ

общаго собранія Московскаго Юридическаго Общества 15-го ноября 1910 года.

Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя Н. В. Тесленко. Обязанности секретаря исполнялъ Н. М. Ждановъ. Присутствовали: А. И. Берманъ, Л. С. Бискъ, Н. Н. Быковскій, Н. Г. Вавинъ, Н. С. Вагановъ, В. А. Васильевъ, А. Э. Вормсъ, И. К. Голубевъ, И. С. Гольдбергъ, А. М. Долматовскій, І. И. Гроссманъ, В. В. Елагинъ, В. И. Жегалкинъ, М. А. Иванцовъ, М. П. Коваленковъ, Б. А. Корепановъ, А. Г. Костенецкій, В. С. Малченко, Б. М. Маркельсъ, С. П. Мельгуновъ, Ѳ. В. Мержинскій, В. Н. Миролюбовъ, В. І. Недзвецкій, Б. П. Немысскій, П. А. Никашинъ, И. И. Никольскій, А. Н. Паренаго, А. И. Покровскій, И. И. Ретсепъ, В. В. Рождественскій, І. С. Розенталь, Н. Я. Рыбаковъ, А. М. Симоновъ, С. И. Соболевъ, И. Н. Собцовъ, Е. Л. Стронгинъ, Е. А. Фальковскій, Г. С. Фельдштейнъ, Г. Н. Флееровъ, И. А. Фрешкопъ, В. П. Филимоновъ, В. Н. Челищевъ, Н. И. Яблонинъ, П. И. Астровъ и Я. Г. Перскій.

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ Н. В. Тесленко въ 8 час. 30 мин. вечера.

Открывъ засѣданіе, предсѣдательствующій *Н. В. Тесленко* сказалъ слѣдующее: Совѣтъ Юридическаго Общества, получивъ печальное извѣстіе о кончинѣ Льва Николаевича Толстого, постановилъ просить присутствовать на погребеніи Н. М. Жданова и Н. Н. Полянскаго, что они и исполнили. Семьѣ покойнаго Совѣтомъ была отправлена слѣдующая телеграмма: „Собравшись на чрезвычайное совѣщаніе при вѣсти о кончинѣ Льва Николаевича, Совѣтъ Московскаго Юридическаго Общества переживаетъ со всѣмъ человѣчествомъ скорбь объ утратѣ великаго провозвѣстника невѣдомой людямъ и незримой міромъ правды“. Московское Юридическое Общество раздѣляетъ благоговѣйныя чувства почитанія памяти великаго учителя, словамъ и мыслямъ котораго внималъ весь міръ; въ знакъ чего позвольте пригласить васъ встать.

Всѣ присутствовавшіе встали.

Затѣмъ предсѣдательствующій сказалъ: нами получено извѣстіе о послѣдовавшей на дняхъ кончинѣ Дмитрія Андреевича Дриля. Покойный состоялъ членомъ Московскаго Юридическаго Общества, дѣятельность котораго мы продолжаемъ. Дмитрій Андреевичъ родился въ 1846 году. Окончивъ Московскій Университетъ, онъ былъ командированъ за границу для продолженія своего образованія. Кромѣ того, Дмитрій Андреевичъ пробылъ нѣкоторое время на медицинскомъ факультетѣ. Въ Харьковскомъ университетѣ онъ защищалъ

свою диссертацію подъ заглавіемъ: „Малолѣтніе преступники“ на степень магистра уголовнаго права. Изъ слѣдующихъ его трудовъ обращаютъ на себя вниманіе: „Психо-физическіе типы преступниковъ“, заключающіе анализъ антопологическихъ признаковъ преступленія, и появившаяся въ 1899 году книга: „Преступность и преступники“. Дмитрій Андреевичъ сотрудничалъ во многихъ спеціальныхъ журналахъ, гдѣ помѣщалъ свои изслѣдованія по уголовному праву. Онъ былъ постояннымъ участникомъ международныхъ конгрессовъ уголовной антропологіи и пенитенціарныхъ конгрессовъ; Дмитрій Андреевичъ состоялъ членомъ и казначеемъ Русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ со времени его основанія, и не дальше, какъ полтора года тому назадъ, мы видѣли его здѣсь, въ этой залѣ въ засѣданіи предпослѣдняго съѣзда Союза Криминалистовъ. Онъ былъ постояннымъ участникомъ съѣздовъ представителей исправительныхъ заведеній и недавно участвовалъ въ съѣздѣ по борьбѣ съ алкоголизмомъ. Дмитрій Андреевичъ принималъ дѣятельное участіе въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ и состоялъ его секретаремъ съ 1884 по 1886 годъ. Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Юридическаго Вѣстника съ начала восьмидесятыхъ годовъ по девяносто второй, до того времени, какъ онъ покинулъ Москву и перенесъ свою дѣятельность въ Петербургъ. Такъ, напримѣръ, въ Юридическомъ Вѣстникѣ, въ октябрьской книжкѣ 1883 года мы находимъ его „Очеркъ развитія ученія новой позитивной школы уголовнаго права“. Дмитрій Андреевичъ былъ постояннымъ трудолюбивымъ докладчикомъ въ засѣданіяхъ Московскаго Юридическаго Общества и даже пріѣзжалъ на эти засѣданія изъ Петербурга. Такъ, въ 1892 году онъ сдѣлалъ докладъ: „Какъ иногда развивается преступность“, въ 1893— „Чувственныя влеченія и преступность“, въ 1894—„Предѣлы наказуемости“. Въ 1883 году Дмитрій Андреевичъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи „Общей части проекта Уголовнаго Уложенія“, происходившемъ въ засѣданіяхъ Юридическаго Общества, а въ 1884, 85 и 86 годахъ — въ обсужденіи „Особенной части“ того же Уложенія. По своему направленію Дмитрій Андреевичъ былъ противникомъ классической школы уголовнаго права и всегда относился съ большимъ вниманіемъ и чуткостью къ новымъ теченіямъ науки. Онъ былъ, такъ сказать, криминалистомъ по призванію, и работа въ въ области уголовнаго права вытекаетъ изъ его міросозерцанія и побужденій гуманнаго человѣка, который считалъ долгомъ придти на помощь страждущему. Онъ постоянно стремился быть педагогомъ, и несомнѣнно, какъ его талантливость, такъ знанія и умѣнье излагать свою мысль сдѣлали бы изъ него выдающагося преподавателя. Но обычныя русскія „независящія“ обстоятельства до конца жизни препятствовали Дмитрію Андреевичу осуществить свое желаніе, и во время своего пребыванія въ Москвѣ ему пришлось занимать скромную должность податного инспектора. Въ 1890 году Дмитрій Андреевичъ получаетъ въ Министерствѣ Юстиціи должность, которая, хотя отчасти, соотвѣтствуетъ его желаніямъ. Онъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при Министрѣ Юстиціи, завѣдующаго исправительными учрежденіями, и въ этой должности сразу обращаетъ на себя вниманіе работами надъ улучшеніемъ этихъ учрежденій. Въ послѣднее время Дмитрій Андреевичъ сдѣлался преподавателемъ уголовнаго права въ Политехническомъ Институтѣ и въ Психо-Неврологическомъ. Дмитрій Андреевичъ былъ талантливымъ и цѣннымъ ученымъ, оставившимъ большой слѣдъ въ наукѣ. Онъ былъ гуманнымъ и культурнымъ человѣкомъ, живымъ общественнымъ дѣятелемъ, относившимся съ вниманіемъ къ событіямъ текущей жизни. Всю

жизнь онъ проявлялъ твердость и опредѣленность взглядовъ. Московское Юридическое Общество не забудетъ его.

Позвольте пригласить васъ въ знакъ уваженія его памяти встать.

Всѣ присутствовавшіе встали.

Н. М. Ждановъ доложилъ, что въ засѣданіи Совѣта 13 ноября были приняты въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества слѣдующія лица: членъ Московскаго Окружнаго Суда Алексѣй Петровичъ Зоринъ, Александръ Александровичъ Корниловъ, оставленный при Университетѣ Александръ Марковичъ Винаверъ, Григорій Алексѣевичъ Рачинскій, присяжные повѣренные— Федоръ Осиповичъ Лембергъ, Карлъ Моисеевичъ Сліозбергъ и Александръ Александроричъ Чиколини и помощники присяжнаго повѣреннаго — Семенъ Осиповичъ Загорскій, Дмитрій Самойловичъ Розенблюмъ и Викторъ Николаевичъ Шретеръ. Въ томъ же засѣданіи Совѣтъ утвердилъ инструкцію комиссіи о правовомъ положеніи церкви въ государствѣ слѣдующаго содержанія:

§ 1. Учрежденная въ составѣ Московскаго Юридическаго Общества Комиссія „по вопросамъ о правовомъ положеніи церкви въ государствѣ“ имѣетъ своей цѣлью научную разработку теоріи и практики въ данной области.

§ 2. Членами Комиссіи могутъ быть всѣ изъявшіе желаніе принимать участіе въ ея засѣданіяхъ члены Общества.

§ 3. Комиссія избираетъ изъ своей среды срокомъ на годъ предсѣдателя, 2 товарищей предсѣдателя, секретаря и его товарища, составляющихъ бюро Комиссіи.

§ 4. На обязанности бюро лежитъ подготовленіе и разсмотрѣніе матеріаловъ для занятій Комиссіи, а также назначеніе предмета, времени и мѣста засѣданій Комиссіи.

§ 5. Комиссія представляетъ Совѣту Общества годичный отчетъ о своей дѣятельности и свои труды.

§ 6. Въ засѣданіяхъ Комиссіи, посвященныхъ обсужденію докладовъ, могутъ присутствовать всѣ члены Общества“.

Совѣтъ Юридическаго Общества вслѣдствіе письма Правленія Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова отъ 10 сентября 1910 г. указалъ Правленію слѣдующихъ лицъ, изъявившихъ согласіе принять участіе въ организуемой при названномъ Обществѣ комиссіи по выработкѣ новыхъ таблицъ для опредѣленія потери трудоспособности: Л. С. Бискъ, М. А. Мебель, А. И. Пересъ и С. П. Симсонъ.

Въ Совѣтъ поступило письмо А. Э. Вормса съ просьбой объ освобожденіи его отъ исполненія обязанностей секретаря Московскаго Юридическаго Общества въ виду недостатка времени. Совѣтъ постановилъ выразить А. Э. Вормсу благодарность за понесенные имъ въ качествѣ секретаря Общества труды; выборы секретаря произвести на ближайшемъ годичномъ собраніи и до выборовъ секретаря поручить выполненіе секретарскихъ обязанностей товарищу секретаря Н. М. Жданову.

Предсѣдательствующій *Н. В. Тесленко* предложилъ выразить А. Э. Вормсу сожалѣніе по поводу оставленія имъ должности секретаря Общества и благодарность за понесенные имъ труды.

Собраніе единогласно и при аплодисментахъ приняло предложеніе предсѣдательствующаго.

Собраніе утвердило постановленіе Совѣта поручить выполненіе обязанностей секретаря Н. М. Жданову.

Д. Ч. *Н. Г. Вавинъ* прочиталъ докладъ: „О зачетѣ обязательствъ". (Докладъ напечатанъ въ IV книгѣ журнала „Вопросы права" за 1910 годъ).

Предсѣдательствующій объявилъ перерывъ.

По возобновленіи засѣданія предсѣдательствующій предложилъ желающимъ принять участіе въ обсужденіи доклада.

П. П. Астровъ указалъ, что докладчикъ представилъ интересный сводъ постановленій матеріальнаго права разныхъ законодательствъ, — внѣ связи, однако, этихъ постановленій съ жизненнымъ явленіемъ „разсчета", которое этимъ институтомъ регулируется. Оцѣнить достоинства или недостатки нормъ матеріальнаго гражданскаго права можно только въ связи съ ихъ жизненнымъ содержаніемъ. Прекращеніе обязательствъ взаимнымъ погашеніемъ претензій контрагентовъ другъ къ другу вытекаетъ изъ самой природы обязательственныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что институтъ зачета настолько же старъ, насколько старо обязательственное право. Зачетъ есть одинъ изъ видовъ „разсчета". Въ русскомъ юридическомъ языкѣ слово „разсчетъ" въ этомъ смыслѣ вмѣсто слова „зачетъ" часто и употребляется. Неразрывная связь между этими явленіями несомнѣнна. Оцѣнить достоинства и недостатки законовъ, регулирующихъ зачетъ, можно только въ связи съ экономическимъ содержаніемъ и бытовыми условіями разсчетовъ въ данное время, въ данномъ мѣстѣ, въ той или другой данной области имущественныхъ отношеній. Только такое изслѣдованіе можетъ пролить свѣтъ на цѣлесообразность тѣхъ или другихъ нормъ матеріальнаго права. Докладчикъ недостаточно остановился на этой сторонѣ вопроса. Это не умаляетъ однако интереса и значенія его доклада, ибо въ предѣлахъ поставленной себѣ задачи онъ сообщилъ интересный и обширный матеріалъ, но важный институтъ прошелъ передъ нами въ докладѣ внѣшней стороной. Кромѣ того, докладчикъ удѣлилъ мало мѣста процессуальной сторонѣ вопроса. Институтъ зачета есть институтъ не только права матеріальнаго, но также права процессуальнаго. Въ какой процессуальной формѣ право на зачетъ можетъ защищаться на судѣ? Формой ли возраженія или формой встрѣчнаго иска? Или и той и другой процессуальной формой? Эти вопросы имѣютъ громадное значеніе и нуждаются въ разработкѣ.

Я. Г. Перскій отмѣтилъ, что докладчикъ, касаясь вопроса, имѣющаго большое практическое значеніе, недостаточно остановился на важныхъ послѣдствіяхъ зачета въ области матеріальнаго права, и указалъ на своеобразное постановленіе въ этомъ отношеніи русскаго законодательства, именно на дѣйствіе ст. 494 Уст. о Несост. Статья эта устанавливаетъ громадныя преимущества для кредитора, имѣющаго право на зачетъ, давая ему безъ другихъ основаній право на удовлетвореніе полностью въ суммѣ зачета.

А. Н. Паренаго указалъ, что погашеніе взаимныхъ претензій между сторонами путемъ зачета представляется въ настоящее время настолько обычнымъ способомъ прекращенія взаимныхъ обязательствъ и настолько глубоко проникшимъ въ жизнь, что не можетъ быть и рѣчи о недопустимости этого основанія къ прекращенію обязательствъ. Зачетъ обязательствъ практикуется вездѣ въ повседневной жизни и вошелъ уже въ торговый обычай. Такъ при нѣкоторыхъ биржахъ существуютъ даже особыя разсчетныя учрежденія, которыя принимаютъ отъ банковъ поступающіе къ нимъ векселя какъ на предметъ платежа, такъ и на предметъ полученія по нимъ платежа

и выплачиваютъ этимъ банкамъ или получаютъ съ нихъ только тѣ суммы, которыя причитаются банкамъ въ тотъ день въ итогѣ всѣхъ вексельныхъ операцій по взысканію и оплатѣ. Нынѣ дѣйствующее законодательство и кассаціонная практика также признаютъ зачетъ взаимныхъ претензій за одинъ изъ способовъ прекращенія обязательствъ. Самъ докладчикъ ссылался на 605 ст. 2 ч. XVI т. Св. Зак. 1166 ст. Уст. Гражд. Суд. и 494 ст. Уст. о Несост. Затѣмъ Гражданскій Кассац. Д-нтъ Сената, признавая вообще допустимость зачета (рѣш. 1870 г. № 496), указалъ, что этотъ зачетъ можетъ быть произведенъ судебнымъ приставомъ (рѣш. 1889 г. № 212), Обществомъ Взаимнаго Кредита при его счетахъ съ членами общества (рѣш. 1882 года №№ 19 и 21) и т. д. Такимъ образомъ, въ настоящее время возможна рѣчь не о недопустимости зачета, а лишь объ урегулированіи его и объ установленіи твердыхъ для сего основаній. Обращаясь къ разрѣшенію этого послѣдняго вопроса, необходимо различать при производствѣ зачетовъ три момента зачета: 1) когда зачетъ производится между частными лицами и учрежденіями до возбужденія дѣла въ судебномъ порядкѣ; 2) когда дѣло возбуждается въ судебномъ порядкѣ, но не разрѣшено судомъ и 3) когда къ зачету представляются претензіи, облеченныя уже въ форму исполнительныхъ листовъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ зачетъ можетъ и долженъ производиться путемъ односторонняго заявленія того лица, которое представляетъ свою претензію для зачета, ибо невозможно допустить, чтобы такой зачетъ нуждался въ согласіи первоначальнаго кредитора. Первоначальный кредиторъ никогда такого согласія на зачетъ не дастъ и требованіе отъ него согласія или даже предварительное оповѣщеніе его о предполагаемомъ зачетѣ лишено всякаго значенія. Переходя къ вопросу о томъ, какимъ порядкомъ слѣдуетъ производить зачетъ, необходимо признать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда предъявляется къ оплатѣ обязательство должника внѣсудебнымъ порядкомъ, зачетъ долженъ производиться исключительно по волѣ должника, и едва ли возможно допустить, чтобы кредиторъ, предъявляя должнику обязательство сего послѣдняго, могъ требовать, чтобы должникъ, въ уплату по обязательству, внесъ, въ свою очередь, то обязательство, которое у него остается на кредитора. Каждый держатель обязательства воленъ предъявить его ко взысканію или уничтожить, а потому требовать отъ должника представленія такого обязательства, по волѣ первоначальнаго кредитора, недопустимо. Если же при зачетѣ взаимныхъ обязательствъ въ этой первой стадіи, между сторонами возникли какіе-либо споры, для нихъ всегда открыта возможность обратиться къ суду. Во второй стадіи, когда должникъ желаетъ въ зачетъ предъявленной къ нему въ судъ претензіи представить обязательства кредитора, желаемый зачетъ производится путемъ предъявленія встрѣчнаго иска и порядокъ, установленный 340 ст. Гр. Суд., не нуждается ни въ какихъ дополненіяхъ. Когда же приходится производить зачетъ претензій, уже признанныхъ судомъ и облеченныхъ въ форму судебнаго рѣшенія, этотъ зачетъ долженъ лежать на обязанности исполнителей судебнаго рѣшенія, а потому онъ и нуждается въ совершенно ясной и опредѣленной регламентаціи. Для такого зачета, по моему мнѣнію, можетъ быть мѣсто лишь тогда, когда засчитываемыя требованія совершенно однородны, когда эти требованія принадлежатъ кредитору и должнику, а не третьимъ лицамъ, и когда обоимъ засчитываемымъ требованіямъ наступилъ срокъ исполненія. Невозможно допустить зачетъ рѣшеній суда, по коимъ одной сторонѣ присуждены, напр., деньги, а другой—какіе-либо предметы, или когда одна претензія раз-

рѣшена судомъ окончательно, прошеніе по другой претензіи не вошло еще въ законную силу, или, наконецъ, когда противъ претензіи кредитора предъявляется претензія третьихъ лицъ, не перешедшая къ должнику въ установленномъ порядкѣ.

А. Э. Вормсъ указалъ, что докладчикъ выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о конструкціи института зачета. Казалось бы, однако, что подобныя, апріорныя конструкціи имѣютъ меньше значенія, чѣмъ обобщеніе выводовъ, къ которымъ можно придти въ заключеніе по обзорѣ судебной практики. Въ современныхъ законодательствахъ намѣчается стремленіе расширить свободу судьи въ области примѣненія гражданскихъ законовъ. Такъ, I статья Швейцарскаго уложенія предоставляетъ судьѣ тѣ вопросы, которые не разрѣшаются ни закономъ, ни обычаемъ, рѣшать такъ, какъ если бы самъ онъ былъ законодателемъ, но статья прибавляетъ, что въ этомъ случаѣ судья долженъ слѣдовать принятымъ воззрѣніямъ, т.-е. долженъ провѣрять свои выводы, тщательно сопоставляя ихъ съ теоріей права. При соблюденіи этого условія возраженія докладчика противъ оперированія цѣлесообразностью ослабляются. Что же касается института зачета, то его теоретическое основаніе приходится оцѣнивать съ этой точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ законѣ этотъ институтъ почти совсѣмъ не развитъ. Докладчикъ правильно указалъ, что господствующія конструкціи не вполнѣ охватываютъ институтъ зачета, но его конструкція не устраняетъ всѣхъ трудностей. Докладчикъ, напр., выставляетъ положеніе, что одна сторона принимаетъ предложеніе другой о зачетѣ. Объяснять зачетъ этимъ — значитъ устанавливать фикцію: противникъ можетъ быть не согласенъ на зачетъ, но онъ для него обязателенъ. Однако, оппонентъ, какъ сказано, не придаетъ такимъ конструкціямъ рѣшающаго значенія, такъ какъ построить чисто логическую схему института не значитъ еще обосновать его. Переходя отъ этого общаго возраженія къ частнымъ, оппонентъ находитъ, что докладчику слѣдовало бы ближе связать теорію съ нашимъ закономъ и особенно съ судебными рѣшеніями, а не излагать ихъ въ двухъ разныхъ отдѣлахъ доклада. Далѣе онъ указываетъ на нѣкоторые спорные вопросы, выдвинутые докладомъ. Вопросы эти можно раздѣлить на нѣсколько группъ. Первая группа—условія, при которыхъ допускается зачетъ. Докладчикъ останавливается на французскомъ и германскомъ правѣ, тогда какъ французское и германское законодательство представляютъ, главнымъ образомъ, лишь стадіи въ интерпретаціи римскаго права, и докладчику слѣдовало бы подробнѣе остановиться именно на этомъ послѣднемъ. Что касается ссылокъ докладчика на проектъ нашего Гражданскаго уложенія, то надо отмѣтить, что проектъ, хотя бы, напримѣръ, по вопросу о необходимости наступленія срока для обоихъ обязательствъ, стоитъ не на высотѣ современной теоріи. Далѣе докладчикъ указываетъ на однородность обязательствъ. Ему слѣдовало бы оговорить, что когда содержаніе обязательства переводится на деньги, то эта однородность устанавливается сама собой. Слѣдующая группа—способы производства зачета. Здѣсь докладчикъ не выяснилъ, пожалуй, самой коренной проблемы. Сенатъ считаетъ зачетъ возраженіемъ. Если это такъ, то его эффектъ тѣмъ самымъ долженъ быть пріуроченъ уже къ моменту наступленія условій для зачета. Между тѣмъ этого вывода ни Сенатъ, ни докладчикъ не дѣлаютъ. По вопросу о случаяхъ недопустимости зачета можно отмѣтить пробѣлъ; докладчикъ не анализируетъ рѣшенія Гр. Касс. Д-та Сената 1906 г. № 24, признавшаго и для русскаго права недопустимость зачета для погашенія алиментовъ. Затѣмъ надо выдѣ-

ить вопросъ о зачетѣ при конкурсѣ и при исполнительномъ производствѣ. Здѣсь зачетъ имѣетъ своеобразную окраску. Наконецъ, докладчику вообще слѣдовало сопоставлять нашу сенатскую практику не столько съ западно-европейскими законодательствами, какъ это дѣлаетъ онъ, а съ римскимъ правомъ, къ которому наша практика ближе. Хотя она и уклоняется отъ римскаго права, напр., требуя безспорности обязательствъ, но въ общемъ зачетъ по русской судебной практикѣ представляетъ любопытную картину законченной рецепціи цѣлаго института.

Предсѣдательствующій, резюмирую пренія, предложилъ выразить докладчику благодарность за прочитанный имъ интересный докладъ.

Собраніе приняло это предложеніе.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Товарищъ предсѣдателя *Н. Тесленко*.

Секретарь *Н. Ждановъ*.

Критика и библіографія.

Баронъ С. А. Корфъ, Административная юстиція въ Россіи, т. I и II. Спб. 1910 г.

I.

Трудъ бар. Корфа представляетъ первую попытку научно освѣтить институтъ административной юстиціи по русскому праву. У насъ имѣются изслѣдованія объ административной юстиціи во Франціи, въ Пруссіи, въ Австріи и т. д., но относительно Россіи существуютъ только отрывочныя замѣтки и статьи, разбросанныя по различнымъ періодическимъ изданіямъ. Работы, обнимающей вопросъ въ цѣломъ, до сихъ поръ не имѣлось вовсе: изслѣдователи русскаго государственнаго права какъ бы отступали передъ трудностью задачи и въ своихъ курсахъ ограничивались бѣглыми замѣчаніями, главнымъ образомъ по поводу организаціи Сената и его значенія въ системѣ нашихъ государственныхъ учрежденій. Крупной заслугой бар. К. является то, что онъ, избравъ себѣ темой административную юстицію въ Россіи, задался цѣлью изучить этотъ институтъ всесторонне, какъ съ исторической, такъ и съ догматической точекъ зрѣнія. Не имѣя предшественниковъ, ему, первому піонеру, пришлось расчищать себѣ дорогу въ грудѣ совершенно сырого матеріала и, пользуясь выраженіемъ одного изъ его критиковъ[1]), „съ лупой въ рукахъ искать зародышей судебно-административной гарантіи правъ русскихъ подданныхъ“. Привлеченный имъ къ дѣлу матеріалъ отличается необыкновеннымъ обиліемъ. Авторомъ использована не только вся, за немногими исключеніями[2]), историко-юридическая литература вопроса, но и громадный офиціальный матеріалъ въ видѣ записокъ правительственныхъ комиссій, трудовъ различныхъ совѣщаній, журналовъ отдѣльныхъ учрежденій и т. п.

---

[1]) См. статью „Къ вопросу объ административной юстиціи въ Россіи“. „Правительственный Вѣстникъ“ 1910 г. № 192 г.

[2]) Авторомъ упущены изъ вида нѣкоторыя историческія изслѣдованія.

Многое изъ приведеннаго бар. К. впервые дѣлается достояніемъ печати, и это, само собой разумѣется, въ значительной степени увеличиваетъ цѣнность книги. Количество труда, положеннаго авторомъ на розысканіе, изученіе и критическій разборъ всего этого матеріала поистинѣ громадно, и уже одинъ фактъ опубликованія и систематизаціи всѣхъ этихъ покоившихся доселѣ въ архивахъ данныхъ долженъ быть поставленъ автору въ несомнѣнную заслугу.

Свой трудъ бар. К. раздѣлилъ на три части или книги. Въ первой, занимающей весь первый томъ, онъ даетъ обзоръ историческаго развитія власти надзора и адм. юст. въ Россіи; во второй—онъ изучаетъ дѣйствующее русское законодательство и, наконецъ, въ третьей—останавливается на теоріи адм. юст. Это дѣленіе, однако, оказывается не вполнѣ выдержаннымъ авторомъ. Такъ, во второй книгѣ онъ анализу организаціи учрежденій, облеченныхъ судебно - административными функціями, предпосылаетъ историческія введенія, которыя клиномъ врѣзываются въ изложеніе. Съ другой стороны, въ книгѣ, посвященной историческому развитію института, авторъ доводитъ разсказъ не только до созданія нынѣ дѣйствующихъ органовъ адм. юст., но и до самаго новѣйшаго времени. Такъ, напр., здѣсь подробно излагаются проекты реформы мѣстнаго управленія, составленные такъ наз. Кахановской комиссіей, бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве и теперешнимъ предсѣдателемъ совѣта министровъ Столыпинымъ. Подобное расположеніе матеріала представляетъ существенныя неудобства и грѣшитъ противъ правильной систематизаціи, такъ какъ не даетъ цѣлостной картины историческаго развитія изучаемаго института и вмѣстѣ съ тѣмъ не выясняетъ связи между организаціей существующихъ нынѣ адм. судовъ и тѣми или другими направленіями въ общей политикѣ правительства, изложенію коихъ посвященъ весь первый томъ. Другимъ чисто внѣшнимъ недостаткомъ книги является слишкомъ обильное включеніе въ нее сырого, почти неразработаннаго матеріала. Правда, этотъ матеріалъ самъ по себѣ представляетъ большой интересъ; но тѣмъ не менѣе это только матеріалъ и притомъ весьма часто имѣющій лишь довольно отдаленное отношеніе къ трактуемому авторомъ вопросу. Такъ, напр., говоря о кахановской комиссіи, авторъ на протяженіи 65 стран. излагаетъ составъ комиссіи, разбираетъ возложенныя на нее задачи, приводитъ длинныя выписки изъ журналовъ комиссіи и подробно анализируетъ нѣкоторые изъ составленныхъ ею проектовъ. Между тѣмъ, по предположеніямъ комиссіи, судебно-ад-

министративными функціями надѣлены были только уѣздное и губернское управленія, да и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Столь же подробно авторъ трактуетъ и о предположеніяхъ В. К. Плеве и о цѣломъ рядѣ комиссіи и комитетовъ, созывавшихся въ теченіе минувшаго вѣка для пересмотра законоположеній о мѣстномъ управленіи. Всѣ эти детали, имѣющія лишь косвенное отношеніе къ административной юстиціи, утомляютъ читателя и отвлекаютъ его вниманіе отъ того вопроса, который составляетъ основную тему труда бар. Корфа. Съ аналогическимъ недостаткомъ мы встрѣчаемся и во второмъ томѣ. Здѣсь, описывая организацію отдѣльныхъ присутствій съ судебно-административными полномочіями, авторъ на протяженіи цѣлаго ряда страницъ приводитъ законодательные тексты, иногда буквально перепечатывая отдѣльныя статьи Свод. зак., а иногда пересказывая ихъ своими словами. Отъ этого книга получаетъ нѣсколько расплывчатый, а самое изложеніе слишкомъ монотонный характеръ. Вообще слѣдуетъ сказать, что трудъ бар. К., съ внѣшней, по крайней мѣрѣ, стороны, выигралъ бы отъ бо́льшаго сконцентрированія матеріала и отъ опущенія излишнихъ подробностей. Послѣднія подчасъ прямо подавляютъ своимъ обиліемъ читателя, и изъ-за деревьевъ иногда не бываетъ видно лѣса: основная мысль автора какъ бы тонетъ въ морѣ мелочей, и юридическая конструкція теряется въ безчисленномъ множествѣ обволакивающихъ ее фактическихъ данныхъ.

Что же касается стилистической стороны, то, если не считать немногихъ черезчуръ фамилярныхъ выраженій, не гармонирующихъ съ общимъ тономъ повѣствованія, слѣдуетъ сказать, что книга написана яснымъ и простымъ языкомъ; нѣкоторая же сухость изложенія объясняется самой темой, не допускающей широкихъ полетовъ фантазіи. Къ числу достоинствъ разсматриваемаго сочиненія относится также и то, что авторъ въ полемикѣ отличается корректностью, а въ критикѣ тѣхъ или другихъ законопроектовъ или правительственныхъ мѣръ проявляетъ сдержанность и безпристрастіе. Это слѣдуетъ тѣмъ болѣе поставить бар. К. въ заслугу, что онъ затрогиваетъ цѣлый рядъ злободневныхъ вопросовъ, служащихъ какъ разъ въ настоящее время предметомъ оживленной и даже страстной полемики какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Нисколько не скрывая своихъ убѣжденій, бар. К., однако, нигдѣ не переходитъ грани, которая отдѣляетъ научную критику отъ полемическихъ пріемовъ. Его отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ мѣропріятіямъ идетъ весьма далеко, но тѣмъ не менѣе онъ въ критиче-

скихъ своихъ сужденіяхъ постоянно сохраняетъ подобающій тонъ и должную объективность.

II.

Отъ этихъ замѣчаній, касающихся, главнымъ образомъ, внѣшнихъ достоинствъ и недостатковъ книги бар. К., перехожу къ разбору ея содержанія по существу. Я начну съ конца, т.-е. съ съ третьей книги, посвященной теоріи admin. юст., такъ какъ отъ того или иного пониманія этого термина и зависитъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ должно разсматриваться и критически оцѣниваться законодательство данной страны. Эта третья книга, на мой взглядъ, представляется наименѣе удачной частью труда бар. К. Состоитъ она изъ двухъ главъ. Въ первой изображается развитіе admin. юст. на западѣ; во второй дается общая юридическая конструкція института. Глава первая содержитъ въ себѣ изложеніе законодательства 9 странъ (Франціи, Италіи, Англіи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Норвегіи, Германіи и Австріи). Было бы гораздо лучше, если бы авторъ ограничился тремя наиболѣе типичными государствами, а именно: Франціей, Германіей и Австріей, но зато остановился бы на нихъ обстоятельнѣе. Въ теперешнемъ ихъ видѣ отдѣльные очерки слишкомъ кратки, чтобы дать полное и ясное представленіе о положеніи дѣлъ въ каждой изъ упомянутыхъ странъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они страдаютъ и нѣкоторою поверхностностью. Такъ, напр., параграфъ, посвященный Франціи,—составленный, главнымъ образомъ, по извѣстной книгѣ Otto Mayer'a „Theorie des französischen Verwaltungsrechts"— не выясняетъ съ достаточной опредѣленностью существа столь любопытной по своему содержанію французской теоріи contentieux. Автору слѣдовало обратить главное свое вниманіе на выясненіе понятія административнаго иска (recours), характеризующагося двумя признаками: предоставленіемъ *частнымъ лицамъ* права жаловаться на правонарушенія, учиняемыя органами власти, и соотвѣтствующей этому праву обязанностью воздѣйствовать на жалобу разсмотрѣніемъ дѣла въ особыхъ инстанціяхъ (административныхъ судахъ). Эта основная черта административнаго иска недостаточно подчеркнута авторомъ, благодаря чему его изложеніе представляется нѣсколько неяснымъ. Лишь съ большимъ трудомъ, да и то при хорошемъ знакомствѣ съ французскимъ административнымъ правомъ, можно уяснить себѣ, въ чемъ

собственно состоитъ особенность французскаго contentieux и отличіе его отъ такъ-называемаго recours gracieux и hiérarchique [1]). Параграфъ, посвященный Германіи, также представляетъ изъ себя суммарный обзоръ адм. юст. въ государствахъ, входящихъ въ составъ имперіи. По мнѣнію бар. К., тогда какъ во Франціи обособленіе администраціи выросло на почвѣ недовѣрія къ судамъ, какъ носителямъ реакціонныхъ теченій, въ Германіи, наоборотъ, оно развилось вслѣдствіе непосредственнаго усиленія самой администраціи. Возникновеніе института адм. юст. онъ объясняетъ наступившей къ концу 50 годовъ реакціей противъ всемогущества исполнительной власти, реакціей, побудившей установить гарантіи для отдѣльныхъ гражданъ. Германская юридическая мысль при этомъ пошла по пути, намѣченному Гнейстомъ, и стала искать эти гарантіи не внѣ, а въ самой администраціи, въ созданіи особыхъ административныхъ судовъ, тѣсно сплетенныхъ съ системой установленій мѣстнаго самоуправленія. Вопросъ же о принципіальномъ различіи между администраціей и адм. юст. былъ разрѣшенъ въ послѣднее время, подъ вліяніемъ ученія Отто Мюллера, въ смыслѣ признанія адм. юст. спеціальной дѣятельностью администраціи вообще. Схема эта, навѣянная изложеніемъ вопроса Аншютцемъ въ „Systematische Rechtswissenschaft“ (Kultur der Gegenwart, B. VI, abt. 8), представляется слишкомъ упрощенной и не считающейся со всѣми тѣми умственными теченіями, которыя какъ прежде раздѣляли, такъ и теперь продолжаютъ раздѣлять германскихъ ученыхъ на различные лагери. Современная доктрина ставитъ адм. юст. въ связь съ самой природой публичнаго права, и въ этомъ заключается специфическая особенность германскаго пониманія института.

Давъ краткое описаніе адм. судовъ въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ, авторъ переходитъ къ Австріи, которой онъ посвящаетъ $3^1/_2$ страницы. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ австрійская система представляется крайне типичной (это мимоходомъ признается и авторомъ). Учрежденные въ 1867 и 1875 гг. Verwaltungsgerichtshof и Reichsgericht заслуживаютъ особеннаго вниманія какъ по своей организаціи, такъ и по той роли, которую предоставилъ имъ законодатель.

---

[1]) Говоря объ изложеніи авторомъ французскаго права, мы должны указать на одинъ крайне досадный lapsus calami (отмѣченный уже проф. Матвѣевымъ, Журн. Мин. Юст., сентябрь, 1910 г.): упоминая о французскихъ парламентахъ эпохи стараго режима, бар. К. на стр. 400 называетъ ихъ народнымъ представительствомъ.

Вторая глава третьей книги излагаетъ теорію адм. юст. Авторъ начинаетъ съ того правильнаго утвержденія, что „до сего дня не существуетъ единаго, общаго, скажемъ даже, обобщающаго взгляда на существо института адм. юст.; можно говорить лишь про прусскую, французскую, австрійскую и т. д. теоріи, а не про теорію адм. юст. вообще“ (стр. 446). Столь же справедливыми представляются и дальнѣйшія утвержденія автора, а именно, что адм. юст. не является необходимымъ реквизитомъ правового государства, и что она принимаетъ различныя формы въ зависимости отъ условій времени и мѣста. Такъ, напр., во Франціи она въ прежнее время предназначалась исключительно для охраны объективнаго права, а лишь впослѣдствіи претворилась въ защиту субъективныхъ правъ гражданъ. Такимъ образомъ, выросшая изъ функцій власти надзора, адм. юст. съ теченіемъ времени превратилась въ различныхъ государствахъ въ институтъ съ весьма разнообразнымъ содержаніемъ, въ зависимости отъ той среды, гдѣ ему пришлось развиться и получить примѣненіе. Отсюда, казалось бы, можно сдѣлать только одинъ выводъ, а именно, что въ настоящее время, въ виду разнообразія политическихъ и соціальныхъ условій, въ которыхъ живутъ различныя государства, не можетъ быть ни единой концепціи, ни единой теоріи адм. юст. Тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ стремится какъ разъ создать такую теорію и, на мой взглядъ, удовлетворительныхъ результатовъ въ этой области не достигаетъ. Такъ, прежде всего, онъ нигдѣ не даетъ точнаго опредѣленія того, что онъ понимаетъ подъ адм. юст.: на стр. 448 онъ, отвергнувъ какъ одностороннія и недостаточныя прусскую и старо-французскую теоріи, указываетъ на то, что адм. юст. не есть только институтъ процессуальнаго права, что она не является лишь способомъ производства адм. дѣлъ или защитой правъ государства — фиска (domaine public) или интересовъ администраціи и исключительно публичнаго права, а есть нѣчто большее. Но въ чемъ заключается это „большее“, этотъ плюсъ, авторъ въ точности не указываетъ. Изъ общаго духа всей книги ясно, что цѣлью адм. юст. бар. К. ставитъ гарантію субъективныхъ правъ индивида, при чемъ разницы между частнымъ и публичнымъ правомъ онъ не приводитъ (см. стр. 477). Но если подобная цѣль и есть та, къ которой, въ силу внутренней необходимости, тяготѣетъ правосознаніе современнаго правового государства, то изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы ею опредѣлилась и самая структура института въ положительномъ правѣ отдѣльныхъ культурныхъ странъ. Поэтому изло-

женное пониманіе института адм. юст. можетъ служить путеводной нитью при разсмотрѣніи вопроса о желательной постановкѣ дѣла въ современномъ государствѣ, но для критической оцѣнки дѣйствующаго права оно мало пригодна. Учреждая административные суды, законодатель въ разное время исходилъ и изъ разныхъ соображеній, преслѣдуя то одну цѣль, то другую. У бар. Корфа, между тѣмъ, приведенная концепція адм. юст. служитъ какъ бы абсолютнымъ мѣриломъ. При этомъ признакъ защиты объективныхъ правъ является для него не только необходимымъ, но и достаточнымъ. Такъ онъ полагаетъ, что „основные законы или конституція государства могутъ поручить эту функцію какому угодно органу, при чемъ существо ея отъ этого не мѣняется (стр. 453). Практически, однако, продолжаетъ авторъ, необходимо разрѣшить и другой вопросъ: какъ осуществить эту функцію въ государствѣ. Я не думаю, однако, чтобы это было только практическимъ вопросомъ: передача функцій охраны субъективныхъ правъ судамъ, администраціи или особымъ смѣшаннымъ инстанціямъ есть вопросъ существа, а не просто удобства или цѣлесообразности. Отъ той или иной постановки самаго дѣла отправленія адм. юст. зависитъ и объемъ, и форма защиты субъективныхъ правъ; но это уже принципъ, а не модальность.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія автора, рѣшающимъ моментомъ въ понятіи адм. юст. является цѣль, — именно защита субъективныхъ правъ. Все остальное имѣетъ лишь второстепенное значеніе и опредѣляется конкретными условіями мѣста и времени. Это не мѣшаетъ, однако, бар. Корфу, разбирая въ дальнѣйшемъ теорію адм. процесса, выставить цѣлый рядъ положеній [1]) касательно судоустройства, административнаго иска, положенія сторонъ и т. д., которыя, будучи въ общемъ вполнѣ пріемлемыми, все же не гармонируютъ съ его исходнымъ воззрѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ эти вопросы зависятъ отъ политической и соціальной конъюнктуры, то трудно добраться до какихъ-либо положеній, могущихъ претендовать на общее значеніе для всѣхъ, хотя бы и правовыхъ государствъ. Эта дѣйствительность въ теоретическихъ воззрѣніяхъ автора сказывается и на остальныхъ частяхъ его работы, къ разбору коихъ я теперь и позволю себѣ перейти.

---

[1]) Къ числу таковыхъ, напр., я отношу положеніе, что административный судъ никогда не долженъ начинать дѣла ex officio (стр. 472), что къ административному процессу не примѣнимъ инквизиціонный принципъ (стр. 477 и слѣд.), и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что онъ выставляетъ „идеальныя положенія“.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ Г. Ж. К.

III.

Книга вторая (т.-е. весь первый томъ) посвящена исторіи власти надзора и адм. юст. въ Россіи. У насъ, какъ и повсюду, послѣдняя развилась изъ первой. Отличительной особенностью русскаго права является чрезвычайно позднее появленіе субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ и еще болѣе поздняя защита ихъ въ формѣ адм. юст. Послѣдняя и по сіе время находится въ рудиментарномъ состояніи и отнюдь не представляетъ собой, какъ на западѣ, какой-либо законченной системы. Въ теченіе всего XVIII и доброй половины XIX вв., у насъ совершенно отсутствовали необходимыя предположенія для возникновенія адм. юст., если подъ этимъ понятіемъ понимать защиту правъ гражданъ отъ покушеній со стороны органовъ администраціи. Зачатки новаго института могли появиться только со времени судебной реформы. Преемственной же связи между властью надзора дореформеннаго времени и адм. юст. въ тѣсномъ смыслѣ слова не существуетъ вовсе; тогда рѣчь шла исключительно объ охранѣ объективнаго правопорядка, теперь же становится возможнымъ говорить объ огражденіи личныхъ правъ индивида. Поэтому первыя пять главъ перваго тома изслѣдованія бар. Корфа, посвященныя почти исключительно институту активнаго надзора (т.-е. надзора начальственнаго, проявляющагося помимо жалобы потерпѣвшихъ), имѣютъ лишь отдаленное отношеніе къ его основной темѣ. Въ нихъ заключается много интереснаго и цѣннаго матеріала, но я его, однако, позволю себѣ оставить безъ разсмотрѣнія, такъ какъ онъ имѣетъ исключительно историческій интересъ. Перейду поэтому непосредственно къ главамъ шестой и седьмой, касающимся уже непосредственно адм. юст. въ Россіи.

Авторъ даетъ здѣсь подробный обзоръ трудовъ Кахановской комиссіи, проекта губернской реформы, выработаннаго при Плеве, и проекта, составленнаго въ минувшемъ году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Эта часть книги имѣетъ, такъ сказать, прелесть новизны, такъ какъ здѣсь впервые дѣлается достояніемъ науки такой матеріалъ, который до сихъ поръ тщательно хранился въ архивахъ. Высоко цѣня эту заслугу автора, я все-таки долженъ сказать, что далеко не во всемъ согласенъ съ его отношеніемъ къ упомянутымъ проектамъ. Критика его, на мой взглядъ, носитъ нѣсколько отвлеченно-доктринальный характеръ и авторъ слишкомъ мало считается съ той политической обстановкой, при

которой возникали самые проекты. Авторъ прекрасно сознаетъ тѣсную связь, существующую между общимъ строемъ управленія и строемъ адм. юст. „До сихъ поръ Россія, пишетъ онъ на стран. 477, поэтому и не знаетъ настоящей адм. юст., что таковая гарантія правъ и интересовъ гражданъ не согласуется съ ея административнымъ строемъ и принципами управленій". Поэтому, изучая постепенное развитіе идеи адм. юст. въ тѣхъ правительственныхъ проектахъ, которые увидѣли свѣтъ за послѣднее десятилѣтіе, онъ подвергаетъ анализу не только тѣ части ихъ, которыя касаются адм. юст. stricto sensu, но и общую постановку вопроса о мѣстномъ управленіи. Два пункта при этомъ привлекаютъ его особенное вниманіе, какъ тѣсно связанные, по его мнѣнію, между собой, а именно большій или меньшій объемъ предоставляемыхъ губернаторамъ полномочій и интенсивность судебно-административныхъ функцій, предоставляемыхъ тѣмъ или инымъ органамъ управленія. Свою отправную точку зрѣнія авторъ совершенно ясно резюмируетъ на послѣдней страницѣ перваго тома своего изслѣдованія. „Начиная съ Милютинской комиссіи—читаемъ мы здѣсь—и работъ Тимашева и кончая проектомъ реформы губернскихъ учрежденій 1908 г., все вниманіе авторовъ проектовъ губернской реформы было направлено лишь на усиленіе власти губернатора, на стремленіе вооружить начальника губерніи всей возможной полнотой власти, а съ такой полнотой власти гарантія адм. юст. несовмѣстима, въ виду взаимнаго противорѣчія существа этихъ двухъ принциповъ: первый направленъ на отрицаніе субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ, второй имѣетъ своею цѣлью ихъ защиту". Едва ли, однако, можно принять подобную формулу безъ всякихъ оговорокъ. Несомнѣнно, что въ извѣстные моменты нашей новѣйшей исторіи проведеніе принципа твердой власти являлось синонимомъ умаленія правъ индивидовъ, но само по себѣ созданіе сильныхъ и облеченныхъ обширными полномочіями правительственныхъ органовъ на мѣстахъ отнюдь еще не означаетъ узаконенія произвола и уничтоженіе правъ гражданъ. Это можетъ быть, но можетъ и не быть; все зависитъ отъ особенности конкретнаго случая и отъ общаго строя данной страны въ данную эпоху. Твердая власть, несомнѣнно, можетъ уживаться съ правовыми гарантіями и, въ частности, съ адм. юст. Поэтому отправная точка зрѣнія бар. Корфа далеко не всегда способна служить объективнымъ критеріемъ для оцѣнки выдвигавшихся мѣропріятій и вырабатывавшихся правительствомъ законопроектовъ.

Относясь съ необычайной любовью къ институту адм. юст.,

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

бар. Корфъ въ большей или меньшей интенсивности его усматриваетъ мѣрило соціально-политическаго значенія всѣхъ административныхъ реформъ. Но при этомъ онъ исходитъ изъ совершенно абстрактнаго пониманія этого института, и свою мѣрку примѣняетъ и къ русской дѣйствительности. Это особенно ярко выступаетъ въ критикѣ проекта ст.-секрет. Столыпина. Отдавая должное этому начинанію и признавая за нимъ значительныя преимущества, сравнительно съ предыдущими проектами, бар. Корфъ тѣмъ не менѣе относится къ нему довольно отрицательно вслѣдствіе того, что адм. юст. получаетъ въ немъ недостаточно прочную организацію, т.-е. организацію во многомъ не соотвѣтствующую тому представленію объ этомъ институтѣ, которое онъ себѣ составилъ. Спрашивается, однако, неужели авторъ полагаетъ, что возможно у насъ разомъ и безъ соблюденія какой-либо постепенности водворить тотъ идеалъ, который пока еще нигдѣ полностью не осуществленъ на Западѣ, и установить обсолютныя гарантіи субъективнаго права? Неужели авторъ не видитъ, что наша дѣйствительность еще только начинаетъ признавать эти права и давать имъ защиту? Вѣдь, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ отлично знаетъ, что до сихъ поръ у насъ были только зачатки адм. юст., а съ другой стороны авторъ превосходно понимаетъ, что полное свое развитіе адм. юст. можетъ получить только тамъ, гдѣ глубоко и прочно засѣли основные устои правового строя. Неужели же онъ думаетъ, что Россія находится теперь именно въ этомъ фазисѣ своей эволюціи? Если это такъ, то это свидѣтельствуетъ о большомъ идеализмѣ автора и о крайне оптимистическомъ складѣ его ума.

Что же касается критики вышеупомянутыхъ проектовъ съ дѣловой, технической стороны, то она должна, въ общемъ, быть признана удачной. Авторъ очень мѣтко и подчасъ остроумно подчеркиваетъ слабыя стороны отдѣльныхъ законопроектовъ, сопоставляетъ противорѣчія и отмѣчаетъ тѣ или другіе промахи. Съ этой точки зрѣнія его работа принесетъ несомнѣнную пользу и способна повліять въ смыслѣ внесенія многихъ улучшеній въ эти проекты, если только они когда-нибудь выйдутъ изъ status nascendi.

IV.

Центральной частью труда бар. К. является книга вторая, коей посвящена большая часть второго тома. Въ ней авторъ

даетъ догматическій анализъ тѣхъ учрежденій, которыя по дѣйствующему праву облечены судебно-административными функціями. Къ числу мѣстныхъ органовъ адм. юстиц., авторъ относитъ крестьянскія присутствія (губ. и уѣзд. по крестьянскемъ дѣламъ и губернское присутствіе, созданное закономъ 12 іюля 1889 г.), губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе, губернское по воинской повинности прис., губернскіе училищные совѣты, губернск. по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ прис., губернск. по квартирному налогу прис., прис. по промысловому налогу, губ. комиссію по дѣламъ объ осушительныхъ предпріятіяхъ, губернск. по дѣламъ объ обществахъ прис., губернскій распорядительный комитетъ, оцѣночныя комиссіи и нѣкот. друг. Пропущены авторомъ губ. по дѣламъ о выборахъ комиссіи, которые съ тѣмъ же правомъ могутъ быть отнесены къ адм.-суд. установленіямъ. Дѣло въ томъ, что настоящими адм. судами могутъ быть названы лишь немногія изъ упомянутыхъ присутствій: большинство изъ нихъ облечено также и чисто адм. функціями, обязанности же адм. судовъ составляютъ лишь часть ихъ компетенціи, хотя и преобладающей (а иногда лишь придатокъ, какъ авторъ самъ признаетъ это относительно губ. училищныхъ совѣтовъ, I, 164). Весь этотъ отдѣлъ имѣетъ большую цѣнность въ томъ отношеніи, что смѣшанныя присутствія здѣсь впервые въ нашей литературѣ подвергаются подробному научному анализу. Авторъ подходитъ къ вопросу какъ съ исторической, такъ и съ догматической точекъ зрѣнія. Онъ даетъ очеркъ возникновенія отдѣльныхъ присутствій, обзоръ законодательныхъ мотивовъ и предварительныхъ комиссіонныхъ работъ. Затѣмъ, онъ останавливается на анализѣ и критикѣ дѣйствующаго права. Привлеченный имъ къ дѣлу матеріалъ дѣйствительно громаденъ, причемъ значительная часть его извлечена изъ различныхъ архивовъ и до сихъ поръ научной обработкѣ не подвергалась. Чтеніе этой части труда бар. Корфа, однако, довольно утомительно, благодаря массѣ чисто-техническихъ подробностей: авторъ даетъ подробное описаніе состава каждаго присутствія, его компетенціи, дѣлопроизводства и т. д. Весь этотъ матеріалъ самъ по себѣ важенъ и цѣненъ, но его въ интересахъ большей занимательности книги слѣдовало помѣстить въ примѣчаніяхъ, а не въ самомъ текстѣ. Это значительно оживило бы изложеніе. Во второй части авторъ разсматриваетъ центральные органы адм. юст., къ которымъ онъ относитъ главное по фабр. и горнозавод. дѣламъ прис., министерства и Сенатъ. Наибольшій интересъ представ-

ляетъ вторая глава, посвященная I-му и II-му департаментамъ Сената. Очеркъ дѣйствующаго законодательства составленъ очень умѣло, и авторъ проявляетъ знакомство не только съ правовыми нормами, регулирующими положеніе нашего высшаго адм. судилища, но и съ постановкой дѣла на практикѣ. Онъ даетъ подробное описаніе состава старыхъ департаментовъ, ихъ дѣлопроизводства и компетенціи, а также организаціи прокуратуры. Пользуется онъ, между прочимъ, и трудами особаго совѣщанія, образованнаго въ 1905 г. подъ предсѣдательствомъ с.-д. Сабурова для реформы Сената. Авторъ весьма сочувственно относится къ работамъ этого совѣщанія и высказываетъ увѣренность, что уже близокъ моментъ превращенія I депар. Сената въ высшій и самостоятельный адм. судъ, въ которомъ давно и въ такой сильной степени нуждается Россія. Слѣдуетъ, однако, оговориться, продолжаетъ онъ, такое преобразованіе возможно будетъ лишь при одномъ предварительномъ условіи, — признаніи государствомъ субъективныхъ, публичныхъ правъ русскихъ гражданъ; пока еще у насъ такого признанія не имѣется, а доколѣ его не существуетъ, не можетъ быть и рѣчи о независимомъ административномъ судѣ (стр. 333). Въ этомъ, конечно, центръ тяжести всего вопроса; но, замѣтимъ мы, именно потому, что до сихъ поръ созданіе субъективныхъ правъ не представлялось тѣмъ идеаломъ, къ которому тяготѣла русская государственность, адм. юст. удѣлялось столь скромное мѣсто. По цѣлому ряду условій, которыя бар. Корфу, какъ историку права, хорошо извѣстны, индивидъ, начиная съ XVIII в., противупоставлялся государству, а имъ поглощался. Таковъ тотъ исходный фактъ, который лежитъ въ основѣ всей нашей исторіи въ Императорскомъ періодѣ и который бар. Корфомъ, на мой взглядъ, недостаточно подчеркнутъ и оцѣненъ. Въ немъ заключается ключъ къ объясненію и той своеобразной структуры власти надзора, которая наложила свой отпечатокъ на всѣ наши административныя учрежденія какъ мѣстныя, такъ и центральныя. Охрана правопорядка возлагается исключительно на іерархическое начальство, а гражданинъ, какъ таковой, игнорируется по той простой причинѣ, что вплоть до новѣйшаго времени индивидъ являлся надѣленнымъ публичными правами лишь постольку, поскольку эти права носили сословный или корпоративный характеръ.

V.

Подводя итогъ всему сказанному, нельзя не придти къ заключенію, что книгѣ бар. Корфа присущъ цѣлый рядъ недостатковъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ она отличается и большими достоинствами. Недостатки эти, главнѣйшіе изъ которыхъ были мною отмѣчены выше, находятся въ значительной степени въ связи съ избранной авторомъ темой. На самомъ дѣлѣ, адм. юст. принадлежитъ къ числу сложнѣйшихъ и труднѣйшихъ концепцій административнаго права вообще. Анализъ этого института и на западѣ далеко не можетъ считаться законченнымъ: единодушія нѣтъ даже по самымъ основнымъ и кардинальнымъ вопросамъ, не говоря уже о подробностяхъ. Этимъ до извѣстной степени объясняется и нѣкоторая шаткость теоретическихъ предпосылокъ, выставляемыхъ авторомъ. Что же касается русскаго права, то, какъ я уже указалъ, передъ авторомъ была tabula rasa—полное отсутствіе какихъ бы то ни было изслѣдованій по данному вопросу. Ему пришлось пойти ощупью по совершенно неизвѣданному пути и пробивать себѣ дорогу сквозь груду вполнѣ сырого матеріала. Для этого нужно было не только недюжинное трудолюбіе, но и большое умѣнье разбираться въ историческихъ фактахъ и правовыхъ нормахъ. То и другое качество бар. Корфъ проявилъ въ весьма значительной мѣрѣ. Быть-можетъ, если бы на обработку избранной имъ темы онъ употребилъ еще нѣсколько лѣтъ, его трудъ отъ этого выигралъ бы въ качественномъ отношеніи, и были бы избѣгнуты многіе изъ указанныхъ выше недостатковъ. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ выпущена въ свѣтъ, работа бар. Корфъ заслуживаетъ полнаго вниманія и должна быть признана серьезнымъ вкладомъ въ нашу литературу публичнаго права.

Л. А. Шалландъ.

Я. М. Магазинеръ. Чрезвычайно-указное право въ Росссіи (ст. 87 Осн. Зак.) С.-Петербургъ. 1911.

Чрезвычайный указъ въ практикѣ нашей конституціонной жизни играетъ замѣтную и крупную роль. 87 ст. пріобрѣтаетъ особое значеніе среди другихъ статей Основныхъ законовъ. Повидимому, и наукѣ права она даетъ импульсы для теоретическаго

анализа. Русская литература имѣетъ уже одну монографію о 87 ст. проф *Нольде*. Сейчасъ передъ нами лежитъ вторая книга по тому же вопросу.

Работа г. *Магазинера* подкупаетъ читателя своей строгой юридической логикой и широкой теоретизаціей вопроса. Мы находимъ въ его книгѣ, посвященной чрезвычайному указу въ Россіи, не только *догму* 87 ст. и бѣглый обзоръ ея примѣненія на практикѣ, но и *теоретическій* анализъ самаго института чрезвычайныхъ указовъ. Упоминая объ историческомъ возникновеніи чрезвычайнаго указа, авторъ указываетъ на его ярко абсолютистскій характеръ. Это лазейка, подземный ходъ, который абсолютизмъ себѣ оставляетъ при построеніи конституціоннаго зданія. Дальнѣйшая эволюція этого института направлена къ тому, чтобы сгладить его абсолютистскую природу и заставить его служить интересамъ конституціонно-парламентскаго строя, которому онъ, однако, при своемъ возникновеніи былъ чуждъ. Конституціонализмъ и чрезвычайный указъ гетерогенны другъ другу. Этотъ тезисъ, особенно удачно подчеркнутый въ нѣмецкой литературѣ *Friedmann*'омъ, находитъ себѣ, очевидно, независимо отъ послѣдняго, сочувствіе и у г. *Магазинера*. И надо согласиться съ тѣмъ, что такое воззрѣніе дѣйствительно соотвѣтствуетъ политико-исторической эволюціи; та же постановка вопроса, которая принята у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей, какъ *Glatzer*, *Oppermann*, *Messerschmidt* не даетъ даже возможности правильнаго отвѣта на вопросъ. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что такого рода эволюція еще нигдѣ не достигла своего завершенія. Нигдѣ чрезвычайный указъ не сталъ на службу конституціонализму настолько, чтобы совершенно эмансипироваться отъ своего абсолютистскаго прошлаго. Но фактъ подобной эволюціи надо, разумѣется, признать. Говоря, что чрезвычайный указъ становится коррективомъ представительной системы, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ указать ту черту этой системы, которая требуетъ къ себѣ корректива. Эта черта— фактъ прерывности занятій представительно-законодательныхъ учрежденій. Изъ самаго указанія этой черты вытекаетъ и тотъ органъ, на который возлагаются полномочія по изданію чрезвычайныхъ указовъ—это парламентно-существующее правительство. Но разъ корректива требуетъ фактъ прерывности парламентскихъ работъ, то слѣдовало бы ближе и подробнѣе опредѣлить тѣ условія, при которыхъ оказывается возможнымъ прекращеніе парламентскихъ работъ. Здѣсь г. *Магазинеръ* допустилъ пробѣлъ—мы не находимъ у него анализа роспуска государственной думы. Между тѣмъ значеніе роспуска парламента въ современныхъ го-

сударствахъ даетъ основаніе думать, что положеніе правительства во время нормальнаго перерыва между сессіями не тождественно съ его положеніемъ во время вызваннаго актомъ досрочнаго роспуска перерыва между легислатурами.

Опредѣляя юридическую природу чрезвычайнаго указа, г. *Магазинеръ* не запутываетъ вопроса, подобно нѣмецкимъ писателямъ, схоластическими разсужденіями, а просто и ясно становится на формальную точку зрѣнія. Чрезвычайный указъ—есть указъ, и ни въ какомъ случаѣ не законъ, ибо исходитъ отъ указной власти, а форма юридическаго акта, несомнѣнно, опредѣляется тѣмъ органомъ, отъ котораго этотъ актъ исходитъ. Юридическимъ обоснованіемъ чрезвычайнаго указа можетъ служить, по мнѣнію автора, лишь такъ называемая *Vermuthungstheorie*, т.-е. издать чрезвычайный указъ правительство можетъ лишь *презумируя согласіе* на эту *мѣру* парламента, который въ силу несовершенства представительной системы не собранъ. Въ исторической дѣйствительности презумпція согласія никогда не руководила органомъ, надѣленнымъ чрезвычайно-указной властью, а напротивъ господствуетъ обратная ей презумпція *несогласія*, а тѣмъ самымъ еще разъ подчеркивается абсолютистскій характеръ чрезвычайныхъ указовъ. Парламентскій характеръ данному институту, по мнѣнію автора, придаетъ послѣдующее разсмотрѣніе чрезвычайнаго указа или соотвѣтствующаго ему законопроекта парламентомъ. „Дискреціоннымъ полномочіямъ правительства въ моментъ изданія чрезвычайнаго указа соотвѣтствуютъ дискреціонныя полномочія парламента въ моментъ обсужденія чрезвычайнаго указа“, говоритъ вслѣдъ за г. *Нольде* и г. *Магазинеръ* (стр. 64, 123). Но это воззрѣніе является ошибочнымъ и вполнѣ убѣдительно опровергнуто въ примѣненіи къ русскому праву у *Palme*. Забывается, что чрезвычайный указъ *до* примѣненія дискреціонныхъ полномочій парламента уже дѣйствовалъ безъ выраженнаго послѣднимъ на то согласія. Впрочемъ, авторъ считаетъ, что чрезвычайный указъ, превращенный палатами въ законъ, „имѣетъ то обоюдоострое преимущество передъ всѣми другими новыми законодательными актами, что *ранѣе вступленія въ дѣйствіе* уже былъ испытанъ самой жизнью“ (стр. 138). Но надо помнить, что въ силу этого жизненнаго испытанія создается такое положеніе, при которомъ народное представительство иногда не можетъ измѣнить его дѣйствія. А такое положеніе противорѣчитъ вообще принципамъ конституціонализма; въ частности оно и не согласуется съ тѣмъ условіемъ, которое требуетъ для изда-

нія чрезвычайнаго указа *необходимости* издаваемой мѣры, а не только ея *полезности*.

Говоря объ институтѣ чрезвычайныхъ указовъ de lege ferenda, авторъ находитъ, что современное государство даетъ въ руки государственной власти такія средства, которыя могутъ съ успѣхомъ выполнить функціи, возлагаемыя на чрезвычайный указъ: таковы—чрезвычайныя сессіи парламента, англійская постановка вопроса и т. д. Соглашаясь съ этой мыслью, мы должны, однако, особенно подчеркнуть, что исчезновеніе чрезвычайнаго указа зависитъ отъ обще-политическаго режима страны.

До сихъ поръ шла рѣчь о теоретическомъ анализѣ самаго института чрезвычайныхъ указовъ, теперь нѣсколько словъ о догмѣ 87 статьи. Анализъ матеріальныхъ и формальныхъ условій, необходимыхъ для изданія чрезвычайнаго указа, выполненъ г. *Магазинеромъ* въ общемъ очень удачно. Особенно интересны его замѣчанія о терминѣ „чрезвычайныя обстоятельства"; этому обычно расплывчатому и туманному понятію автору удалось придать болѣе или менѣе ясный логическій смыслъ. Подробнѣе слѣдовало бы остановиться на томъ обстоятельствѣ, что наше право не обусловливаетъ изданія чрезвычайныхъ указовъ прекращеніемъ работъ Государственнаго Совѣта. Именно этимъ фактомъ объясняется отсутствіе у Государственнаго Совѣта права лишать силы чрезвычайный указъ по своей иниціативѣ, ибо если бы онъ это право имѣлъ, то могъ бы его примѣнить сейчасъ же по изданіи чрезвычайнаго указа. Такой юридическій nonsens, очевидно, невозможенъ. Намъ кажется, что такая аргументація болѣе доказательна, чѣмъ тѣ доводы, которые приводитъ г. *Магазинеръ* (стр. 133—134). Укажемъ еще на любопытныя замѣчанія автора о скрѣпѣ чрезвычайнаго указа и ссылкѣ въ самомъ текстѣ указа на то, что онъ издается по 87 ст. Есть, дѣйствительно, основанія считать эти условія взаимно-замѣняющими въ томъ смыслѣ, что при наличности ссылки на 87 ст. министерская скрѣпа не представляется обязательной и, наоборотъ, скрѣпа необходима постольку, поскольку нѣтъ ссылки на 87 ст. Основываетъ это авторъ на той простой мысли, что скрѣпа возлагаетъ на министра отвѣтственность за скрѣпленный актъ; таковая же отвѣтственность презумируется при изданіи чрезвычайнаго указа со ссылкой на 87 ст. Намъ, однако, кажется, что такое рѣшеніе вопроса, не совсѣмъ точно, ибо скрѣпа является общимъ условіемъ для всѣхъ актовъ монарха; ссылка же на 87 ст. должна считаться необходимой, какъ *спеціальное* условіе для этихъ *чрезвычайныхъ* указовъ.

Мы не исчерпали анализа г. *Магазинера*. Должно сказать, что, несмотря на нѣкоторые пробѣлы и погрѣшности, онъ является удовлетворительнымъ. Авторъ ограничилъ себя рамками русскихъ Осн. зак., но *теоретическое* изученіе института чрезвычайныхъ указовъ было бы много плодотворнѣе при анализѣ его не только на почвѣ русскаго права (у автора имѣется еще бѣглый очеркъ староанглійскаго права). Сопоставленіе теоріи и практики ст. 87 русскихъ Осн. зак. съ прусской ст. 63 и австрійскимъ § 14 въ ихъ теоретическомъ содержаніи и практическомъ примѣненіи дало бы возможность получить цѣлый рядъ выводовъ, возможныхъ только при сравнительномъ изученіи.

Почти одновременно съ работой г. *Магазинера* вошла и нѣмецкая монографія о чрезвычайныхъ указахъ (*Bruno Arndt*, Die Notverordnungen nach dem Verfassungsrechte der modernen Staaten vergleichend dargestellt. Berlin 1910). Есть въ ней, конечно, много такого, чего нѣтъ въ работѣ г. *Магазинера*; это находитъ свое объясненіе въ различіи въ развитіи русской и нѣмецкой науки государственнаго права, — въ различіи самого положительнаго права и его практическаго примѣненія, напр., въ Пруссіи и Россіи. Но мы все же отдаемъ предпочтеніе русской монографіи передъ нѣмецкой, ибо ея авторъ, очевидно, не довольствуется общими шаблонами.

А. С. Тагеръ.

Отвѣтъ Т. М. Яблочкову.

Въ кн. II журнала „Вопросы права“ г. Яблочковъ напечаталъ рецензію на мой трудъ „Наслѣдованіе въ крестьянской недвижимости по германскому праву, томъ I, Историческія основы“. Въ виду характера этой рецензіи я считаю себя вынужденнымъ возразить автору ея нѣсколько словъ.

Въ указанной работѣ я поставилъ себѣ задачу выяснить вопросъ о способѣ наслѣдованія древне-германскаго права. Этотъ вопросъ былъ долгое время однимъ изъ наиболѣе спорныхъ въ наукѣ германскаго права, и лишь въ послѣднее время выставленная Гейслеромъ теорія завоевала себѣ общее признаніе. Считая эту теорію неправильною, я опубликовалъ въ 1908 г. изслѣдованіе „Der Sukzessionsmodus des deutschen Erbrechts“, гдѣ я выставилъ другую теорію, которая, по моему убѣжденію, бо-

лѣе соотвѣтствуетъ истинному смыслу источниковъ, чѣмъ теорія Гейслера. Моей теоріей, правда, до сихъ поръ не удалось вытѣснить теорію Гейслера. Но она все же обратила на себя вниманіе ряда германистовъ, среди которыхъ находятся такіе корифеи, какъ О. Гирке (Deutsche Literaturzeitung, 1908, II, S. 123 flg., Schuld und Haftung, S. 90 flg.) и Бруннеръ (Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte, S. 230, 235. См., кромѣ того, Frommhold, Zentralblatt für Rechtswissenschaft, 1908, II, S. 25, Julius Gierke, Zeitschrift der Savigny-Stiftung, 1910, S. 426 flg.). Эта же самая теорія развивается и въ моемъ, рецензированномъ г. Яблочковымъ на страницахъ „Вопросовъ права," трудѣ.

Г. Яблочковъ и самъ сознаетъ, что указанная теорія является центромъ моей книги. Онъ, правда, смѣшиваетъ даже такія элементарныя понятія, какъ понятія „способъ наслѣдованія" и „порядокъ наслѣдованія". Но все же онъ вѣрно опредѣляетъ цѣль, которую я поставилъ себѣ (стр. 220). Тѣмъ не менѣе, онъ ни однимъ словомъ не высказываетъ своего отношенія къ защищаемому мною воззрѣнію, а лишь довольствуется краткой передачей его сущности (стр. 223 сл.). Едва ли кто станетъ отрицать, что уже въ такомъ умолчаніи своего мнѣнія о центральной части рецензируемой книги заключается нѣсколько необычный пріемъ—тѣмъ болѣе, что рецензентъ высказывается очень пространно о нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ, затронутыхъ въ моей книгѣ. Но еще характернѣе то, что г. Яблочковъ излагаетъ самую сущность моей теоріи неправильно. Онъ, именно, приписываетъ мнѣ мнѣніе (стр. 224), что Lehn, Heergewäte, Gerade, являясь не имущественными комплексами, а комплексами отдѣльныхъ вещей, переходятъ по сингулярной сукцессіи, а Erbe—по универсальной. На дѣлѣ же я провожу грань между Erbe и Lehn съ одной, Heergewäte и Gerade — съ другой стороны. И согласно моей теоріи первыя двѣ массы переходятъ по универсальной сукцессіи, двѣ послѣднія по сингулярной. Излишне сказать, что это нѣчто весьма и весьма существенное.

Такимъ же образомъ г. Яблочковъ относится и къ моей теоріи о сущности такъ называемыхъ „спеціальныхъ массъ". Онъ посвящаетъ этому вопросу только шесть строкъ (стр. 223), — хотя вся его рецензія занимаетъ не менѣе девяти страницъ. А между тѣмъ, эта теорія о сущности такъ называемыхъ спеціальныхъ массъ является, съ одной стороны, базисомъ первой моей теоріи о способѣ наслѣдованія, съ другой же стороны она имѣетъ и вполнѣ самостоятельное значеніе, такъ какъ ею затрогивается проблема о соотношеніи между Schuld und Haftung—

проблема, рѣшеніе которой было бы равносильно рѣшенію проблемы о характерѣ древне-германскаго обязательственнаго права вообще. Этой проблемѣ посвящена послѣдняя книга О. Гирке, и въ ней маститый германистъ считаетъ нужнымъ, между прочимъ, опредѣлить свое отношеніе и къ моей теоріи. Но г. Яблочковъ считаетъ это излишнимъ.

Наконецъ, г. Яблочковъ лишь кратко затрогиваетъ и ту главу моей книги, въ которой я стараюсь доказать, что способъ наслѣдованія древне-германскаго права сохранился, въ главнѣйшихъ чертахъ, въ современномъ земскомъ правѣ Лифляндіи. Г. Яблочковъ считаетъ возможнымъ исполнить свои обязанности рецензента, не разбираясь въ этомъ вопросѣ. Онъ ни принимаетъ моей теоріи, ни опровергаетъ ея, а ограничивается замѣчаніемъ, что моя мысль о возможности примѣненія системы спеціальныхъ сукцессій въ современномъ русскомъ законодательствѣ (эту мысль я развилъ и обосновалъ впослѣдствіи въ статьѣ „Реформа наслѣдованія въ крестьянской недвижимости“, Журналъ Министерства юстиціи, 1910, VII.) безосновательна, такъ какъ „такая система основывается не столько на народно-хозяйственныхъ соображеніяхъ, сколько на желаніи сохранить институтъ наслѣдственныхъ имѣній“. Но если бы русскій законодатель задался цѣлью создать и сохранить опредѣленный типъ крестьянскихъ имѣній, руководился бы онъ въ такомъ случаѣ народно-хозяйственными соображеніями, или желаніемъ сохранить институтъ крестьянскихъ имѣній опредѣленнаго типа? Ясно, что здѣсь нѣтъ никакой противоположности и что слѣдовательно, аргументъ г. Яблочкова не опровергаетъ высказаннаго мною мнѣнія.

Объ указанныхъ до сихъ поръ основныхъ вопросахъ г. Яблочковъ, такимъ образомъ, не говоритъ. Весьма пространно, напротивъ, говоритъ онъ о нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ; такъ, въ частности онъ посвящаетъ почти треть своей рецензіи (стр. 224 сл.) разбору гипотезы, выставленной мною для объясненія причинъ, по которымъ въ римскомъ правѣ господствовала универсальная сукцессія, въ германскомъ же соединеніе спеціально-универсальной сукцессіи съ сингулярной. Изложеніе этой гипотезы занимаетъ въ моемъ трудѣ менѣе 10 страницъ изъ 382. Ея вѣрность или невѣрность нисколько не вліяетъ на вѣрность или невѣрность основныхъ мыслей моей книги. Г. Яблочковъ передаетъ, къ тому же, сущность этой гипотезы неточно. Но такъ какъ я не считаю задачей настоящаго отвѣта защищать свои мысли противъ нападокъ г. Яблочкова,

то я ограничусь лишь указаніемъ на одно замѣчаніе, сдѣланное имъ по этому поводу. Г. Яблочковъ утверждаетъ, что до сихъ поръ универсальную сукцессію объясняли съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, но никто еще не пытался объяснить ее съ народно-хозяйственной точки зрѣнія. И г-ну Яблочкову, очевидно, такая попытка представляется, по меньшей мѣрѣ, странною. Но г. Яблочковъ ошибается: ему, можетъ-быть, будетъ интересно узнать, что такая попытка была сдѣлана въ свое время Пернисомъ (Labeo, I, S. 329 flg.)...

Еще больше вниманія, чѣмъ указанной только гипотезѣ, г. Яблочковъ посвящаетъ тѣмъ главамъ моей работы, въ которыхъ разсматривается вопросъ о долговой отвѣтственности наслѣдника (стр. 220 сл.). Онъ заявляетъ при этомъ, что я совершенно напрасно предпринялъ свое изслѣдованіе, такъ какъ то, что я стараюсь доказать, уже давно является господствующимъ мнѣніемъ. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ, насколько такой аргументъ можетъ вообще претендовать на научное значеніе. Но въ данномъ случаѣ необходимо сказать, что аргументъ г. рецензента выдаетъ его неосвѣдомленность, ибо, во-первыхъ, цѣлый рядъ ученыхъ, среди которыхъ находится, напр., Штоббе, не присоединился къ господствующему мнѣнію, а во-вторыхъ, остался совершенно невыясненнымъ вопросъ о правѣ распоряженія собственника—наслѣдодателя, если онъ находится въ такъ называемой правовѣрной нуждѣ. (На эти два момента указано, впрочемъ, въ моей книгѣ. Это обстоятельство, какъ это ни невѣроятно, очевидно ускользнуло отъ вниманія г. Яблочкова—ибо нельзя же предполагать, что онъ умолчалъ о немъ намѣренно). Но будетъ, можетъ-быть, не лишнимъ указать еще и на то, что судьи компетентнѣй, чѣмъ г. Яблочковъ, держатся воззрѣнія противоположнаго его воззрѣнію. Иначе главы моего труда, касающіяся даннаго вопроса, едва ли были бы отпечатаны въ Savigny—Zeitschrift (Die Schuldenhaftung der Erben, l. c., 1906, Erbenhaftung und Beispruchsrecht, l. c., 1907). Печатаніе первой изъ этихъ двухъ статей состоялось, между прочимъ, по личной иниціативѣ Бруннера.

Но г. Яблочковъ не ограничивается только что разсмотрѣннымъ возраженіемъ. Онъ пытается опровергнуть меня и по существу, пользуясь, при этомъ, правда, довольно несложнымъ аргументомъ: все сказанное мною „не значитъ, что само наслѣдственное имѣніе не отвѣчаетъ за долги наслѣдодателя“. Къ сожалѣнію, выдвигаемая г. Яблочковымъ теорія олицетворенія наслѣдства была выставлена Зигелемъ уже въ 50-хъ годахъ ми-

нувшаго столѣтія. Въ настоящее же время она давно опровергнута и даже полузабыта. Если же г. Яблочковъ желалъ воскресить ее, то онъ, разумѣется, былъ обязанъ опровергнуть выставленные противъ нея аргументы. Но онъ, очевидно, даже не подозрѣвалъ существованіи этой теоріи, хотя она и упоминается въ моей книгѣ на стр. 268, иначе онъ навѣрное указалъ бы на своего предшественника.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ вытекаютъ слѣдующіе выводы: г. Яблочковъ, рецензируя мою книгу, оставляетъ безъ всякой оцѣнки тѣ ея части, которыя наиболѣе важны не только въ виду преслѣдуемыхъ мною цѣлей, но также по характеру затрогиваемыхъ ими проблемъ. Ему, очевидно, неизвѣстно, что именно эти проблемы выдвигаются на первый планъ современною германистикою и что на нихъ преимущественно сосредоточивается въ настоящее время научный интересъ. При такомъ положеніи дѣла не удивительно, если онъ оказывается неосвѣдомленнымъ въ литературѣ, касающейся болѣе второстепенныхъ вопросовъ. Не удивительно также и то, что онъ незнакомъ съ ролью и значеніемъ Саксонскаго Зеркала среди другихъ источниковъ германскаго права (прим. 2 къ стр. 221)—хотя объ этомъ онъ могъ бы освѣдомиться даже изъ рецензируемой имъ книги, въ которой цѣлый параграфъ посвященъ характеристикѣ источниковъ.

Но онъ этого параграфа, очевидно, не читалъ. Столь же мало онъ читалъ, какъ показываетъ его отношеніе къ теоріи Зигеля, и тѣ части книги, въ которыхъ излагается исторія затронутыхъ теорій. Въ доказательство этого можно привести еще и утвержденіе г-на Яблочкова, будто понятіе сингулярныхъ сукцессій по закону неизвѣстно наукѣ права (стр. 224);—чтобы убѣдиться въ противномъ г-ну Яблочкову стоило прочитать § 13 моего труда, гдѣ, между прочимъ, указывается и на представителей воззрѣнія, будто древне-германское право признаетъ исключительно сингулярную сукцессію.

Тѣ же части книги, которыя г. Яблочковъ читалъ, онъ читалъ невнимательно. Иначе онъ не могъ бы, напр., утверждать (стр. 221. прим. 3), что имѣется противорѣчіе между сказаннымъ мною на стр. 106 и 161, ибо при малѣйшей внимательности онъ не могъ бы не замѣтить, что сказанное на стр. 106 относится къ саксонскому праву, сказанное на стр. 161, напротивъ, къ лифляндскому. Недостаткомъ вниманія объясняется и его утвержденіе (стр. 221), что источники отказываютъ мнѣ въ поддержкѣ по вопросу о роли задолженности собственника-наслѣдодателя:

онъ ссылается на цитату изъ гл. 34 Рыцарскаго права, приведенную мною на стр. 154. Между тѣмъ, въ прим. 2 къ стр. 149 выяснено, что это мѣсто безусловно подтверждаетъ мое мнѣніе. Но г. Яблочковъ, должно-быть, или не читалъ этого примѣчанія, или не сумѣлъ—вѣроятно вслѣдствіе незнакомства съ языкомъ источниковъ—выяснить самостоятельно значеніе цитаты.

Въ связи съ этимъ приходится указать на дальнѣйшій характерный моментъ. Г. Яблочковъ не только не знакомъ съ языкомъ средневѣковыхъ германскихъ источниковъ. Онъ вообще незнакомъ съ древне-германскимъ правомъ и его литературой. Это видно, во-первыхъ, изъ всего сказаннаго до сихъ поръ. Но это явствуетъ, кромѣ того, изъ всего характера его рецензіи. Онъ, именно, черпаетъ всѣ свои доводы исключительно изъ моего труда. Во всей рецензіи нѣтъ буквально ни одного самостоятельнаго указанія ни на источники, ни на литературу. И въ виду этого едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что онъ узналъ о существованіи разсматриваемыхъ мною проблемъ впервые изъ моей книги. И онъ, очевидно, не счелъ нужнымъ ознакомиться съ ними ближе.

Я не задавался задачей отстаивать высказанныя въ моемъ трудѣ мысли противъ нападокъ г. Яблочкова. Я, напротивъ, считалъ нужнымъ показать только то, что г. Яблочковъ читалъ мою книгу безъ вниманія, что онъ не компетентенъ въ данныхъ вопросахъ и что его рецензія лишена, при данныхъ условіяхъ, серьезнаго научнаго значенія.

Бар. А. Л. Фрейтагъ-Лоринговенъ.

Редакторъ-издатель **Г. С. Фельдштейнъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

1911 ГОДА.

Въ Ученыхъ Запискахъ заключаются:

I. Отдѣлъ наукъ.

II. Отдѣлъ критики и библіографіи.

III. Университетская лѣтопись.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей, памятники историческіе и литературные, съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями съ пересылкою 7 р. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *А. Піонтковскій.*

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1910 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи; 7) Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Въ „Журналѣ“ за 1894—1910 годъ были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Б. Горенберга, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. П. Гуссаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовского, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, М. М. Ковалевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, В. П. Латкина, Ѳ. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, бар. А. Э. Нольде, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, Л. І. Петражицкаго, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, П. С. Пороховщикова, А. К. фонъ-Резона, Н. М. Рейнке, А. К. Рихтера, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, Е. П. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, Г. Ф. Шершеневича, В. П. Ширкова, К. В. Шнейдера, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная *плата* **8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ *черезъ казначеевъ* пользуются *разсрочкою* до *1 рубля* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, *при подпискѣ* исключительно въ *Главной Конторѣ*, пользуются *разсрочкою до 2 рублей* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ при подпискѣ въ Главной Конторѣ—*по 5 рублей въ годъ.*

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%, за продажу отдѣльныхъ книгъ—25%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копеекъ за строчку, 8 рублей за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. Ѳ. Дерюжинскій.**

Открыта подписка на 1911 г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА и НОТАРІАТА",

IV г. изданія.

издается въ Москвѣ

и выходитъ каждое воскресенье.

IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ. Пробные №№ высылаются безплатно.

При ближайшемъ участіи П. И. Астрова, прив.-доц. А. Э. Вормса, Н. К. Муравьева, прив.-доц. Н. Н. Полянскаго и С. П. Ордынскаго.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

А. Э. Бардзкій, А. Н. Бутовскій, пр.-доц. М. Н. Гернетъ, А. С. Гиршбандтъ, О. О. Грузенбергъ, пр.-доц. Н. В. Давыдовъ, А. А. Дитрихсонъ, Н. М. Ждановъ, Г. Я. Закъ, В. В. Исаченко, Н. С. Каринскій, пр.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. С. А. Котляревскій, А. Р. Ледницкій, В. А. Маклаковъ, П. Н. Малянтовичъ, М. А. Мебель, С. П. Мельгуновъ, А. Я. Немеровскій, пр.-доц. А. П Орловъ, Л. Н. Переверзевъ, проф. І. А. Покровскій, пр.-доц. А. Ю. Рапопортъ, В. А. Розенбергъ, пр.-доц. Л. Я. Тауберъ, Н. В. Тесленко, И. С. Урысонъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, прив.-доц. Л. Э. Чолганскій, Е. М. Эпштейнъ и мн. друг., нотаріусы: И. А. Алякритсій, С. О. Барановскій, А. Я. Мацкевичъ, М. А. Терпиловскій, И. И. Траустель и друг.

Журналъ является органомъ Практической Юриспруденціи и издается по слѣдующей программѣ:

I. Теоретическая и практическая разработка вопросовъ права гражданскаго, уголовнаго и судебно-административнаго.

II. Всестороннее освѣщеніе вопросовъ нотаріальнаго права.

III. *Судебная практика: отчеты о засѣданіяхъ гражд. и угол. д-товъ Сената.* Обзоры практики Сената по гражданскому и уголовному департаментамъ, а также по судебному департаменту и по общему собранію кассаціонныхъ и съ участіемъ перваго и второго департаментовъ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ печататься какъ выдержки и тезисы изъ послѣднихъ, еще не опубликованныхъ указовъ Сената по департаментамъ, такъ и *цѣликомъ наиболѣе важные указы Сената по судебному департаменту и по отдѣленіямъ гражданскаго и уголовнаго департаментовъ.*

IV. *Разъясненія 1-го д-та Пр. Сената. Хроника* какъ общая, такъ и спеціально судебная.

V. *Почтовый ящикъ.* Всѣ годовые подписчики получатъ безплатно—*четыре*, полугодовые—*два* отвѣта на заданные вопросы.

VI. *Справочный отдѣлъ:*

1) Въ каждомъ номерѣ (*на недѣлю ранѣе*) *списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ судебномъ и кассаціонныхъ департаментахъ Сената,* — и состоявшіяся по дѣламъ *резолюціи.* 2) *Распоряженія и узаконенія Правительства.* 3) *Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.* 4) *Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.* 5) *Списки уничтоженныхъ довѣренностей.* 6) *Назначеніе вакансій и т. п.*

VII. Всѣ *годовые подписчики получатъ безплатно: по абонементу № 1. Рѣшеніе гражданскаго и уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ Пр. Сената и общаго собранія за 1910 г., по мѣрѣ выхода офиціальнаго изданія. По абонементу № 2.*

1) *Алфавитный указатель лицамъ, объявленнымъ неправоспособными и ограниченіе правоспособности коихъ прекращено съ 1 января 1910 г.* 2) *списокъ нотаріусовъ* Россійской Имперіи (по послѣд. свѣдѣніямъ).

Подписчики по любому абонементу могутъ получать всѣ прилож., означ. въ другомъ абонементѣ, за *дополнительную плату—въ 2 руб.*

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ города Имперіи на годъ 7 руб., на полгода 3 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 70 коп.

Отдѣльный номеръ 20 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Москвѣ: въ конторѣ журнала „ВѢСТНИКЪ ПРАВА и НОТАРІАТА": Тверская, Козицкій пер., д. Бахрушина, и въ город. отд. конт.: Никольская, книжный магазинъ „Правовѣдѣніе", И. К. ГОЛУБЕВА; ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ: въ юр. кн. магазинахъ Мартынова и „Законовѣдѣніе", ВЪ КІЕВѢ, въ книжн. маг. „ТРУДЪ", Фундулеевская, 5,

Редакторъ-издатель прис. пов. ***А. Н. Вознесенскій.***

(Четвертый годъ изданія).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910—11 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

В. Н. Мышцына, Р. М. Орженцкаго, А. Р. Свирщевскаго, Г. С. Фельдштейна, В. Н. Ширяева.

ПРИ УЧАСТІИ:

З. Д. Авалова, А. Л. Байкова, М. П. Бобина, В. Н. Бенешевича, П. М. Богаевскаго, А. А. Борового, М. И. Бруна, А. Э. Вормса, П. П. Гензеля, М. М. Гернета, П. В. Гидулянова, Д. С. Глаголева, Н. И. Голубева, І. М. Гольдштейна, В. М. Гордона, Д. Д. Гримма, Г. В. Демченко, М. А. Дьяконова, А. А. Жижиленко, А. А. Жилина, А. В. Завадскаго, Ф. Ф. Зигеля, И. А. Ильина, Н. А. Каблукова, К. Кадлеца, гр. Л. А. Камаровскаго, Л. А. Кассо, А. А. Кауфмана, Б. А. Кистяковскаго, М. М. Ковалевскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, бар. С. А. Корфа, С. А. Котляревскаго, В. А. Краснокутскаго, П. С. Кравцова, Ст. Кутржеба, В. Ф. Левитскаго, Ѳ. И. Леонтовича, П. И. Люблинскаго, Н. А. Максимейко, В. Ѳ. Матвѣева, А. Н. Миклашевскаго, С. И. Мокринскаго, В. Моллова, М. Я. Немировскаго, П. А. Никольскаго, Н. Я. Новомбергскаго, И. Х. Озерова, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергамента, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, Н. Н. Полянскаго, А. А. Раевскаго, В. В. Святловскаго, Е. Д. Синицкаго, В. И. Синайскаго, В. В. Сокольскаго, Е. В. Спекторскаго, Б. И. Сыромятникова Ѳ. В. Тарановскаго, бар. М. А. Таубе, Л. Я. Таубера, В. Н. Твердохлѣбова Е. Н. Темниковскаго, Г. И. Тиктина, И. Н. Трепицына, М. И. Туганъ-Барановскаго, В. А. Удинцева, А. Н. Филиппова, А. Ф. Фортунатова, Б. Н. Фрезе, М. И. Фридмана, М. В. Хвостова, М. П. Чубинскаго, А. А. Чупрова, Г. Ф. Шершеневича, І. Шиловича, А. В. Шмидта, В. Г. Щеглова, Т. М. Яблочкова, А. С. Ященко.

Юридическая Библіографія въ четвертомъ году своего изданія будетъ попрежнему выходить пять разъ въ годъ въ двухмѣсячные промежутки, за исключеніемъ лѣтняго каникулярнаго времени, въ объемѣ **не менѣе трехъ печатныхъ** листовъ для каждаго выпуска.

Въ ней помѣщаются отзывы о русскихъ и иностранныхъ научныхъ работахъ по отдѣламъ: общей теоріи права, исторіи права, гражданскаго права, гражданскаго процесса и торговаго права, уголовнаго права и уголовнаго процесса, церковнаго права, государственнаго права, международнаго права, административнаго права, политической экономіи, финансоваго права, статистики, соціологіи и справочныхъ изданій, а также ведется отдѣлъ Академической лѣтописи.

Заботясь о полнотѣ обзора литературы и своевременности рецензій, редакція **Юридической Библіографіи** проситъ авторовъ и издателей вновь выходящихъ книгъ и брошюръ присылать ихъ для отзыва на имя редакціи по адресу: **Ярославль, Редакція Юридической Библіографіи, зданіе Демидовскаго Юридическаго Лицея.**

Въ **Юридической Библіографіи** помѣщаются за особую плату объявленія о вновь выходящихъ книгахъ и другія извѣстія книжнаго рынка.

Подписная цѣна въ годъ съ пересылкою и доставкою **2 руб.**

Подписной годъ начинается **1-го іюня 1910 г.** и заканчивается **31-го мая 1911 г.**

Отдѣльные выпуски **Юридической Библіографіи** продаются по **40 к.**

Юридическая Библіографія продается въ г. Ярославлѣ и книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы и Кіева.

Подписка на Юридическую Библіографію принимается: въ г. **Ярославлѣ**, въ **конторѣ редакціи Юридической Библіографіи**, зданіе Демидовскаго юридическаго лицея, и въ г. **Москвѣ**, въ юридическомъ книжномъ магазинѣ „Правовѣдѣніе“ И. К. Голубева, Никольская, д. Славянскаго Базара, а также въ книжномъ магазинѣ П. Шибанова, Никольская улица.

Отъ редакціи журнала
„Тюремный Вѣстникъ“.

Журналъ „Тюремный Вѣстникъ“ издается Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ съ 1893 г. и будетъ выходить съ 1911 года ежемѣсячно въ объемѣ около 12 печатныхъ листовъ (въ іюлѣ книжка журнала выходитъ за іюнь и іюль, въ сентябрѣ — за августъ и сентябрь). Журналъ, включая въ себѣ какъ офиціальный, такъ и неофиціальный отдѣлы и имѣя въ виду преимущественно интересы и запросы служащихъ по тюремному вѣдомству, является не только руководящимъ, но и справочнымъ изданіемъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся тюремной и конвойной службъ, освѣщая въ то же время эти вопросы также и съ теоретической, научной точки зрѣнія. Соотвѣтственно этому „Тюремный Вѣстникъ“ даетъ свѣдѣнія и указанія, касающіяся какъ тюремныхъ установленій, такъ и учрежденій тюремно-благотворительнаго характера, а равно и исправительно-воспитательныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широко открываетъ свои страницы для обмѣна мнѣній тюремныхъ дѣятелей и представителей науки тюрьмовѣдѣнія, по всѣмъ предметамъ тюремнаго строя и распорядка.

Подписка на „Тюремный Вѣстникъ“ на 1911 годъ принимается въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (С.-Петербургъ, Греческій пр., 23). Подписная плата — 7 руб. за годъ и 4 за полгода, съ доставкою и пересылкою, за границу—9 руб. за годъ и 5 руб. за полгода. Цѣна отдѣльной книжки—1 рубль (безъ пересылки). За перемѣну адреса уплачивается 60 коп.

Объявленія принимаются съ платою за страницу 25 руб. за $^1/_2$ страницы—13 руб., за $^1/_4$ страницы—7 р., за $^1/_8$ страницы—4 р. и за строку—50 коп., кромѣ объявленій на обложкѣ, которыя оплачиваются по соглашенію. Объявленія на $^1/_2$ года и болѣе оплачиваются со скидкою съ означенныхъ цѣнъ по соглашенію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

XXII г. изданія. на журналъ 1911 г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ".

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. А. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Венцель, Ю. А. Веселовскій, проф, Р. Ю. Випперъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, прив.-доц. С. Г. Григорьевъ. прив.-доц. А. Е. Грузинскій, А. Г. Даугге, Е. А. Звягинцевъ, акад. Н. Н. Златовратскій, А. А. Ивановскій, проф. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коханъ, д-ръ В. В. Корсаковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, прив.-доц. М. Ю. Латинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, Н. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Радцигъ, Г. Роковъ, С. Ф. Русова, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, Г. А, Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкинъ-Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—**5** р., съ доставкой и пересылкой—**6** р., въ полгода—**3** р., съ пересылкой за границу—**7** р. **50** к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—**5** р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. № 32), во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

1911 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА Годъ XXI.

НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ",

изданіе Московскаго Психологическаго О-ва, при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

На 1911 г.

Вышла 5-я (ноябрь—декабрь) книга 1910 года

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи. Памяти Вл. В. Соловьева—**Л. Лопатина.** Владиміръ Соловьевъ и его дѣло—**кн. Евгенія Трубецкого.** Природа въ философіи Вл. Соловьева—**С. Булгакова.** Джемсъ, какъ религіозный мыслитель—**С. Котляревскаго.** Н. И. Пироговъ, какъ типъ русскаго—**В. Чижа.** Этика Д. Юма. Краткія критическія замѣчанія—**Н. Виноградова.** Гносеологическая проблема—**Н. Бердяева.** Природа философскаго сомнѣнія—**В. Эрна.**

Критика и библіографія. I. Обзоръ книгъ. II. Библіографическій листокъ. **Извѣстія и замѣтки. Полемика.** Отвѣтъ проф. Новгородцеву—**В. Савальскій.** Г. Савальскій о самомъ себѣ и о другихъ—**П. Новгородцевъ. Матеріалы для журнальной статистики. Объявленія.**

ЮБИЛЕЙНЫЙ № 103 ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО.

Цѣна 1 р. 50 к.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря книгами около 15 печатныхъ листовъ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ съ 1-го января 1911 года по 1-е января 1912 г. безъ доставки—**6 руб.**, съ доставкой въ Москвѣ—**6 р. 50 к.**, съ пересылкой въ другіе города—**7 р.**, за границу—**8 р.**

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ **2 руб.**

Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается **только** въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5 и книжныхъ магазинахъ „Нов. Вр.", Карбасникова, Вольфа, Оглоблина, Башмакова и другихъ.

Редакторъ ***Л. М. ЛОПАТИНЪ.***

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

1911 годъ.

„Записки“ выходятъ 4 раза въ годъ книжками въ объемѣ отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ.

Содержаніе книжекъ: I. Офиціальный отдѣлъ (годичный отчетъ университета, отчеты объ ученыхъ командировкахъ, отзывы о диссертаціяхъ и сочиненіяхъ). II. Научный отдѣлъ (статьи и изслѣдованія). III. Критика и библіографія. IV. Научныя извѣстія. V. Лѣтопись университета (статьи, относящіяся къ исторіи Харьковскаго Университета). VI. Приложенія (курсы профессоровъ; результаты наблюденій метеорологической станціи при Харьковскомъ Университетѣ.)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

5 рублей въ годъ съ пересылкой, **4** рубля безъ пересылки; для студентовъ Харьковскаго Университета **2** рубля.

Адресъ редакціи „Записокъ Харьковскаго Университета“: Харьковъ, въ зданіи Университета.

Редакторъ проф. **С. Кульбанинъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

на журналъ

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ:

А. Н. Бернштейна, Ю. В. Каннабиха, Н. Е. Осипова,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Н. Вырубова.

Журналъ будетъ выходить каждые два мѣсяца книжками не менѣе трехъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой четыре рубля, за границу— пять рублей. Цѣна отдѣльной книжки 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „**Психотерапіи**“ Москва, Плющиха, М. Трубный пер., 5. Телефонъ 108-41, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи.

Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ.

О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

Открыта подписка на 1911 годъ на журналъ

ВѢСТНИКЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГІЕНЫ,

СУДЕБНОЙ и ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ

47-й годъ изданія.

Въ 1911 году журналъ будетъ издаваться ежемѣсячными книжками по прежней программѣ. Предпочтеніе будетъ отдаваться, какъ и прежде, статьямъ и сообщеніямъ по гигіенѣ и особенно касающимся вопросовъ оздоровленія Россіи, а также статьямъ по общественной и судебной медицинѣ.

Подписная цѣна 7 рублей 50 коп., для выписывающихъ журналъ черезъ редакцію **7 рублей въ годъ;** за границу 8 р. **50** к.

Условія разсрочки:

I. „Врачи, получающіе содержаніе по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (врачебные инспектора и ихъ помощники, уѣздные врачи), изъявившіе желаніе получать „Вѣстникъ", пользуются разсрочкою подписной платы съ уплатою по 60 к. ежемѣсячно (въ декабрѣ 40 к.) *при условіи заявленія редакціи о желаніи воспользоваться таковой разсрочкой не позднѣе 1 декабря 1910 года.*

II. Всѣ остальные подписчики пересылаютъ деньги непосредственно въ редакцію или полностью, или частями, взнося при подпискѣ 3 руб. и остальныя въ два срока— не позже 1 апрѣля и 1 іюля подписного года.

Редакція проситъ адресовать денежныя отправленія (переводами) по адресу: С.-Петербургъ. Театральная, 3, Редакція журнала **„Вѣстникъ общественной гигіены, судебной и практической медицины"**. За перемѣну адреса **25** коп. почтовыми марками.

Редакція проситъ о желаніи получать журналъ увѣдомлять непосредственно ее и *подписной платы въ казначейства не вносить.*

Редакторъ **М. С. Уваровъ.**

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ,

будутъ въ 1911 году выходить

подъ редакціей **А. Р. Свирщевскаго, Г. С. Фельдштейна, и барона А. Л. Фрейтагъ-Лоринговена.**

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

В. И. Гордона, А. И. Елистратова, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, Л. І. Петражицкаго, І. А. Покровскаго и М. И. Туганъ-Барановскаго

въ количествѣ четырехъ выпусковъ (въ мартѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ) по 10 печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Въ Юридическихъ Запискахъ будутъ помѣщаться: 1) оригинальныя статьи по юридическимъ и экономическимъ наукамъ; 2) обозрѣніе наиболѣе важныхъ статей въ иностранныхъ юридическихъ и экономическихъ журналахъ; 3) хроника законодательная и судебная; 4) смѣсь; 5) критика; 6) библіографическій указатель и 7) протоколы засѣданій Ярославскаго Юридическаго Общества.

За 1908—10 гг. въ Юридическихъ Запискахъ были помѣщены статьи: А. С. Алексѣева, В. Н. Бенешевича, П. В. Гидулянова, Н. Н. Голубева, А. А. Жижиленко, Ѳ. И. Леонтовича, С. А. Муромцева, Р. М. Орженцкаго, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергамента, С. П. Покровскаго, С. Е. Сабинина, А. Р. Свирщевскаго, В. В. Святловскаго, Е. В. Спекторскаго, В. В. Сокольскаго, Е. И. Темниковскаго, Б. Н. Фрезе, Г. С. Фельдштейна, Н. Н. Шапошникова, В. Н. Ширяева, Т. М. Яблочкова.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1911 годъ

съ доставкой и пересылкой—**4 рубля.**

Цѣна отдѣльнаго выпуска Юридическихъ записокъ **1 руб. 35 коп.**

Подписная плата адресуется въ г. Ярославль, зданіе Демидовскаго Юридическаго Лицея, редакціи Юридическихъ Записокъ. Отдѣльные выпуски продаются тамъ же, а также въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга (Права, Новаго Времени), Москвы (Голубева, Новаго Времени, Карбасникова) и Кіева (Оглоблина).

Телефонъ 33-28 Телефонъ 288-87.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
„ПРАВОВѢДѢНІЕ“ И. К. Голубева.

Москва, Никольская, д. Славянскаго Базара; для телеграммъ: МОСКВА ЮРИСТЪ.

НОВЫЯ КНИГИ:

Нюренбергъ, А. М.

ПОЛОЖЕНІЕ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ПРОМЫСЛОВОМЪ НАЛОГѢ,

съ разъясненіями по рѣшеніямъ Правительств. Сената, циркулярамъ министерства финансовъ и другихъ правительств. установленій, съ приложеніемъ инструкцій и алфавитнаго предметнаго указателя; въ книгу введены всѣ новыя узаконенія и разъясненія по 1 января 1911 г. Изд. 4-е. М. 1911. Цѣна **3 р. 50 к.** въ переплетѣ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНЫЕ СВОДЫ РѢШЕНІЙ:

Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената (съ 1866 г. по 1910 г. включит.), съ подробнымъ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями, составл. кандидат. прав. **Л. М. Ротенбергомъ.**

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ. Все изданіе будетъ заключать въ себѣ около 75 полутом. и будетъ стоить около **80** руб., при чемъ допускается разсрочка подписной суммы; при подпискѣ вносится **задатокъ въ размѣрѣ пяти рублей**, а остальная сумма накладывается по **1** рублю на каждый полутомъ.

Пересылка по вѣсу и разстояніе за счетъ подписчиковъ.

Вышли и разосланы подписчикамъ полутома 63—64 1, 2, 3.

Уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената (съ 1866 г. по 1910 г. включит.), съ подробн. предметнымъ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями, составл. кандидат. прав. **Л. М. Ротенбергомъ.**

Все изданіе будетъ заключать въ себѣ **45** полутомовъ, цѣною по **2** руб. за полутомъ съ пересылкой. При подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ **пяти руб.**, которые будутъ засчитаны при высылкѣ послѣднихъ полутомовъ. **Подписка на отдѣльные годы не принимается. Все изданіе будетъ закончено въ теченіе двухъ лѣтъ.** Бумага и форматъ изданія тѣ же, что и въ полномъ сводѣ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената. По выходѣ всего изданія, цѣна будетъ значительно повышена.

Вышли и разосланы подписчикамъ полутомы 1—15.

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ

въ 2 томахъ.

Подъ редакціей оберъ-прокурора 2-го Департ. Правит. Сената **И. М. ТЮТРЮМОВА.** Составилъ ***А. Л. Саатчіанъ.***

Проектъ Высоч. учрежд. Ред. Ком. для составленія Гражд. Уложенія, съ объясненіями Редакціонной Комиссіи, съ закономъ о введеніи въ дѣйствіе и съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ.

Цѣнные матеріалы Редакціонной Комиссіи, заключающіеся главнымъ образомъ въ объясненіяхъ къ отдѣльнымъ статьямъ проекта, не только важны для законодательныхъ цѣлей, но имѣютъ большое научное и практическое значеніе и потому заслуживаютъ самаго серьезнаго изученія съ научной и судебно-практической цѣлей. Между тѣмъ означенные матеріалы, до выхода въ свѣтъ настоящаго изданія, являются совершенно недоступными для широкаго ими пользованія, такъ какъ нѣкоторые матеріалы не были вовсе опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, а другіе, относящіеся къ одной и той же статьѣ, помѣщены въ различныхъ томахъ изданія Комиссіи, что затрудняло пользованіе ими. 1910 г. Цѣна за оба тома **10** руб., въ переплетѣ **11 р. 50 к.**

Каталогъ новыхъ книгъ высылается безплатно.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ НА

ВОПРОСЫ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ НАУЧНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦІИ,

издаваемый при ближайшемъ участіи:

А. С. Алексѣева, А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, Б А Кистяковскаго, И. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна, А. Л. Форштетера и В. М. Хвостова.

До сихъ поръ выразили согласіе на сотрудничество слѣдующія лица:

А. Л. Байковъ, В. Н. Бенешевичъ, М. П. Бобинъ, П. М. Богаевскій, А. А. Боровой, М. Н. Гернетъ, А. В. Горбуновъ, В. М. Гордонъ, В. Э. Грабарь, Г. В. Демченко, Н. В. Давыдовъ, Е. Н. Ефимовъ, А. И. Елистратовъ, В. Б. Ельяшевичъ, А. А. Жижиленко, А. А. Жилинъ, А. В. Завадскій, М. Д. Загряцковъ, И. А. Ильинъ, В. Л. Исаченко, Гр. Л. А. Камаровскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, В. А. Краснокутскій, П. И. Люблинскій, Н. А. Максимейко, В. С. Малченко, С. П. Мокринскій, В. М. Нечаевъ, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергаментъ, А. А. Піонтковскій, С. В. Познышевъ, І. А. Покровскій, Н. Н. Полянскій, Н. Н. Розинъ, С. Е. Сабининъ, Е. В. Спекторскій, Б. И. Сыромятниковъ, Л. Я. Тауберъ, Ѳ. В. Тарановскій, Е. Н. Темниковскій, И. Н. Трепицынъ, Князь Е. Н. Трубецкой, В. А. Удинцевъ, А. Н. Фатѣевъ, А. Н. Филипповъ, Б. Н. Фрезе, И. И. Чистяковъ, Л. В. Шалландъ, Г. Ф. Шершеневичъ, С. А. Шумаковъ, А. С. Ященко и др.

Журналъ **Вопросы права** выходитъ четыре раза въ годъ книгами, около десяти листовъ: въ февралѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Въ теченіе 1910 года были помѣщены слѣдующія статьи:

С. А. Муромцевъ. Александръ Федоровичъ Кистяковскій. **А. С. Алексѣевъ.** Ученіе о главѣ государства, какъ о суверенномъ органѣ въ современной конституціонной монархіи. **В. Л. Исаченко.** Осуществленіе права наслѣдованія. **А. Э. Вормсъ.** Реформа крестьянскаго землевладѣнія и гражданское право. Бар. **М. А. Таубе.** Современное международное положеніе папы въ связи съ идеей междувластнаго права [jus inter potestates]. Гр. **Л. А. Камаровскій.** Объ измѣненіяхъ Берлинскаго трактата. **Критика и библіографія: Б. А. Кистяковскій.** А. А. Чупровъ. Очерки по теоріи статистики; **С. А. Котляревскій.** В. И. Герье. Зодчіе и подвижники „Божьяго царства". Ч. I. Блаженный Августинъ; **С. А. Котляревскій.** Проф. баронъ Б. Э. Нольде. I. Очерки русскаго конституціоннаго права. II. Совѣтъ Министровъ.

А. С. Алексѣевъ. Начало верховенства права въ современномъ государствѣ. **П. И. Люблинскій.** Основныя черты условнаго досрочнаго освобожденія по закону 22 іюня 1909 г. **Д. С. Розенблюмъ.** Частно-правовыя черты надѣльнаго землевладѣнія. **В. С. Малченко.** Къ вопросу о слѣдствіяхъ по важнѣйшимъ дѣламъ. **А. В. Завадскій.** Измѣненія въ гражданскомъ судопроизводствѣ у участковыхъ судей. **Критика и библіографія.**

Отъ редакціи. † Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. **С. Муромцевъ.** Одиночная борьба и сотрудничество. **Гр. С. Л. Камаровскій.** Опека у крестьянъ. **Т. М. Яблочковъ.** Гражданская отвѣтственность дуэлянтовъ. **Рѣчь,** произнесенная Товарищемъ предсѣдателя Московскаго юридическаго общества Н. В. Давыдовымъ въ публичномъ засѣданіи Общества 11-го апрѣля 1910 г. **Протоколы** Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. **Критика и библіографія: А. С. Алексѣевъ.** А. С. Котляревскій. Правовое государство и внѣшняя политика. Москва. 1909 г. **А. И. Елистратовъ.** Алексѣй Боровой. Исторія личной свободы во Франціи. Томъ I. Старый порядокъ и революція. Ч. I, М. 1910, V—470 стр. Ч. II, М. 1910, II—254 стр. **Б. И. Сыромятниковъ** † В. И Сергѣевичъ. Л. А. Шалландъ. Безотвѣтственность депутатовъ по русскому праву (опытъ толкованія стт. 14 и 22 Учр. Г. Думы). **П. И. Астровъ.** Институтъ личнаго найма въ законѣ и жизни. **С. В. Познышевъ.** Къ вопросу о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. **Н Г. Вавинъ.** О зачетѣ обязательствъ. **В. Н. Ширяевъ.** Особые суды для подростковъ. **Протоколъ** чрезвычайнаго общаго собранія Московскаго Юридическаго Общества 28-го сентября 1910 г. **Критика и библіографія:** гр. **Л. А. Камаровскій.** С. А. Жигаревъ. Россія въ средѣ европейскихъ народовъ. С.-Петербургъ. 1910. VII+327 стр. **А. В. Горбуновъ.** А. И. Елистратовъ. Учебникъ Русскаго административнаго права. Выпускъ I. Стр. VI+94. Москва. 1910 г. **С. А. Шумаковъ.** С. В. Познышевъ. Венгерскія переходныя тюрьмы. Москва. 1910 г. **С. А. Шумаковъ.** С. В. Познышевъ. Дѣтская преступность и мѣры борьбы съ нею. Москва. 1911 г. **А. С. Тагеръ.** Л. А. Шалландъ. Безотвѣтственность и неприкосновенность депутатовъ во Франціи.—Историческ. развит. и современ. обоснованіе иммунитета. Юрьевъ. 1910.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ **6** руб. съ пересылкою и доставкою.

Цѣна отдѣльной книги **2** рубля.

Адресъ редакціи: Москва, Калошинъ пер., д. № 10.

Редакторъ-издатель *Г. С. Фельдштейнъ.*

S0041323
СФ СПбГУ